

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2020

ТОМ 6

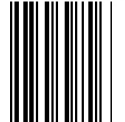
№ 23

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

20023 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осьмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2020
© Журнал «Неофилология», 2020

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2020

Т. 6, № 23

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 427

РУССКИЙ ЯЗЫК

Сенько Е.В., Цахилова Л.В. Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке 429
Саяхмет С.С., Туманова А.Б. Тезаурус как составляющая категории «языковая личность» 439

ОНОМАСТИКА

Щербак А.С., Елибаева Р.Д. Дифференциальный модус: его проявление в топонимике 448
Родина Н.А. Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих) 456

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аринова Б.Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода 463
Сивова Т.В. Лес в колористической картине мира К.Г. Паустовского 472

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская
Федерация, зарубежные страны

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Ответственный секретарь

И. В. Ильина

Редакторы:

М. А. Сенина, М. И. Филатова

Редактор английских текстов

В. В. Клочихин

Компьютерное макетирование

Т. Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т. О. Прокофьевой

Администратор сайта М. И. Филатова

Подписано в печать 20.07.2020

Выход в свет 02.09.2020

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 27,0

Усл. печ. л. 26,2

Тираж 1000 экз.

Заказ № 20127

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен

в объединённой редакции

научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета

в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный

университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. 216 с.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23

- Глазкова М.М., Вуколова В.С.** Функциональность динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в художественном тексте (на материале романа Захара Прилепина «Обитель») 483
- Щёлокова А.А.** Ошибки в категоризации рода при речепорочдении иностранцев, изучающих русский язык 496

ТЕКСТОЛОГИЯ

- Бурькин А.А.** К итогам дискуссии о фольклорной идентичности калмыцкой сказки из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина 503

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Каминская Ю.В., Толстоноженко О.А.** Стратегии формирования профессиональной репутации русских эмигрантов и писателей-самоучек 512

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Смирнов К.В.** Архетип Кору и его реализация в пьесе А.Н.Островского «Гроза» 521
- Сычёва Е.О., Серебряков А.А.** Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского 530
- Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В.** Тело и телесность в прозе Ивана Алексеевича Бунина (на материале рассказов) 541
- Колчанов В.В.** «Дьявольские лучи» в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: об одной модной литературной теме в научной фантастике 1920-х годов 548
- Козлов И.В.** Эволюция образов мужчин и женщин в системе персонажей научно-фантастических произведений братьев Стругацких 557
- Кудрякова Т.В.** Время детства и художественное пространство в поэзии Геннадия Айги 566
- Сорокина Н.В.** Пьесы Л.М. Леонова на сцене Тамбовского театра 573

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Shcheglova E.A.** “Media dictionary” as an instrument of national language consciousness study 585
- Prokofeva N.A.** Phatic meanings of key words in popular science journalism 591

РЕЦЕНЗИЯ

- Борода Е.В.** «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века 599

ПЕРСОНАЛИИ. К 60-ЛЕТИЮ З.К. ТЕМИРГАЗИНОЙ

- Токатова Л.Е., Агманова А.Е.** Парадигма жизни в науке: к 60-летию З.К. Темиргазинной 608

ПЕРСОНАЛИИ. ПАМЯТИ УЧЁНОГО ВЛАДИМИРА ГЕОРГИЕВИЧА РУДЕЛЁВА

- Костючук Л.Я.** Чем привлекательны грани научного и литературного творчества Владимира Георгиевича Руделёва 618
- Потанина Н.Л.** Концептуальные метафорические модели в лирике В.Г. Руделёва 625
- Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н.** В.Г. Руделёв и проблемы изучения традиционной народной культуры 632

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya (Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina (Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina (Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor I.M. Popova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2020
© The journal "Neophilology", 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2020

Vol. 6, No. 23

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Senko E.V., Tsakhilova L.V.** Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language 429
Sayakhmet S.S., Tumanova A.B. Thesaurus as a constituent of the category "language personality" 439

ONOMASTICS

- Shcherbak A.S., Elibaeva R.D.** Differential mode: manifestation in toponyms 448
Rodina N.A. Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel) 456

LANGUAGE STUDIES

- Arinova B.N.** Linguistic aspects of UK written judicial discourse: formal and substantive approach justification 463
Sivova T.V. Forest in K.G. Paustovsky's coloristic picture of the worldno 472

Subscription index in the catalogue
"Newspapers. Journals" of the Stock company
Agency "Rospechat" is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editors:

V.V. Klochikhin

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 20.07.2020

Vykhod v svet 02.09.2020

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 27,0

Usl. pech. l. 26,2

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 20127

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE "Derzhavin Tambov State University"

Original-maket podgotovlen

v ob'yedinennoy redaktsii

nauchnykh zhurnalov

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
"Derzhavinskiy" of FSBEI of HE
"Derzhavin Tambov State University".
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications
authors may not coincide with those of the
editorial

For citation:

Neophilology. 2020. Vol. 6, no. 23. 216 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23

- Glazkova M.M., Vukolova V.S.** Functionality of the dynamics of the concepts' content of STILLNESS, SILENCE, and PRATE in a literary text (based on the novel "Abode" by Zakhar Prilepin) 483
- Schelokova A.A.** Mistakes in gender categorization in speech production of foreigners studying Russian 496

TEXTOLOGY

- Burykin A.A.** To the results of the discussion about the folklore identity of the Kalmyk tale from "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin 503

LITERATURE STUDIES

- Kaminskaya Y.V., Tolstonozhenko O.A.** Strategies for building a professional reputation of Russian emigres and self-educated writers 512

RUSSIAN LITERATURE

- Smirnov K.V.** The Kore archetype and its implementation in the play by A.N. Ostrovsky "The Storm" 521
- Sycheva E.O., Serebryakov A.A.** Implementation of the aesthetic ideal in the "A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky 530
- Bugakova N.B., Popova Y.S., Sulemina O.V.** Body and physicality in the prose of Ivan Alekseyevich Bunin (based on stories) 541
- Kolchanov V.V.** "Diabolic rays" in the novel of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs": about one modern literary topic in science fiction of the 1920s 548
- Kozlov I.V.** Evolution of men and women images in the character system in science fiction works of the Strugatsky brothers 557
- Kudryakova T.V.** Childhood time and literary space in the Gennadiy Aygi's poetry 566
- Sorokina N.V.** L.M. Leonov's plays on the stage of Tambov theatre 573

CROSSCULTURAL COMMUNICATION

- Shcheglova E.A.** "Media dictionary" as an instrument of national language consciousness study 585
- Prokofeva N.A.** Phatic meanings of key words in popular science journalism 591

REVIEW

- Boroda E.V.** "An honest escape" of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century 599

**PERSONALIA. TO THE 60TH ANNIVERSARY
OF Z. K. TEMIRGAZINA**

- Tokatova L.E., Agmanova A.E.** The paradigm of life in science: to the 60th anniversary of Z.K. Temirgazina 608

**PERSONALIA. IN MEMORY OF THE SCIENTIST
VLADIMIR GEORGIEVICH RUDELEV**

- Kostyuchuk L.Y.** What is attractive about the facets of scientific and literary creativity of Vladimir Georgiyevich Rudelev 618
- Potanina N.L.** Conceptual metaphorical models in V.G. Rudelev's lyric poetry 625
- Makhracheva T.V., Loskutova D.N.** V.G. Rudelev and issues of the traditional folk culture study 632

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438
УДК 811.161.1

Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке

Елена Викторовна СЕНЬКО, Луиза Валерьевна ЦАХИЛОВА

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова»
362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>, e-mail: senkoelena@yandex.ru
E-mail: luzaluza@yandex.ru

Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language

Elena V. SENKO, Louise V. TSAKHILOVA

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
44-46 Vatutina St., Vladikavkaz 362025, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>, e-mail: senkoelena@yandex.ru
E-mail: luzaluza@yandex.ru

Аннотация. Проблематика работы связана с исследованием процесса заимствования, который в связи с протекающим на всех уровнях жизни российского общества процессом глобализации выдвигается на первый план как фактор современного языкового развития. В качестве предмета исследования рассмотрены лексические единицы, транслируемые в русскую языковую систему из японского языка. Источником исследования послужили словари иностранных слов, неографические справочники, а также толковые словари, отражающие языковые изменения. Кроме того использовались данные Национального корпуса русского языка и электронных СМИ, наиболее активно обеспечивающие вхождение иноязычий в русский язык. Материал представляет собой японские инолексемы, репрезентирующие разные варианты общенародного языка – стандарт (литературный язык) и субстандарт. Цель исследования – показать функциональные сдвиги в системе современного русского языка на примере японских слов, вошедших в русский лексический фонд и усиливших свою деривационную активность как показатель роста их креативных способностей в языке-реципиенте. Установлено, что словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке отражает, безусловно, процессы интернационализации и глобализации в речевой культуре и социуме, а также характерное для современного медийного словопроизводства активное сочетание исконных и иноязычных строевых элементов. Отмечено, что в настоящее время именно сфера интернет-коммуникации протезирует функционированию словарных инноваций и тем самым активизирует лексическую динамику русского языка, акцентируя соответствующую сторону его интернетизации.

Ключевые слова: актуализация; дериват; дериватор; деривационная активность; заимствование; словообразование; японизм

Для цитирования: Сенько Е.В., Цахилова Л.В. Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 429-438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438

Abstract. Problematics of the work is connected with the study of the borrowing process, which, due to the process of globalization taking place at all Russian society's levels of life, is highlighted as a factor of modern language development. As a subject of research, lexical units translated into the Russian language system from the Japanese language are considered. Research source are dictionaries of foreign words, neographic reference books, as well as explanatory dictionaries reflecting language changes. In addition, data were used from the Russian National Corpus and electronic media, which most actively provide the entry of a foreign language into the Russian language.

The material is Japanese foreign-language lexemes representing different versions of the common language – the standard (literary language) and the substandard. The aim of the research is to show the functional changes in the system of the modern Russian language on the example of Japanese words that are included in the Russian lexical fund and which strengthen their derivative activity as an indicator of their creative abilities' growth in the recipient language. It has been established that the word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language certainly reflects the processes of internationalization and globalization in speech culture and society, as well as the active combination of native and foreign combat elements characteristic of modern media production. It is noted that at present it is the sphere of Internet communication that protects the functioning of dictionary innovations and thereby activates the lexical dynamics of the Russian language, emphasizing the corresponding side of its Internetization.

Keywords: actualization; derivative; derivative; derivational activity; borrowing; word formation; japaneseism

For citation: Senko E.V., Tsakhilova L.V. Slovoobrazovatel'naya aktivizatsiya yaponskikh zaимstvovaniy v sovremennom russkom yazyke [Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 429-438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Общепризнано, что общественно-политические и этнопсихологические переломы, несомненно, обуславливают значительную интенсификацию процессов в системе того или иного языка. Лексика, в которой динамизм заложен как её онтологически присутствующее качество, занимает в этом отношении особое место, так как степени проявления лексической нестабильности и социальных сдвигов пропорционально зависят друг от друга. Данное обстоятельство объясняется таким изначально присутствующим лексике качеством, как непосредственная связь с объективной реальностью. В силу этого настоящий этап в жизни современной России, связанный с очень значительными переменами, обусловил соответствующие перемены в языковой картине мира.

В составе лексических категорий, которые активно влияют на мировоззрение современных носителей русского языка, безусловно, следует выделить новые иноязычия, которые транслируются в русскую языковую систему различными языками-донорами и представляют собой не что иное, как контр-сознание, ибо маркируют явно выраженные изменения ценностной системы современных носителей языка.

Русский язык всегда был демократичен по отношению к лексическим единицам, проникающим в его систему из разных языков-доноров, однако на общем фоне потока иноязычных слов в разные исторические

эпохи всегда наблюдалось предпочтительное отношение к тому или иному языковому донору. Сегодня английский язык, фактически ставший языком межнационального общения всего современного человечества, находится в центре мирового языкового внимания. Вместе с тем следует отметить сформировавшуюся и ставшую уже достаточно заметной конкуренцию англо-американского влияния и восточных языков-доноров; отметим при этом, что ориентализация характерна не только для русского языка; будучи характерной и для других языков, она приобретает интернациональный характер.

Изменения функционального типа в лексике современного русского языка достаточно активны, в силу чего данная проблема представлена в работах многих исследователей, в частности В.Г. Гака, А.И. Дьякова, Е.В. Скворецкой, Е.А. Земской, Н.Д. Кручинкиной, Е.В. Мариновой, Е.А. Потаповой, И.А. Стернина и др. Как правило, указанные системные изменения инолексем рассматриваются на англо-американском материале. Так, О.В. Милованова, опираясь на данные толковых словарей, исследовала процесс лексической актуализации в русском языке новейшего периода [1]. Е.В. Маринова подробно рассматривает новые явления в морфологии и словопроизводстве иноязычных слов [2]. В качестве предмета исследования актуализированной лексики выступает и её описание в лексико-тематическом аспекте [3], в общем контексте лексических процессов современного русского языка [4], с точки

зрения активности заимствованных морфем и особенностей их функционирования в русской языковой системе [5] и т. д. Отдельные работы посвящены восточным заимствованиям, в частности установлению категориального статуса заимствований из японского языка, анализу их функционирования и когнитивно-прагматических особенностей [6; 7], Р.И. Хашимов исследует реактивизацию восточной лексики [8].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель статьи – констатировать функциональные трансформации в современной языковой системе, используя в качестве фактического материала японские лексические единицы, вошедшие в русский лексический фонд и усилившие свою деривационную активность как показатель роста их креативных способностей в языке-реципиенте. Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные методы, в частности (наблюдение, рассуждение, сопоставление), так и специальные: описательно-синхронный, системно-структурный, метод деривационного анализа; для оценки результатов исследования использовались приемы количественной обработки данных. Источником выявления дериватов послужили толковые динамические словари, отражающие различные языковые изменения в современной русской лексической системе, словари иностранных слов, а также современные СМИ, в том числе электронные. Кроме того были использованы дериваты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка. Общий объём анализируемых японских вхождений, функционирующих как в русском стандарте, так и в субстандартном словарном составе, составил 125 лексических единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский язык всегда был «переимчивым и общежительным», отдавая при этом на разных этапах своей диахронии предпочтительное определённым языкам-донорам: немецкому, французскому, англо-американскому. В последнее время в группе «модных» языков появился японский язык; результат возникновения нового вектора языкового вкуса – уси-

ление японского влияния на русскую лексику. По данным лексикографических источников, японских слов в русском вокабуляре сравнительно немного, однако всё возрастающее в мире внимание к культурно-исторической жизни Японии способствует усилению экспорта японизмов в русский словарный состав. В настоящее время появились и другие, в частности социально-экономические, причины расширения сотрудничества России с восточными странами, в том числе с Японией. Указанное обстоятельство представляется особенно интересным, так как на мировой арене Япония предстает как государство, в известной степени обособленное, при этом удачно сохраняющее на фоне процесса глобализации свои национальные традиции и нравственные ценности. Сказанное способствует процессу актуализации восточных слов в современном русском языке, который свидетельствует об изменении характера функционирования слов как единиц системы.

В современных словарях приводится следующая дефиниция слова *актуализировать*: «Делать что-либо актуальным, злободневным» [9], то есть важным, существенным для данного момента. Исходя из данной дефиниции, можно сказать, что главным признаком актуализированной лексики является её социальная значимость в силу адекватности указанного словарного корпуса современным нравственным маркерам. В связи с этим формирование корпуса актуализированной лексики обеспечивают такие экстралингвистические и психологические факторы, как важнейшие социально-политические явления и ценности современной России. В частности, усиление значимости японских лексем в языковом сознании носителей русского языка выражается в том, что транслируемые в русскую языковую систему японские лексемы всё чаще приобретают статус механизма, обеспечивающего осуществление собственно номинативной функции словообразования, свидетельствующей в свою очередь о тех или иных качественных сдвигах в системной организации русской лексики. Словообразовательные процессы, обеспечиваемые японскими дериваторами, репрезентируют, с одной стороны, креативные способности японских деривационных единиц, а

с другой – подчёркивают актуальные фрагменты понятийной картины жизни современной России, то есть заимствуемые из японского языка слова, утрачивая изолированную позицию, изменяют свой статус в языке-реципиенте в силу вхождения обозначаемого ими денотата в российскую действительность. Не случайно исследователи современной деривации отмечают, что «в словообразователе маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия» [10, с. 222].

Словообразовательная активизация японских заимствований как один из механизмов стимуляции восточных неолексем представляется особенно значимой, так как она репрезентирует деривационное «сотрудничество» абсолютно разных по своей типологии языков. Несмотря на такие «типологические препоны», попадая в язык-реципиент и становясь частотными в речи, японские заимствования подчиняются русским словообразовательным нормам, начинают проявлять деривационные способности и становятся дериваторами для многих новых слов.

Главным порождающим механизмом для всех производных, возникших на базе японских лексем, является аффиксальная деривация, а именно суффиксация. Сказанное мотивируется тем, что аффиксальный дериват выступает и в качестве новой формы, и в качестве нового смысла, нового знания, благодаря тому, что в его структуре именно в суффиксе кодируется понятийное содержание.

Наиболее многочисленной группой японских дериватов являются названия субстантивного типа (75 примеров), что обусловлено их категориальным значением, то есть присущей им назывной функцией как словам субстанционального типа; это соответствует тому, что генезис инноваций прежде всего обусловлен необходимостью обозначать возникающие новые предметы.

В процессе деривации субстантивов наиболее востребованным предстает суффикс *-ист-*, в связи с чем основная группа дериватов представлена названиями лиц, которые мотивируются нарицательными существительными и называют лицо по сфере занятий, интересов, названных мотивирующим словом.

См., например: *кабуки* → *кабукист* «актер театра Японии, представляющего собой синтез пения, музыки, танца и драмы»: *Он полный бяка, который гнёт и крутит палки направо и налево, как кабукист с нунчаками... так он ещё наносит друзьям и соратникам глубокие личные оскорбления...* (Помогите модераторам! – Просмотр темы-СНК – Games//snk-gamts.netforums/viewtopic.php...); ...зная Альти, мы не можем знать наверняка, какие интриги сей кабукист плетёт (Чайочные воины: Пробуждение чайка. – Просмотр темы... // snk-games.netforums/viewtopic.php...);

оригами → *оригамист* «специалист по декоративно-прикладному искусству складывания фигурок из бумаги»: *Оно может объединять детский и взрослый интересы... восточные и западные традиции культуры. Оригамист – это профессия? Нет такой профессии. Оригами не считается профессиональной образовательной дисциплиной* (Национальный корпус русского языка);

суши → *сушист* «специалист по приготовлению блюда традиционной японской кухни из риса и различных морепродуктов, а также других ингредиентов»: *Суши – отдушина гурмана. Чем примечательны суши и как их готовят? На вопросы отвечает старший сушист ресторана «Якитория» Дмитрий Чичеров* (Национальный корпус русского языка).

Ср. также:

бонсай → *бонсаист* «мастер по выращиванию точной копии настоящего (иногда карликового) дерева в миниатюре»;

сашими → *сашимист* «кулинар, специализирующийся на изготовлении сашими, блюда национальной японской кухни, обычно изготавливаемого из филе разнообразных сортов рыб».

В дериватах, мотивированных субстантивами на конечную гласную *-и* (*й*), происходит совмещение суффикса *-ист-* с указанной финалью. Что касается дериватов, которые порождаются именами существительными, имеющими на конце основы другие гласные, то в соответствии с правилами русского словообразования последние в дериватах должны отсутствовать [11, с. 189]. Вопреки данному нормативному требованию японские лексеммы, как правило, демонстрируют наращение основ мотивирующих слов:

айкидо → *айкидоист* «тот, кто занимается айкидо, владеет приёмами японского боевого искусства как синтеза боевых искусств, философии и религиозных убеждений», *дзюдо* → *дзюдоист* «спортсмен, занимающийся дзюдо», *кататэ* → *кататэист* «специалист по кататэ», *кэндо* → *кэндоист* «профессионал в сфере боевого искусства японского фехтования на бамбуковых мечах», *нэцкэ* → *нэцкэист* «мастер по изготовлению миниатюрных скульптур, произведений японского декоративно-прикладного искусства, представляющих собой небольшой резной брелок», *отаку* → *отакуист* «фанат/человек, увлечённый в какой-либо сфере, не обязательно увлечение аниме», *ранобэ* → *ранобэист* «поклонник популярной японской литературы различных жанров, отличающейся преимущественно фантазийным сюжетом, обилием диалогов», *сумо* → *сумоист* «спортсмен, занимающийся сумо». Конечно, в данном словообразовательном типе есть и некоторые другие модельные варианты, например: *икебана* → *икебанист*, *кэндзю* → *кэндзист*, *рэндзю* → *рэндзист*, в которых финальные гласные в дериватах отсутствуют, но такие модели немногочисленны. Возможно, что свободное словообразовательное «поведение» японских дериваторов, при котором производство от существительных с финалью на гласный происходит без внешне выраженных изменений мотивирующей основы, обусловлено агглютинативным характером японского языка, где прилепы прикрепляются к основе слова механически.

Более редко присоединяются к основам японских слов суффиксы -ник-, -щик-, -ец-, порождая стилистически сниженные номинации: *аниме* «японская анимация» → *анимешник* «поклонник аниме», *отаку* → *отакушник* «фанат»; *дорама* «название телесериалов, выпускаемых в Восточной Азии» → *дорамщик* «любитель дорам», *косплей* «реинкарнация в различные роли, заключающаяся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературных произведений, комиксов, аниме, манги» → *косплейщик* «человек, увлекающийся косплеем»; *караоке* «развлечение, заключающееся в любительском пении с использованием устройства, позволяющего петь под

заранее записанную музыку; также само устройство» → *караокевец* «любитель караоке».

См., например: *Что означает слово «дорамщики»? Последнее время часто слышу это слово в сети, «дорамщик», кто они? Как оказалось, словом дорамщик определяют людей – любителей японских телевизионных сериалов... (Что означает слово «дорамщики»? // bolshoyvopros.ru/question/769974...doramshiki...); Отакушник, это кто такой? Обозвали меня таковым... вот не знаю, радоваться или обижаться (Ответы@Mail.ru. Отакушник... // otvet.mail.ru/question/69261205).*

Низкая порождающая способность суффиксов -ник-, -щик-, -ец- обусловлена тем, что данные форманты специализируются, как правило, на порождении наименований лиц по их социальной деятельности, а не по признаку «сфера личных интересов» [4, с. 103-104].

Следует заметить, что в процессе производства личных наименований можно констатировать способность дериватора порождать варианты номинации с тождественным лексическим значением; см., например: *айкидоист* и *айкидошник* (*айкидошник*, *айкидист*, *айкидёр*), *кататист* и *кататэист*, *караокевец* и *караокер*, *косплейщик* и *косплеер*. Конечно, такая вариативность сохраняется на первых этапах функционирования чужого слова в русской языковой системе, что является вполне оправданным с точки зрения степени его адаптации в языке-реципиенте: *Оказывается, наш герой не только кататист, бизнесмен, политолог, но ещё и знатный филолог и историк (Национальный корпус русского языка); А вот как называть крутого парня в кимоно, так до конца и не решили: кататист, кататэист, кататэдоист, кататэка или кататэка-дока (Национальный корпус русского языка).*

Имена признаков – второй показатель порождающих возможностей транслируемых в русский язык японских лексем (50 примеров). Данное обстоятельство представляется вполне закономерным, так как среди новых дериватов, как уже указывалось, преобладают имена существительные, для которых первая деривационная ступень в порождении нового слова есть производство относительного прилагательного. Такого типа имена

признаков, употребляясь в речи, отражают разнообразные связи реалий, обозначенных производящими субстантивами, в связи с этим значения относительных имен прилагательных носят разный характер, мотивируемый лексическим значением производящего имени существительного. Как отмечала Е.А. Земская, новые относительные имена прилагательные, появившиеся в русской лексике в конце XX века, имеют следующие актуальные семы: «предназначенный для того, что выражено производящим словом», «сделанный из...»; дериваторами такого рода относительных прилагательных являются имена существительные, имеющие значение отвлечённого действия или же представляющие собой названия различных материалов [4, с. 126].

Адъективы, порождённые актуальными для русского языка первой четверти XXI века японскими заимствованиями, демонстрируют несколько иную словообразовательную картину. Среди дериватов главную роль играют прилагательные со значением «относящийся к лицу или к конкретному предмету»: *Швейцария – это ухуженный клон «Интера»... Два раза за весь матч швейцарцы ...забили какой-то сумоистский гол...* (Национальный корпус русского языка); *Это трактуется как грубость и наказывается двухминутным штрафом. Каратистский удар Нестерова не тянул на матч-штраф? Нет. Это тяжёлый случай для арбитра* (Национальный корпус русского языка); *Лучшими сортами сакэйного риса считаются «Ямоду нисики» и «Омати»* (Сакэ // fudz.ru post/3063); *Этот сад великолепен в любое время года. ...Сакурные деревья в пору своего цветения придают саду особый колорит* (Цветение сакуры в Японии, праздник любования сакурой // comfortasia.net>misc>tsvetenie-sakury-3233).

Как показывают наши материалы, производные имена признаков тоже образуются суффиксацией. Используются регулярные русские суффиксы -н-, -ов-, -ск-. Среди них наибольшую продуктивность демонстрирует суффикс -н-, который чаще всего присоединяется к производящей основе иноязычного неодушевленного имени существительного: *айкидошная практика, самооборона (от айкидо), бонсайный горшок, грунт (от бонсай),*

васабийный соус, цвет (от васаби), кавайный сувенир, товар (от кавай), касплейный костюм, магазин (от касплей), мангашный персонаж, рисунок (от манга), рэндзийный мир, рэндзийная теория (от рэндзю), сакурный лес, пейзаж, период (от сакура), сакэйный завод, рис (от сакэ), сапанный вагон, путь (от сапан), якудзийный переводчик, якудзинская солидарность (от якудза) и др.

Менее продуктивны суффиксы -ск- и -ов-; первый используется в процессе деривации адъективов от одушевлённых имён существительных; второй, как и суффикс -н-, – от субстантивов противоположного лексико-грамматического разряда;

см., например: *кэндоист → кэндоистский, икебанист → икебанистский, сумоист → сумоистский, ниссан → ниссановый, мазда → маздовый: Правила составления икебаны не пятиминутное дело, этому и вправду учатся долго, некоторые всю свою жизнь, хотя каждый икебановый учебник напоминает, что «глаз и сердце творца букета не должны быть в рабском плену у правил»* [Икебана – арт для души и постижение дзена: // cheaptrip...cheaptrip.livejournal.com>...].

В процессе словообразования может наблюдаться такая особенность суффиксальной деривации, как параллельное возникновение на базе одной и той же иноязычной лексической единицы имён признаков, различающихся словообразующими формантами:

-н- и -ов-: *маздашный – маздовый, ниссановый – нисанный, сапанный – сапановый (маздовый автосалон, автодром, дилер и маздашный (ая) мотор, навигация);*

-ск- и -н-: *айкидоистский – айкидошный, бонсаистский – бонсайный, икебанистский – икебановый (см., например: айкидоистский термин, айкидоистская техника и айкидошная практика, самооборона).*

Следует, однако, отметить, что подобные параллельные образования не всегда являются дублетными, поскольку отличаются не только формально, но и семантически: образования с суффиксом -ск- имеют значение «относящийся к лицу», а с суффиксом -н- – «относящийся к явлению»; ср.: *бонсаистский подвиг, бонсаистское пособие и бонсайный горшок, грунт; икебанистский мир и икебановый пейзаж, учебник.*

Новые прилагательные, расширяя сочетаемость характеристики слов, ведут к обновлению синтагматических отношений в системе русского языка, а также в свою очередь становятся производящей базой для словопроизводства. В результате возникают новые словообразовательные гнезда. Например, среди поклонников аниме очень популярно слово *кавай* «букв. милый, славный» (встречается также вариант написания: *кавайи*). Производящие способности данного японизма реализовались в целом ряде дериватов: *кавайный, некавайный, кавайненько, кавайист, кавайить*, не имеющих соответствий в японском языке (А.Х. Габдуллина): *Исторически же, кавайная одежда появилась именно на Руси, шапка-ушанка тому доказательство...* (Кавай –Lurkmore // lurkmore.to)Кавай).

На базе популярного термина *аниме* в русской речи возникли родственные *анимешник и анимешница, анимка* (собрание анимешников) и *анимешничать* (совершать какие-либо действия по отношению к аниме, например, обсуждать аниме (А.Х. Габдуллина)).

Не осталось в стороне и популярное у поклонников аниме слово *ня*, соответствующее русскому звукоподражанию *мяу*, которое в силу языковой моды стало прибавляться к любому высказыванию, что привело к возникновению на русской почве глагола *някать*. Кроме данного глагола, в словообразовательном гнезде представлены ещё имена существительные *няка, няк или няшка* и имя прилагательное *няшный*, соответствующие словам *симптяга, милый, прелестный*: *Дело в том, что в японском «ня» – это вариант кошачьего «мяу», так они называют всё умиленное. В русский язык в связи с популярностью аниме проникло сначала само «ня», а потом появились и его производные: «няша», «няшный». Причём последние словоформы прижились лучше оригинала* (Национальный корпус русского языка).

Вершины приведённых новых словообразовательных гнезд – иноязычные слова, но сами словообразовательные гнезда являются исконными в силу того, что образованы дериватами, возникшими на русской почве. Тем не менее вершины данных гнезд в русском языке выходят за пределы лексической нормы, хотя в языке-доноре они являются общеупотребительными.

Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке отражает, безусловно, процессы интернационализации и глобализации в речевой культуре и социуме, однако можно говорить ещё об одной наметившейся тенденции, обусловленной характерным для современного медийного словопроизводства сочетанием исконных и иноязычных словообразовательных элементов. Действительно, в процессе деривации от японских производящих основ во многих случаях используется русский строительный материал (суффиксы -н-, -ов-, -овец-, -ск-), а также исконные суффиксальные модели русского языка, которые «несут на себе характерный отпечаток именно исконно русских, культурно-обусловленных способов языковой концептуализации мира» [12, с. 27]. Возможно, следует высказать мысль о «строевой креализованности» на словообразовательном уровне современной русской языковой системы (ср. [13]).

Кроме того, можно отметить действие ещё одного вектора современной лексической динамики в системе русского языка. Как показывают наши материалы, подавляющее большинство дериватов, возникших на базе японских заимствований, активно функционирует в особой коммуникативной среде, а именно в сфере интернет-коммуникации. Данное обстоятельство говорит о том, что не только традиционные СМИ, заметно изменившие свой характер, но и новые формы коммуникации XXI века (в частности, Интернет) приобретают явно выраженную актуальность и вливают в уже привычные словообразовательные типы свежий словарный материал (ср. также: [14; 15, с. 49]). Результат данного процесса – проникновение в кодифицированные области коммуникации единиц языковой периферии, в частности того или иного субстандарта. А.Х. Гаюдуллина отмечает, что «данный процесс активно прогрессирует: за несколько десятилетий количество субстандартных японизмов, вошедших в лексикон российской и европейской молодежи, превзошло общее количество заимствований из японского языка за прошедшие сто пятьдесят лет» [7, с. 266]. Сказанное представляется вполне объективным явлением; еще Л.В. Щерба отмечал, что «именно... высказывания с отметкой «так не

говорят», которые он называл «отрицательным языковым материалом», представляют одну из главных частей инвентаря любого языка» [16, с. 48]. По словам Л.В. Щербы, роль такого некодифицированного материала очень значительна: именно этот материал «грызёт норму», то есть является основным механизмом языковой динамики. Следовательно, в настоящее время интернет-коммуникации играют главную роль в лексической динамике русского языка. Однако в данном случае речь идёт не об интенсивном пополнении русского вокабуляра лексическими единицами интернет-жаргона, а о том, что именно данная сфера коммуникации активно протежирует функционированию словарных инноваций (хотя указанные две функции интернет-общения, безусловно, взаимообусловлены, о чём свидетельствует материал сравнительно недавно вышедшего «Словаря языка Интернета.ру») [17]. Следовательно, можно говорить о новой стороне «интернетизации» русской лексики.

ВЫВОДЫ

Таким образом, трансляция японских слов в лексическую систему русского языка

заметно интенсифицировалась, что обусловлено социально-политическими и психологическими факторами языкового развития. Изменяющиеся действительность и мировосприятие, требуя новых наименований, активизируют, в свою очередь, определённые звенья словообразовательной системы языка, обеспечивая сложные и многообразные отношения единиц разных языковых систем, репрезентирующие социальные и этнокультурные предпочтения, отражённые в языке-реципиенте. Наряду с традиционными СМИ, модернизированными в соответствии с требованиями времени формально и содержательно, интернет-коммуникации являются наиболее активной сферой функционирования производных инноваций, в том числе субстандартного характера. Протежируя коммуникативной целесообразности последних, они тем самым играют главную роль в лексической динамике современного русского языка. Это свидетельствует о функциональной «интернетизации» русской лексики, обуславливающей в свою очередь мысль об активизации «строевой креализованности» на словообразовательном уровне современной русской языковой системы.

Список литературы

1. Милованова О.В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода: по материалам толковых словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 23 с.
2. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 399-403.
3. Дворцова А.Н. Китайские заимствования в русском языке // Взаимодействие языков и культур: доклады 4 Междунар. науч. конф. Череповец, 2017. С. 63-69.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 90-141.
5. Потапова Г.А. Функционирование иноязычных морфем в русском языке на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.
6. Габдуллина А.Х. Категориальный статус заимствований из японского языка // Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России и за рубежом: доклады 2 Междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2015. С. 35-38.
7. Габдуллина А.Х. Японские заимствования в современном информационном пространстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 259-268.
8. Хашимов Р.И. Восточная лексика и её реактивизация // ФИЛОЛОГОС. 2012. № 1. С. 102-109.
9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2020. 416 с.
10. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
11. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

12. Радбиль Т.В., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33-38.
13. Тумакова Е.В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 13-19.
14. Маркова С.М. Роль СМИ в креативизации лексики современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 18.04.2020).
15. Рацибурская Л.В., Торонкина В.А. Актуальные коммуникативные тенденции в современном медийном словотворчестве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 41-51.
16. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
17. Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н. и др. Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-Пресс, 2016. 287 с.

References

1. Milovanova O.V. *Aktualizirovannaya leksika russkogo yazyka noveyshego perioda: po materialam tolkovykh slovarey: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Actualized Vocabulary of the Russian Language of the Latest Period: Based on Materials from Explanatory Dictionaries: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2001, 23 p. (In Russian).
2. Marina E.V. Adaptatsiya inoyazychnoy leksiki na sovremennom etape: novyye yavleniya i tendentsii [The adaptation of foreign vocabulary at the present stage: new phenomena and trends]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 6-2, pp. 399-403. (In Russian).
3. Dvortsova A.N. Kitayskiye zaimstvovaniya v russkom yazyke [Chinese borrowings in the Russian language]. *Doklady 4 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur»* [Proceedings of the 4th International Scientific Conference “The Interaction of Languages and Cultures”]. Cherepovets, 2017, pp. 63-69. (In Russian).
4. Zemskaya E.A. Aktivnyye protsessy sovremennogo slovooproizvodstva [Active processes of modern word production]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, 2000, pp. 90-141. (In Russian).
5. Potapova G.A. *Funktsionirovaniye inoyazychnykh morfem v russkom yazyke na rubezhe XX–XXI vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Functioning of the Foreign-Language Morphemes in the Russian Language at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014, 24 p. (In Russian).
6. Gabdullina A.K. Kategorial'nyy status zaimstvovaniy iz yaponskogo yazyka [Categorical status of borrowings from the Japanese language]. *Doklady 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sostoyaniye i perspektivy lingvisticheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii i za rubezhom»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “The State and Prospects of Linguistic Education in Modern Russia and Abroad”]. Ulyanovsk, 2015, pp. 35-38. (In Russian).
7. Gabdullina A.K. Yaponskiye zaimstvovaniya v sovremennom informatsionnom prostranstve [Japanese borrowing in the modern information space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, no. 3, pp. 259-268. (In Russian).
8. Khashimov R.I. Vostochnaya leksika i ee reaktivizatsiya [Oriental vocabulary and its reactivation]. *FILOLOGOS – PHILOGOS*, 2012, no. 1, pp. 102-109. (In Russian).
9. Krysin L.P. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow, AST-Press Publ., 2020, 416 p. (In Russian).
10. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Language Picture of the World Through the Prism of Word Formation (Macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).
11. Shvedova N.Y. (chief ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 783 p. (In Russian).
12. Radbil T.V., Ratsiburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nyye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennoy russkom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt [Word-building innovations based on bor-

- rowed elements in modern Russian: a linguocultural aspect]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2017, no. 2, pp. 33-38. (In Russian).
13. Tumakova E.V. Kreolizovannyi tekst v khudozhestvennom i mediynom diskurse [Creolized text in art and media discourse]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2016, no. 2, pp. 13-19. (In Russian).
 14. Markova S.M. Rol' SMI v kreativizatsii leksikona sovremennoogo russkogo yazyka [The role of the media in the creation of the vocabulary of the modern Russian language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University*, 2017, no. 1. (In Russian). Available at: <http://www.evestnik-mgou.ru> (accessed 18.04.2020).
 15. Ratsiburkaya L.V., Toropkina V.A. Aktual'nyye kommunikativnyye tendentsii v sovremennoy mediynom slovotvorchestve [Actual communicative trends in modern media creation]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya – IKBFUs Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, and Psychology*, 2019, no. 2, pp. 41-51. (In Russian).
 16. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 427 p. (In Russian).
 17. Krongauz M.A., Litvin E.A., Merzlyakova V.N. et al. Slovar' yazyka interneta.ru [Dictionary of the Internet Language.ru.]. Moscow, AST-Press Publ., 2016, 287 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сенько Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация. E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Вклад в статью: концепция и разработка исследования, составление и коррекция содержания статьи, анализ данных и их интерпретация, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>

Цахилова Луиза Валерьевна, магистрант, кафедра русского языка. Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация. E-mail: luzaluza@yandex.ru

Вклад в статью: сбор данных, анализ полученных результатов, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Сенько Елена Викторовна
E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Elena V. Senko, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department. North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation. E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Contribution: study conception and development, manuscript content compilation and correction, data analysis and interpretation, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>

Louise V. Tsakhilova, Master's Degree Student, Russian Language Department. North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation. E-mail: luzaluza@yandex.ru

Contribution: data acquisition, obtained results analysis, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena V. Senko
E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Received 28 April 2020
Reviewed 14 May 2020
Accepted for press 22 May 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447
УДК 811.161.1

Тезаурус как составляющая категории «языковая личность»

Салика Санатқызы САЯХМЕТ, Айнакуль Бектасовна ТУМАНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-2830>, e-mail: saya_0608@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Thesaurus as a constituent of the category “language personality”

Salika S. SAYAKHMET, Ainakul B. TUMANOVA

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-2830>, e-mail: saya_0608@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Посвящено описанию термина «тезаурус» как составляющей категории «языковая личность». Представлен краткий обзор научной информации, посвящённой формированию значений и статуса данных терминов в современной лингвистике. Обоснована мысль о том, что в практике жизни общества отмечается стремление у обучающихся к выявлению, уточнению и пониманию огромного количества терминов, связанных с современными реалиями жизни (глобализация, интеграция, информатизация, вестернизация и др.). Подчёркнуто, что в сфере профессиональной подготовки специалистов особую актуальность приобретают современные терминологические словари, в частности специальные словари – тезаурусы. Особо отмечена необходимость повышения качества подготовки будущего специалиста на основе формирования и совершенствования его тезауруса как одной из важных составляющих языковой личности.

Ключевые слова: тезаурус; языковая личность; термин; специальный словарь; профессиональная подготовка

Для цитирования: Саяхмет С.С., Туманова А.Б. Тезаурус как составляющая категории «языковая личность» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 439-447. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447

Abstract. The work is devoted to the description of the term “thesaurus” as a constituent of the category “language personality”. We present a brief overview of scientific information on the formation of the meanings and status of these terms in modern linguistics. The idea is substantiated that in the practice of society’s life there is a desire among students to identify, clarify and understand a huge number of terms related to the modern realities of life (globalization, integration, informatization, westernization, etc.). We emphasize that modern terminological dictionaries, especially special dictionaries - thesauruses, are becoming particularly relevant in the field of specialists’ professional training. We emphasize the need to improve the training quality of future specialists based on the formation and improvement of their thesaurus as one of the important language personality components.

Keywords: thesaurus; linguistic personality; term; special dictionary; professional training

For citation: Sayakhmet S.S., Tumanova A.B. Tezaurus kak sostavlyayushchaya kategorii «yazykovaya lichnost’» [Thesaurus as a constituent of the category “language personality”]. *Neophilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 439-447. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известно, что в практической речевой деятельности человеку свойственно выявлять и уточнять значения новых слов/терминов, связанных с меняющимися реалиями жизни, понимать их с целью правильного использования в речи. В процессе же учебной деятельности обучающийся закономерно сталкивается с необходимостью изучения и знания большого количества терминов общенаучного и узкоспециального характера. Поэтому естественно отмечается частотность обращения носителей языка к лексикографическим источникам различного рода (толковым, иностранным, терминологическим и др.).

Особую значимость словари имеют в сфере профессиональной подготовки будущих специалистов: в ходе формирования профессиональной компетенции. В условиях интенсивного развития современных процессов в обществе и науке (глобализации, интеграции, информатизации, модернизации, вестернизации и др.) актуальность приобретают терминологические словари, в частности словари, представленные на основе содержания новых научных знаний и направлений, а также появившихся научных направлений прикладного характера. С целью повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов, на наш взгляд, необходимо глубоко и всестороннее разрабатывать специальные (терминологические) словари. В этой связи изучение тезауруса как одного из видов лексикографических источников по профилю специализации представляет научный интерес.

Современные словари лингвистических терминов дают описание важнейших терминов грамматики и других разделов науки о языке. Данные словари оказывают лингвистам и преподавателям-словесникам конкретную помощь, помогая ориентироваться в специальных изданиях. Наиболее полным по содержанию и объяснению терминов считается «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (Москва, 2004). В нём представлено 7000 терминов из разных лингвистических дисциплин. Достоинством данного словаря является то, что в нём есть не просто сопровождающийся перевод на английский язык, но и соответствия на французском, не-

мецком и испанском языках. Примечательно, что в словаре даны толкования терминов, иллюстрации их употребления и примеры. Важно отметить, что в приложении можно найти основные понятия теории стихосложения. Данный словарь отражает терминологический аппарат лингвистической науки 50–60-х гг. прошлого столетия.

Для учителей русского языка наиболее востребованным словарем считается «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (Москва, 1985). В нём в доступной форме даётся толкование 2000 наиболее употребительных в учебной и методической литературе лингвистических терминов.

С позиций антропоцентризма и интеграции современных научных направлений в настоящее время востребованным признаётся «Краткий словарь лингвистических терминов» Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича, в нём представлено 1500 терминов традиционного и современного языкознания (Москва, 2003). Словарь включает термины новых лингвистических дисциплин, не представленных ранее в словарях лингвистических терминов (например, термины психолингвистики, контрастивной лингвистики и др.), отмечает многозначность некоторых терминов, их дериваты. В комментариях к словарной статье приводятся примеры данного языкового явления применительно к русскому языку.

Особо следует отметить «Экспериментальный системный толковый словарь» С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой, который является одним из новых типов современного терминологического словаря (Москва, 1996). Он представлен в форме исследования лингвистической терминологии, систематизированном в словарь. В данный словарь включены 106 статей, содержащих термины лингвистической поэтики. Неповторимость данного словаря в том, что в нём даётся комплексное описание термина как слова профессионального лингвистического текста и как члена терминологической системы. Главные задачи определены авторами следующим образом: 1) эксплицировать системность терминологии, а через неё – структуру соответствующей предметной области; 2) помочь читателю лингвистической лите-

ратуры понять смысл неясного или неизвестного термина; 3) научить читателя активно пользоваться специальным языком. Таким образом, словарь является не только способом представления терминологии, но и способом её исследования и правильного использования.

Одним из современных терминологических словарей можно назвать и «Словарь социолингвистических терминов» казахстанских учёных Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Ж.С. Смагуловой, Д.Х. Акановой (Алматы, 2008; 2020). В словарь вошло 650 терминов, представляющих основной концептуально-понятийный аппарат социолингвистики, методики и методологии социолингвистических исследований. Каждая словарная статья содержит «взаимные отсылки», предназначенные для уточнения отношений в терминосистеме данного научного направления.

Понятно, что в сфере профессиональной подготовки специалистов высока роль терминологических словарей, в частности специальных словарей – *тезаурусов*.

Цель статьи – рассмотреть всесторонне особенности *тезауруса* как важной составляющей языковой личности и наметить перспективы дальнейших исследований.

ТЕЗАУРУС И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

1. В условиях глобализации и интеграции в современном мире наблюдается возрастание интенсивности информационного потока, создающего определённые трудности ориентации в большом объёме научной, научно-публицистической, учебно-специальной информации. В этой связи в решении профессиональных задач для специалистов оказываются недостаточными общедоступные и общеизвестные лексикографические источники, необходимо обращаться и к *тезаурусам*. Приведём краткие сведения о толковании термина «тезаурус». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова даётся широкое определение данного слова: «Тезаурус – словарь, стремящийся дать описание лексики данного языка во всём объёме и полноте» [1, с. 1150]. С момента появления первого *тезауруса* (XIII в.) [2, с. 30] и до настоящего времени наблюдается процесс по-

стоянного совершенствования данного типа словаря; *тезаурус* применяется в разных сферах знаний и пользуется популярностью в научном мире. Так, в «Большой энциклопедии» рассматриваемое понятие поясняется информацией о том, что «тезаурусом в узком смысле слова может быть только словарь к заранее определённого составу письменных памятников. Такие тезаурусы по принципу отбора слов обычно противопоставляются нормативным словарям» [3, с. 391]. А в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» говорится, что «в теоретическом отношении тезаурус является одной из возможных моделей семантической системы лексики и используется как «средство обогащения индивидуального словаря пишущего» [4, с. 501].

В филологической науке под *тезаурусом* понимается компонент словарного типа, где все значения слов связаны семантическими отношениями между собой и отражают ключевые соотношения понятий в определённой предметной области (А.П. Евгеньева, С.И. Ожегов, Л.П. Крысин, В.Д. Стариченок и др.).

Наиболее полное определение термина «тезаурус», на наш взгляд, дано в «Словаре русского языка»: «Тезаурус, в общем смысле – специальная терминология, более строго и предметно – словарь, собрание сведений, корпус или свод полномерно охватывающие понятия, определения и термины специальной области знаний или сферы деятельности, что должно способствовать правильной лексической, корпоративной коммуникации (пониманию в общении и взаимодействии лиц, связанных одной дисциплиной или профессией); в современной лингвистике – особая разновидность словарей, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы и др.) между лексическими единицами. Тезаурусы являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей» [5, с. 688]. В нашем исследовании данное определение понятия *тезауруса* нами берётся за основу.

2. Известно, что язык отражает объективно существующий мир – картину мира – знаковым образом. В центре картины мира находится индивид/субъект – *языковая личность* со своими мыслями, характером,

уровнем интеллекта, образования, особенностями культуры, воспитания и др.

Впервые обращение к *языковой личности* обнаруживается в трудах И. Вайсгербера, затем в исследованиях русских учёных: В.В. Виноградова (личность автора и личность персонажа), А.А. Леонтьева (говорящая личность).

В современной науке существуют разные подходы к описанию *языковой личности*: русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), словарная языковая личность (В.И. Карасик), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), этносемантическая языковая личность (С.Г. Воркачев), эпистолярная (конкретная, реальная) языковая личность (Н.И. Гайнуллина, О.Ф. Кучеренко) и др.

Разработка понятия *языковой личности* и создание её модели принадлежит Г.И. Богину, который рассматривает человека с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [6, с. 4]. Однако его модель построена на основе дидактического подхода, учитывающего познавательную деятельность человека обучающего. Отсюда его модель вся насквозь герменевтична, поскольку углубляется в область познания и понимания производимых языковой личностью текстов. Иной ракурс интерпретации *языковой личности* задан в русистике трудами Ю.Н. Караулова, определяющего языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, которые могут отличаться целевой направленностью, уровнем структурно-языковой сложности, глубиной отражения действительности. Он представил четкую систематизацию структуры *языковой личности*. В его понимании *языковая личность* представляет собой совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определённой целевой направленностью. По мнению Ю.Н. Караулова, *языковая личность* имеет три структурных уровня: 1) вербально-семантический (отражение степени владения бытовым языком); 2) когнитивный уровень (отражение её

тезауруса, культуры); 3) прагматический уровень (связь с мотивами и целями, движущими развитием языковой личности) [7, с. 45]. Следует отметить ещё одно утверждение исследователя о том, что *языковую личность* следует трактовать не только как часть объёмного и многогранного понимания личности в психологии, не как ещё один из ракурсов её изучения, наряду, например, с «юридической», «экономической», «этической» и т. п. «личностью», а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через её язык, её дискурс [7, с. 46].

Понятие *языковой личности* многие учёные рассматривают под разным углом. С точки зрения С.Г. Воркачева, – это «закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определённого языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отражённых в словаре – личность словарная, этносемантическая» [8, с. 65]. К другому определению понятия *языковая личность* приходит В.В. Воробьёв, который находит связь языка с индивидуальным сознанием личности, его мировоззрением. Учёный указывает на то, что любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. Речь является отражением внутреннего мира человека, служит источником знания о его личности. Здесь очевидно, что «человека нельзя изучить вне языка», так как даже с обывательской точки зрения трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит. Однако также нельзя рассматривать «язык в отрыве от человека», так как без личности, говорящей на языке, он остаётся не более чем системой знаков. Этой мыслью учёный подтверждает суждение о том, что «о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощённой в языке» [9, с. 79].

В науке установлено, что каждая *языковая личность* начинается с когнитивного (когнитивно-семантического) и прагматического уровней, где проявляется её индивиду-

альность, неповторимость. Обратимся к исследованиям казахстанского учёного Н.И. Гайнуллиной, посвящённым категории *языковой личности* (языковой личности Петра I). По мнению профессора, *языковую личность* в прошлом «можно восстановить и изучить только через такие семиотические построения, запечатлевшие языковую личность, как письменные тексты, в которых отразилась речевая деятельность человека в прошлом», собранных за длительный промежуток времени. Ею предложено такой набор текстов, принадлежащих конкретной исторической личности, называть дискурсом. В этой связи учёный вполне справедливо предлагает «различать реальную языковую личность и языковую личность художника слова – писателя, поэта, который реализует в своём творчестве художественную языковую личность» [10, с. 12]. Далее Н.И. Гайнуллина утверждает, что в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т. п., которые на синтагматическом уровне (тексты) позволяют говорить о семантике того или иного слова и тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста (уровень знания, лингвокогнитивный уровень). Ассоциации парадигматического характера, которыми обладают потенциально все слова того или иного языка, оказываются нарушенными инициативой самой языковой личности переключаться в область субъективного, асистемного. В таких случаях проявляется уникальность, экспрессивность дискурса, в котором отображается индивидуальная картина мира пишущего/говорящего, субъективное мировидение [10, с. 14]. Продолжая данную мысль профессора Н.И. Гайнуллиной, А.Б. Туманова пишет, что языковая личность оказывает существенное влияние на выбор формы речи, на подбор языковых средств, что, безусловно, мотивировано особенностями культурно-исторической обстановки, в которой языковая личность создавала свой дискурс, «упакованный» в тексты [11, с. 97-98].

А.П. Седых выделяет три уровня рассмотрения *языковой личности*: вербально-семантический, когнитивный, мотивационный. На вербально-семантическом уровне рассматриваются слова и их значения. На

когнитивном – концепты. Высшим уровнем является мотивационный, так как этот уровень отвечает на вопрос, с какой целью писатель использует в своём тексте именно эти слова и когнитивии, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте [12, с. 205]. В этой связи В.А. Маслова справедливо, на наш взгляд, оценивает многоуровневую модель языковой личности как отражающую обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Исходя из этого, исследователь приводит следующее определение: «языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения» [13, с. 119].

Обобщая имеющиеся в науке точки зрения о структуре *языковой личности*, отметим, что в плане содержания данной категории можно выделить следующие компоненты: 1) мировоззренческий (ценностный) компонент (образование языкового образа мира и системы духовных представлений, формирующих национальный характер); 2) культурологический компонент (формирование навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации); 3) личностный компонент (наличие глубинного, индивидуального) и др. Анализ подобных параметров *языковой личности* позволит определить уровень её образованности, социальное положение или окружение, тип характера, национальный характер и т. п. В задачи нашего исследования входит рассмотрение проблемы повышения уровня образованности (в частности приобретения профессиональных знаний) *языковой личности* обучающегося в вузе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Казахском национальном университете имени аль-Фараби с целью повышения качества профессиональной подготовки бу-

дущих специалистов (в частности будущих филологов) преподавателями кафедры русской филологии и мировой литературы факультета филологии и мировых языков были разработаны новые Каталоги дисциплин по образовательному направлению специальностей «Русский язык и литература» и «Русская филология» (Алматы: КазНУ, 2019). Данные каталоги утверждены на уровне Министерства образования и науки Республики Казахстана (Нур-Султан, 2019).

Приведём для иллюстрации перечень дисциплин по одной из специальностей – «Русский язык и литература»: «Концепции современной филологической науки (лингвистики/литературоведения)» (базовый цикл, вузовский компонент), «Инновационные методики преподавания русского языка в высшей школе» (базовый цикл, компонент по выбору), «Типология методов научного исследования» (профилирующий цикл, вузовский компонент), «Методика подготовки научных публикаций» (профилирующий цикл, компонент по выбору), «Научно-исследовательское проектирование в лингвистике» (профилирующий цикл, компонент по выбору)¹.

В качестве примера приведём описание предметов. Дисциплина базового цикла «Концепции современной филологической науки (лингвистики/литературоведения)».

Пререквизиты:

- Философия;
- Введение в литературоведение;
- Теория литературы;
- Лексикология;
- Морфология;
- Синтаксис.

Постреквизиты:

- Дисциплины литературоведения/лингвистики, изучаемые в PhD;
- Исследовательская практика.

Целью дисциплины является формирование способности описывать и оценивать развитие филологической науки XX–XXI вв.; концепции и основные теоретические положения ведущих научных школ в современной филологии для анализа и квалифицированной интерпретации текстов. Дисциплина направлена на изучение современ-

ных методов исследования и анализа текстов различных родов.

В результате изучения дисциплины докторант будет способен:

- 1) демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка и литературы, иметь представление о современном состоянии и перспективах развития филологии;
- 2) формулировать теории современного филологического анализа и интерпретации текста;
- 3) понимать специфику различных школ и направлений в русской и мировой филологической науке;
- 4) ориентироваться в многообразии концепций, доктрин, выработанных филологической наукой в XX–XXI вв.;
- 5) владеть базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием методов анализа разных школ;
- 6) способность проводить самостоятельные исследования на основе существующих методик в конкретной области филологического знания;
- 7) осмысливать факторы, формирующие разные подходы к анализу и интерпретации текста;
- 8) определять цели и задачи исследования и пути их достижения в собственных научных исследованиях.

При изучении курса будут рассмотрены следующие аспекты:

- понятийная и терминологическая полифония в современной филологии;
- перспективные исследовательские стратегии в современном литературоведении/лингвистике;
- структурно-семиотическая школа в литературоведении/лингвистике;
- гендерные исследования в литературоведении/лингвистике;
- когнитивные исследования в филологии;
- постмодернизм как художественная система;
- нарратология.

Дисциплина «Типология методов научного исследования» входит в цикл профилирующих дисциплин и составляет вузовский компонент обучения. См.:

Пререквизиты:

- Концепции современной филологической науки (лингвистики/литературоведения).

Постреквизиты:

- Методика подготовки научных публикаций.

¹ Каталог дисциплин на 2019/2020 учебный год. Специальность «8D01704 – Русский язык и литература» (Докторантура). Алматы: КазНУ, 2019.

Цель дисциплины – сформировать способность описывать и оценивать основные типы методов филологического исследования. Учебный курс формирует теоретико-методологическую основу проведения исследований в соответствии с их видами. Дисциплина направлена на изучение: специфики методов научного филологического исследования, их правильного подбора применительно к задачам и этапам работы.

В результате изучения дисциплины докторант будет способен:

- описывать типологию проведения научных исследований;
- классифицировать основные подходы к проведению научного исследования;
- объяснять суть филологического анализа и описывать его основные принципы;
- оценивать современные методы проведения научного исследования с позиции их целесообразности;
- подбирать эффективные приёмы и методы филологического исследования в соответствии с целями и задачами работы;
- использовать алгоритм проведения научного исследования;
- обсуждать новые достижения в области современной методики филологического исследования;
- презентировать результаты собственного научного исследования.

Соответственно в рамках многоуровневой системы подготовки будущих филологов (бакалавриат, магистратура, докторантура) в процессе послевузовской программы подготовки докторантов идёт дальнейшее формирование и совершенствование профессиональной (языковой) компетенции. Понятно, что основой для этого является дальнейшая разработка следующего уровня профессионально ориентированного специального словаря языковой личности обучающегося – тезауруса. Будущий доктор PhD должен быть способен трактовать основные принципы современной филологической науки, обобщать и систематизировать новейшие научные направления/знания с целью применения их в практической деятельности. А также он должен уметь давать оценку и определять значимость того или иного продукта своей и иной научной деятельности, отстаивать собственное мнение в научных дискуссиях по профессиональной тематике.

Таким образом, дисциплина «Концепции современной филологической науки (лингвистики/литературоведения)» важна и актуальна, так как она формирует компетенции/способности описывать и оценивать развитие филологической науки XX–XXI веков на профессиональном уровне; выбирать актуальные области/сферы науки для собственных исследований. Дисциплина «Типология методов научного исследования», направленная на изучение современных методов исследования и анализа текстов различных родов, формирует компетенции/способности выбирать, описывать и оценивать основные типы методов филологического исследования. В целом, это будет способствовать самостоятельной разработке научно-теоретической основы и созданию научно-методологической базы для проведения научных исследований в соответствии с целями и задачами собственных исследований в объёме докторских диссертаций. Безусловно, что эти дисциплины помогут пополнить и обогатить сформировавшийся ранее тезаурус языковой личности профессионального филолога. Например, по указанным дисциплинам специальный словарь пополнится на дисциплинам «Концепции современной филологической науки (лингвистики/литературоведения)» на 25 (количество приблизительно) терминов (например: полипарадигмальность современной науки, неофункциональная парадигма, гендер, нарратология, экспланаторность, экспансионизм и др.); «Типология методов научного исследования» на 30 (количество приблизительно) терминов (например: перспективные исследовательские стратегии, инновационные технологии, когнитивно-дискурсивный подход, компьютерно-корпусный подход и др.). Рассмотрение и описание содержания других дисциплин по образовательной программе специальности «Русский язык и литература» (докторантура PhD) выходит за рамки данной статьи.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Наши наблюдения и представленный анализ позволяют сделать следующие выводы.

1. Уровень образованности (уровень профессиональных знаний) будущего спе-

специалиста можно проследить на основе его *тезауруса* – специального словаря. *Тезаурус языковой личности* обучающегося, на наш взгляд, должен представлять собой совокупность общенаучных и узкоспециальных терминологических единиц по профессии, приобретаемых из знаний по базовым, профилирующим и элективным дисциплинам, соответствующих направлению подготовки по той или иной специализации. В этой связи в вузе должна быть системно поставлена работа по формированию и расширению *тезауруса* будущего специалиста. Понятно, что в решении данной задачи необходимы усилия не только лингвистов, но и преподавателей профильных кафедр; разработка совместных программ обучения, учебно-методических комплексов, системы методов и приёмов работы.

2. Необходимо помнить и то, что совершенствование *языковой личности* посредством формирования специального словаря обусловлено и требованиями современного времени: глобализацией, интеграцией

наук и научных направлений, модернизацией системы образования в целом.

3. Именно сформированность *тезауруса*, его объём, возможность/способность презентовать профессиональные термины/знания и применять их адекватно в различных речевых ситуациях профессиональной деятельности может быть показателем качества профессиональной подготовленности специалиста.

Таким образом, вышеизложенное даёт возможность нам считать, что *тезаурус* является важной составляющей сложной, многоаспектной структуры *языковой личности* специалиста того или иного профиля, её компетентностной модели, формированию которой должно уделяться внимание как в процессе преподавания базовых (основных профессиональных) и профилирующих дисциплин, так и элективных курсов в целом на каждом уровне системы образования (бакалавриат, магистратура и докторантура) в высшей школе.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2016. 1360 с.
2. Лавренова О.А. Есть такая запись в электронном каталоге // Библиотека. 2000. № 2. С. 30-33.
3. Большая энциклопедия «Терра»: в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. Т. 50. М.: Терра, 2006. 592 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1999. 800 с.
6. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Калинин, 1985.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
9. Воробьёв В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
10. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого. Алматы: Казак университеті, 2002. 141 с.
11. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы, 2010. 263 с.
12. Седых А.П. Языковая личность в науке // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2012. № 3. С. 204-206.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Наука, 2001. 208 с.

References

1. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 27-e izd., ispr.* [Explanatory Dictionary of Russian Language. 27th Ed., Rev.]. Moscow, Peace and Education Publ., 2016, 1360 p. (In Russian).
2. Lavrenova O.A. Est' takaya zapis' v elektronnom kataloge [There is such an entry in the electronic catalog]. *Biblioteka – Library*, 2000, no. 2, pp. 30-33. (In Russian).
3. Kondratov S.A. (chief ed.). *Bol'shaya entsiklopediya «Terra»: v 62 t.* [The Great Encyclopedia Terra: in 62 vols.]. Moscow, Terra Publ., 2006, vol. 50, 592 p. (In Russian).

4. Yartseva V.N. (chief ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, The Soviet Encyclopedia Publ., 1990, 685 p. (In Russian).
5. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. 4th ed. Moscow, Russian Language Publ., 1999, 800 p. (In Russian).
6. Bogin G.I. *Model' yazykovoy lichnosti v eye otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19* [Model of Linguistic Persona in Its Relation to Varieties of Texts. Dr. philol. sci. diss.: 10.02.19]. Kalinin, 1985. (In Russian).
7. Karaulov Y.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e* [The Russian Language and Linguistic Persona. 7th Ed.]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russian).
8. Vorkachev S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguacultural studies, linguistic personality, concept: formation of anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 64-72. (In Russian).
9. Vorobyev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* [Linguoculturology (Theory and Methods)]. Moscow, RUDN Publ., 1997, 331 p. (In Russian).
10. Gaynullina N.I. *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo* [Language Personality of Peter the Great]. Almaty, Al-Farabi Kazakh National University Publ., 2002, 141 p. (In Russian).
11. Tumanova A.B. *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [Contaminated Language Picture of the World in the Artistic Discourse of a Bilingual Writer]. Almaty, 2010, 263 p. (In Russian).
12. Sedykh A.P. *Yazykovaya lichnost' v nauke* [Language personality in science]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova – Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*, 2012, no. 3, pp. 204-206. (In Russian).
13. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and Cultural Studies]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 208 p. (In Russian).

Информация об авторах

Саяхмет Салика Санатқызы, докторант, кафедра русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: saya_0608@mail.ru

Вклад в статью: сбор и анализ теоретического и фактического материала, составление списка литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-2830>

Туманова Айнакуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, научное консультирование, написание статьи, редактирование текста.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Туманова Айнакуль Бектасовна
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Поступила в редакцию 02.04.2020 г.
Поступила после рецензирования 15.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Salika S. Sayakhmet, Doctoral Candidate, Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: saya_0608@mail.ru

Contribution: theoretical and factual material acquisition and analysis, references compilation, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-2830>

Ainakul B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Contribution: main study conception, scientific consulting, manuscript drafting, manuscript text editing.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Ainakul B. Tumanova
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Received 2 April 2020
Reviewed 15 May 2020
Accepted for press 22 May 2020

Дифференциальный модус: его проявление в топонимике

Антонина Семеновна ЩЕРБАК¹, Раушан Дуйсеновна ЕЛИБАЕВА²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, e-mail: ant_scherbak@mail.ru
²Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
160013, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Мадели кожа, 13
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, e-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Differential mode: manifestation in toponymics

Antonina S. SCHERBAK¹, Raushan D. ELIBAEVA²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, e-mail: ant_scherbak@mail.ru
²South-Kazakhstan Humanitarian Institute named after M. Saparbaev
137 Madeli Kozha St., Shymkent 160013, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, e-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены топонимы, имеющие соотносённость с одним и тем же апеллятивом или восходящие к одному и тому же антропониму или к одной и той же фамильной антрополексеме. Доказывается, что подобного рода номинация топонимов противоречит основному их назначению – называть единичные объекты, и рождает помехи на уровне коммуникации. Обоснованы основанные на оппозиции нумеративный и противопоставительный способы образования топонимов. Установлено, что эти способы не следует считать однородными, поскольку в них участвуют разного рода вспомогательные средства индивидуализации, дифференции. Нумеративная дифференциация порождает дифференциальное противопоставление, которое служит для различения двух тополексем и образуется с помощью прибавления к каждому из противопоставляемых топонимов дополнительного признака в виде порядковых числительных. В этом случае речь идёт о создании так называемого эквиполентного (равнозначного) противопоставления. Подобное отмечается во многих топонимических системах мира (особенно в урбанонимах). Противопоставительный способ номинации населённых пунктов основан на бинарной оппозиции – в структуре ойконимов наличествуют в качестве дифференциаторов антонимические пары типа Большой – Малый, Старый – Новый. В качестве иллюстративного материала используются казахские топонимы и топонимы Тамбовской области.

Ключевые слова: топонимика; Тамбовская область; казахские топонимы; номинация; дифференциальный модус

Для цитирования: Щербак А.С., Елибаева Р.Д. Дифференциальный модус: его проявление в топонимике // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 448-455. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455

Abstract. We consider toponyms that are related to the same appellative or ascend to the same anthroponym or to the same family anthropolexeme. We prove that this kind of nomination of toponyms contradicts its main purpose – to name single objects and creates interference at the level of communication. We substantiate the opposition-based numerical and opposing ways of forming toponyms. We establish that these methods should not be considered homogeneous, since they involve various kinds of auxiliary means of individualization and differentiation. Numerical differentiation generates a differential opposition, which serves to distinguish two topolexemes and is formed by adding to each of the opposed toponyms an additional attribute in the form of ordinal numbers. In this case, its mean the creation of so-called equipollent (equivalent) opposition. Simi-

lar is noted in many toponymic systems of the world (especially in urbanonyms). The opposing way of nominating settlements is based on a binary opposition – in the structure of oikonoms, antonymic pairs such as Big – Small, Old – New are present as differentiators. Kazakh toponyms and toponyms of the Tambov region are used as illustrative material.

Keywords: toponymics; Tambov region; Kazakh toponyms; nomination; differential mode

For citation: Shcherbak A.S., Elibaeva R.D. *Differentsial'nyy modus: ego proyavleniye v toponimike* [Differential mode: manifestation in toponymics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 448-455. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Человеческий фактор, несомненно, присутствует, когда населённый пункт получает своё «имя», поскольку только человеку подвластно дать название поселению, в котором ему предстоит жить.

Общеизвестно, что существует множество модусов, так или иначе прогнозирующих поведение человека. Одним «из модусов в общей системе поведения человека» [1, с. 139] является так называемый дифференциальный модус. Под дифференциальным модусом, вслед за О.С. Ахмановой, мы понимаем «собственно лингвистические различия и противопоставления» [1, с. 139], которые проявляются как результат желания человека «выделить», «отделить», то есть дифференцировать отдельные реалии, что в принципе необходимо прежде всего для удобства общения.

Дифференциация широко используется в системе языка, свидетельством чего являются семантическое и стилистическое расслоения лексики и значений отдельных слов. Будучи, таким образом, одним из свойств языковой эволюции, дифференциация широко используется в топонимике как средство, способствующее появлению тех признаков, которыми могут различаться одни названия от других.

Имена собственные, по мнению А.В. Суперанской, – это единицы «специальной лексики» [2, с. 8], к их числу относятся и топонимы. Они являются языковыми знаками, относящимися к единичному объекту. Именно в этом и заключается основное назначение топонимов. «Все единицы специальной лексики ориентированы на особые, специально выделяемые, а иногда и на вновь создаваемые объекты (денотаты)...» [2, с. 9]. В области топонимической номинации интерес представляет проприальная номинация, которая направлена на идентификацию объектов.

На территории многих государств сосуществует значительное число населённых пунктов, имеющих соотносённость с одним и тем же апеллятивом или восходящих к одному и тому же антропониму или к одной и той же фамильной антрополексеме. Подобное противоречит основному назначению топонимов: называть единичные объекты, и рождает коммуникативные помехи.

Следовательно, чтобы избежать появления подобных негативных явлений, номинаторы прибегают к помощи разного рода вспомогательных средств индивидуализации, дифференциации, среди которых выделяются нумеративный и противопоставительный способы. Эти два способа основаны на противопоставлении, которое, однако, не следует считать однородным.

НУМЕРАТИВНЫЙ СПОСОБ

Нумеративная (нумерологическая) дифференциация порождает дифференциальное противопоставление, которое служит для различения двух тополексем и образуется с помощью прибавления к каждому из противопоставляемых топонимов дополнительного признака в виде порядковых числительных 1-й, 2-й и т. д.

В этом случае речь идёт скорее всего о создании так называемого эквиполентного (равнозначного) противопоставления. Подобное отмечается во многих топонимических системах мира. Однако следует оговориться, что чаще всего это наблюдается в урбанонимах. Так, во многих городах США, особенно в Нью-Йорке, улицы пронумерованы, что, естественно, рождает мысль об их некоторой «бесцветности», они ничем не выделяются кроме нумерации. Нумерация лишь указывает на очередность появления того или иного городского топообъекта.

Так, в казахстанском городе Алматы район Тастак (в переводе с казахского означает «каменистый»), вошедший в черту города в 1957 г., имеет микрорайоны «Тастак-1», «Тастак-2» «Тастак-3». В г. Шымкенте отмечаются: 12-й микрорайон, 15-й микрорайон, 16-й микрорайон, 17-й микрорайон, 18-й микрорайон, 3-й микрорайон, 351 квартал, 4-й микрорайон, 8-й микрорайон.

На Тамбовщине в Умётском районе есть такие населённые пункты, как *Посёлок 12-й*, *Посёлок 14*, *Посёлок 15*, *Посёлок 16*. Расположены они рядом, недалеко от с. Царёвка по берегам р. Карай (левый приток реки Вороны).

Тамбовский учёный Н.И. Дудник считал, что название реки Карай восходит к татарскому слову КАР – «смотреть вдаль»: со склонов долины хорошо видна местность [3, с. 24]. Есть и другая точка зрения, по которой название реки вытекает из тюркского КАРА – «чёрный». Однако это не цвет воды влияет на выбор названия, поскольку в тюркской гидронимике «термин КАРАСУ означает не цвет воды, а источник питания реки: река, образуемая грунтовыми водами» местность [4, с. 177].

Заметим, в черте казахстанского города Алматы протекает река Малая Карасу (17,3 км) и речка Карасу, расположен коттеджный городок Карасу. Слово КАРАСУ вовлечено в онимическое пространство г. Алматы в качестве урбанонимического ориентира, о чем свидетельствует, например, рекламное объявление: «уг. ул. Сатпаева (выше рынка «Карасу»)».

Структура нумеративных топонимов чрезвычайно проста: номенклатурный термин + числительное. Налицо эквивалентное противопоставление, отличающееся, однако, тем, что наличие в названиях только номенклатурных терминов и порядковых числительных в качестве дифференциаторов создаёт впечатление некоей обезличенной равноправности, ср.:

Арженка ГППЗ 1 Отделение, Арженка ГППЗ 2 Отделение, Арженка ГППЗ 3 Отделение, Арженка ГППЗ 4 Отделение Тамбовская обл., Рассказовский р-н (ГППЗ – это государственный племенной птицевод) [5, с. 22].

Обращает на себя внимание тот факт, что даже при переименовании улиц в городе Шымкенте нумерация сохраняется. Ср.:

ул. 1-я Зелёная балка → ул. 1-я Коксай,
ул. 2-я Зелёная балка → ул. 2-я Коксай,
ул. 3-я Зелёная балка → ул. 3-я Коксай.

В г. Тамбове есть улицы: 1-я Полковая и 2-я Полковая. Следует отметить и инверсионный порядок элементов структуры этих урбанонимов, что влечёт за собой перенос смыслового акцента именно на порядковые числительные, выступающие как дифференциаторы. Противопоставление эквивалентное, то есть равнозначное, но не обезличенное. Названия улицы получили в те годы, которые уходят вглубь истории: когда-то здесь размещались полки, призванные охранять границы Московской Руси. Вполне допустимо, что на каждой из этих улиц размещались разные воинские подразделения, отсюда и нумерация, разделяющая места квартирования разных полков.

Подобная дифференция отмечается и в названиях московских улиц, например, в качестве дополнительных определителей в виде порядковых числительных получили свои названия 1–3-я Радиальные улицы, 1–16-я Парковые улицы, 1–6-й Минаевские переулки, а также многие другие московские названия.

Причина появления таких урбанонимов кроется в наличии у них одного и того же признака, ставшего в сознании людей основным, определяющим. Так, например, *Радиальными* назывались улицы по своему радиальному положению в планировке городской территории.

Однако значительно чаще встречаются как урбанонимы, так и топонимы, структура которых состоит из онимизированного апеллятива или личного имени/фамилии в качестве тополексемы + порядковые числительные.

Таким образом, нумерологическая дифференциация имеет место при рождении топонимов. Анализ топонимического материала показывает, что в основе появления таких названий в основном лежат следующие причины: разделение местности на части, причины, которые не связаны с человеческом фактором, влияющим на выбор топонимической единицы, совпадение названий.

1. Разделение местности на части, как правило, на две части.

Чаще всего подобное наблюдается при смене владельца селения. Например, на карте Тамбовской области отмечены ПЕРЕСЫП-

КИНО 1-Е, ПЕРЕСЫПКИНО 2-Е. Это крупные старинные сёла в Гавриловском р-не. По свидетельству историков, в окладной книге 1702 г. впервые упоминается сельцо Пересыпкино, населённое дворцовыми крестьянами, бобылями, пришлыми. В первой половине XIX века из Пересыпкина выделилось с. Софьино [6, с. 437], название которого восходит к имени/фамилии владельца, то есть входит в разряд отпатронимических топонимов (ойконимов). Позже с. Софьино стало именоваться с. Пересыпкино 2-е. Причина переименования села Софьино неизвестна, хотя можно предположить, что этому способствовали как минимум два фактора. Во-первых, оба села расположены рядом настолько, что создаётся впечатление единого населённого пункта; во-вторых, в течение практически всего времени существования этих сёл населения в них было почти равное количество [6, с. 437].

ГАВРИЛОВКА 1-Я, ГАВРИЛОВКА 2-Я – это крупные старинные сёла Гавриловского р-на Тамбовской обл. Гавриловка, как свидетельствуют исторические документы, основана не позднее 1710 г. Впервые упоминается в документах ревизии 1719 г. как дворцовое село. В начале XIX века было населено дворцовыми крестьянами. В первой половине XIX века из неё выделилась деревня Гавриловский посёлок, или Кричаловка (будущая Гавриловка 2-я). Одним из владельцев был декабрист А.Ф. Вадковский [6, с. 114].

Название деревни, выделившейся из села Гавриловки, свидетельствует о действии метонимического переноса, вернее, его разновидности: синекдохи (тип *часть ← целое*).

Название же Кричаловка, вероятно, восходит либо к экспрессивно-окрашенной лексике, либо к фамилии.

Позже деревня Гавриловский посёлок, или Кричаловка, стала именоваться *Гавриловка 2-я*. Причиной такого переименования, возможно, оказался фактор непосредственной близости двух населённых пунктов. Со временем Гавриловка 2-я стала центром Гавриловского р-на, что явно свидетельствует в пользу нашего предположения: дифференциаторы в виде порядковых числительных помогают образовать эквивалентные, то есть равнозначные противопоставления.

БАЙЛОВКА 1-Я, БАЙЛОВКА 2-Я – это крупные старинные сёла Пичаевского р-на Тамбовской обл. Единое село, как отмечают историки, основано в начале XVIII века как *Алексеевское* (названо по приходу), населено крепостными крестьянами. В конце XVIII века принадлежало полковнику Ланскому. Во второй половине XVIII века разделилось [6, с. 49]: Байловка 2-я крупнее, оба села находятся рядом.

2. Разделение села происходит по причинам, которые не связаны с человеческим фактором, влияющим на выбор топонимологии.

ЛЕВЫЙ ЛАМКИ ПЕРВЫЕ, ЛЕВЫЕ ЛАМКИ ВТОРЫЕ, ЛЕВЫЕ ЛАМКИ ТРЕТЬИ – это крупные старинные сёла Сосновского р-на Тамбовской обл. По свидетельству историков, они впервые упомянуты в писцовой книге 1650–1652 гг. как единое «Село Ламское на реке на Челновой и на устье речки Ламке», населено детьми боярскими, их дворовыми людьми, бобылями. Разделение на самостоятельные сёла произошло по второй половине XIX века, видимо, в связи с постройкой железнодорожной ветки Бенкендорф (Сосновка)–Богоявленск и железнодорожной станции Ламки [6, с. 299].

Существует несколько моментов, требующих уточнения.

Во-первых, структура ойконимов различна. Порядковые числительные, употребляемые в качестве дифференциаторов, стоят в постпозиции (Левые Ламки Первые) и в препозиции (Вторые Левые Ламки, Третьи Левые Ламки). Постпозиционная и препозиционная постановка дифференцирующих элементов структуры ойконима связана с инверсией, которая предполагает разные тематические отношения между членами словосочетаний.

Во-вторых, если Левые Ламки 1-е стоят на берегу р. Ламочки, притока реки Ламки, то Вторые Левые Ламки находятся на значительном расстоянии как от Левых Ламок 1-х, так и от реки, давшей название селу.

Видимо, есть основания предполагать, что основная часть крестьян, строящих железную дорогу, были выходцами из Левых Ламок 1-х.

Третьи Левые Ламки отделились от Левых Ламок 1-х позже Вторых Левых Ламок, если судить по порядковому числительному,

выступающему в качестве дифференциатора, и это разделение связано с железной дорогой.

Можно считать, что появление порядкового числительного в качестве одного из элементов структуры ойконима следует отнести за счёт того, что таким образом делается попытка убрать коммуникативные помехи, которые неминуемы, если в одном и том же районе есть два одинаковых ойконима.

В таком случае выделяется ещё третья причина, способствующая появлению нумеративных дифференциаторов у ойконимов, – совпадение названий. Речь идёт о том, что, для того чтобы выполнить в оптимальном варианте свою коммуникативную функцию, топонимы должны быть в единственном числе, не повторяться. Однако в связи с тем, что традиционно выделяется в качестве универсальных определённое число признаков, лежащих в основе номинации разного рода географических объектов, в том числе и населённых пунктов, то возможны повторения названий.

Чтобы названия не повторялись, не случайно в казахстанском городе Шымкенте произошли переименования улиц, в которые уже числительные не включены, ср.:

- ул. 2-я Новостройка → ул. Ынтымак,
- ул. 3-я Новостройка → ул. Спатаева,
- 126-й разъезд → ул. Акбидай,
- ул. 2-я Мельникайте → ул. Алатау.

ПРОТИВОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ

Противопоставительный способ номинации населённых пунктов основан на бинарной оппозиции. Суть этого способа состоит в том, что в структуре ойконимов наличествуют в качестве дифференциаторов антонимические пары, например: Большой – Малый, Старый – Новый.

Прежде чем начать анализ названий населённых пунктов с дифференциалами Большой – Малый, следует обратить внимание на семантику прилагательных, выступающих в качестве дифференциаторов.

О том, что такие наименования населённых пунктов имеют широкое распространение на территории России, традиционны в русской топонимической системе, свидетельствуют данные, приводимые многими учёными (Р.А. Агеева, В.Д. Бондалетов,

М.В. Горбаневский, Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, С.А. Попов, Е.М. Пospelов, Н.И. Толстой, Г.Л. Щеулина и мн. др.).

Ввиду того, что ойконимы, имеющие в качестве дифференциаторов антонимы БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ, являются традиционными в русской ономастической практике, нужно помнить о том, что значения слов «большой» и «малый» имеют отличия в древнерусском и современном русском языках.

Так, по свидетельству учёных, занимающихся этимологией, слово БОЛЬШОЙ является восточнославянским. Скажем, в таком западнославянском языке, как чешский, данного слова нет. Бытует в словаре чешского языка слово *velký*, что означает «великий (то есть большой)», ср.: большой дом – *velký dům*, большая страна – *velká země*, большая слава – *velká sláva*, большой человек – *velký muž*, большой писатель – *velký spisovatel*. Иными словами, именно слово «великий» употреблялось в древнерусском языке в значении «большой», «знаменитый».

В современном русском языке слово «большой» употребляется в следующих значениях: 1) значительный по размерам, по величине, силе; 2) значительный, выдающийся; обладающий в высокой степени тем качеством, которое заключено в значении определённого существительного; 3) взрослый (с точки зрения ребёнка), а также (о ребёнке) вышедший из младенческого возраста, подросток; 4) многочисленный; 5) появляющийся, находимый или производимый в большом количестве [7, с. 49].

Однако слово БОЛЬШОЙ в современном русском языке теряет одно из значений, свойственных этому слову в древнерусском языке, а именно, «старший по возрасту» (по И.И. Срезневскому), но сохраняет значение в диалектной речи, о чём свидетельствует отмеченное в словаре С.И. Ожегова суффиксальное образование БОЛЬШАК (от прилагательного большой) с пометой «обл.» в значении «старший в доме, в семье» [7, с. 49].

Таким образом, слово ВЕЛИКИЙ продолжает бытовать в современном русском литературном языке с тем же значением, что и в древнерусском языке. Отсюда следует, что слово «великий» в топонимах *Великий Новгород*, *Великие Луки*, *Ростов Великий*, а

также в антропониме *Петр Великий* отнюдь не относится к величине. Это своеобразная характеристика как городов, так и человека с точки зрения их значимости.

Слово МАЛЫЙ является общеславянским и имеет соответствия в других индоевропейских языках (например, в древне-немецком – *smals*) [Этимологические словари онлайн русского языка // <https://lexicography.online/etymology/м/малый>].

В современном русском литературном языке слово «малый» в одном из своих значений равно слову «маленький» [7, с. 289], а в краткой форме – «недостаточный по размеру» [7, с. 289]. Обращает на себя внимание тот факт, что в русских говорах слова «ма'лый», «мало'й» широко употребляются в значении «младший из двух сыновей, носящих одинаковое имя» (моск., влад., твер., пенз. и др.) [8, с. 340].

Как уже отмечалось выше, ойконимы с антонимическими элементами БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ известны с древнего времени и отличаются достаточной продуктивностью в русской ономастической системе. Следовательно, при анализе ойконимов подобного типа необходимо, как показывает фактический материал, не сбрасывать со счёта значения слов в древнерусском языке: БОЛЬШОЙ – старший по возрасту, МАЛЫЙ – младший по возрасту из двух, носящих одно и то же имя. Речь идёт скорее всего здесь не о территориальной величине ойконимов, а о порядке их появления на определённой территории.

Так, анализ фактического материала Тамбовского региона показал, что как структура данных ойконимов, так и значения дифференциалов БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ на территории исследуемого региона не отличаются однородностью.

I тип бинарных оппозиций образуют ойконимы, в которых антонимическая пара БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ имеет значение, не относящееся к размерам населённого пункта, а указывает на время их образования по отношению друг к другу. Иными словами, БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ соответствуют антонимической паре СТАРШИЙ – МЛАДШИЙ, ср.: БОЛЬШОЙ ИЗБЕРДЕ'Й – МАЛЫЙ ИЗБЕРДЕ'Й в Тамбовской обл.

БОЛЬШОЙ ИЗБЕРДЕ'Й – крупное старинное село Петровского р-на. По сведениям

историков, основано однодворцами, впервые упоминается в документах 1-й ревизии (1719 г.). В течение XVIII века было заселено крепостными крестьянами [6, с. 69]. Название село получило по реке Изберде'йка. МАЛЫЙ ИЗБЕРДЕ'Й находится на значительном расстоянии от с. БОЛЬШОЙ ИЗБЕРДЕ'Й, меньше по величине и численности населения.

В Пичаевском районе находятся сёла БОЛЬШОЙ ЛОМОВИ'С – МАЛЫЙ ЛОМОВИ'С.

БОЛЬШОЙ ЛОМОВИ'С – крупное старинное село, впервые упоминается в документах 1-й ревизии (1719 г.), населено служилыми людьми, позднее однодворцами [6, с. 70]. Название село получило по гидрониму Большой Ломовис. МАЛЫЙ ЛОМОВИ'С находится практически рядом. Если слово БОЛЬШОЙ входит в структуру гидронима, давшего название селу Большой Ломовис, то дифференциатор МАЛЫЙ в структуре ойконима Малый Ломовис скорее всего указывает на более позднее образование данного населённого пункта. В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что оба села практически равны как по величине, так и по численности населения.

Таким образом, следует признать, что подобные противопоставления можно считать эквиолентными, как в тех случаях, когда в качестве дифференциаторов выступали порядковые числительные (типа 1-й, 2-й и т. п.).

О том, что дифференциаторы БОЛЬШОЙ – МАЛЫЙ могут относиться к хронологической последовательности появления населённых пунктов, говорят и бинарные противопоставления, где слово дифференциатор МАЛЫЙ входит в структуру ойконимов, превышающих по величине и численности те ойконимы, в которых имеется слово-дифференциатор БОЛЬШОЙ, ср.:

БОЛЬШОЕ ЛАВРОВО – МАЛОЕ ЛАВРОВО (Первомайский р-н). Оба села находятся на расстоянии друг от друга. Большое Лаврово меньше Малого Лаврово по величине и численности населения.

БОЛЬШИЕ КУЛИКИ – МАЛЫЕ КУЛИКИ (Моршанский р-н). Оба села расположены рядом. БОЛЬШИЕ КУЛИКИ меньше МАЛЫХ КУЛИКОВ по величине и численности населения.

БОЛЬШАЯ ЗВЕРЯЕВА – МАЛАЯ ЗВЕРЯЕВКА (Токарёвский р-н). Оба села расположены рядом. БОЛЬШАЯ ЗВЕРЯЕВА меньше по величине и численности населения, чем МАЛАЯ ЗВЕРЯЕВКА.

БОЛЬШОЙ СНЕЖЕТОК – МАЛЫЙ СНЕЖЕТОК (Мичуринский р-н). Оба села находятся на расстоянии. БОЛЬШОЙ СНЕЖЕТОК меньше по величине и численности населения, чем МАЛЫЙ СНЕЖЕТОК.

II тип представляют такие бинарные оппозиции, в которых слово БОЛЬШОЙ реализует оба значения, которые имелись у этого слова в древнерусском языке: «большой по размеру» и «старший по возрасту».

Однако при этом данная оппозиция отличается от оппозиции I типа тем, что один из противопоставляемых членов является немаркированным, не имеющим дифференциатора.

Любая культура имеет свой корпус имён собственных, однако, будучи ономастической универсалией, по многим причинам (вследствие языковой моды, популярности имени, исторических событий, политических изменений, прецедентности имени и др.) имена собственные легко преодолевает государственные границы, утверждаясь в любом языке.

Дифференциал БОЛЬШОЙ и УЛКЕН существуют в топонимах на казахской земле,

например, название высокогорного водоёма (расположено в Заилийском Алатау, в 15 км южнее города Алматы), *Большое Алматинское озеро*. Изначально озеро именовалось *Алматинским* (конец XIX века), затем *Большое Алматинское*, в настоящее время по-казахски звучит – Улкен Алматы көлі. Название определено его расположением в бассейне реки *Большая Алматинка*, а не размером, поскольку Малое Алматинское озеро в этом регионе не существует.

Заметим, что «в 2016 г., в рамках празднования 25-летия независимости республики, в стране переименовали 147 улиц и 32 объекта с устаревшими названиями» [9, с. 30]. В настоящее время определился новый период в развитии казахской топонимии, который отличается появлением на географической карте государства, рождение которого связано с провозглашением Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР (от 25 октября 1990 г.), новых топонимических названий, в первую очередь связанных с историей казахского народа. Это способствует сохранению национального колорита и многообразных исторических и культурологических ассоциаций.

(Продолжение следует.)

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 607 с.
2. Супранская А.В. Ономастика начала XXI века / отв. ред. Н.В. Васильева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. 80 с.
3. Дудник Н.И. Гидронимы Тамбовской области. Тамбов: Рассказов. гор. тип., 1961. 48 с.
4. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 512 с.
5. Щербак А.С., Бурькин А.А. Названия населённых пунктов Центрального Черноземья. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. ГР Державина, 2013. 356 с.
6. Тамбовская энциклопедия / гл. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Изд-во Юлис, 2004. 708 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 7967 с.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. Вып. 17.
9. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Общие проблемы ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. 444 с.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969, 607 p. (In Russian).
2. Superanskaya A.V. *Onomastika nachala XXI veka* [Early 21st Century Onomastics]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, 80 p. (In Russian).
3. Dudnik N.I. *Gidronimy Tambovskoy oblasti* [Hydronyms of the Tambov Region]. Tambov, Rasskazovo Urban Typography, 1961, 48 p. (In Russian).
4. Nikonov V.A. *Kratkiy toponimicheskii slovar'* [Short Toponymic Dictionary]. Moscow, Book House "Librokom", 2010, 512 p. (In Russian).
5. Shcherbak A.S., Burykin A.A. *Nazvaniya naseleennykh punktov Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Names of Settlements of the Central Black Earth Region]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2013, 356 p. (In Russian).
6. Protasov L.G. (ed.). *Tambovskaya entsiklopediya* [Tambov Encyclopedia]. Tambov, Yulis Publ., 2004, 708 p. (In Russian).
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1986, 7967 p.
8. Filin F.P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, "Nauka" Publ. Leningrad Branch, 1981, issue 17. (In Russian).
9. Madiyeva G.B., Suprun V.I. Obshchiye problemy onomastiki [Main onomastics issues]. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Studies on Onomastics and Derivatology]. Maykop, "Magarin Oleg Grigoryevich" Publ., 2017, 444 p. (In Russian).

Информация об авторах

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, систематизация материала, написание части текста и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>

Елибаева Раушан Дуйсеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии. Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева, г. Шымкент, Республика Казахстан. E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, анализ способов образования казахских и русских (тамбовских) топонимов, написание части текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербак Антонина Семеновна
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.06.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the authors

Antonina S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Contribution: study conception, material systematization, part of manuscript text drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>

Raushan D. Elibaeva, Candidate of Philology, Associate Professor of Philology Department. South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev, Shymkent, the Republic of Kazakhstan. E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Contribution: source material acquisition, analysis of formation ways of Kazakh and Russian (Tambov) toponyms, part of manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Antonina S. Shcherbak
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Received 14 May 2020
Reviewed 24 June 2020
Accepted for press 26 June 2020

Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих)

Надежда Андреевна РОДИНА

ФГКВБОУ ВО «Военный институт физической культуры» Министерства обороны Российской Федерации
194044, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр-т, 63
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel)

Nadezhda A. RODINA

Military Institute of Physical Education
63 Bolshoy Sampsoniyevskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Аннотация. Проанализирована языковая метафора как средство образования нового значения слова. Рассмотрены разновидности метафоры – когнитивная и концептуальная – в понимании зарубежных и отечественных лингвистов докогнитивного и когнитивного периодов. Сделан вывод о корректности применения терминологического сочетания концептуальная метафора в отношении языкового явления. Этот вопрос актуален в настоящее время, так как ассоциативный перенос при присвоении объектам и лицам именованных широко распространён в современной ономастике. Кроме того, в профессиональных коллективах, в рамках бытования жаргона, метафора представляет собой универсальный инструмент образования прозвищ. Приведён пример использования концептуальной метафоры для создания прозвищ российских военнослужащих. С когнитивной точки зрения описаны именованные, данные за особенности внешнего вида, поведения, характера представителей армии. Исследование проведено на основе живого языкового материала, собранного методом анкетирования и прямого интервьюирования военнослужащих г. Санкт-Петербурга. Материал и результаты изыскания могут быть использованы в учебном процессе как в гражданских, так и в военных вузах на семинарах и спецкурсах по ономастике, а также при составлении «Словаря армейских прозвищ».

Ключевые слова: метафора; когнитивная метафора; концептуальная метафора; прозвище; военный социум

Для цитирования: Родина Н.А. Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих) // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462

Abstract. We analyze the linguistic metaphor as a means of creating a new meaning of word. We consider the varieties of metaphor – cognitive and conceptual – in the understanding of foreign and domestic linguists of the precognitive and cognitive periods. We conclude that the terminological combination is correctly applied conceptual metaphor in relation to a linguistic phenomenon. This question is relevant at present, since associative transfer when assigning naming objects and persons is widespread in modern onomastics. In addition, in professional groups, as part of jargon existence, a metaphor is a universal tool for the formation of nicknames. The work provides an example of conceptual metaphor usage to create nicknames for Russian military personnel. From a cognitive point of view, we describe naming, data for the features of the appearance, behavior, character of the army representatives. The study is based on living language material collected by the method of questioning and direct interviewing of military personnel of St. Petersburg. The material and results of the study can be used in the educational process both in civilian and military

universities at seminars and special courses in onomastics, as well as in the compilation of the "Dictionary of Military Nicknames".

Keywords: metaphor; cognitive metaphor; conceptual metaphor; nickname; military society

For citation: Rodina N.A. Metafora kak sredstvo sozdaniya novogo znacheniya (na materiale prozvizhch rossiyskikh voyennosluzhashchikh) [Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современный человек зачастую неосознанно использует в своей речи метафоры. Ещё в середине XX века советский лингвист М.М. Маковский отмечал, что язык представляет собой «своеобразное кладбище метафор: слово, некогда бывшее метафорой, со временем может утратить свои явно метафорические свойства, но затем снова подвергнуться метафорическим преобразованиям, которые нередко сходны с первоначальными [1, с. 110].

Ещё в последние десятилетия XX века метафора начала рассматриваться не как троп, а как средство номинации, то есть как вербализованный способ мышления и способ создания языковой картины мира [2, с. 11]. В результате обращение к деятельностному аспекту метафоры, её роли в мировосприятии личности приобрело особую важность.

Отечественный лингвокультуролог В.А. Маслова даёт такое определение метафоре: «Метафора – это такой способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания, постигая новые: из некоторого ещё не чётко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счёт использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций» [3, с. 91].

В процессе своего активного бытования в лингвистике понятие метафоры получило разнообразную типологию. Наиболее популярными разновидностями стали когнитивная и концептуальная метафоры, которые неоднозначно понимались отечественными и западными филологами.

Данные термины внедрились в российскую лингвистику в 60–70-х гг. XX века посредством перевода работ зарубежных авторов, работавших в этом направлении.

В 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном была опубликована работа «Метафоры, которыми мы живём», навсегда разделившая эти два понятия. Для последователей Дж. Ла-

коффа когнитивная метафора – это механизм активации нейронных связей (нейрофизиологический уровень функционирования головного мозга), а концептуальная метафора – это проекция между понятийными областями (уровень понятийного мышления) [4, с. 28]. Дж. Лакофф видел метафору как «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [5, с. 244], «один из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое» [6, с. 45]. Причём исследователи категорично разделяли две её разновидности: когнитивная метафора как механизм соотносится с процессами, протекающими на уровне активации нейронных связей, концептуальная метафора – с уровнем мышления человека в понятиях, суждениях, умозаключениях. Кроме того, логиком первой является нейрофизиологический субстрат головного мозга, второй – понятийное мышление, умственная деятельность.

Что касается отечественных работ, то многие из них основаны на постулатах когнитивной метафорологии [7; 8]. Также в рамках традиционной теории метафоры в докогнитивный период накоплено множество трудов, авторы которых тоже пользовались терминами «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре, однако понимали их несколько иначе.

Отечественные исследователи-когнитологи так же, как и зарубежные, признавали взаимообусловленность языка и мышления. Так, когнитивная метафора, по мнению Н.Д. Арутюновой, – это, во-первых, метафорический перенос в сфере предикатных слов, сопровождаемый появлением новых значений; во-вторых, результат такого переноса (когнитивная метафора понимается как старый знак, вторично наполненный новым содержанием). Помимо когнитивной, исследователь выделяла другие функциональные типы языковой метафоры: номинативная (пере-

нос названия), образная идентифицирующая (переход дескриптивного значения в предикатное) и генерализирующая: «метафора и создаёт значение, и даёт ему имя» [9, с. 336].

Другой отечественный лингвист-когнитолог – В.Н. Телия считала, что некоторые из этих типов «приводят к формированию нового значения» [10, с. 193], то есть обладают «когнитивной функцией». Однако когнитивными могли называться только те, которые сопровождали метафорическое наречение непредметных объектов формированием новых (абстрактных) значений. Для иллюстрации подобного переноса В.Н. Телия привела следующий пример: между памятью машины и памятью человека нет реального подобия, но оно устанавливается в результате допущения на основе общего признака «способность к долговременному хранению информации» – как если бы у компьютера был человеческий мозг [10, с. 194].

Е.О. Опарина, перенося по смежности с функцией название «концептуальный» на саму метафору, применительно к способности метафоры порождать новые значения, пользовалась термином «концептуальный» вместо термина «когнитивный» [11].

Так мы видим, что в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода «понимание когнитивной функции метафоры как способности формировать новое значение, а в науке – понятия (или концепта), привела к возникновению ряда ассоциативно связанных между собой терминов: «когнитивная функция метафоры» (перенос по смежности) → «когнитивная метафора» (научная метафора) → «концептуальная метафора» [12, с. 89].

Уже в начале XXI века термин «когнитивная метафора» О.Ю. Буйнова употребляет синонимически наряду с термином «концептуальная метафора» [13, с. 61].

В нашей работе мы будем руководствоваться смыслами, вкладываемыми в эти понятия представителями когнитивного направления – использовать термин «концептуальная метафора» по отношению к инструменту понятийного мышления, способствующему созданию нового значения на основе логического или ассоциативного переноса.

Как известно, каждый социум обладает рядом специфических черт, включающих, на-

ряду с социально-психологическими, культурными, определённые лингвистические характеристики. В силу своих когнитивных особенностей метафора является своеобразным зеркалом картины мира, которая объективно неодинакова у представителей различных культур и обществ. В связи с этим интересным представляется рассмотрение бытования метафоры в определённом кругу людей, имеющих свою специфическую субкультуру.

Одним из таких обществ является военная среда, представляющая собой относительно закрытый круг общения, границы которого обусловлены как территориальными, так и профессиональными факторами.

По мнению исследователей, язык военнослужащих имеет ряд отличительных черт, таких как: краткость, ёмкость, обилие специальной лексики, использование армейского жаргона [14]. Исследования первых декад XXI века установили специфику бытования профессиональной и жаргонной лексики: в этих пластах активно используется метафорический перенос [15; 16]. Однако если терминологическая лексика, функционирующая в научной сфере, чаще является прямой по значению, то жаргонная, не вполне подчиняющаяся нормам современного русского литературного языка, изобилует метафорами.

Поскольку специалисты силовых структур – «люди действия», они быстро реагируют на отличительные проявления других, выделяют их из окружающей массы. Результатом работы такого алгоритма зачастую становится присвоение сослуживцам неофициальных идентификаторов – прозвищ. Согласно определению, данному Н.В. Подольской, этот оним представляет собой «неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [17, с. 111]. Установлено, что прозвища являются частью жаргонной лексики, используемой в неформальном общении [18, с. 102]. И так же, как и жаргон в целом, образная основа прозвищ зачастую имеет метафорический характер.

Первостепенную роль в метафорическом переносе значения, формирующего семантику прозвищ, играет процесс онимизации –

перехода имени нарицательного в имя собственное без изменения формы. Важную роль в использовании имен собственных отмечала А.В. Суперанская: «Ономастика, или онимия, как совокупность имен разных типов; связана со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется выделение для идентификации или индивидуализации, человек употребляет собственные имена как наиболее удобный способ выделения объекта» [19, с. 324]. И поскольку рекатегоризация подразумевает изменения в суммарном значении слова, перейдя в разряд онимов-прозвищ, оно априори обладает иным значением по сравнению с исходным.

Следует отметить, что с точки зрения мотива номинации прозвища делятся на две большие группы: образованные от официальных имён собственных и образованные по каким-либо экстралингвистическим характеристикам именуемого лица [20]. Безусловно, концептуальность метафорического переноса в создании прозвища ярче проявляется во второй группе, так как прозвище в своём языковом оформлении несёт остаточный след названия первоначального объекта, с которым сравнивается поведение, характер или внешность индивида [21].

Рассмотрим армейские прозвища как пример трансформации создания онима с новым значением на базе ассоциативного переноса.

Так, к военнослужащему, своей внешностью напоминающего сослуживцам кавказца, в неуставное время обращаются по прозвищу *Чёрный*. Как известно, в 90-е гг. XX века за тёмный цвет волос, глаз и смуглую кожу так метафорично называли выходцев из южных республик Российской Федерации. Соответственно, человек, лишь похожий на кавказца, но не являющийся по национальности, например, чеченцем или осетином, ассоциируясь с ним по совокупности внешностных признаков в мышлении окружающих, получает идентификатор *Чёрный*. Таким образом, *Чёрный* в данном случае уже означает не цвет и не этническую принадлежность, а только подобность.

Способом ассоциативного метафорического переноса образованы и прозвища, данные военнослужащим за своеобразность поведения. Приведём пару примеров. Прозви-

ще *Сквозняк*, объективно выделяя скорость передвижения человека, сравнивает его с ветром. Появляется новое значение слова сквозняк – значение имени собственного, данного за схожесть высокой скорости перемещения человека со стремительностью сквозняка-ветра. Однако, рассматривая данное прозвище, следует принять во внимание его возможную отрицательную коннотацию: традиционно сквозняк воспринимается людьми как ветер, провоцирующий заболевания. Второй идентификатор – *Блиц* – представляет собой именование, данное от противного. Слово блиц в переводе с немецкого языка означает «молниеносный», однако дано оно человеку, который отличается, напротив, медлительностью и сосредоточенностью в действиях, в результате чего достигается комический эффект номинации.

Отмечают военнослужащие и особенности характера коллег. Так, например, военнослужащего, отличающегося социальной активностью, внимательностью к окружающим, называют *Деловым*. Мы знаем, что в современном русском языке по отношению к человеку прилагательное деловой используется в значении «знающий дело, толковый, дельный» [22, с. 549], что должно подчеркнуть компетентность лица в каком-то роде деятельности. Однако данный военнослужащий проявляет активность в коммуникации и решении проблем в целом, значит, применительно к нему характеристика «деловой» употреблена уже не в прямом значении, а прозвище *Деловой* – ассоциативная метафора. Также необходимо отметить и своеобразную тенденцию к субъективному негативному восприятию определения деловой (синонимично хитрому), что, следовательно, создаёт и отрицательную коннотацию прозвища. Другого представителя Вооружённых Сил России в неформальной обстановке называют *Падежом*, поскольку он является самым грамотным в своём окружении. Очевидно, военнослужащие из всех лингвистических понятий особо выделяют падежную систему русского языка, ассоциативно связанную с многочисленными грамматическими трудностями. Соответственно, тот, кто более-менее успешно ориентируется в правописании, словоупотреблении и прочих нормах культуры речи, является, по мнению

товарищей, «победителем падежей» – *Падежом*. Таким образом, слово падеж представляет собой уже не нарицательное существительное, обозначающее форму изменения слова в зависимости от его грамматического значения в сочетании, а имя собственное, называющее человека, способного правильно осуществлять это изменение.

К образованию нового значения в форме прозвищ привели также интересные для коллектива жизненные обстоятельства. Например, военнослужащий, который пьёт много воды, получил именование *Водян* – усечённую форму от *Водяной*. Известно, что водяным в славянской мифологии называли существо-духа, живущего в воде. Выделяя обилие жидкости как мотив номинации, товарищи игнорируют её местонахождение: у магического существа вокруг него и у военнослужащего – внутри. В результате такого несоответствия возникает перенос значения нового слова прозвища-метафоры. Ещё один носитель прозвища увлекается боксом, но не занимается им профессионально, в связи с чем именование *Боксёр* является не прямым описанием человека по роду деятельности, а метафорическим социальным маркером, выделяющим индивид из группы и называющим его по мотиву номинации, в данном случае – виду спорта.

Итак, подведем итог нашего исследования.

Во-первых, изучение когнитивной и концептуальной метафор продолжается уже много десятилетий, причём оно разделено на несколько периодов, в зависимости от которых у зарубежных и отечественных лингвистов варьируется понимание и применение этих терминов.

Во-вторых, под средством создания нового значения слов на речевом уровне подразумевается концептуальная метафора, поскольку когнитивная метафора функционирует на уровне мышления.

В-третьих, прозвище является ярким примером трансформации значения слова, которое обозначает один объект, ассоциирующийся со вторым, в значение, заключающееся в названии второго.

В-четвёртых, прозвища российских военнослужащих обладают выраженной метафорической семантикой. В связи с тем, что представители военного социума отличаются особой внимательностью к объектам окружающей действительности, а их подъязык благоприятствует бытованию неформальных идентификаторов, метафоричность армейских прозвищ проявляется в именовании, данных носителям по каким-либо видимым внешним проявлениям: внешности, поведению, характеру, особым жизненным обстоятельствам, известным коллективу.

Список литературы

1. *Маковский М.М.* Языковая сущность современного английского сленга // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 102-112.
2. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. *Кимов Р.С.* Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. 183 с.
5. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.
6. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N. Y.: Basic Books, 1999. 624 p.
7. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
8. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, 2008. 248 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. 1978. Т. 37. № 4. С. 333-343.
10. *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
11. *Опарина Е.О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 65-78.
12. *Кульчицкая Л.В.* Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 11. С. 85-90.

13. Буйнова О.Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. Дубна: Феникс+, 2001. С. 49-65.
14. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 22 с.
15. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в научном стиле // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 241-244.
16. Черникова О.А. Метафора в военном жаргоне // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8 (63). С. 169-171.
17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 171 с.
19. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 336 с.
20. Родина Н.А. Современные детские и молодёжные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 22 с.
21. Родина Н.А. Фрагмент описания личности российского военнослужащего в свете социолингвистики (на материале бытования индивидуальных маркеров) // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 1. С. 150-154.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и образование, 2012. 1376 с.

References

1. Makovskiy M.M. Yazykovaya sushchnost' sovremennogo angliyskogo slenga [The linguistic essence of modern English slang]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 1962, no. 4, pp. 102-112. (In Russian).
2. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p. (In Russian).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, 208 p. (In Russian).
4. Kimov R.S. *Metafora i metonimiya kak kognitivnyye i epistemicheskiye mekhanizmy formirovaniya yazykovoy kartiny mira* [Metaphor and Metonymy as Cognitive and Epistemic Mechanisms of the Formation of the Linguistic Picture of the World]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University Publ., 2010, 183 p. (In Russian).
5. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251.
6. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books, 1999, 624 p.
7. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Phraseology Theory Aspects]. Moscow, Znack Publ., 2008, 656 p. (In Russian).
8. Budayev E.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 248 p. (In Russian).
9. Arutyunova N.D. Funktsional'nyye tipy yazykovoy metafor [Functional types of language metaphors]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatura i yazykoznanie* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Linguistics], 1978, vol. 37, no. 4, pp. 333-343. (In Russian).
10. Teliya V.N. Metaforizatsiya i eye rol' v sozdaniy yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i yazykovaya kartina mira* [Human Factor in Language. Language and Language World Representation]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173-204. (In Russian).
11. Oparina E.O. Kontseptual'naya metafora [Conceptual metaphor]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 65-78. (In Russian).
12. Kulchitskaya L.V. Ponyatiya «kognitivnaya» i «kontseptual'naya» metafora v otechestvennoy lingvistike rannekognitivnogo perioda [cognitive and conceptual metaphor in Russian linguistics in early period of cognitive linguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*, 2012, no. 11, pp. 85-90. (In Russian).
13. Buynova O.Y. Universal'nyye i spetsificheskiye cherty protsessa metaforizatsii [Universal and specific features of metaphorization]. *Lingvisticheskiye issledovaniya. K 75-letiyu professora V.G. Gaka* [Linguistic Research. To the 75th Anniversary of Professor V.G. Gak]. Dubna, Phoenix+ Publ., 2001, pp. 49-65. (In Russian).

14. Lazarevich S.V. *Leksika i frazeologiya russkogo voyennogo zhargona (semantiko-slovoobrazovatel'nyy analiz): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexis and Phraseology of Russian Military Parlance (Semantic and Word-Formation Analysis). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2000, 22 p. (In Russian).
15. Serdobintseva E.N. Professionalizmy v nauchnom stile [Professionalism in scientific style]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo – Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, 2011, no. 23, pp. 241-244. (In Russian).
16. Chernikova O.A. Metafora v voyennom zhargone [Metaphor in military jargon]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2006, no. 8 (63), pp. 169-171. (In Russian).
17. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ, 1988, 187 p. (In Russian).
18. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic Field of the Russian Language and its Artistic-Aesthetic Potential]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 171 p. (In Russian).
19. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of the Proper Name]. Moscow, 1973, 336 p. (In Russian).
20. Rodina N.A. *Sovremennyye detskiye i molodëzhnyye prozvizhcha: strukturno-semanticheskyy i funktsional'no-dinamicheskyy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Children and Youth Nicknames: Structural-Semantic and Functional-Dynamic Aspects. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kaliningrad, 2014, 22 p. (In Russian).
21. Rodina N.A. Fragment opisaniya lichnosti rossiyskogo voyennosluzhashchego v svete sotsiolingvistiki (na materiale bytovaniya individual'nykh markerov) [Fragment of the description of the identity of Russian serviceman in the light of sociolinguistics (on material of the existing of individual markers)]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 150-154. (In Russian).
22. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONIKS-LIT Publ., Mir i obrazovanie Publ., 2012, 1376 p. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт физической культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: esperance84@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Поступила в редакцию 12.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department. Military Institute of Physical Education, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: esperance84@mail.ru

Contribution: study conception, data analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Received 12 May 2020

Reviewed 24 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471
УДК 811

Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода

Байрта Николаевна АРИНОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, e-mail: b.arinova@yandex.ru

Linguistic aspects of UK written judicial discourse: formal and substantive approach justification

Bayrta N. ARINOVA

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, e-mail: b.arinova@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – обосновать комплексный подход к изучению лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании, описав его особенности с точки зрения профессиональной коммуникации и социальной практики. В частности, проведён последовательный анализ факторов, сыгравших основополагающую роль в формировании письменного судебного дискурса – формальной структуры правового дискурса и формального содержания (источников) судебного дискурса. Источники (тексты предыдущих решений и тексты законодательных актов) превращают тексты судебных решений в многослойное повествование, в котором можно наблюдать различные процессы: юридическое толкование, реконтекстуализацию обыденного в профессиональном юридическом пространстве, номинацию фактов и действий в соответствии с правовыми реалиями и т. д. Эти и другие особенности приносят динамику в юридический профессиональный дискурс, который зачастую рассматривается как статичный и сугубо консервативный. Понимание природы и соотношения этих составляющих, по мнению автора, имеет большое значение для анализа лингвистических особенностей письменного судебного дискурса. На основе проведённого анализа выделены основные характеристики письменного судебного дискурса англо-саксонской системы и определены рамки дальнейшего изучения его лингвистических особенностей. С точки зрения автора исследование феномена профессионального дискурса носит междисциплинарный характер, в частности, изучение письменного судебного дискурса опирается на позиции социологов, лингвистов, философов и правоведов. Использованы методы синтеза, описания, а также сопоставительный и контекстуальный методы. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии комплексного подхода к изучению профессионального дискурса как средства актуализации определенной социальной практики.

Ключевые слова: письменный судебный дискурс; англо-саксонское право; текстологический процесс; динамичность дискурса; толкование; реконтекстуализация; жанр юридического дискурса

Для цитирования: *Аринова Б.Н.* Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 463-471. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471

Abstract. The aim of the work is to present a comprehensive approach to the study of linguistic features of the UK written judicial discourse, describe its features in terms of professional communication and social practice. We give a consistent analysis of the major factors which scaffold judicial discourse as a whole – the formal structure of the legal discourse and the formal content

(textual sources) of judicial discourse. We believe the legal sources (texts of previous decisions and texts of legislative acts) contribute to the multi-faceted nature of the judicial legal discourse in which we can observe various processes: legal interpretation, recontextualization of ordinary facts in the professional legal field, statutory treatment and nominalization of facts and deeds etc. These and other characteristics created the dynamic nature of judicial discourse which is commonly seen as a static relic. Proper analysis and understanding of the formal structure of the legal discourse and its formal content (textual sources) bears major importance when addressing the analysis of linguistic features of written judicial discourse. Based on the analysis, the main characteristics of the written judicial discourse of Anglo-Saxon system are identified and the framework for further study of its linguistic features is determined. From our point of view, the study of the phenomenon of professional discourse is interdisciplinary in nature, in particular, the study of written judicial discourse is based on the positions of sociologists, linguists, philosophers and legal scholars. We use description and synthesis methods, as well as comparative and contextual methods. The theoretical significance of the study lies in the development of the comprehensive approach to the linguistic analysis of professional discourses as a means of actualizing a certain social practice.

Keywords: written judicial discourse; Anglo-Saxon law; textualization; dynamic discourse; interpretation; recontextualization; genre of legal discourse

For citation: Arinova B.N. Izucheniye lingvisticheskikh osobennostey pis'mennogo sudebnogo diskursa Velikobritanii: formal'noye i soderzhatel'noye obosnovaniye podkhoda [Linguistic aspects of UK written judicial discourse: formal and substantive approach justification]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 463-471. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Исследования в области профессионального дискурса имеют множество граней, включая риторические и стилистические особенности, терминологическое варьирование, семантику терминов, становление терминологии и т. д. Интерес к этой сфере обусловлен широким коммуникативным диапазоном, то есть неограниченным количеством бытовых ситуаций, которые имеют потенциал для юридического дискурса (могут быть отражены в нём); также этот интерес связан со спецификой терминов как лексических единиц и их функционирования в профессиональном контексте.

В данной работе мы попытаемся раскрыть некоторые особенности судебного дискурса англо-саксонской системы для того, чтобы обосновать подход к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Исходной характеристикой этого дискурса, по нашему мнению, является динамичность; как следствие, судебный дискурс представляет собой особый текстологический процесс, понимание которого важно для выработки комплексного подхода к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Нами будут рассмотрены, в частности, особенности структуры и функционирования этого дискурса, влияние этих особенностей на содержание и языковое оформление юри-

дических текстов, а также жанровые особенности судебного дискурса. Термин дискурс в данном обзоре понимается как в широком, так и в узком смысле – это коммуникация как социальная практика, а также текст как один из промежуточных результатов коммуникации и процесса познания [1, p. 20].

Изучение любого профессионального дискурса будет неполным без рассмотрения определённой социальной практики, которая порождает свой дискурс. Несмотря на то, что правовая сфера существует в виде строгого канона, её трудно назвать застывшей и статичной, так как данная сфера постоянно «расшатывается» её участниками (юристами, правоведами и другими субъектами права). Так, например, в недавнем решении апелляционный суд Великобритании сделал замечание адвокатам, которые не в полной мере выполнили требования правил цитирования прецедентов¹. Недовольство судьи было связано с тем, что адвокаты не указали конкретные параграфы в решении, на которые ссылались, вместо этого представив полный текст решения. Данный пример демонстрирует не только буквализм в процедуре, свой-

¹ [Citation of authorities: ignore the practice direction at your peril]. (2019). URL: <https://www.iclr.co.uk/blog/legal-profession/citation-of-authorities-ignore-the-practice-direction-at-your-peril/> (accessed: 10.02.2020).

ственный судебной практике, но и особенность юридической сферы как одной из социальных практик. Действуя в контексте уже сложившейся области знаний, судьи интерпретируют и адаптируют ранее написанные юридические тексты, специфика которых не раз обсуждалась философами, социологами, лингвистами и правоведами. Письменную форму, в которой сейчас преимущественно существует и развивается данная сфера, можно рассматривать не только как своего рода символ закрепления власти, но и как признак «подвижности» юридического дискурса – его интерпретации, реконтекстуализации и адаптации. Такая ситуация характерна для большинства развитых правовых систем.

Как справедливо отмечает П. Бурдье, эта сфера имеет строгую организацию, все её участники выполняют чётко определенные функции. Взаимоотношения между участниками (как взаимодействие, так и противостояние) приводят к установлению стратегий поведения и норм, которые могут символизировать общее понимание события или ситуации (в определённый период времени) или попытки достичь понимания одной и той же ситуации. Судьи в данной системе, с одной стороны, транслируют значимость («являются частью ритуала») процесса, с другой, – судьи, вынося решение, формулируют и декларируют новую значимость, придавая формальный статус действиям участников, и создают новые высказывания (*declarations*), обладающие значением и силой: «Судебное решение, в большей степени зависящее от этических диспозиций агентов, чем от чистых норм права, приобретает статус вердикта благодаря рационализации, придающей ему символическую эффективность, которой обладает всякое действие в действительности произвольное, но признанное легитимным» [2, с. 91].

Обыденная реальность адаптируется в юридическом поле, которое «преобразует доюридические интересы агентов в судебные дела и превращает в капитал компетенцию, дающую контроль над юридическими ресурсами, требуемыми логикой поля» [2, с. 99]. Такое описание хорошо демонстрирует не только связь обыденной реальности и сферы специальных знаний, но и объясняет также процесс коммуникативной трансформации:

высказывания и описание фактов получают новое представление, языковое обрамление в контексте юридического дискурса.

Англо-саксонский юридический дискурс представляет особый интерес именно потому, что в нём допускается (хоть и не очевидно) то, что в юридических терминах можно назвать *свободой усмотрения*, которая даёт судьям возможность высказывать своё мнение относительно юридических вопросов; это исключает возможность полной воспроизводимости юридических правил в каждом последующем судебном решении. Когда же участники правовой системы помещают факты или ситуации в контекст ранее сложившейся практики, они таким образом получают возможность актуализировать разные аспекты одного и того же прецедента. Такая практика также демонстрирует преемственность и неразрывность дискурса англо-саксонской системы права, где переплетаются не только положения законов, но и заключения судей, взятые из ранее принятых решений. С точки зрения лингвиста такая непрерывность представляет интерес, потому что прецедент в отдельности – это комплексный текст (исторически и концептуально), неотделимый от других текстов схожих, но не идентичных. Сформулированное решение – это также и результат лингвистических «манипуляций», имеющий много аспектов.

Известный исследователь языка права Питер Тирсма, описывая историю языка англо-саксонского права, говорит о первоначальном различии между законодательством *lex scripta* и прецедентным правом *lex non scripta*, или письменным законом и законом, не имеющим письменной формы. С развитием и совершенствованием права устная традиция приобрела более формальный письменный статус, такое изменение П. Тирсма называет текстуализацией (*textualizaiton*) [3, р. 192]. В контексте становления правовой системы этот процесс привёл к тому, что прецеденты получили статус источника права. Переход к письменной форме привёл к «автономизации» юридической сферы, в которой уже тексты играют роль границы между «комментаторами и реальностью». «Письмо стало предпосылкой генерализирующего комментария, в котором формируются универсальные правила или принципы»

[2, с. 112-113], иными словами, письменную форму юридических текстов можно считать символом авторитетности, результатом процесса познания и накопления знаний, дискурсом *per se*.

Такой ход развития создал дополнительное требование к участникам юридического дискурса, а именно – пристального чтения более ранних юридических текстов [3, р. 193]. Как следствие, пишет П. Тирсма, меняется восприятие текстов и характер их прочтения: то, что закреплено в письменной форме, становится предписанием, то есть практически приравнивается к закону, вследствие этого возникает обязательство цитировать его, ссылаться на него. Другой исследователь языка права, Лоуренс Солан, продолжая мысль П. Тирсмы, пишет, что примером текстуализации можно считать и письменный процесс толкования и анализа необходимых юридических текстов. Судьи могут уточнять, комментировать, анализировать определения и связанные с ними утверждения, таким образом, меняя содержание, а следовательно, и значение юридических понятий и конструкций [3, р. 200]. В связи с этими функциями судей П. Бурдые, описывая их «автономию», пишет о том, что «приговоры, вдохновлённые той же логикой и ценностями, что и толкуемые ими тексты, имеют функцию настоящего изобретения» [2, с. 99].

Другими словами, прецедент как один из основных письменных правовых текстов имеет двойственную природу – это текст и текстологический процесс одновременно. Интересно, что в юридическом пространстве последнее (то есть процесс) проявляется в двух лингвистических операциях: “interpretation” и “construction”. Обе лексемы переводятся на русский язык как «толкование», однако многие исследователи языка права настаивают на концептуальном различии, несмотря на синонимичность этих лексем и один и тот же переводческий эквивалент в русском языке. Если первое подразумевает установление смысла, то второе относится к суждению о значении, которое можно вывести не только из текста, но и из элементов вне его [3, р. 204]. Однако для участников юридического поля толкование как процесс имеет мало общего с речью и коммуникацией. Известные юристы Р. Дворкин, А. Скалиа настаи-

вают на том, что процесс юридического толкования представляет собой довольно ограниченную сферу судейской работы – такая работа прежде всего проводится органами законодательной власти. Другие, хотя и допускают, что роль лингвистических принципов анализа в процессе толкования не маленькая, подчёркивают, что толкование имеет максимально абстрактный характер [4, р. 260]. Для участников юридического поля это не более чем техническое требование, выполнение которого гарантирует существование системы юридического дискурса. С другой стороны, это и часть процесса систематизации знаний об этой сфере. В теории научного познания «процесс понятийного определения конкретного содержания происходит одновременно с процессом его фиксации каким-либо характерным знаком» и «через языковой символ прежде всего осуществляется идентификация и конкретизация предметов или явлений внеязыковой действительности <...>. Экономная форма конвенционального языкового знака выступает как средство их объективизации» [5, с. 8-13]. Большую роль в процессе понятийного определения языка играет абстрагирующая способность языка, которая находит отражение в терминологиях. Иными словами, внутри профессионального дискурса его элементы проходят время от времени проверку и перепроверку в зависимости от рассматриваемых фактов и соответствующих норм права.

П. Бурдые, говоря о формировании дискурса в профессиональной сфере, видит в этом объяснение стремления к обособлению и закрытости юридического дискурса. Термины и особенности синтаксиса, по его мнению, служат знаками отличия и в то же время символизируют средства актуализации, то есть они необходимы участникам, если они должны совершать определенные действия в рамках юридического поля.

Двойственная природа юридического дискурса проявляется в том, что единицам языка, которые становятся терминами, присваивается новое осмысление и, следовательно, «ценность», что приводит к «отрицанию», «отказу» от первоначального значения этой единицы языка. Становление терминологии не только приводит в порядок систему, но и «скрадывает» некоторые смыслы и эле-

менты вследствие необходимости соблюдать требования формы и жанра. “The role of this kind of expression is to mask the primitive experiences of the social world and the social phantasms which are its source as much as to reveal them; to allow them to speak, while using a mode of expression which suggests that they are not being said” [6, p. 143]. Дискурс и всё, что с ним связано, – это способ одновременно скрыть и выразить, однако создатели дискурса не обладают полной свободой выражения из-за требований формы. Обыденная реальность имеет специфическую репрезентацию, не может оставаться обыденной – помещается в рамки и проходит процессы дробления, толкования и номинации.

В связи с этим можно привести пример из налогового права Великобритании – существует тонкая грань между понятиями об уклонении от уплаты налогов и налоговой оптимизацией (tax evasion and tax avoidance соответственно), и трудности, с которыми сталкиваются судьи и налогоплательщики, связаны, с одной стороны, с широким спектром действий и решений, которые могут быть включены в содержание этих понятий, а с другой стороны, с необходимостью чётко определять сами действия налогоплательщика, их реальные и возможные последствия (например, незаконное снижение налоговой нагрузки) и соотносить с ними то, что было установлено волей законодателя. Это пример того, когда правовой дискурс (нормы налогового права) очень опосредованно отражает реальность, скорее реальные действия получают новую репрезентацию и оценку в зависимости от наступивших последствий. В случае разбирательств по налоговым вопросам судьи выполняют двойную задачу – выносят суждение о воле, интенции законодателя (толкование норм) и об истинных интенциях налогоплательщика (в соответствии с положениями закона и судебной практикой).

«Право – наивысшая форма активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия», – пишет П. Бурдые [2, с. 104].

Подытоживая этот раздел, нужно еще раз отметить, что юридический дискурс понимается нами как социальное явление, внутри которого сформировалась очень специфическая коммуникативная практика, пре-

имущественно отражённая в письменных текстах. Несмотря на жёсткие требования к форме, дискурс как отражение обыденной реальности даёт новую репрезентацию события или действию – помещая то или иное событие в систему уже сформировавшихся знаний и канонов. Судебный дискурс – это всегда последовательность текстов, в которых могут повторяться события, но могут различаться их репрезентация и трактовка в законодательстве и, следовательно, их судебное толкование. Судебное решение – по сути высказывание, это особый жанр юридического дискурса.

Рассмотрим подробнее жанр как элемент дискурса.

Принимая во внимание то, что юридический дискурс – довольно обширное поле, его участники со временем конструируют жанры с характерными [7, с. 99-100] риторическими установками, сменяющие друг друга в зависимости от речевой ситуации. В жанр, как правило, объединяются высказывания, тексты, имеющие общие коммуникативные цели, риторические установки, форму, участников [1, p. 59]. В. Батиа также указывает на невозможность полного обособления одного отдельного жанра ввиду того, что даже в рамках одного и того же жанра участники коммуникации могут переключиться на другой жанр, изменить коммуникативное намерение и т. д. Вероятность таких изменений более высока в условиях устной коммуникации, тогда как письменные тексты будут скорее подчиняться строгим формальным требованиям, тем самым создавая эффект нейтрализации и универсализации, о которых пишет П. Бурдые. Юридический язык опирается на ряд лингвистических приёмов (безличные обороты, устойчивые обороты, неопределённые местоимения), которые «призваны выразить вневременной и всеобщий характер закона» [2, с. 82-83, 111-114].

Однако большая часть учёных (Berkenkotter, Huckin, Swales, Candlin) соглашается с тем, что жанрам присуща динамика; в связи с этим В. Батиа использует термин “genre colony”, обозначающий определённый набор жанров со схожими (не в полном объёме) коммуникативными функциями и общим риторическим посылом или

«речевым замыслом» [8]. Другими словами, «речевой замысел» и общие коммуникативные функции являются основаниями для выделения групп жанров (“genre colonies”). В связи с этим в одну группу жанров можно объединить ходатайство, иск, уведомление и возражение.

В статье М.М. Бахтина проблема жанровой классификации представлена в контексте общей лингвистики, то есть в контексте изучения таких явлений, как речь, функциональный стиль, единица речи и т. п. М.М. Бахтин уходит от более локального понятия жанр, помещая это явление в контекст парадигмы язык–речь [8]. Такая постановка вопроса заведомо ставит проблему в определённый континуум, в определённое социальное поле и процесс познания и деятельности. Так, К. Беркенкоттер (C. Berkenkotter) и Т. Хакин (T.N. Huckin) в то же время пишут о том, что жанры – это двойственные структуры: «это одновременно и внешнее проявление и отраженный опыт субъекта, оба находясь в тесной взаимосвязи» [9, р. 494]. Таким образом, субъекты не только выбирают соответствующие стратегии речи и поведения, но и сами воспроизводят ту или иную ситуацию в новом виде, избегая буквального повторения или копирования. На основе вышесказанного можно предположить, что жанр – это репрезентация опыта; результат когнитивной деятельности, выраженный вербально.

Что это значит для юридического дискурса и судебного дискурса в частности? С одной стороны, жанр – это столкновение обыденного опыта и профессионального, в жанрах доминирует форма, она подчиняет себе содержание. С другой стороны, жанр – это тип высказывания с определённой коммуникативной задачей; при этом несколько жанров могут иметь разные коммуникативные задачи, но будут объединены одним и тем же событием. В пример можно привести различные юридические документы, относящиеся к одному и тому же юридическому спору.

Принимая судебное решение и связанный с ним жанр судебного отчёта за высказывание с комплексной структурой, нельзя не остановиться на логико-семантических особенностях синтаксиса судебного дискур-

са. Тот факт, что каждый новый текст этого жанра всегда соотносится с предыдущими текстами, накладывает значительный отпечаток на синтаксис судебных решений – в основном это сложные предложения, смысл которых создаётся с помощью определённого набора грамматических конструкций и, безусловно, специальной лексики. Большую роль в осмыслении лингвистических особенностей судебного дискурса играет контекст, образуемый ссылками на источники права, и в частности выстраивание логической последовательности, которая становится основой прецедента. В то же время, поскольку в прецедентах обсуждаются как факты, так и их трактовка в законодательстве, мы не можем свести описание языка прецедентного права к набору абстрактных логических суждений [3, р. 203]. Другими словами, осмысление текстов судебных решений может включать в себя различные подходы.

Как отмечалось выше, П. Бурдые считал, что специфика грамматики и синтаксиса юридического дискурса имеет особый символический эффект «нейтрализации» (преобладание пассивных конструкций и безличных оборотов) и «универсализации» (применение лапидарных формул и устойчивых выражений, ссылка на транссубъективные ценности). Оба эффекта необходимы для осуществления рационализации или поддержания «юридического духа» [2, с. 82-83, 111-114]. Сложный синтаксис – это, безусловно, анахронизм многовековой традиции юридического письма. Тем не менее эта особенность создаёт эффект *рекурсивности*, который заключается в выстраивании сложной цепочки событий (прошлых, настоящих и возможных) в одном предложении. Данный эффект может быть явно выраженным: как известно, в традиции юридического дискурса существует строгая и логичная система цитирования (The Bluebook: a uniform system of citation). Это, с одной стороны, подтверждает точность вывода судьи; с другой стороны, это своего рода гарантия четкой систематизации юридических текстов в контексте судебных решений. В приведённом далее примере эффект рекурсивности достигается с помощью грамматико-синтаксических средств, которые отсылают читателя к прошлому решению (“The authorities show that...”), и в то

же время эти средства создают определённую рамку, через которую оцениваются факты анализируемого дела (придаточное с условно-следственными отношениями), то есть событие рассматривается в двух планах: план прошедшего и ирреального-настоящего.

*“The authorities showed clearly that, if before the claimant had learnt that **his venture** with the defendant could not be carried out because none of the expected insider information would be forthcoming, he had repudiated and withdrawn from **the agreement**, he would have been entitled to sue for and recover his £620,000 even though in order to do so he would have had to plead **the illegal arrangement** under which he had paid it over”².*

С точки зрения синтаксического оформления данный отрывок имеет комплексную структуру: это сложноподчинённое предложение с большим количеством придаточных – придаточным условия (“if before...”), придаточным дополнения (“showed that...”), придаточным причины (“because...”), придаточным цели (“in order to do so...”). Другими словами, сложный синтаксис позволяет поиному *вербализовать* саму анализируемую ситуацию, что в свою очередь может привести к лексическому варьированию разной степени. В частности, в рассматриваемом примере описание ситуации позволило продемонстрировать возможности сочетаемости юридических терминов. В приведённом выше примере приводятся базовые сочетания термина *agreement* (*to carry out / to repudiate / to withdraw from / to plead ...illegal*). Сложные синтаксические конструкции – это также один из способов расширять терминологическое поле в тексте, которое описывает основные юридические понятия. Эта особенность синтаксиса судебного дискурса напрямую соотносится с теорией логико-семантической референции, в рамках которой методом «семантического анализа является толкование лексических единиц и синтаксических конструкций с разной степенью сложности» [10, с. 18]. Учитывая социальные и функциональные особенности юридического дискурса (обособленность сферы и специфи-

² [Right to recover money on failure of illegal scheme]. (2014). URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/right-to-recover-money-on-failure-of-illegal-scheme-lcbhj835svm> (accessed: 10.02.2020).

ка знаний), можно предположить, что в построении смысла юридических текстов и решений суда в частности большую роль играют презумпции и следствия. Также стоит отметить, что значительная часть презумпций содержится в терминах и специальной лексике, но для полного осмысления текстов судебных решений недостаточно знать значения терминов, так как они представляют собой лишь часть смысла всего высказывания. Анализ презумпций и следствий высказываний заставляет обратиться к истинности и ложности суждений как смысловых компонентов предложений, а также возможно допущение аномалий, когда осмысление происходит за счёт разрушения нормальной ситуации [10, с. 53]. Другими словами, осмысление всего текста зависит как от понимания значения терминов, так и от понимания соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Рассмотрим следующий пример из устава компании:

“The company may from time to time by ordinary resolution increase the share capital by such sum, to be divided into shares of such amount as the resolution shall prescribe”. (Section H. Alteration of capital)

На первый взгляд, это бесхитрое с точки зрения структуры, длины, ключевых понятий предложение вызывает много трудностей при осмыслении и попытке перевода. В данном случае *подразумеваемая* часть смысла данного утверждения относится к взаимосвязи между полномочиями акционеров, правилами выпуска акций, их номинальной стоимости, правилами увеличения уставного капитала и соответствующих решений компании и устава. Несмотря на относительно высокую прозрачность терминов, осмысление данного высказывания зависит от понимания *многоуровневых* понятийных связей между терминами, полный смысл которых остаётся нераскрытым как в оригинальной версии, так и в переводе.

Перевод: *«Общество может в любое время путём решения, принятого простым большинством голосов акционеров, увеличить уставный капитал на такую сумму, представляющую собой совокупность такого количества акций, как будет определено в решении».* (Раздел H. Изменение размера капитала)

В других случаях осмысление высказывания зависит не от понимания терминов, а от их окружения и фактивного компонента высказывания. Как отмечал Виконт Симмондс в деле *Attorney general v. Prince Ernest Augustus of Hanover* [1957], «слова и, особенно, общеупотребительные слова нельзя рассматривать по отдельности, свои оттенки и содержание они получают в контексте»³ [11, р. 265], из чего можно заключить, что точное определение контекста является важным элементом процесса толкования.

Так как толкованию подлежит не только текст закона, но и факты, буквальное толкование не всегда приводит к разумному – с точки зрения здравого смысла – решению споров. К примеру, в деле *Ruther v Harris* [1876]⁴ возник вопрос об изъятии (*forfeiture*) морских сетей рыбаков, которые собирались ловить рыбу, несмотря на то, что в то время действовал закон, запрещающий ловлю лосося с использованием сетей [11, р. 267]. После ареста рыбаков были также конфискованы их сети, так как закон предписывал «изъять рыбу... и сети... использовавшиеся для целей...» (“all fish taken... and any net... used... in taking the same...”). Однако в ходе разбирательства возник вопрос, можно ли было конфисковать сети, если рыбаки лишь собирались заняться ловлей. В своём решении суд признал, что текст закона был довольно неопределённым и, возможно, замена местоимения *any* на определённый артикль *the* внесла бы большую ясность. В данном примере, с одной стороны, действие, подра-

зумеваемое в содержании термина *forfeiture*, могло наступить (или не наступить) в зависимости от намерений участников (фактивный компонент); с другой стороны, потребовалось уточнение формулировки закона, чтобы избежать аналогичных дилемм в похожих делах. Репрезентация и роль терминов в тексте решений лишены однообразия. Являясь элементами юридического (судебного) дискурса, термины не просто передают специальные знания, но и участвуют в формировании целых суждений. Термины могут быть как объектами исследования для судей, так и средствами построения сложных по структуре суждений.

Изучение и осмысление судебного дискурса будет всегда выходить за рамки анализируемого текста в силу специфики юридического поля, особенностей специальной лексики и необходимости соотносить явления обыденной реальности и её репрезентации в судебном дискурсе. Последнее особенно интересно проявляется в текстах судебных решений и отчетов. Как уже отмечалось, прецедентное право называют текстологическим процессом, поэтому нам представляется целесообразным диахронический анализ судебного дискурса (на примере судебных отчетов, относящихся к одному и тому же прецеденту). Такой подход поможет выявить особенности процесса реконтекстуализации в юридическом поле, установить закономерности лексико-синтаксической репрезентации фактов и ситуаций в юридическом контексте, проанализировать процессы номинации и референции и их изменчивость (динамику) в зависимости от уровня решения (инстанции), а также проанализировать терминологическое варьирование при юридической «интерпретации» фактов рассматриваемого дела.

Список литературы

1. *Bhatia V.* Worlds of written discourse. A genre based view. N. Y.: Continuum, 2004.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
3. *Speaking of Language and Law* / ed. by L. Solan. Oxford: Oxford University Press, 2015.
4. *Language and Law. Vol. 15* / ed. by M. Freeman. Oxford: Oxford University Press, 2013.
5. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина. М.: МГУ, 2000.
6. *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
7. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: URSS, 2012.

8. *Bakhtin M.M.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
9. *Berkenkotter C., Huckin T.N.* Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
10. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
11. *McLeod I.* Legal Method. 7th ed. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009.

References

1. *Bhatia V.* *Worlds of written discourse. A genre based view.* New York, Continuum, 2004.
2. *Burdye P.* *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Alethea Publ., 2005. (In Russian).
3. *Solan L. (ed.).* *Speaking of Language and Law.* Oxford, Oxford University Press, 2015.
4. *Freeman M. (ed.).* *Language and Law.* Vol. 15. Oxford, Oxford University Press, 2013.
5. *Volodina M.N.* *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina* [Cognitive and Informational Nature of the Term]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. (In Russian).
6. *Bourdieu P.* *Language and symbolic power.* Cambridge, Harvard University Press, 1994.
7. *Kubryakova E.S.* *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatelnosti* [Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Editorial URSS, 2012. (In Russian).
8. *Bakhtin M.M.* *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. (In Russian).
9. *Berkenkotter C., Huckin T.N.* *Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power.* Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
10. *Paducheva E.V.* *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [The Statement and its Relation to Reality]. Moscow, LKI Publ., 2010. (In Russian).
11. *McLeod I.* *Legal Method.* 7th ed. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009.

Информация об авторе

Аринова Байрта Николаевна, соискатель, кафедра английского языкознания Филологического факультета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Юридического факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: b.arinova@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция, анализ литературы, поиск и анализ литературы, написание текста статьи, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.
Поступила после рецензирования 18.05.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Bayrta N. Arinova, Competitor, English Linguistics Department of Philology Faculty, Senior Lecturer of Foreign Languages Department of Law Faculty. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: b.arinova@yandex.ru

Contribution: idea, conception, literature analysis, literature search and analysis, manuscript text drafting, manuscript design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Received 16 March 2020
Reviewed 18 May 2020
Accepted for press 26 June 2020

Лес в колористической картине мира К.Г. Паустовского

Татьяна Викторовна СИВОВА

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>, e-mail: sitavi@tut.by

Forest in K.G. Paustovsky's coloristic picture of the world

Tatyana V. SIVOVA

Yanka Kupala State University of Grodno
22 Ozheshko St., Grodno 230023, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>, e-mail: sitavi@tut.by

Аннотация. В исследовании, обширным фактическим материалом для которого послужили произведения, включённые в Собрание сочинений К.Г. Паустовского, на примере функционирования лексемы *лес*, коррелирующей с широким спектром атрибутивов и предикатов, реконструирован значимый фрагмент языковой картины мира К.Г. Паустовского. Учитывая важную роль в художественном мировосприятии писателя колористической составляющей, представляется целесообразным выявить специфику индивидуально-авторской цветовой перцепции и визуализации леса. В результате проведённого исследования: 1) установлен колористический спектр, используемый писателем для визуализации леса; 2) определены доминанты этого спектра; 3) выявлен функциональный потенциал терминов цвета; 4) определена детерминированность колористической характеристики леса; 5) установлено соотношение национального и индивидуально-авторского в цветовой визуализации леса; 6) описана специфика авторской манеры цветописы, что в комплексе послужит целостной реконструкции колористической картины мира писателя. Теоретической основой исследования являются ключевые положения лингвистики цвета, методологической – комплекс методов, используемых на разных этапах работы, включая метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных.

Ключевые слова: языковая картина мира; лингвистика цвета; термин цвета; лес; идиостиль; К.Г. Паустовский

Для цитирования: Сивова Т.В. Лес в колористической картине мира К.Г. Паустовского // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 472-482. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-472-482

Abstract. In the work, on extensive factual material of the works included in K.G. Paustovsky's Collected Works, on the example of the lexeme forest functioning, correlating with a wide range of attributes and predicates, a significant fragment of K.G. Paustovsky's language picture of the world is reconstructed. Considering the importance of the coloristic component for the writer's worldview, it seems appropriate to identify the specifics of the forest individual author's color perception and visualization. Key findings: 1) the coloristic spectrum used by the writer to visualize the forest is established; 2) the dominants of this spectrum are identified; 3) the functional potential of the color terms is identified; 4) the determinism of the forest coloristic characteristics is determined; 5) the correlation of national and individual author's in color visualization of the forest is established; 6) the specifics of the author's color style of writing is described, all this in complex contribute to holistic reconstruction of the writer's coloristic picture of the world. The theoretical basis of the study are the key provisions of linguistics of color, the methodological basis – a set of methods used at different stages of work, including the continuous sampling method, descriptive-analytical, contextual, and quantitative data processing.

Keywords: language picture of the world; linguistics of color; color term; forest; individual style of writing; K.G. Paustovsky

For citation: Sivova T.V. Les v koloristicheskoy kartine mira K.G. Paustovskogo [Forest in K.G. Paustovsky's coloristic picture of the worldno]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 472-482. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-472-482 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Объективная значимость леса в русском языковом сознании определяет статус концепта Лес как одного из ключевых, формирующих концептосферу русского языка, что находит отражение как в исследованиях, раскрывающих «особенности концептуализации природного объекта “лес” и способы языковой репрезентации знаний о нём в русском языке» на материале толковых словарей [1, с. 143], в работах, носящих сопоставительный характер и репрезентирующих специфику «образа леса в языковой картине мира», выявленную на материале Национального корпуса русского и польского языков [2, с. 45], так и в собственно лексикографической практике, например в словаре «Концептосфера русского языка» [3, с. 100-106].

Изучение языка художественного произведения, являющегося основным источником авторских словарей, которые, с одной стороны, отражают языковое сознание и языковую картину мира писателя, с другой, по замечанию О.И. Фоянковой, являются «надёжной базой для многообразных лексикологических и семантико-стилистических исследований», служат «объективным методом целостного изучения семантико-стилистической системы языка писателя», значимы «для развития стилистики и теории лексикографии, поэтики и истории литературного языка» [4, с. 50], закономерно находится в проблемном поле лингвистики, когнитивной лингвистики как её актуального направления, лингвистики цвета.

Обусловленный антропоцентризмом как важнейшим принципом лингвистического исследования на современной этапе развития языкознания научный интерес к реконструкции колористической картины мира писателя, мастера художественного слова, раскрывает перед лингвистами широкие возможности в описании цветового спектра произведений, выявлении доминант цвета, функционального потенциала терминов цвета, специфики авторской манеры цветописи и т. п. [5]. Последовательное воссоздание отдельных фрагментов колористической картины мира писателя способствует комплексной реконструкции целостного представления о ней.

Поскольку важнейшей пространственной плоскостью произведений К.Г. Паустовского является природное пространство, а флористической доминантой в нём – лес, представляется целесообразным в свете реконструкции цветовой картины мира писателя выявить специфику авторской колористической перцепции и визуализации леса на обширном материале его прозы.

Избранный нами аспект исследования в описании авторской колористической картины мира демонстрирует значимость и многообразие возможных результатов. Так, М.С. Вагенлетнер на примере цветообозначения сообществ растений (тайга, лес) предпринимает попытку воссоздать региональную цветовую картину мира на материале произведений писателей Сибири и Средней полосы России (В.П. Астафьева, Л.И. Бородин, Г.М. Маркова, Е.И. Носова, В.Г. Распутина, К.Ф. Седых, В.Я. Шишкова и др.) [6]. J. Słoboda, описывая функциональный потенциал терминов цвета, визуализирующих растительный мир в романе “Dolina Issy” (1955 г.) лауреата Нобелевской премии Ч. Милоша, выявляет колористический спектр, используемый писателем для описаний леса: *barwa czerwona (czerwony, czerwien, czerwonawy, barwa dojrzałych jarzębiny, rudy, brunatny, rdza), zielona (zielony, zieleń), żółta (żółty, złoty, płowy), biała (biały), fioletowa (siniawofioletowy), niebieska (niebieski, błękitny, błękitnieć)* [7, с. 240-241]. О.С. Боковели и В.П. Прищеп, исследуя цветовую палитру лирики С. Липкина, акцентируют внимание на индивидуально-авторских цветовых характеристиках леса: *осенний лес находится «В этом, красном – обличье индийца»* [8, с. 329]. В.С. Дарененкова, раскрывая символику цветовых мотивов рассказа А.С. Байетт “The Thing in the Forest” (2002 г.), приходит к мысли о том, что хронотоп леса выступает как отражение каждой героини и её «палитры»: «Примроуз воспринимает теплоту и цвета деревьев: белый, коричневый и серебристый, тогда как Пенни всматривается в его густоту (темноту)» [9, с. 198]. И.И. Хрипунова, выявляя на материале романа К. Модика

“Konzert ohne Dichter” (2015 г.) аксиологический и текстоорганизующий потенциал терминов цвета, заключает, что «позитивный аксиологический потенциал зелёного цвета проявляется в стремлении Г. Фогелера быть частью природы и объясняется её ценностью в мироведении протагониста. Негативный аксиологический потенциал зелёного цвета проявляется в невозможности персонажа романа достичь желаемого» [10, с. 79].

В ракурсе же нашего исследования важно особо подчеркнуть значимую устойчивую соотносённость с лесом колористической характеристики, которая проявляется:

1) в широком спектре коррелирующих с лексемой *лес* цветовых эпитетов, зафиксированных в лексикографических источниках: *багряный, белоствольный, белый, жёлтый, зеленоглавый, зелёный, золотистый, золотой, изумрудный, лилово-сизый, лиловый, разноцветный, рыжий, светло-зелёный, седой, серебристый, серебряный, сизый, синий, сребристый, чёрный, ярко-зелёный, ярко-рыжий* [11, с. 90];

2) в выявленном В.Г. Кульпиной значительном функциональном потенциале цветообозначений леса, которые выполняют следующие функции: а) стереотипическую (*зелёный лес*); б) функцию указания на небольшие размеры леса и/или на небольшой его возраст (*зелёный лесок*); в) функцию указания на качественно-видовые особенности леса (*чёрный лес* – лиственный лес); г) поэтизирующую функцию; д) функцию показателя смены времён года (*листва светло-зелёного цвета* – весной); е) показателя удалённости леса от места его наблюдения (*лес синее*); ж) ассоциативно-импрессивную функцию, проявляющую «большое богатство впечатлений, выражающихся с помощью цветовых ассоциаций» [12, с. 291-294];

3) в закономерном вовлечении лексемы *лес* в систему терминов цвета: *дикий лес* ‘тёмный малахит’ [13, с. 150], *заповедный лес* ‘тёмно-зелёная бирюза’ [13, с. 151], *таинственный лес* ‘мрачный серо-зелёный’ [13, с. 155], *хрустальный лес* ‘серебристо-изумрудный’ [13, с. 156], *обнажённый лес* ‘глубокий серовато-бежевый’ [13, с. 153], *лесная дымка* ‘едва зелёный с лёгким лимонным оттенком’ [13, с. 155], *вечер в лесу* ‘тёмно-зелёный’ [13, с. 149], *ночь в лесу* ‘чёрно-зе-

лёный’ [13, с. 153], а также *хвойный лес* [13, с. 139], *серебряный лес* [13, с. 138], *лесные дали* [13, с. 136].

Таким образом, обладающие мощным выразительным и аксиологическим потенциалом, цветообозначения леса становятся значимым компонентом культуры, а цвет, по словам Н.И. Любимовой, «приобретает сложную и разнообразную систему смыслов, толкований, становится воплощением культурных ценностей» [14, с. 241].

В свете изложенного представляется целесообразным на материале произведений, включённых в Собрание сочинений в 9 томах [15], установить случаи корреляции лексемы *лес* и производных с терминами цвета в текстах произведений К.Г. Паустовского и выявить: 1) колористический спектр, используемый писателем для визуализации леса; 2) доминанты этого спектра; 3) функциональный потенциал терминов цвета; 4) детерминированность колористической характеристики леса; 5) соотношение национального и индивидуально-авторского в цветовой визуализации леса; 6) специфику авторской манеры цветописи.

Поскольку зелёный цвет прототипичен для леса, о чём убедительно свидетельствуют лексикографические данные: «цветовыми» реакциями на стимул «лес» являются цветообозначения *зелёный* 40, *зелень, багряный, в зелени, густой и зелёный, зеленеющий, расписной, синий, точно терем расписной* [16, с. 291], можно было прогнозировать преобладание термина цвета *зелёный* в визуализации леса К.Г. Паустовским, однако доминантой его колористического спектра является термин цвета *золотой*. Колористический спектр, используемый писателем для описаний леса, включает термины цвета (в порядке убывания): *золотой* (более 20 словоупотреблений), *чёрный, зелёный, жёлтый, белый*, а также (менее 5 словоупотреблений): *багряный, красный, ржавый, синий, серый, пурпурный, серебряный, бронзовый, лимонный, розовый, голубой, лиловый, рыжий, пепельный, медный, оловянный*, он расширяется стилистически маркированными лексемами (*позлатить*), лексемами с имплицитным цветовым признаком (*радужный, снежный, горелый, раскраска, богатый ковёр* и т. п.), лексемами со значением ‘свет’, ‘тьма’ (*свет,*

темнота, блеск, светлый, тёмный, поблёскивать, побледнеть, сверкать, костёр, по-жар, пламя и др.).

При сопоставлении последовательности терминов цвета, репрезентирующих русский колористический стандарт перцепции леса, с индивидуально-авторскими цветохарактеристиками леса приходим к выводу о высокой степени авторского в его колористической визуализации: пересечение наблюдается лишь в терминах цвета *зелёный, багряный, синий*, вместе с тем фиксируется значительное расширение авторской палитры (в алфавитном порядке): *белый, бронзовый, голубой, жёлтый, золотой, красный, лиловый, лимонный, медный, оловянный, пепельный, пурпурный, ржавый, рыжий, розовый, серебряный, серый, чёрный*.

ЗОЛОТОЙ. Итак, термин цвета *золотой*, как уже отмечалось, преобладает в колористических описаниях леса: *Под Москвой леса были насквозь просвечены золотом. Особенно много этого лиственного шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер* [15, т. 7, с. 119], что во многом обусловлено созданием цветовых описаний темпоральных периодов, преимущественно ТК «Время года» (здесь и далее ТК – темпоральная координата). Чаше – ТК «Осень», доминирующей в маркированной цветом темпоральной системе произведений писателя [17]: *в лесах ещё много золота, и доцветают белые гвоздики* [15, т. 9, с. 237]; *Всё побелело, только лес ещё горел кое-где над снегами последними золотыми листочками* [15, т. 7, с. 47], реже – ТК «Время суток»: *командарм оглянулся на леса, быстро ставшие печальными и золотыми от заката* [15, т. 6, с. 220], спорадически – влиянием внешних природных факторов [осенняя гроза]: *сумрак прошёл внезапной волной по листве. Золото меркло. Воздух тускнел. Далёкий ропот прокатился от края до края лесов* [15, т. 6, с. 172].

Помимо собственно колористической составляющей, закономерно актуализируется световая: *В лесу засиделись до сумерек. Солнце позолотило вершины деревьев, раскинуло во всё небо нежный свет* [15, т. 3, с. 71], а также обусловленная характеризующей манеру цветописи К.Г. Паустовского тенденцией к интенсификации колористиче-

ского впечатления степень интенсивности окраски: *зеркальная гладь живописной реки и пышное золото осеннего леса* [15, т. 1, с. 406]. Для передачи цветового признака писатель использует стилистически маркированную лексику (*позлатить* трад.-нар. ‘освещая, придать чему-л. золотистый цвет, оттенок’ [18, с. 891]): *В позлащённых дождями лесах громко падали крупные капли* [15, т. 1, с. 171] и лексику, принадлежащую сфере творчества/искусства: *А вдали он [лес] весь в солнце. Весь как отлитый из красного золота* [15, т. 3, с. 368]. Создаёт на основе термина цвета *золотой* контрастные цветовые сочетания: *река уходила в леса, золотые и синие от осени* [15, т. 6, с. 332], следует принятому «колористическому канону». Ср.: *Багрец и золото лесов и роц редуют с каждым часом, усиливая резкость линий, оставляя обнажённые ветви* [15, т. 3, с. 258] и *золото* трад.-лит. ‘жёлтый с золотистым оттенком’: *Листва отликает золотом. В багрец и золото одетые леса* (Пушкин) [18, с. 369].

ЧЁРНЫЙ. Согласно исследованиям В.Г. Кульпиной, характеризующей сферу денотации термина чёрного цвета, *чёрный* традиционно указывает на род/вид растений: ‘чёрный лес’ (лиственный лес) [19, с. 60], а также на качественные особенности леса – его густоту, при этом обе эти функции «омонимично соединены в одном слове и чётко не отделены друг от друга», таким образом «цветообозначение имеет дифункциональный характер» [12, с. 293]. В прозе К.Г. Паустовского функционирование термина цвета *чёрный* в корреляции с лексемой *лес* специфично в первую очередь темпоральной (ТК «Время суток», «Время года») обусловленностью: восприятием объекта в вечернее время суток: *В лесу было черно, фыркала лошадь* [15, т. 1, с. 123]; *капитан распахнул окно, и за ним не чёрный лес и пахло не мокрой псиной от Цезаревой будки* [15, т. 1, с. 215], в ночное время: [ночные леса] *мир теней, снежных пещер, чёрной хвои* [15, т. 2, с. 318], а также осенью: *Был сентябрь; в лесу, чёрном от осени, сладко пахла и чавкала под ногами земля* [15, т. 1, с. 229]; *В том краю второй год зимы, весны и лета не было, а стоит одна осень. Весь год там лес стоит облетель, чёрный, и что ни день, то льют дожди* [15, т. 7, с. 38] и зимой:

снежные равнины, **чёрные леса**, замыкавшие горизонт [15, т. 2, с. 335]. Можно предположить также, что термин цвета **чёрный** (как и традиционно **синий**) выступает в функции показателя удалённости леса от места его наблюдения: *видно, как [паровоз] рвётся к станции из дальнего чёрного леса* [15, т. 7, с. 18].

Спорадически цветовая характеристика **чёрный** фиксирует результат влияния внешних факторов: *Ветер раздувал пепел, застилал чёрную редину леса сизым угаром* [15, т. 3, с. 136], для передачи которого К.Г. Паустовский использует изобразительно-выразительные средства языка: *мёртвый лес вздрогнул от мутного блеска и оказался живым: ветки, похожие на чёрные рваные рукава, дрожали от ветра* [15, т. 6, с. 226]. **Чёрный** также становится выразителем психологического состояния персонажей: *Чёрный лес шумел за окнами. И внезапно эта нарочно отысканная им и Жорж Санд романтика оборачивалась тоской по самой простой, даже бедной, но тёплой – обязательно тёплой – литовской комнате с невзрачным на вид роялем* [15, т. 5, с. 67].

ЗЕЛЁНЫЙ. Константно соотносаясь в языковом сознании с лексемой *лес* (сфера денотации концепта зелёного цвета – растения, их совокупности: трава, листья, дерево, поляна, лес: ‘зелёный лес’ (устойчивый эпитет) [19, с. 94]), термин цвета **зелёный** в прозе К.Г. Паустовского участвует в создании колористических описаний как хвойного: *Впереди за широким полем зеленел отсыревший от тёплого ветра сосновый лес в Пуццей-Водице* [15, т. 4, с. 612], так и лиственного леса: *Над зеленью лесов летали стаи весёлых птиц. Листва была так густа, что птицы не могли проникнуть внутрь леса* [15, т. 3, с. 287].

Колористические описания фиксируют разнообразие окраски: *Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зелёного цвета* [15, т. 6, с. 420], сочетания природных цветов (**зелёный** – **сиреневый**): *Внезапно в этой зелени [лесов] возникали сиреневые гранитные скалы* [15, т. 6, с. 493], интенсивность окраски: *Голые леса за озером быстро одеваются пышной зеленью* [15, т. 8, с. 100], а также утрату цвета: *Осень снимала с лесов, с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень* [15, т. 3, с. 547]. Коло-

ристической характеристике закономерно сопутствует световая: *погрузился в думы о городах со странными именами, о зелёном сиянье тропических лесов* [15, т. 6, с. 47]. Расширяя область функционирования от собственно природного пространства до пространства человека, термин цвета **зелёный** принимает участие в создании соматического кода произведения, проявляя свойственную восприятию писателя тенденцию к интенсификации цветового восприятия: *Женщина подняла глаза; зелень лесов, их тьма чернели и кружились в её зрачках* [15, т. 1, с. 233]; значим также в визуализации пространства творчества: [интертекст] *Грин пишет: «На севере неподвижным зелёным стадом темнел лес, огибая до горизонта цепь меловых скал* [15, т. 7, с. 451].

ЖЁЛТЫЙ цвет леса обусловлен в первую очередь темпоральной соотнесённостью, спорадически – пространственно детерминирован: *По ту сторону тянулся сосновый лес, жёлтый от брошенных окопов* [15, т. 1, с. 186]. Таким образом, **жёлтый** актуализирует преимущественно функцию показателя смены времён года – ТК «Осень»: *Леса уже желтели, роняли листву* [15, т. 6, с. 219]; *до самого края земли стояли жёлтые леса и шелестели посохшей листвой* [15, т. 7, с. 42], в цвето-световой комбинации усиливает эстетическое воздействие колористического описания: *Только от берёзовых, ещё не совсем облетевших лесов подымался к облакам тихий желтоватый свет. Казалось, что в глубине, под колёсами самолета, горят тысячи свечей. Это светила последняя сухая листва* [15, т. 2, с. 451]; ТК «Лето»: *Лето стояло жаркое. В лесу среди желтеющих берёз он увидел Лелю* [15, т. 6, с. 111]; ТК «Зима»: *Заиндевелые верхушки деревьев светились жёлтым огнём, – за лесом взошло солнце* [15, т. 6, с. 96].

БЕЛЫЙ. Цветовая характеристика **белый** создаёт темпорально обусловленные колористические описания (ТК «Зима»): *слабый солнечный свет упал на белые леса за рекой Лиелупа* [15, т. 3, с. 272]; [Мария] *не могла понять, откуда над белыми от снега лесами появились звёзды* [15, т. 2, с. 497], выражая цветовой признак эксплицитно. Актуализируется и в носящих имплицитный характер описаниях, например: *Дорога пошла вниз,*

в сыроватый лес, где белел туман [15, т. 3, с. 111]; запомнила удар фёна по акациевым лесам. Фён одним взмахом снял с деревьев, как мыльную пену, море белых цветов и поднял их в небо [15, т. 1, с. 532], а также: *Леса мчались навстречу, как снежная гроза* [15, т. 1, с. 530], где *снежный* ‘похожий на снег’ (по цвету). Ср. последнее с функционированием термина цвета *пепельный* ‘сероватый, похожий цветом на пепел’ [18, с. 791]: *из субтропиков ничего не выйдет и первый же фён оставит от лимонных лесов грязный пепел* [15, т. 1, с. 534].

БАГРЯНЫЙ. Функционирование термина цвета *багряный* в корреляции с лексемой *лес* в визуализации пространства природы специфично актуализацией изобразительно-выразительных средств языка: *небо всё же давало достаточно света, чтобы мокрые леса могли загораться* вдали, *как багряные пожары* [15, т. 6, с. 158]. Колористические описания, созданные на основе данной корреляции, несут отпечаток пушкинского цветового восприятия, расцениваемого К.Г. Паустовским как каноническое: *Как только Татьяна Андреевна произносила первые слова «Роняет лес багряный свой убор...», наступала мёртвая тишина* [15, т. 2, с. 435]; *Какая простота и звонкость языка, какая осанная звонкость у Пушкина в стихотворении «Роняет лес багряный свой убор»* [15, т. 8, с. 351], а также: *Багрец и золото лесов и роц редуют с каждым часом, усиливая резкость линий, оставляя обнажённые ветви* [15, т. 3, с. 258]. Таким образом, сфера функционирования подобных сочетаний расширяется до значимого для писателя пространства творчества.

КРАСНЫЙ. Термин цвета *красный* в прозе К.Г. Паустовского выполняет преимущественно функцию показателя смены времён года (ТК «Осень»): *В лесах было холодно, тихо под тучами, и красный лист, что ещё не всюду осыпался, висел понуро* [15, т. 7, с. 43]; *Наши леса совсем красные, ты таких никогда не видел* [15, т. 6, с. 219] и функцию указания на качественно-видовые особенности леса: [горы] *покрыты перевитыми густой тканью лиан буковыми лесами, лесами из красного дерева* [15, т. 7, с. 75], где *красное дерево* ‘древесина некоторых деревьев, преимущественно тропических’ [18, с. 467].

Спорадически оттеночный диапазон *красного* расширяется термином цвета *розовый* ‘бледно-красный’ в партитативных описаниях: *По дороге на Ай-Петри громадные леса из крымской сосны (с бледно-розовыми стволами)* [15, т. 9, с. 127].

РЖАВЫЙ. Термин цвета *ржавый* разг. ‘красно-бурый, цвета ржавчины’ [18, с. 1122] обогащает палитру леса, создавая гармоничные цветовые сочетания: *Леса на берегах уже ржавели, золотели* [15, т. 6, с. 466], где *золотой* ‘блестяще-жёлтый’ [18, с. 369]. Цветовая характеристика *ржавый* обусловлена темпоральным фактором: *Кончался сентябрь. Дубовые леса по берегам Волги уже заржавели от первых утренних морозов, но на полях ещё попадались последние лесные цветы* [15, т. 3, с. 591], сопровождается световой: *Солнце ещё за горами, но верхушки лесов на западных склонах уже зажигаются ржавчиной от его первых лучей* [15, т. 6, с. 316], является результатом влияния внешних природных факторов: *Рыжая осень мчалась по сторонам. Леса были заржавлены, их покрывала жёлтая плесень* [15, т. 6, с. 196], где *ржавчина* ‘жёлто-оранжевые пятна на поверхности растений, появляющиеся в местах, где развиваются споры паразитных грибов’ [18, с. 1122].

СИНИЙ. Помимо функции показателя удалённости леса от места его наблюдения, на которую указывает В.Г. Кульпина [12, с. 294]: *Потом встаёт впереди синий лес* [15, т. 3, с. 71]; *Вышли к обрыву. За ним в синеватом дыму стоял непроглядный лес* [15, т. 2, с. 461], термин цвета *синий* в прозе К.Г. Паустовского выполняет несвойственную ему функцию показателя смены времён года, проявляя уникальность авторской цветовой перцепции: *То река уходила поворотом в леса, золотые и синие от осени* [15, т. 6, с. 332].

СЕРЫЙ. Колористические описания леса, созданные с использованием термина цвета *серый*, носят опосредованный характер. Цветовую характеристику получает листва: *Гуляя заметил, что леса как будто изменились. Листва печально висела, касаясь земли, серая и мёртвая* [15, т. 1, с. 587], почва: *начинался сосновый лес с его серой, похожей на золу, рассыпчатой почвой* [15, т. 6, с. 471] и сумрак: *В лесу стояла серова-*

тая мгла [15, т. 2, с. 460]. Что верно и для термина цвета *голубой*: *С горы открылись ночные леса. Они расстилались внизу, залитые голубоватым воздухом ночи* [15, т. 2, с. 318].

ПУРПУРНЫЙ. Термин цвета *пурпурный* (*пурпур* ‘тёмно-красный или лилово-красный цвет’ [18, с. 1046]) актуализируется преимущественно в создании на основе цепочек цвета (некоторых последовательностей терминов цвета, функционирование которых ограничено рамками одного предложения и направлено на создание объёмной колористической зарисовки в рамках минимального текстового отрезка) эффекта многоцветности, характеризующего манеру цветописа К.Г. Паустовского. Что верно и для терминов цвета *лимонный* ‘светло-жёлтый’ [18, с. 497], *лиловый* ‘светло-фиолетовый’ [18, с. 497]. Ср. трехкомпонентные цепочки (*золотой – пурпурный – серебряный*): *Тёмные краски лета сменялись робким золотом, пурпуром и серебром* [15, т. 3, с. 547]; четырехкомпонентные (*лимонный – чёрный – серый – пурпурный*): *Мы вошли в редкий буковый лес на склонах Агармыша. Пальй лист всех цветов – от лимонного до чёрного и от серого до пурпурного – лежал на траве, мокрой от крупной росы* [15, т. 2, с. 143]; (*пурпурный – лимонный – лиловый – чёрный – золотой*): *Чистый осиновый лес! Лист у неё [осины] чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже чёрный с золотым крапом* [15, т. 3, с. 368].

СЕРЕБРЯНЫЙ, БРОНЗОВЫЙ, МЕДНЫЙ, ОЛОВЯННЫЙ. Свойственное цветовой манере письма К.Г. Паустовского использование химической терминологии в функции терминов цвета (*серебро* ‘металл серовато-белого цвета’ [18, с. 1178], *медь* ‘металл жёлтого цвета с красноватым отливом’ [18, с. 529], *олово* ‘серебристо-белый металл’ [18, с. 712]) расширяет цветовую палитру, используемую им для визуализации леса, актуализируя световую характеристику: *месяцы и годы леса шумели и качались волнами тусклого серебра* [15, т. 1, с. 506]; *смотрите ближе, на полосу елей. Видите бронзовый блеск на хвое?* [15, т. 3, с. 368]; *Леса, наискось освещённые солнцем, казались ему грудями лёгкой медной руды* [15, т. 6, с. 172]; *Леса, будто выкованные из*

топкого олова, сверкали под декабрьским небосклоном [15, т. 6, с. 181].

Помимо лексемы *лес*, в прозе К.Г. Паустовского в значении ‘сообщество растений’ функционируют лексемы *мелколесье* ‘мелкий лес’, ‘место, поросшее мелким лесом’ [18, с. 531] (*берёзовое и осиновое мелколесье; сосновое мелколесье*): *когда я попадаю в мелколесье, мне кажется, что именно в этих местах художник Нестеров нашёл черты своего пейзажа* [15, т. 3, с. 230]; *перелесок* ‘небольшой лес, отделённый полянами от других лесных участков’, ‘редкий или молодой лес’ [18, с. 808] (*берёзовые перелески; в дубовых перелесках; осиновый перелесок*): *В дубовых перелесках нет дорог* [15, т. 3, с. 613]; *Шли осиновым перелеском* [15, т. 3, с. 111]; *полесье* ‘болотистая местность, поросшая мелким лесом’ [18, с. 899]: *Это – полесье, древний и пустынный край* [15, т. 9, с. 264], которые также принимают участие в колористической визуализации лесного пространства: *уже зеленело сосновое мелколесье* [15, т. 3, с. 65]; *по крутым берегам серой стеной стояло осиновое мелколесье* [15, т. 6, с. 332]; *берёзовые перелески, зажжённые по взгорьям тихим осенним огнём, как сотни белых свечей* [15, т. 8, с. 381]; *Иволги печально свистели в перелесках. Жёлтый лист изредка падал на дорогу* [15, т. 6, с. 170].

Цветовой диапазон леса расширяется лексемами с имплицитным цветовым признаком: *Облака оказались лесами вековых отцветающих акаций* [15, т. 1, с. 530]; *рассказывал о лесах ореха, свисавших над морем, как богатые ковры висят на балконах домов в дни празднеств* [15, т. 1, с. 484].

Важную роль в колористической визуализации леса играют лексемы со значением ‘свет’, ‘тьма’ – как ядерные (*свет, темнота, светлый, тёмный, блеск, поблёскивать, сверкать* и т. п.): *лес на холмах светлый; лес чуть светился; лес сверкал; в лесах ещё бродили последние отблески солнца; обледенелый лес поблёскивал, как стеклянный – видны тёмные леса; через тёмный, дремучий лес; тёмные чащи лесов и др., так и периферийные (костёр, пожар, пламя и т. п.). В контекстах: *Ишь, как лес пышет то светом, то темнотой!* [15, т. 3, с. 369]; *ветер приносил этот запах из-за Днепра, из потемневших к весне черниговских лесов* [15, т. 4,*

с. 244]; *с каждым днём сильнее бушуют осенним пламенем громады лесов за рекой* [15, т. 6, с. 578]. В визуализации леса константно проявляется закономерная связь цветовой и световой характеристик: *Соединение его [солнца] янтарного огня с раскраской лесов вызвало такой феерический блеск, что временами терялось ощущение действительности* [15, т. 7, с. 144].

В создании колористических описаний леса получили выражение некоторые черты цветовой манеры письма К.Г. Паустовского, среди которых, помимо тенденции к интенсификации цветового впечатления, цвето-светового взаимодействия, особое место занимают передача эффекта многоцветности (золотой – синий – зелёный – радужный): *леса играли множеством солнечных пятен – золотых, синих, зелёных и радужных* [15, т. 6, с. 420]; широкое использование образительно-выразительных средств языка в передаче цветового признака: *деревья покрылись прозрачной ледяной плёнкой и странно играли багровыми цветами заката. Леса тянулись, как сказка* [15, т. 9, с. 15]; *Дурак ударил по [иволгам] из обоих стволов – и полетел золотой пух на землю, упал на леса, и леса посохли, пожухли и в одночасье опали. А иные листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались. Небось видел в лесу – есть лист жёлтый и есть лист красный* [15, т. 6, с. 157]; а также актуализация усиливающего эффект колористического воздействия аксиологического потенциала цветоописаний, обусловленного пересечением пространства природы с пространством живописи: *Это от золотой стены леса. Она обдаёт ели своим светом. Отражённый свет. Писать его трудно* [15, т. 3, с. 368]; художественного слова: *беру книгу Пришвина, открываю её и читаю: «Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такой сильной росой, такими светящимися узорами глянули из тёмного леса ветки елей, что на эту отделку не хватило бы алмазов всей нашей земли»* [15, т. 3, с. 354].

На фоне создающего многостороннее описание леса широкого спектра его характеристик, среди которых: пространственная (*о постройке фабрики в северных лесах* [15, т. 3, с. 219]; *в прибрежных лесах растёт вереск* [15, т. 1, с. 78]; *жили в мецюрских лесах*

[15, т. 3, с. 259]); параметрическая (*вырастал непроходимый лес* [15, т. 1, с. 506]; *болота и низкие леса* [15, т. 3, с. 291]; *такие высокие леса, что звезда, сверкавшая между тучами, казалась ниже, чем вершины сосен* [15, т. 2, с. 330]); темпоральная (*покрыты плесенью осенних лесов* [15, т. 2, с. 121]; *из вечерних лесов запахло сыростью* [15, т. 6, с. 319]); аудиальная (*широкий гул леса* [15, т. 1, с. 212]; *глубочайшее безмолвие лесов* [15, т. 1, с. 554]; *в лесу защёлкали птицы* [15, т. 2, с. 436]); одоративная (*ветрам, доносившим из леса запах оттаявшей коры* [15, т. 6, с. 477]; *машина вынесла нас в вечерние леса и в окна дуло запахом хвои* [15, т. 7, с. 252]); признак принадлежности (*лес был монашеский. А теперь народный* [15, т. 3, с. 624]) и др., – значим признак ‘лесообразующая порода’ (в алфавитном порядке): *лес акациевый, бамбуковый, берёзовый, буковый, дубовый, еловый, кипарисовый, из лиственницы, лимонов и мандаринов, магнолиевый, ольховый, ореха, осиновый, пальмовый, из секвой, сосновый, из туи, эвкалиптовый*. В контекстах: *кроме сосновых лесов, мачтовых и корабельных, есть леса еловые, берёзовые* [15, т. 3, с. 613]; *Во времена миоцена по берегам Финского залива росли магнолиевые и кипарисовые леса* [15, т. 3, с. 342]; *за нашими окнами – пальмовый лес по горам, заросли бамбука и море* [15, т. 9, с. 64]. В связи с чем представляется значимым в аспекте проблематики нашего исследования в дальнейшем выявить колористический спектр, используемый писателем для визуализации деревьев, формирующих сообщество растений, раскрыть специфику их цветовой визуализации, что будет способствовать целостному описанию дендронимического пространства его прозы. Так, в колористических описаниях берёзового леса у К.Г. Паустовского доминирует термин цвета *жёлтый*, далее по ранжиру – *золотой*, *белый*, *зелёный*, *лимонный*, *оранжевый*, *пепельный*, *седой*, *серебряный*. В цветовых описаниях бамбукового леса значим термин цвета *изумрудный*: *прикоснуться к ворсистым стволам кокосовых пальм, к изумрудной коре бамбука – всегда холодной и глянцевитой* [15, т. 5, с. 220]. Кипарис константно соотносится с цветохарактеристикой *чёрный*: *скалы, яркое, как синька, море и чёрные пики кипарисов* [15, т. 4, с. 400]. В

описаниях ольхи К.Г. Паустовский фиксирует динамику цвета: *леса внезапно меняли тёмный цвет и становились точно ртутными. Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой* [15, т. 1, с. 506], на основе терминов цвета создаёт высокохудожественные описания лиственницы: *их [лиственниц] хвоя – тонкая, как короткие золотые волосы, всё время сыпалась сверху* [15, т. 6, с. 330], магнолии: *зацвели магнолии и принесли белую и сумрачную бессоницу* [15, т. 1, с. 295]. Лексема дуб обнаруживает тенденцию к переходу в систему терминов цвета: *подымусь по лестнице, облицованной жёлтым кафелем, позвоню у выкрашенных под дуб дверей* [15, т. 4, с. 190]; *в его комнате, оклеенной обоями под дубовое дерево, пахло фиксатуром* [15, т. 4, с. 273] и т. п.

Таким образом, являясь одной из доминант природного пространства прозы К.Г. Паустовского, лес получает создающую стереоскопическое представление об объекте многостороннюю характеристику, вклю-

чающую пространственную, параметрическую, темпоральную, аудиальную, одоративную и др., на фоне которых колористическая приобретает особую значимость в свете важной роли цвета в картине мира К.Г. Паустовского. Выявленный широкий спектр терминов цвета, используемый писателем для колористической визуализации леса, обнаруживает высокую степень его индивидуально-авторской перцепции и визуализации, носящих опосредованный темпоральным и пространственным фактором характер. Актуализуемый писателем мощный функциональный потенциал терминов цвета содействует раскрытию отмеченного высокой степенью выразительности и аксиологичности художественного замысла писателя, созданию уникальной колористической картины мира К.Г. Паустовского, изучение которой представляется значимым в свете превалирования антропоцентрической парадигмы в современном языкознании.

Список литературы

1. Наумова Е.В. Особенности концептуализации природного объекта «Лес» в русском языке (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 143-147.
2. Касьмова О. Образ леса в языковой картине мира (на материале русского и польского языков) // Acta Neophilologica. 2015. Т. 17 (1). С. 45-48.
3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2017.
4. Фоякова О.И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Русская авторская лексикография XIX–XX вв. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. С. 35-50.
5. Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.
6. Вагенлетнер М.С. Региональная цветовая картина мира в произведениях писателей Сибири и Средней полосы России (на примере цветообозначения сообществ растений) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 125-127.
7. Słoboda J. Funkcje barw w językowej kreacji świata flory w “Dolinie Issy” Czesława Miłosza // Studia Językoznawcze. 2014. № 13. S. 229-243.
8. Боковели О.С., Прищепа В.П. Функция хроматических цветов в лирике Семёна Липкина // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 328-330.
9. Дарененкова В.С. Символика цвета в рассказе А.С. Байетт «Существо в лесу» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 191-201.
10. Хрипунова И.И. Текстурноорганизующий и аксиологический потенциалы цветообозначений в немецком художественном тексте (на материале романа К. Модика “Konzert ohne Dichter”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 76-82.
11. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2002.
12. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
13. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

14. Любимова Н.И. Место лингвоцветовой картины мира в культурном наследии языка // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. в 4 т. / отв. ред. С.Н. Борисов. Белгород: ИПК БГИИК, 2016. Т. 4. С. 240-247.
15. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1. 623 с.; Т. 2. 615 с.; Т. 3. 687 с.; Т. 4. 734 с.; Т. 5. 591 с.; Т. 6. 623 с.; Т. 7. 575 с.; Т. 8. 447 с.; Т. 9. 542 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов [и др.]. М., 2002. Т. 1.
17. Сивова Т.В. Авторская концептуализация осени в языковой картине мира К.Г. Паустовского // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Сер. 8. Філологічні науки. 2019. Вип. 11. С. 24-31.
18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
19. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

References

1. Naumova E.V. Osobennosti kontseptualizatsii prirodnogo ob'yekta «Les» v russkom yazyke (na materiale tolkovykh slovarey) [Peculiarities of conceptualization of the natural object "forest" in the Russian language (by the material of explanatory dictionaries)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 4 (70), pt 1, pp. 143-147. (In Russian).
2. Kasymova O. Obraz lesa v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov) [The image of the forest in the linguistic picture of the world (on the basis of Polish and Russian)]. *Acta Neophilologica*, 2015, vol. 17 (1), pp. 45-48. (In Russian).
3. Babenko L.G. (gen. ed.). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'* [The Conceptual Sphere of the Russian Language: Key Concepts and Their Representations in Language and Speech (Based on Vocabulary, Phraseology and Paremiology): Dictionary]. Moscow, 2017. (In Russian).
4. Fonyakova O.I. Oчерк razvitiya pisatel'skoy leksikografii v otechestvennom yazykoznanii (1883–1990) [Essay on the development of literary lexicography in Russian linguistics (1883–1990)]. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vv.* [Russian Author's Lexicography of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 35-50. (In Russian).
5. Sivova T.V. *Vzaimosvyaz' tsveta, sveta i khronotopa v yazyke proizvedeniy K.G. Paustovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Relationship of Color, Light and Chronotope in the Language of the Works of K.G. Paustovsky. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Minsk, 2018. (In Russian).
6. Vagenletner M.S. Regional'naya tsvetovaya kartina mira v proizvedeniyakh pisateley Sibiri i Sredney pol'osy Rossii (na primere tsvetooboznacheniya soobshchestv rasteniy) [Regional color picture of the world in the works of writers of Siberia and Central Russia (on the example of the color designation of plant communities)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 2007, no. 1 (29), pp. 125-127. (In Russian).
7. Słoboda J. Funkcje barw w językowej kreacji świata flory w “Dolinie Issy” Czesława Miłosza. *Studia Językoznawcze*, 2014, no. 13, pp. 229-243. (In Polish).
8. Bokoveli O.S., Prishchepa V.P. Funktsiya khromaticheskikh tsvetov v lirike Semëna Lipkina [The function of chromatic colours in Semyon Lipkin's lyrics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*, 2017, no. 2 (63), pp. 328-330. (In Russian).
9. Darenenkova B.C. Simvolika tsveta v rasskaze A.C. Bayyett «Sushchestvo v lesu» [Symbolism of colour in A.S. Byatt's story “The Thing in the Forest”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2010, no. 4 (10), pp. 191-201. (In Russian).
10. Khripunova I.I. Tekstoorganizuyushchii i aksiologicheskiy potentsialy tsvetooboznacheniy v nemetskom khudozhestvennom tekste (na materiale romana K. Modika “Konzert ohne Dichter”) [Text-organizing and axiological potentials of colour terms in the German fiction text (based on K. Modick's novel “Konzert ohne Dichter”)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 76-82. (In Russian).
11. Gorbachevich K.S. *Slovar' epitetoв russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Russian Literary Language Epithets]. St. Petersburg, 2002. (In Russian).
12. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh* [Linguistics of Colour. Terms of Colour in Polish and in Russian Languages]. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 2001, 470 p. (In Russian).

13. Vasilevicha A.P. (gen. ed.). *Tsvet i nazvaniya tsveta v ruskom yazyke* [Color and Color Names in Russian]. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
14. Lyubimova N.I. Mesto lingvotsvetovoy kartiny mira v kul'turnom nasledii yazyka [The place of the lingua-color worldview in the cultural heritage of the language]. *Sbornik dokladov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 t.: «Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki»* [A Collection of Reports All-Russian Scientific and Practical Conference: in 4 vols. "Science. Culture. Art: Actual Problems of Theory and Practice"]. Belgorod, Institute of Continuous Education Belgorod State Institute of Arts and Culture Publ., 2016, vol. 4, pp. 240-247. (In Russian).
15. Paustovskiy K.G. *Sobraniye sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1981–1986, vol. 1, 623 p., vol. 2, 615 p., vol. 3, 687 p., vol. 4, 734 p., vol. 5, 591 p., vol. 6, 623 p., vol. 7, 575 p., vol. 8, 447 p., vol. 9, 542 p. (In Russian).
16. Karaulov Y.N. (ed.). *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [Russian Associative Dictionary: in 2 vols.]. Moscow, 2002, vol. 1. (In Russian).
17. Sivova T.V. Avtorskaya kontseptualizatsiya oseni v yazykovoy kartine mira K.G. Paustovskogo [Author's conceptualization of autumn in the K. Paustovsky's language picture of the world]. *Naukoviy chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni M.P. Dragomanova. Ser. 8. Filologichni nauki – Scientific Journal of National Pedagogical Dragomanov University. Series 8. Philology*, 2019, no. 11, pp. 24-31. (In Ukrainian).
18. Kuznetsov S.A. (ed.-compiler). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
19. Kulpina V.G. *Lingvisticheskaya tsvetologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colorology: from History to Modernity of Color Conceptual Spheres]. Moscow, MAKS Press Publ., 2019, 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь. E-mail: sitavi@tut.by

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Поступила в редакцию 03.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 09.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Tatyana V. Sivova, Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism Department. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus. E-mail: sitavi@tut.by

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, obtained results processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Received 3 May 2020

Reviewed 9 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495
УДК 82.0

**Функциональность динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ,
МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в художественном тексте
(на материале романа Захара Прилепина «Обитель»)**

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА, Варвара Сергеевна ВУКОЛОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>, e-mail: rusfilol37@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>, e-mail: var.varina2010@yandex.ru

**Functionality of the dynamics of the concepts' content of STILLNESS,
SILENCE, and PRATE in a literary text
(based on the novel "Abode" by Zakhar Prilepin)**

Marina M. GLAZKOVA, Varvara S. VUKOLOVA

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>, e-mail: rusfilol37@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>, e-mail: var.varina2010@yandex.ru

Аннотация. Статья создана на стыке двух наук – литературоведения и когнитивной лингвистики. Поставлена актуальная проблема художественного смысла динамизма содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в романе Захара Прилепина «Обитель». Обоснован вывод о том, что исторические и авторские интерпретации названных концептов используются для выражения авторского сознания, что семантическое содержание изучаемых концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ служит в романе Захара Прилепина художественно-эстетическим обоснованием причин духовного кризиса русского общества начала XX столетия. Писатель, демонстрируя вытеснение изначального Евангельского содержания концепта БЕЗМОЛВИЕ (достижение святости), а также возникновение дополнительных его интерпретаций, которые формируются в тексте прилепинского произведения на основе периферийных смыслов в авторской интерпретации концептов МОЛЧАНИЕ (ограниченность ума) и ПУСТОСЛОВИЕ (идеологическая пропаганда), утверждает главную идею романа «Обитель», говорящую о губительности для России отказа от православного идеала в постреволюционный период.

Ключевые слова: концепт; ядерные и периферийные концептуальные признаки и их динамика; авторская интерпретация концепта; средства выражения авторского сознания

Для цитирования: Глазкова М.М., Вуколова В.С. Функциональность динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в художественном тексте (на материале романа Захара Прилепина «Обитель») // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 483-495. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495

Abstract. The work is created at the intersection of two sciences – literary studies and cognitive linguistics. We pose the urgent problem of artistic meaning of dynamism of the concepts' content of STILLNESS, SILENCE, and PRATE in Zakhar Prilepin's novel "Abode". We substantiate the conclusion that historical and author's interpretations of the named concepts are used to express the author's consciousness that the semantic content of the studied concepts STILLNESS, SILENCE, and PRATE serves in Zakhar Prilepin's novel as an artistic and aesthetic justification of the spiritual crisis causes in Russian society at the beginning of the 20th century. The writer, demonstrating the crowding out of the original Gospel concept content of STILLNESS (achieving holiness), as well as the emergence of additional interpretations of it, which are formed in the text of Prilepin's work based on peripheral meanings in the author's interpretation of the concepts of SILENCE (limitation of mind) and PRATE (ideological propaganda), confirms the main idea of

the novel “Abode”, which speaks of the destructiveness for Russia of the rejection of the Orthodox ideal in the post-revolutionary period.

Keywords: concept; nuclear and peripheral conceptual features and their dynamics; author's interpretation of the concept; means of expression of the author's consciousness

For citation: Glazkova M.M., Vukolova V.S. Funktsional'nost' dinamiki sodержaniya kontseptov BEZMOLVIE, MOLCHANIE i PUSTOSLOVIE v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Zakhara Prilepina «Obitel'») [Functionality of the dynamics of the concepts' content of STILLNESS, SILENCE, and PRATE in a literary text (based on the novel “Abode” by Zakhar Prilepin)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 483-495. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495 (In Russian, Abstr. in Engl.)

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Специфика выражения авторской мысли через концептуальные антиномии в художественном тексте романа Захара Прилепина «Обитель» изучалась в статьях современных исследователей на примерах динамики концептов ПРАВДА, ПОЭЗИЯ, БЛАГО и др. [1; 2].

Не менее значимыми для концепции романа Захара Прилепина, по нашему убеждению, являются авторские интерпретации концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ, которые формируются в тексте в качестве художественных средств, в результате чего происходит выражение авторского мировидения, заключённого в мысли о важности единственно правильного духовного выбора человеком основной цели своей земной жизни.

2. УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В СТАТЬЕ

Для решения заявленной проблемы необходимо более точно определить термины, которые получили в когнитивной науке различное толкование, такие как концепт, его первосмысл (ядро концепта, концептум), концептуализация и смыслы исторического изменения содержания концепта.

В нашей работе мы, прежде всего, опираемся на определения Ю.С. Степанова, назвавшего концептом определённое количество «базовых слов», составляющих «основу духовной культуры всякого общества» [3, с. 6]. В.В. Колесов вслед за Ю.С. Степановым точно определил термин «ядро концепта» как «первосмысл» и «концептум», поскольку «ядерная зона представляет древний первообраз, начинающий историю концепта»

[4, с. 535], которому мы следуем в нашей статье.

Глубокой разработкой теории концепта занимался учёный Н.Н. Болдырев, который подчёркивал, что концептуализация – это не только «осмысление поступающей информации», но и «мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (то есть фиксированных в сознании человека единиц знания). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению» [5, с. 37].

Захар Прилепин, как свидетельствует художественный текст его романа, был уверен, что иногда главная часть содержания концепта на какое-то время может быть вытеснена из памяти народа или переосмыслена. Подобная концептуализация происходит, как правило, в кризисные эпохи развития человечества. При этом повествователь может вводить в художественный текст новые авторские интерпретации концептов, создавая с их помощью более глубокие и яркие характеризующие признаки образов своих героев и эпохи, которую он описывает.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТА

Историческая динамика базового концепта БЕЗМОЛВИЕ, отражённая в словарных толкованиях значений слов, показывает результаты интерпретации мира человеком, даёт статические и динамические представления его языкового сознания, поэтому мы обращаемся для сопоставления к толковым словарям, в которых содержится «лексико-

графический анализ ключевых концептов, презентуемых словарными лексемами» [6, с. 3]. В толковых словарях косвенно доказывается, что в исторической динамике значений концептов зафиксированы результаты концептуализации мира, в том числе и те из них, которые отражены в художественных текстах. Захар Прилепин позволяет на языковом материале своей книги отчасти увидеть специфику процессов концептуализации русского мира в языковой картине русского народа в послереволюционной России.

Толковые словари также дают возможность увидеть динамику и специфику национального культурного мировидения. Так, в словаре В.И. Даля конца XIX века о концепте БЕЗМОЛВИЕ не упоминалось вообще, а в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, составленных в середине XX века, уже чётко зарегистрировано появление новых интерпретаций концепта БЕЗМОЛВИЕ. Например, Д.Н. Ушаковым в духе сталинского времени периода репрессий была подчёркнута, как положительное качество, покорность человека властям: «Безмолвный – это молчаливый, без слов, спокойный, мирный, исполнительный человек» [7, т. 1, с. 111].

4. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА БЕЗМОЛВИЕ

Концепт БЕЗМОЛВИЕ очень важен для каждого русского православного человека, так как он восходит к преданию о пребывании Иисуса Христа в пустыне в течение сорока дней перед началом его служения, которое Спаситель достойно выдержал, преодолев дьявольские искушения.

Подвиг БЕЗМОЛВИЯ представлял огромную значимость для христианства, так как был связан с базовыми концептами ПОКАЯНИЕ, ВЕРА, БЛАГОДАТЬ, СПАСЕНИЕ ДУШИ. Основное ядерное содержание концепта составляло сосредоточение человека на внутреннем мире с целью изменения своей греховной природы путём беспрестанной молитвы о прощении «грехов языка», таких как осуждение, ропот, гнев, ярость, злобность, сквернословие и пустословие, потому что самой трудной задачей для человека всегда было обуздание своего языка как орудия

злых помыслов и страстей, что невозможно без раскаяния и получения помощи Божьей.

В христианском дискурсе концепт БЕЗМОЛВИЕ предстаёт не просто как действие, а как «подвиг» – то есть жертвенный поступок, требующий напряжения всех сил, акт длительный и крайне опасный. Можно выделить в структуре концепта БЕЗМОЛВИЕ четыре части: констатирующую, анализирующую, концептуальную и итоговую.

1. Констатирующий этап заключался в желании верующего сосредоточиться на своём внутреннем мире, на покаянии перед Богом, на личном богообщении, которое было возможно только в одиночестве, без отвлекающих суетных дел земной жизни.

2. Анализирующий этап. Исповедание выявленных грехов и вины своей прежней жизни пред Богом.

3. Концептуальный этап. Избавление от грехов путём непрестанной аскезы и глубокой молитвы о прощении.

4. Итоговый этап. Стяжание духа святого и принятие плодов «духовного делания», достижение святости, получение даров прозорливости и служения людям (излечение болящих и т. д.).

Ю.С. Степанов традиционно выделял три слоя, составляющих содержание концепта:

- 1) основной актуальный признак;
- 2) дополнительные «пассивные» признаки, «являющиеся уже неактуальными», историческими;
- 3) признак, «сохраняющий внутреннюю форму концепта, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [3, с. 47].

Таким образом, ядром базового концепта БЕЗМОЛВИЕ было осуществление духовного подвига, заключённого в отказе от всякого общения с людьми, «в затворе», строжайшем посте и непрестанной молитве. Приядерная зона включила когнитивные признаки четырёх этапов реализации данного действия: уход в затвор, усмирение духа, очищение от греховных страстей, освящение и возвращение для служения Богу и людям.

В романе З. Прилепина демонстрируется парадокс: вытеснение из сознания персонажей перечисленных ядерных признаков концепта БЕЗМОЛВИЕ при явном наличии в реальности монахов, свершающих подвиг

безмолвного жития (отшельник и молчальник, живущий на территории бывшего монастыря). Показ писателем процесса вытеснения концепта из сознания героев и замена его новыми интерпретациями, зафиксированными в словарях концепта МОЛЧАНИЕ (например, гордыня) и антонимического концепта ПУСТОСЛОВИЕ и его разновидности (празднословие), возникших в результате отказа от христианской веры.

Словари С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, охватывающие лексику до 1930–1940-х гг., свидетельствуют о появлении второстепенных, периферийных, достаточно далёких от первосмысла значениях концепта БЕЗМОЛВИЕ, лишь напоминающих о его прежнем евангельском смысле. Речь идёт о следующих периферийных определениях: безмолвный – это «величественный, отрешённый от земного», «мудрый». В словаре С.И. Ожегова о слове «безмолвствовать», например, сказано: «слово несовременное, книжное» [8, с. 50]. Синонимом слова «безмолвие» названо «молчание», которое определено и как «мудрость», и как «ограниченность ума» и «надменность». В этих повествовательных интерпретациях наблюдаются разные смыслы, даже полностью противоположные. Составитель словаря приводит примеры из художественной литературы XIX–XX веков, среди них есть фраза из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует» [8, с. 50]. Хотя на самом деле народ в пушкинской трагедии своим БЕЗМОЛВИЕМ проявлял суровое осуждение временщиков, пришедших к власти, Д.Н. Ушаков определял значение слова «молчаливый» как «спокойный», «мирный», «исполнительный» [7, т. 1, с. 111].

В словаре русской ментальности В.В. Колесова охватывались все исторические изменения значения, которые, по мнению составителя, входили в ядерную зону концепта. «Абсолютное величественное молчание природы и человека». Считая основным значением концепта «полный отказ человека или природы от речи, несмотря на наличие сил и желаний», В.В. Колесов показал, что произошло явное расширение содержания концепта БЕЗМОЛВИЕ и в его периферийной зоне («безмолвие ночи», «безмолвие трудов»,

«безмолвие критики», «белое безмолвие») [9, с. 34].

Таким образом, толковые словари показывают семантическое наполнение концептов на основе сравнения их лексических репрезентантов. С помощью словарных значений представляется возможным также определить тенденции динамики исследуемых интерпретаций концептов, которые в романе З. Прилепина обладают функциями характеристики героев и авторского мнения концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ.

5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АВТОРСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНЦЕПТОВ БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Концепты БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ, представленные ядерными и периферийными признаками содержания, зафиксированными в толковых словарях, обретают в романе «Обитель» не только указанные в них, но и новые авторские интерпретации, выполняющие, в основном, функцию характеристики образов и способа выражения авторского мировидения.

В романе З. Прилепина достаточно широко показано, что ядерное содержание концепта БЕЗМОЛВИЕ является базовым, постоянным, так как оно было сохранено в «священнической среде» исключительно фактами реальности: в Соловецком монастыре продолжали «в подземных норах» творить подвиг «безмолвного жития» отшельники, совершающие попытку спасти от духовного падения многих заключённых, в том числе и протагониста романа Артема Горяинова.

Неоднократное появление в лесу, на водах, в биосаду безмолвного отшельника, предлагавшего Артёму для его спасения от отчаяния то ягоды (знак райского блаженства), то лодку (знак движения к новой жизни), так и не помогло Артёму отказаться от неверия в Бога и чувства богооставленности.

Герой продолжал сочинять разрушающие его душу пропагандистские пустышки и с душевным пылом продолжал писать лживые, «угоднические» тексты.

Очевидно, что, с одной стороны, для автора романа «Обитель» концепт БЕЗМОЛВИЕ важен как подтверждение укоренённости русского человека в православной вере, поэтому автором воссозданы вдохновенные образы соловецких подвижников и отшельников, неувязимых и стойких в вере. С другой стороны, повествователь видит катастрофическое разрушение духовности русского человека. Об этом говорят эпизод и молитвы еде; восприятие Артёмом окружающего леса, как «фабрики», где «всё механически стучит и движется» [10, с. 372], его бездушное неприятие приехавшей навестить его матери, его «позорную» связь с любовницей начлагеря и др.

Пропагандистское ПУСТОСЛОВИЕ протагониста также свидетельствует о том, что со временем перед ним обнажилась и проявила себя какая-то страшная подмена, которую герой понять не в состоянии, поэтому Артёму святые молчалники кажутся вросшими в землю «сухими» деревьями [10, с. 372].

Ядерное содержание концепта БЕЗМОЛВИЕ, как показывают словари и автор романа «Обитель», воспринималось в первой половине XX века в явно негативной интерпретации, но всё же с осознанием его «остаточной» ценности в моральном плане.

Например, один из центральных героев романа – начальник лагеря Эйхманис – будучи убеждённым атеистом, как и многие его подчинённые, проводя исследование островов архипелага и скитов на острове Анзере, где были обнаружены землянки отшельников, понял, что православие «не победить никогда».

Потрясённые тем, что монахи существуют в «несовместимых с жизнью» условиях, Эйхманис и другие чекисты начинают упорно разыскивать все поселения «безмолвников», пытаясь понять, каким чудом святые выживали в столь суровых условиях: в холоде, без еды, в тесноте, без движения.

Атеистические убеждения большевиков, их несогласие с «Божьей Правдой» и утверждение «своей правды» (антропоцентрической) не давали ответа на этот вопрос, поневоле заставляя их осознавать «чудесную спасительность» подвига монахов-отшельников. Даже ярый последователь Троцкого револю-

ционер Эйхманис в беседе с Артёмом со злобой говорит о необычной силе проповеди православной церкви, которую невозможно сокрушить и невероятно трудно низвергнуть даже с помощью изохронной лжи.

Несмотря на это, Фёдор Эйхманис, не веря сам, твёрдо уверяет других, что революционные силы победят «попов» за какие-то десять лет, поскольку именно эта задача для большевиков является первостепенной. Начлагеря говорит, что новая власть сумеет расколоть «валун – Россию» и «выколотить» её «нутро», заменив его нужной идеологией.

В романе мысль автора-повествователя проводят не только оставшиеся верными церкви бывшие священнослужители, такие как о. Зиновий, о. Феофан и о. Иоанн. Косвенно свидетельствует об этом также чекистка Галина, вынужденная признать, что на Соловках, которые стали концлагерем, «все лгут, кроме монаха-молчалника, пойманного в земляной норе» [10, с. 729]. Галина, только на первый взгляд, как бы вскользь, ненароком, вспоминает о «задержании» возле Биосада монаха-пустынника. Но, борясь со своей сильной страстью к Фёдору Эйхманису, героиня сравнивает себя с отшельником, не понимая всю нелепость сопоставления своей любви к Фёдору с любовью к Богу [10, с. 729]. Героиня вновь и вновь обращается в своих воспоминаниях к образу России, к тому надгробному огромному камню, хранящему внутри тепло веры, который стоит на монастырском кладбище, что говорит о её согласии с позицией всех «верных» персонажей, погибающих в штрафных изоляторах и на непосильных работах в концлагере, но не предавших свою веру ради личного выживания. Повествователь тоже повторяет мысль о невозможности «выколотить нутро» православной России. По его мнению, идеология большевиков носит временный характер и будет забыта.

Концепт БЕЗМОЛВИЕ в художественном пространстве романа «Обитель» часто интерпретируется героями романа как синоним концепта МОЛЧАНИЕ. Однако автор романа убеждает, что периферийные признаки концепта молчания двойственны, означая «надменность» и «отсутствие слов»; «ограниченность ума и чувств» и гордыню одно-

временно, чего нельзя сказать о базовом концепте БЕЗМОЛВИЕ.

Музыкант Мезерницкий в своей надменности обвиняет русскую интеллигенцию в непонимании простого народа, говорит: «Народ он, знаете ли, тёмный и безмолвный» [10, с. 111]. Стоящее впереди слово «тёмный» свидетельствует о том, что слово «безмолвный» интерпретируется как неграмотный, долготерпеливый, покорный, неспособный на отстаивание своих прав.

Повествователь, комментируя непрерывное пение народных песен другим персонажем Моисеем Соломоновичем, сначала подчеркнул, что этот герой исполняет русские песни с «необычайной» любовью, так, что «казалось, что за его плечами стоят безмолвные мужики – ратью чуть не до горизонта» [10, с. 111], но тут же даёт другое толкование поведению своего персонажа. На самом деле, оказывается, что пение Моисея Соломоновича для него самого было не актом любви к народному творчеству, а демонстрацией его лояльности ко всему русскому из-за страха гибели. Писатель объясняет, что этот персонаж, по сути, никогда и не погружался в истинный смысл русских народных песен, не понимал сути терпеливого и мудрого «безмолвия» русского народа, а, наоборот, воспринимал русское песенное творчество как «плод ограниченности ума» простого неграмотного мужика.

Искажённый смысл концепт БЕЗМОЛВИЕ приобретает и при использовании его в эпизодах пребывания некоторых героев романа «Обитель» в штрафизоляторе. Временный характер «разгрома православия» символизируется в произведении З. Прилепина «Обитель» «безмолвным колокольчиком», который постоянно держит в руке вечно пьяный чекист, охраняющий изолятор. Автор пишет, что охранник «с улыбкой мокрой, вялой и будто присползшей, как штаны с бесстыдного зада, стоял на входе, держа в одной руке безмолвный колокольчик, а другой прихватив его за язык, чтоб не звякнул» [10, с. 264], потому что по звону колокольчика вызывали на расстрел заключённых, а ему ещё не захотелось стрелять.

В этом эпизоде чувствуется авторский намёк на то, что величественный малиновый звон церковных колоколов, умолкнувший

после революции, был заменён на «безмолвный колокольчик», ставший знаком смерти, лжи и ненависти. В художественном тексте романа «Обитель» хотя «нежнейший звон колокольчика» по-прежнему вселял в заключённых надежду на то, что ничего плохого с ними не может случиться, «по Божьей милости», но реальность оказывается безжалостной: «Колокольчик стих – тут же раздался выстрел» [10, с. 504].

Поскольку «Обитель» – остро современный роман З. Прилепина о русском человеке катастрофической рубежной эпохи, то, несомненно, права О.А. Бердникова, которая в своей статье «Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания» писала: «Открытие Прилепина состоит в том, что он достаточно декларативно ставит типично русские вопросы, но даёт на них нетипичные ответы, погружая читателей XXI века в разные «контексты понимания» (М. Бахтин). При этом название романа и его проблематика актуализируют, в первую очередь, конечно, контекст русской классической традиции. Так, на вопрос «кто виноват?» автор сюжетом романа и системой персонажей отвечает: виноваты все» [1, с. 106].

В анализируемом тексте это осознание даётся через новую авторскую интерпретацию периферийных признаков концепта БЕЗМОЛВИЕ: Безмолвие в романе «Обитель» из обозначения духовного подвига Веры стало пониматься как «тягостное» состояние или «надменное» молчание людей, подавленных своим падением и полным обесцениванием личности человека.

Анализируя христианский контекст понимания, заложенный в романе, который О.А. Бердникова справедливо называет главным и констатирует: «В обитель (монастырь) приходят, чтобы обрести веру в Бога, покаяться и спастись. Прилепин моделирует разные пути спасения героев, при этом исторические детали и события могут быть истолкованы символически: собирание ягод, келья Мезерницкого, лазарет, Лисий остров, бегство с Галиной – разные варианты спасения: в природе, культуре, любви. Но единственно верный путь спасения – через веру – Артём так и не принимает. Действительно, ведь Артём не участвует в общем покаянии на Се-

кирке. Он перечисляет называемые священниками грехи, но не исповедует их» [1, с. 107]. «Тягостное» или «надменное» БЕЗМОЛВИЕ – это, по сути, самое чувство богооставленности, преобладающее в душах многих персонажей романа «Обитель».

В романе «Обитель» косвенно подчёркивается, что содержание концепта МОЛЧАНИЕ, в противовес содержанию концепта БЕЗМОЛВИЕ, имеет двойственный смысл: оно может быть и «спасительным» (молчат, по-своему противостоя властям, отец Феофан, отец Зиновий, бывшие монахи); и губительным: надменное молчание, идущее от гордыни, свойственно Эйхманису, Артёму, Сорокину, Галине, Мезерницкому и другим персонажам произведения).

Если монахи-молчалники явной невероятностью своей жизни в «земляной норе» свидетельствовали о «стяжании» ими Святого духа, питавшего и поддерживавшего силы всех святых подвижников, то этого не хотели видеть те герои романа, которые воспринимали свою свободу как волю совершать зло ближнему: клеветать, насиловать, убивать, злословить, мстить, издеваться над несчастными людьми.

В художественном пространстве романа «Обитель» МОЛЧАНИЕ имеет и другие авторские повествовательные интерпретации: оно может быть «томительным» [10, с. 40], «пугающим» [10, с. 261] или «неловким» [10, с. 217], но чаще всего оно выражает гордыню персонажа, его тщеславие, порождающее ненависть, злобность и другие отрицательные проявления характера.

Надменное МОЛЧАНИЕ почти всегда сменяется у героев Прилепина ПУСТОСЛОВИЕМ. Так, у протагониста романа Артема Горяинова чувство богооставленности выражается в форме агитаторского ПУСТОСЛОВИЯ, то есть избытком клише большевистской пропаганды, которая постепенно овладела всей его натурой. Попав в концлагерь, герой устремился в спортивную среду, которая давала множество преимуществ, но проявил себя не как спортсмен, а как умелый словесный трюкач, искусный демагог и стал, по сути, идеологическим пропагандистом. Повествователь подчеркивает: «Слова, произносимые им, – ...куцые, как бы фантики, ни одно ничего не весит, ни за какое слово не

поймаешь: дунет ветер, и нет этого слова» [10, с. 686]. То же самое можно отнести и к начальнику Фёдору Эйхманису, утверждавшему «новые истины» в форме такой же пустословной пропаганды и считавшему «безмолвие» монахов «надменным» молчанием, то есть проявлением бунтарства, непокорности и гордыни: «И если батюшка говорит, что советская власть – от Антихриста, – а они говорят это неустанно! – значит, никакого социализма в этой деревне, пока стоит там церковь, – мы не построим!..» – сказал Эйхманис, со злым лукавством косясь на Феофана, будто бы довольный его молчанием. – Поп тащит наш воз в противоположную сторону, и тащит с куда большим успехом! В самом лучшем случае – силы наши равномерны. Мужик слушал попа почти тысячу лет – а мы должны научить его слушать нас – за десять! Это – задача!.. И мы её выполним!» [10, с. 132].

На самом деле, «надменность» и в молчании, и в пустословии проявляют многие «заземлённые» персонажи романа, потому что они готовы «запечатать рот» и «принять обет молчания» только ради земных радостей [10, с. 331]. В этом признаётся и протагонист Артём, мечтающий только о сытости в концлагере. Учёный Осип Троянский и бывший белогвардеец Василий Петрович Вершилин мечтают ещё и об удовлетворении гордыни, о чём свидетельствуют почти все их поступки.

В произведении Захара Прилепина можно различить различные виды пустословия. Концепт ПУСТОСЛОВИЕ (в значении «демагогия») важен для выявления главной идеи романа З. Прилепина, поэтому этот концепт многократно варьируется в художественном пространстве романа «Обитель». Кроме пропагандистского пустословия автором романа выявляется «поэтическое пустословие» главного героя Артёма: протагонист страстно любит поэзию, но не понимает сути ни одного из любимых стихотворений: ни современных авторов, ни классических. Ему нравились абсолютно все стихи, какими бы они ни были: «Артём заучивал их наизусть и повторял про себя, иногда сам не очень понимая зачем» [10, с. 27]. Он любил, например, стихи не известного никому бездарного поэта Бориса Ширяева. Разгадкой тайны такой

странной любви было то, что поэт Ширяев, по словам повествователя, «не без старания, сочинял стихи с чужих голосов» [10, с. 27], то есть вставлял клише большевиков.

В романе «Обитель» связь концепта БЕЗМОЛВИЕ с концептом ПУСТОСЛОВИЕ выявлена в том, что утеряны истинные смыслы их содержания, а на смену им пришли ложные, возникшие в послереволюционную эпоху. Пустословием в историческом контексте, изображаемом Захаром Прилепиным, названы такие слова и выражения, которые являются для русских, по сути, чужими. Речь идёт о двойственности смыслов клише пропагандистского типа. Например, чекистка Галина на допросе говорит заключённому Артёму: «Вы можете встать на путь перековки» [10, с. 178]. На самом деле героиня предлагала ему стать доносчиком.

Смысл слова пустословие обозначен в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова так: «Пустота – самодостаточная бессодержательность ничем не затенённого пространства», времени, места (пустыня, пустошь, пустырь) или объёма (полость пустоты)» [9, с. 139]. В художественном тексте содержится другая интерпретация периферийного содержания концепта ПУСТОСЛОВИЕ: пропагандистская идеологическая ложь, распространённая на научные, поэтические и политические тексты.

Другим периферийным значением концепта ПУСТОСЛОВИЕ, данным автором, становится отсутствие за словами конкретных дел, неподкреплённость слова – поступками. С помощью этой интерпретации концептов характеризуется персонаж Филиппок, «мелкий мужичок», за мудрыми словами которого вместо конкретных дел были страшные деяния. Яркий пример такого пустословия заключён в эпизоде, в котором персонаж говорит велеречиво: «Я молитвенно совершаю свой труд» [10, с. 70], но при этом он не молился и не трудился никогда, а только «ныл и болтал». Он, жестоко убив свою «матушку», лицемерит, называя её уменьшительно-ласкательно, при этом ничуть не раскаивается в содеянном.

Только отец Иоанн продолжает видеть в Филиппке ростки духовного взросления и справедливо считает, что страдания в конце концов преобразят душу и этого «мелкого

мужичка». Батюшка был уверен также, что даже своим «ПУСТОСЛОВИЕМ» (то есть необоснованным произнесением Евангельских цитат и русских пословиц и демонстративным неисполнением содержащихся в них истин) он всё равно придёт к прощению и спасению через страдания. Владычка Иоанн говорит о нём так: «И теперь ему без ноги скакать до самой смерти! Ты добрый, не кори его за его пустословие. Через своё пустословие он тоже движется к Богу... И не обозлись за весь этот непорядок вокруг тебя. Если Господь показывает тебе весь этот непорядок – значит, он хочет побудить тебя к восстановлению порядка в твоём сердце» [10, с. 166].

Автор-повествователь акцентирует читательское внимание на том, что пустословие процветает в речах почти всех персонажей романа, возникая от чувства неоправданного превосходства одного человека над другим. Например, Артём считал себя значительно умнее Мити Щелкачева и Авдея Сивцева. Герой рассуждает о них, как о «бестолочах», хотя Сивцев искренне сказал, что без работы он испытывает беспокойство от «праздношатапия» [10, с. 124]. Чувствуя, что Сивцев по-настоящему образован (в отличие от Артёма), зная, что он старше его не менее, чем на пятнадцать лет, и что он обладает «мужицкой сноровкой» и «житейским умом», Артём всё равно «учит» и Митю, и Сивцева, разыгрывая из себя умудрённого старожилу концлагеря, говоря им множество «пустых» слов, но при этом заявляя, что ему приятно их таким образом «поучать» [10, с. 124]. Многие персонажи из-за окружавшего их пустословия считали, что «все слова на свете лишние» [10, с. 185] и молчали в любых ситуациях.

Захар Прилепин в своём романе подметил, что главной причиной массового проявления пустословия в XX веке стал большевистский «пропагандистский язык». Созданный революционерами, «воляпюк» вольно или невольно был впитан советскими людьми. Этим «новоязом» прекрасно овладел бывший студент Артём. Диктуя журналисту Гракову речь о важности спорта в концлагере, он обнаруживал всю лживость пропагандистских построений: «Спорт – это не развлечение. Это отражение грамотно поставленной культурной работы Соцлагерей. Отражение пути,

проходимого исправляющимися, но пока ещё виновными членами общества. Спорт – это ощущение духа, столь же важное, как труд», – чеканил Артём [10, с. 213]. Персонаж не понимал, откуда он взял сочетания слов, которые никогда не были ему свойственны. Он не осознал, что пропагандистское пустословие служит внутреннему устремлению его души к тщеславию, что оно уже пропитало всё его «нутро».

Борис Лукьянович хвалит Артёма, считая его «великолепным оратором – Громокипящим» [10, с. 213]. Из знакового определения, данного поэтом Игорем Северяниным слову «громокипящий», становится понятным, что истоком идей революции были стихотворения некоторых поэтов-символистов, не различавших добро и зло, но обладавших поэтическим даром и поэтому воспринимавшихся как «новые классики» [10, с. 213].

Автор-повествователь вкладывал в слово «изгалялся» своё отношение к Артёму, диктующему журналисту статью, подчёркивая, что за «правильные речи» герою выпишут солидное денежное довольствие «как революционному бойцу-агитатору» [10, с. 214]. О том, что речи Фёдора Эйхманиса, учёного Осипа Троянского, музыканта Мезерницкого и других персонажей были обыкновённым пустословием, говорит также комментарий повествователя, данный Эйхманису. Он был словно иностранец: «Каждую минуту ожидалось, что вдруг он перейдёт на свою, родную ему, речь, и совсем не латышскую, или немецкую, или французскую – а какую-то ещё, с резкими, хрустящими, как битое стекло, повелительными словами» [10, с. 273].

Сопоставляя звучание повелительных глаголов в речи начальника лагеря с неприятными звуками, возникающими, «когда бьют стекло», автор выражает отрицательное отношение ко всем «умовыморочным» речам, к лозунгам, за которыми не было никакой конкретики, а тем более, истины и справедливости [10, с. 228].

Интересны инвективы Василия Петровича Вершилина, гневно обличающего пропагандистское политическое пустословие: «Если б прислушались, сразу осознали бы: всё, что вокруг вас, – какофония! Какофония и белибердовы сказки! И варвары, изьясняющиеся на неведомом наречии, решившие

обучить нас – нас! – своему убогому языку! Своровали всё – страну, свободу, Бога... Теперь ещё и язык воруют – у меня в голове навалены эти слова, торчат углами... «Проклятьем заклеимённый» – это что? Опера из жизни индейцев? «Диктатура пролетариата» – это как? Может, это блюдо? Из чего его готовят? «Интриги Антанты», «весна революции», «светлое будущее», «тяготы царизма», «борьба классов» – а это что такое? Что за воляпюк?» [10, с. 395].

«Уродский язык» используется всеми персонажами машинально. Ткачук, избивая Артёма на допросе, обламывая об него табуретки, при этом обращался к нему на революционно-поэтическом языке, неточно цитируя «песню революции»: «Вставай, заклеимённый» [10, с. 499].

И только на грани жизни и смерти, когда каждый мог быть расстрелян «по колокольчику», «человек больше ничего не говорил, словно берёт каждое своё слово, зная, что до смерти их осталось наперечёт», – подчёркивал повествователь [10, с. 500].

В лагере человек был поставлен по значимости ниже насекомого, которого не жалко раздавить ногой: красноармейцы заставляли всех штрафников раздеваться на входе в бывшую церковь, обещая сжечь одежду и «веселя» друг друга: «Всё одно она вам больше не пригодится, а клопов нечего морозить!» [10, с. 501]. Такой человек только тогда отказывался от пустословия, сберегая каждое слово и цenia его истинность, когда обретал наконец веру в свою бессмертную душу и в то, что он создан «по образцу и подобию» Божьему.

Очевидно, поэтому во второй части романа «Обитель» некоторые персонажи, как будто прозревая губительную суть пустословия, заглядывают в глубины слов и словосочетаний, рождённых революцией (Василий Петрович), а также нового «канцелярита» (Артём Горяинов), желая понять, откуда пришла к ним и заполнила собой их существо «уродская речь», в которой преобладают такие «угловатые и безобразные» антислова [10, с. 557].

Только пройдя через множество страданий, Артём осознал какую-то «подмену»; он узнал, что фактически из-за пустословия погиб его друг – поэт Афанасьев, сам сочинив-

ший двусмысленный пропагандистский лозунг: «Соловки – рабочим и крестьянам!», – но так и не написавший ни единого стихотворения из-за своей неграмотности [10, с. 557].

Апофеозом разоблачения пропагандистского пустословия становится речь Артёма в изоляторе, где герой встретился с убийцами Афанасьева. «Как всё-таки неповоротливо звучит, – злобно и мечтательно делился со всей камерой своими размышлениями. – Артём, послушайте: «Приговор приведён в исполнение». Посмотришь, к примеру, на Санникова – и пытаешься примерить к нему эту фразу – ну, буквально как галстук на шею повязываешь: «Приго-о-о... вор!.. приве-е-е... дён!.. в испо-о-о... лне! ни! е!» Или, Санников, слышишь? – такое ощущение, как будто червь ползёт по животу, вытягивая своё кольчатое тело: приговор приведён в исполнение... Чувствуете, да?» [10, с. 672].

Сокамерники не хотели слушать Артёма, «как будто он был неистребимым злом», как радио, замурованное в стену их изолятора [10, с. 672]. Герой продолжал «мстить словами», показывая всю их злобность и пустоту: «Во-первых, «приговор приведён». Куда он приведён? С чего бы это? Где в этих словах уместается, например, товарищ Горшков? Затем ещё нелепей: «...приведён в исполнение». Исполнение – это что? Лавка? Ресторация? Театральный зал? Зачем туда приводить приговор? Будут ли там кормить? После какого звонка пустят в залу? Что там за исполнение предстоит? Понравится ли тому же Горшкову это исполнение? Оценит ли он его? Может быть, он лишён музыкального вкуса и ничего не поймёт? Уйдёт недовольный?» [10, с. 672].

Доведя до абсурда одну только фразу из арсенала «канцелярских» выражений большевиков, Артём демонстрирует её устрашающую «адскую» пустоту, раскрывает содержащееся в ней разрушительное зло. Но протагонист Прилепина сам не перестаёт пустословить и сочиняет примитивную формулу своей жизни: «Без креста и без хвоста», означающую метание его души между бесовством, безумием и гордыней.

В романе «Обитель» выделена также разновидность «научного» пустословия, на котором строятся речи учёного Осипа Троянского. Этот талантливый учёный не пони-

мает, что его научная речь – это то же самое пропагандистское пустословие. Его прозорливая мать подтверждает эту оценку повествователя, называя сына не «учёным», а «выдумщиком» [10, с. 400]. Рассуждая о научных перспективах экономического развития Соловков, Осип сравнивает их с Африкой, а себя – с «чёрным большевистским рабом» [10, с. 401]. Герой, проявляя крайнюю степень неверия в Бога, говорит о Соловках нелепую ложь: «Здесь никогда не было глубокой жизни ума, <...> Трудовая коммуна, хозяйствование – да. Христос являлся? Быть может. Но русская мысль тут всегда спала – одни валуны вокруг, какая ещё мысль. И Эйхманис эту мысль не разбудит: всё, чем он занимается, – кривляние» [10, с. 400]. Мощь православной России, выраженная символом «Россия – надгробный валун», превратился в «пустой» валун, никому не нужный камень, как и Христос в речах этого псевдоученого Троянского. В этом заключена, по мысли автора романа, трагедия российского государства.

Отец Иоанн справедливо называл пропагандистское пустословие недостойным человека звериным «лаем и мычанием», символизирующим временную победу зла над добром: «Значит, на Господа нашего уповая, есть смысл надеяться пережить и секирскую напасть. Всякий раз, – увлекаясь своей речью, продолжал он, – когда идёшь мимо чёрного околыша или кожаной тужурки, горбишься спиной возле десятника или ротного, думаешь: ведьогреют сейчас дрыном – и полетит дух мой вон, лови его, как голубя, за хвост. Но ведь не бьют каждый раз! И раз не бьют, и два, а бывает, и **человеческое слово** скажут, не только лай или мычанье! И заново привыкаешь, что люди добры!» [10, с. 511].

Важным представляется и то, что в этом эпизоде «пустословие» учёного следует сразу за «пустословием» несостоявшегося студента Артёма, явного «сластолюбца», только что определившего во время совместной трапезы, что рецепт счастья состоит в обжорстве: «Борщ был не просто едой – он был постижением природы и самопостижением, продолжением рода и богоискательством, обретением покоя и восторженным ликованием всех человеческих сил, заключённых в горячем, расцветающем теле и бессмертной

душе. Они съели по три тарелки, пока бидон не опустел. Несколько раз Артём едва не перекусил свою ложку» [10, с. 399].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выявление в художественном тексте романа Захара Прилепина «Обитель» авторских толкований слов как репрезентантов концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в сопоставлении их с данными толковых словарей исторического периода, воссозданного и описанного в произведении, позволяет сделать следующие выводы.

Можно утверждать, что факторами, влияющими на изменения концептуальных признаков, по убеждению повествователя, является революционный слом традиционных христианских ценностей и изменение аксиологической системы в сознании русского человека, в результате чего произошло обесценивание личности и её последующая ужасающая деградация, отразившиеся в резкой динамике базовых концептов русской языковой картины мира.

Автор-повествователь демонстрирует, что ядерное содержание ключевого для писателя концепта БЕЗМОЛВИЕ, близкое к концепту ПОКАЯНИЕ, было почти полностью вытеснено из словарного запаса заключённых Соловецкого лагеря, несмотря на то, что реальные примеры «подвига безмолвного жития» среди монахов имели место.

Показывая актуальность для российского общества нового осмысления действительности посредством сближения содержания периферийной зоны концепта БЕЗМОЛВИЕ с концептом МОЛЧАНИЕ, при котором появились двойственные антиномические интерпретации этих концептов (мудрое молчание, надменное молчание и др.), Захар Прилепин в «Обители» интерпретирует их и использует в качестве оригинального художественного средства образительности. Автор романа подчёркивал, что с помощью изменений периферийных зон содержание концептов БЕЗМОЛВИЕ и МОЛЧАНИЕ, понимание спасительной сосредоточенности на Божьей воле и промысле было профанировано и не ассоциировалось уже с понятием кротости (Филипп – «мелкий мужичок»), по-

этому концепт БЕЗМОЛВИЕ употреблён только один раз в речи владычки Иоанна как выражение надежды на подвиг покаяния грешников.

Концепт МОЛЧАНИЕ обрёл две противоположные интерпретации: спасительное молчание и губительное молчание. Спасительным можно назвать только молчание оставшихся верными церкви священников (отцы Феофан, Иоанн, Зиновий), а также таких глубоко верующих людей, как Митя Щелкачёв и Авдей Сивцев, которым свойственно «хранение уст» от пустословия для выполнения заветов Божьих. Крайней, противоположной точкой осознания персонажами динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ и МОЛЧАНИЕ становятся интерпретации концепта ПУСТОСЛОВИЕ.

В романе «Обитель» появляются авторские интерпретации, выполняющие функцию художественной инвективности, разоблачения зла и безумия через пустословие.

Помещённые многократно в художественное пространство романа Захара Прилепина авторские интерпретации пропагандистских речей как пустословной и изощренной лжи, свойственной многим персонажам (Эйхманису, красноармейцам, Галине, Артёму, Афанасьеву, Бурцеву и многим другим), позволяют автору «Обители» выделить несколько разновидностей пустословия, очевидно, для того, чтобы продемонстрировать огромные масштабы его распространения: 1) поэтическое пустословие – это страсть к «пустозвонству», увлечение внешней красотой, музыкальностью поэтических фраз, не наполненных глубоким содержанием и не направленных на добро (Артём, поэт Афанасьев, Мезерницкий, пролетарские поэты и др.); 2) научное пустословие (псевдонаука Осипа Троянского); 3) политическое пустословие (речи представителей власти и Артёма Горяинова), которое ассоциируется со словесным кривлянием, какофонией советских идеологических формул, лозунгов и выражений и резко разоблачаются повествователем и его персонажами во второй части романа «Обитель»; 4) бытовое пустословие (отсутствие за речами конкретных дел: Артём, Афанасьев, Филиппок).

Символично, что бывший студент Артём, выслушав псевдоученого Осипа Троян-

ского, определяет процесс произнесения его речи тем же словом, которым охарактеризовал автор-повествователь слова самого Артёма, – «изгаляется», то есть становился голым, обнажает скверну своей души, не верящей ни во что высокое. Тем самым Захар Прилепин, как нам представляется, подчёркивал, что концепт ПУСТОСЛОВИЕ, несмотря на все разновидности, имеет одну причину: отказ от Веры, высшим духовным подвигом которой был подвиг БЕЗМОЛВИЯ, то есть сосредоточение всего себя на слове и законе Божьем.

Автор «Обители» констатировал, что не только во всех разновидностях пропаганди-

стского пустословия, но и в любых грубых словесных нападках, укорах и злоречии, сказанном ради мести своим врагам «за други своя», живёт губительное для души человека «окамененное нечувствие» к боли ближнего.

В результате изучения динамики концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ становится очевидным, что в авторских интерпретациях усилена их обоюдная оппозиционность, что движение к содержанию, близкому к концепту ПУСТОСЛОВИЕ, заводит человека в тупик, что риторическим идеалом русского мира всегда было и остаётся «золото молчания», достигнутое через Веру, Надежду и Любовь.

Список литературы

1. Бердникова О.А. Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания // «ИЩИТЕ ЖЕ ПРЕЖДЕ ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ И ПРАВДЫ ЕГО» (Мф. 6:33): материалы 12 Междунар. форума. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 105-107.
2. Попова И.М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «Своя Правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54). С. 144-150.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
4. Колесов В.В., Колесов Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А–О. 592 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2014. 231 с.
6. Мэн У. Толковые словари как отражение эволюции языковой картины русского народа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. Тамбов, 2018. 222 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 10 т. М: Астрель, 2000. Т. 1. 845 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век, 2004. 1200 с.
9. Колесов В.В. Принципы словаря русской ментальности // Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 527-552.
10. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ; ред. Е. Шубиной, 2015. 746 с.

References

1. Berdnikova O.A. Roman Z. Prilepina «Obitel'» kak fenomen sovremennoy russkoy prozy: konteksty ponimaniya [Prilepin's novel "Abode" as a phenomenon of modern Russian prose: conception contexts]. *Materialy 12 Mezhdunarodnogo foruma «ISHCHITE ZHE PREZHDE TSARSTVIYA BOZHIIYA I PRAVDY EGO» (Mf. 6:33)* [Proceedings of 12th International Forum "SEEK FIRST OF ALL THE KINGDOM OF GOD AND HIS TRUTH" (Matthew 6:33)]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, 2017, pp. 105-107. (In Russian).
2. Popova I.M. Amplituda istoricheskogo puti Rossii skvoz' prizmu transformirovannykh kontseptov «Pravda Gospodnya» i «Svoya Pravda» po romanu Zakhara Prilepina «Obitel'» [The amplitude of historical way of Russia through the lenses of the transformed concepts "God's Truth" and "One's Own Truth" based on the novel by Zakhar Prilepin "Abode"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2015, no. 12-2 (54), pp. 144-150. (In Russian).
3. Stepanov Y.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Constants: Dictionary of Russian Culture. 2th ed. Rev. and Add.]. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., 2001, 990 p. (In Russian).

4. Kolesov V.V., Kolesov D.V., Kharitonov A.A. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of the Russian Mentality: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol. 1, 592 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika: vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy. 4-e izd., ispr. i dop.* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Lecture Course. 4th ed. Rev. and Add.]. Tambov, 2014, 231 p. (In Russian).
6. Men U. *Tolkovyye slovari kak otrazheniye evolyutsii yazykovoy kartiny russkogo naroda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 – Russkiy yazyk* [Explanatory Dictionaries as a Reflection of the Evolution of Russian People Linguistic World-Image. Cand. philol. sci. diss. abstr.: 10.02.01 – Russian Language]. Tambov, 2018, 222 p. (In Russian).
7. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 10 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 10 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., 2000, vol. 1, 845 p. (In Russian).
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONYX 21st Century Publ., 2004, 1200 p. (In Russian).
9. Kolesov V.V. *Slovari slovarya russkoy mental'nosti* [The principles of the dictionary of Russian mentality]. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol. 2, pp. 527-552. (In Russian).
10. Prilepin Z. *Obitel': roman* [Abode: Novel]. Moscow, AST Publ., 2015, 746 p. (In Russian).

Информация об авторах

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет. г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: rusfilol37@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск литературы, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Вуколова Варвара Сергеевна, кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: var.varina2010@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Глазкова Марина Михайловна
E-mail: rusfilol37@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2020 г.
Поступила после рецензирования 15.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: rusfilol37@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, literature search, materials processing and editing, final manuscript approval.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Varvara S. Vukolova, Candidate of Philology, Senior Teacher of Additional Education of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: var.varina2010@yandex.ru

Contribution: literature review, literary text analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Marina M. Glazkova
E-mail: rusfilol37@mail.ru

Received 10 April 2020
Reviewed 15 May 2020
Accepted for press 22 May 2020

Ошибки в категоризации рода при речепорождении иностранцев, изучающих русский язык

Алёна Александровна ЩЁЛОКОВА

ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»
620034, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1498-4720>, e-mail: aschelokova@usurt.ru

Mistakes in gender categorization in speech production of foreigners studying Russian

Alena A. SCHELOKOVA

Ural State University of Railway Transport
66 Kolmogorova St., Yekaterinburg 620034, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1498-4720>, e-mail: aschelokova@usurt.ru

Аннотация. Сбой в определении грамматической категории рода имён прилагательных, порядковых числительных и притяжательных местоимений при речепорождении иностранцев, представляющих моноэтническую (китайскую) группу обучающихся, рассмотрен с позиции когнитивной лингвистики. Анализ письменных работ и устных высказываний студентов, изучающих русский язык как иностранный, позволил выявить механизм, приводящий к типичным ошибкам в данном аспекте русской грамматики. Категоризация по роду имен существительных происходит посредством когнитивных механизмов соотнесения и сравнения, а именно: по биологическому роду – мотивированное, по формальному признаку – немотивированное; категоризация по роду имён прилагательных, притяжательных местоимений и порядковых числительных, как категоризация вторичных (немотивированных) признаков, отсутствует у иностранных резидентов. Соответственно, для иностранца познаваемая категория, не обладающая онтологическим характером, становится тяжело преодолимым препятствием на начальном этапе изучения языка.

Ключевые слова: категория; грамматика; род; ошибка; интерференция

Для цитирования: Щёлокова А.А. Ошибки в категоризации рода при речепорождении иностранцев, изучающих русский язык // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 496-502. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-496-502

Abstract. The failure to determine the grammatical gender category of adjectives, ordinal numerals and possessive pronouns in the speech production of foreigners representing a monoethnic (Chinese) group of students is considered from the perspective of cognitive linguistics. The analysis of the written works and oral statements of students studying Russian as a foreign language reveals a mechanism that leads to typical mistakes in this aspect of Russian grammar. Categorization by gender of nouns occurs through cognitive mechanisms of correlation and comparison, namely: by biological gender – motivated, by formal attribute – unmotivated; categorization by gender of adjectives, possessive pronouns and ordinal numerals, as the categorization of secondary (unmotivated) features, is absent for foreign residents. Accordingly, for a foreigner, a cognizable category that does not have an ontological character becomes a difficult obstacle to overcome at the initial stage of language learning.

Keywords: category; grammar; gender; mistake; interference

For citation: Schelokova A.A. Oshibki v kategorizatsii roda pri recheporozhdenii inostrantsev, izuchayushchikh russkiy yazyk [Mistakes in gender categorization in speech production of foreigners studying Russian]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 496-502. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-496-502 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Процесс категоризации, то есть соотношение объекта с классами, группами, множествами, является не только одним из способов познания окружающей действительности, но и отражением языковых категорий, в том числе грамматических. Соответственно, категоризация есть довольно важное явление, свойственное человеческому мышлению, оказывающее значительное влияние на функционирование речи. В.И. Заботкина и Е.Л. Боярская утверждают, что процесс категоризации лежит в основе использования языка в целом, отсюда неоспорима важность изучения данного процесса для любого лингвистического исследования [1, с. 60]. При этом имеет место дуалистичность процесса категоризации и речевой деятельности, которая заключается в том, что категоризация осуществляется посредством самого языка. На данный факт указывает Н.Н. Болдырев, пишущий, что язык – это средство категоризации, при котором происходит форматирование полученных знаний [2, с. 6]. Одним из важнейших условий протекания процесса категоризации в мышлении человека А.П. Журавлев называет наличие знаковой системы (языка), которая служит для репрезентации информации и результатов её обработки в виде категорий [3, с. 63]. Е.С. Кубрякова утверждает, что «вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т. п. – по категориям, носит всегда в конечном счёте языковой характер» [4, с. 14]. Соответственно, вся языковая система является отражением взаимосвязанных категорий, обеспечивающих адекватное описание того или иного внеязыкового предмета по прямым (например, форма, цвет и т. д.) и опосредованным признакам. Как правило, подобные опосредованные признаки обнаруживаются не в «явных» языковых системах, а в грамматических категориях (например, род неодушевлённых предметов). Последние показывают, что внеязыковой предмет воспринимается тем или иным сообществом не разнолико, но как унифицированная и упорядоченная форма, образованная не отдельным говорящим, а за счёт коллективной информационной обработки и носящая статус искусственности и национальной принадлежности. Речь идёт о так называемом «перцептуальном» (чувст-

венном) роде. В грамматической системе русского языка всем существительным автоматически присваивается род, маркируемый грамматически (морфологически у большинства, синтаксически у одушевлённых существительных общего рода: *неряха, плакса, протеже*), и «далеко не в каждом случае ощущается связь с концептуальными признаками предмета» [5].

В тех случаях, когда отнесение к тому или иному роду зависит только от лингвистических закономерностей, объяснимо предположение, что представители различных культур не разделяют стереотипов друг друга о родовой принадлежности существительного. Поэтому сегодня в сферу интересов учёных в данной области, как утверждают Е.В. Овчинникова и В.М. Кузьмина, входит исследование категории рода не только с точки зрения грамматики, как лингвистического понятия, но и как аспект лингвокультурологии и этнопсихолингвистики [6, с. 59].

Этот факт подтверждается сравнением разных языков. Так, в русском и французском языках роды существительных не совпадают (ср: стол (мужской род) – *la table* (женский род)), в английском и китайском языках род как категория у неодушевлённых предметов не выражен. В данном случае можно сказать, что имеет место опосредованная категоризация или категоризация через вторичные признаки, которые дополнительно приписываются всем сообществом внеязыковому предмету. Соответственно, присутствует содержательная категория рода для обозначения личностных (одушевлённых) существительных и формальная для неличностных (неодушевлённых), то есть не соотносённая с реальностью. Например, *ручка (ж. р.), карандаш (м. р.), перо (ср. р.)* – «инструмент для письма»; *таз (м. р.), кастрюля (ж. р.), ведро (ср. р.)* – «ёмкость для чего-либо»; *утро (ср. р.), день (м. р.), ночь (ж. р.)* – «часть суток». Включение новых членов в категорию происходит естественным путём, путём отражения реалий внешнего мира, за исключением таких единиц, которые не подчиняются правилу тождества, тогда формальность является единственным решением, например, все заимствованные русским языком существительные, имеющие определённый установленный набор призна-

ков (неодушевлённое, нарицательное, несклоняемое), включаются в категорию среднего рода, ср.: *бра, ноу-хау, шоссе*. Однако данный процесс не является хаотичным, а представляет собой выбор приоритетности. Р. Ленекер выстраивает теорию на принципе преобладания значения и речепорождения и утверждает, что в основе функционирования грамматики лежит потребность выражения смысла, и, следовательно, реальное употребление языка тесно взаимосвязано с построением грамматических моделей [7, с. 66]. В то же время Дж. Лакофф пишет, что языковые категории должны быть того же типа, что и другие категории в любой понятийной системе, потому что язык использует общий когнитивный аппарат [8, с. 86]. Например, у китайских резидентов род категоризируется только у человека, но грамматически это никак не выражено. То есть, например, по мнению Кан Кай, идет противопоставление типа «лицо» (существительные, обозначающие человека) – «нелицо» (остальные существительные, называющие живых существ, и неживые предметы) [9]. Отсюда следует, что род в китайском языке может быть охарактеризован, как понятийный или «скрытый», а именно: род выражается семантически, а не грамматически. В морфологическом плане китайский язык относится к языкам изолирующего типа (отношения в предложении, эквивалентные образованию форм в русском языке (род, число, падеж и др.), выражаются при помощи порядка слов и служебных слов при полном или почти полном отсутствии словоизменения): существительные и прилагательные не обладают категорией рода. Соответственно, можно предположить, что у китайцев отсутствует категория немотивированного рода.

Данный факт оказывается очень важным при освоении иностранного языка: изучающий не только должен «зазубривать» слова, но и соотносить свои (родные) категории, в том числе и грамматические, с неродными.

Грамматические категории не могут рассматриваться в качестве отдельной формальной системы или уровня, так как лексика, морфология и синтаксис образуют единый организованный инвентарь общепринятых языковых единиц. При этом результат выбора языковых единиц для построения соответ-

ствующей грамматической модели не всегда соответствует нормам используемого языка, так как говорящий в процессе речепроизводства руководствуется не только языковой конвенцией, но и пониманием контекста, коммуникативными целями, общими знаниями, а также на этот процесс накладывается интерференция родного, в данном случае китайского, языка. В результате этого, как указывают Г.М. Будренюк и В.М. Григорьевский, может возникнуть неправильный выбор «языковых средств иностранного языка для выражения правильно запрограммированной мысли» [10, с. 35]. Соответственно, это может привести к ошибкам, как речевым, так и грамматическим. Последние совершаются, например, в употреблении категории рода имён существительных и прилагательных, порядковых числительных и притяжательных местоимений. Отсюда можно сделать вывод, что при освоении иностранного языка у изучающего часто возникает «конфликт», возникший на основе системы родной категории вторичных признаков с релевантной категорией изучаемого языка. На речевом уровне данный конфликт приводит к тому, что обучающийся перекладывает категорию, которую он рассматривает как естественную (свою), на чужую (не свою), что отражается в таком явлении, как интерференция.

Например, как показывают исследования, проведённые у китайских резидентов, изучающих русский язык, наиболее ярко подобный «конфликт» проявляется при категоризации рода имён существительных (отражающих вторичные – приданные русскоговорящим сообществом – признаки). Однако наиболее ярко ошибка проявляется в сопутствующих им частях речи – прилагательных, числительных и т. д. Объяснить этот факт можно следующим: категория рода является суперкатегорией по отношению к системе частей речи, разделяясь внутрикатегориально на простые категории рода прилагательных, притяжательных местоимений и порядковых числительных и др. [11, с. 9]. Но, в зависимости от функции грамматической категории рода в синтагме, возникает кардинальное функциональное различие между категорией рода существительного, которая принимает на себя управляющую роль, и категорией

рода прилагательного, порядкового числительного и притяжательного местоимения, являющейся в данной синтагме управляемой. Категория рода у существительных связана с отражением неязыковой действительности (род (мужской, женский, средний) установлен семантически и закреплён грамматически и не может меняться в процессе речепроизводства), а у вышеназванных частей речи она является синтаксической, обеспечивающей в свою очередь связь между словами в словосочетании и далее в предложении. Управляемые категории напрямую зависят от управляющих в данном случае, то есть род прилагательного, притяжательного местоимения и порядкового числительного устанавливается посредством синтаксической связи согласование. Об этом пишет и Сунь Чживень, говоря, что категория рода в русском языке закреплена на различных уровнях языка: лексическом, морфологическом и синтаксическом, и проявляется наиболее последовательно именно на синтаксическом уровне, что составляет существенное отличие грамматического строя русского языка от китайского [12, с. 25]. Для иностранца, а для китайца как носителя языка изолирующего типа вдвойне, также сложность идентификации рода прилагательного и других частей речи, у которых род регламентируется управляющей категорией существительного, состоит в полной идентичности форм прилагательных разных родов: *дорогой* (м. р.) *сервиз – дорогой* (ж. р.) *посуды*.

Нами был проведён анализ письменных работ и устных высказываний китайских студентов с целью определения у них уровня сформированности грамматических навыков в русском языке. Материалы заданий были представлены «Тестом по русскому языку как иностранному с ориентацией на китайскую аудиторию. Первый уровень. Общее владение» [13], позволяющие проследить сформированность категории рода у изучающего русского языка китайского резидента.

Выявлено, что на начальном этапе обучения у китайских резидентов присутствуют категории первичных признаков (форма, цвет и т. д.). Об этом свидетельствует тот факт, что китайцы довольно хорошо описывают предметы окружающей действительности:

сти: указывают на их форму, цвет, из какого вещества сделаны, свойства и т. д.

Таким образом, сбой в категоризации вторичных признаков отражает речевую ошибку через сбой языковой системы. Как показывает анализ ошибок, у китайских студентов отсутствует категория вторичных признаков. Обучающиеся сталкиваются с той проблемой, что в китайском (родном) языке неодушевлённые предметы не категоризируются по роду. Однако студенты правильно определяют род имени существительного в русском языке; они отражают род (владение «усечёнными» знаниями о категории склонений в русском языке) посредством окончаний имен существительных (мужской род – нулевое окончание, женский род – -а, -я, средний род – -о, -е).

Соответственно, наиболее часто китайцы делают ошибки не в определении рода имени существительного, а в имени прилагательном, притяжательном местоимении и порядковом числительном. **Она учится в средней школа / *В центре города находится старый площадь / *Современный политический карта / *Китай – это большой страна*; порядковых числительных: **Я живу в двенадцатый комнате / *Сегодня шестой апрель / *Вчера я сделал первый упражнение*; притяжательных местоимений: **Мой страна большой / *Моё апельсиновый сок / *Это наш аудитория*.

В результате анализа речевых ошибок выявлено, что сбой категоризации происходит в двух случаях:

1) в идентичных окончаниях имён существительных разных родов: *словарь* (м. р.) – *вещь* (ж. р.), а также заимствованной лексики, например: *меню*, *жалюзи* и т. п. То есть категоризация вторичных признаков у китайцев осуществляется посредством формальных признаков. Когда формальный признак выходит за рамки общности, то китайский обучающийся без помощи преподавателя не в состоянии его определить по роду. Соответственно, немотивированный род рассматривается китайцами как чуждое. Таким образом, категоризация по роду происходит за счёт когнитивных механизмов соотнесения и сравнения: по биологическому роду – мотивированное; по формальному признаку – немотивированное;

2) категоризация имён прилагательных в китайском языке отражает только признаки и/или качества предмета, но не его вторичные признаки. В данном случае происходит следующий процесс: прилагательные, числительные и т. д. употреблены по смыслу адекватно, то есть первичная категоризация совпадает с родным языком, но категоризация вторичных – немотивированных – признаков (то, что у прилагательного также должен быть «род») отсутствует.

Итак, происходит своеобразный конфликт – иногда то, что кажется естественным для носителя языка, для иностранца оказывается «шоком». Внешние характеристики объекта могут быть случайными, а внутренние,

такие, как род неодушевлённых имён существительных или имён прилагательных – категориальными. Соответственно, «внутренние свойства и отношения объектов не могут быть высказаны в предложениях языка, но «показываются» во внутренних свойствах и отношениях составных частей предложения» [14, с. 109], а именно грамматически. Ярким примером является сбой в системе категорий у китайцев, изучающих русский язык как иностранный. Наиболее трудным оказывается процесс категоризации признаков, которые не обладают онтологическим характером, а приписываются обществом (коллективом) в течение долгого (многовекового) развития общества и языка.

Список литературы

1. *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Явление полисемии и категоризирующая деятельность сознания // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2010. № 7. С. 60-68.
2. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2006. № 2. С. 5-22.
3. *Журавлёв А.П.* Категоризация действительности как часть когнитивной функции языка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара, 2017. Т. 19. Вып. 5. С. 62-65.
4. *Кубрякова Е.С.* О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2010. № 7. С. 13-18.
5. *Серова И.Г.* На перекрестке лингвистической, естественной и культурной категоризации // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов, 2005. Т. 11. Вып. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-roda-v-yazyke-na-perekrestke-lingvisticheskoy-estestvennoy-i-kulturnoy-kategorizatsii> (дата обращения: 23.03.2020).
6. *Овчинникова Е.В., Кузьмина В.М.* Влияние гендерных стереотипов на определение рода имен существительных учащимися – носителями китайского языка // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: доклады 9 Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2019. С. 58-63.
7. *Langacker R.W.* Cognitive Grammar as a Basis for Language Instruction // P. Robinson & N.C. Ellis (eds.). Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition. N. Y.: Routledge, 2008. 89 p.
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
9. *Кан Кай.* Концептуальные смыслы грамматических категорий русского имени существительного на фоне китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
10. *Бурденюк Г.М., Григорьевский В.М.* Языковая интерференция и методы её выявления. Кишинёв: Изд-во Штиинца, 1978. 126 с.
11. *Ревзина О.Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973. С. 5-38.
12. *Сунь Чживень.* Лексико-грамматическая категория рода имени существительного в китайском и русском языках (сопоставительный аспект) // Русский язык в современном Китае: доклады 4 Междунар. науч.-практ. конф. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. С. 23-25.
13. *Балыхина Т.М., Ельникова С.И.* Тест по русскому языку как иностранному с ориентацией на китайскую аудиторию. Первый уровень. Общее владение. М.: РУДН, 2010. 48 с.
14. *Михайлов И.Ф.* К общей онтологии когнитивных и социальных наук // Философия науки и техники. 2017. № 2. С. 103-119.

References

1. Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Yavleniye polisemii i kategoriziruyushchaya deyatel'nost' soznaniya [The phenomenon of polysemy and categorizing mind activity]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of language*, 2010, no. 7, pp. 60-68. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. Yazykovyye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2006, no. 2, pp. 5-22. (In Russian).
3. Zhuravlev A.P. Kategorizatsiya deystvitel'nosti kak chast' kognitivnoy funktsii yazyka [Categorization as an aspect of cognitive function of the language]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Seriya Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki – Izvestiya of the Samara RAS scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences*, 2017, vol. 19, issue 5, pp. 62-65. (In Russian).
4. Kubryakova E.S. O meste kognitivnoy lingvistiki sredi drugikh nauk kognitivnogo tsikla i o eye roli v issledovanii protsessov kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of language*, 2010, no. 7, pp. 13-18. (In Russian).
5. Serova I.G. Na perekrestke lingvisticheskoy, estestvennoy i kul'turnoy kategorizatsii [At the crossroads of linguistic, natural and cultural categorization]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of the Tambov State Technical University*, 2005, vol. 11, issue 3. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-roda-v-yazyke-na-perekrestke-lingvisticheskoy-estestvennoy-i-kulturnoy-kategorizatsii> (accessed 23.03.2020).
6. Ovchinnikova E.V., Kuzmina V.M. Vliyaniye gendernykh stereotipov na opredeleniye roda imen sushchestvitel'nykh uchashchimisya – nositelyami kitayskogo yazyka [The influence of gender stereotypes on the gender determination of nouns by native Chinese students]. *Doklady 9 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva»* [Reports of the 9th International Research and Practice Conference “Russia and China: History and Prospects of Cooperation”]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 58-63. (In Russian).
7. Langacker R.W. Cognitive Grammar as a Basis for Language Instruction. *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. New York, Routledge, 2008, 89 p.
8. Lakoff D. *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, 792 p. (In Russian).
9. Kan Kay. *Kontseptual'nyye smysly grammaticheskikh kategoriy russkogo imeni sushchestvitel'nogo na fone kitayskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Meanings of Grammatical Categories of the Russian Noun Against the Background of the Chinese Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2009. (In Russian).
10. Burdenyuk G.M., Grigorevskiy V.M. *Yazykovaya interferentsiya i metody ee vyyavleniya* [Linguistic Interference and Methods for its Identification]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1978, 126 p. (In Russian).
11. Revzina O.G. *Obshchaya teoriya grammaticheskikh kategoriy* [General theory of grammatical categories]. *Strukturno-tipologicheskiye issledovaniya v oblasti grammatiki slavyanskikh yazykov* [Structural and Typological Research in the Field of Grammar of Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 5-38. (In Russian).
12. Sun Chzhiven. *Leksiko-grammaticheskaya kategoriya roda imeni sushchestvitel'nogo v kitayskom i russkom yazykakh (sopostavitel'nyy aspekt)* [Lexico-grammatical category of the gender of a noun in Chinese and Russian (comparative aspect)]. *Doklady 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiy yazyk v sovremennom Kitaye»* [Reports of the 4th International Research and Practice Conference “The Russian language in modern China”]. Chita, Transbaikalskaya gosudarstvennaya universiteta Publ., 2015, pp. 23-25. (In Russian).
13. Balykhina T.M., Elnikova S.I. *Test po russkomu yazyku kak inostrannomu s oriyentatsiyey na kitayskuyu auditoriyu. Pervyy uroven'. Obshcheye vladeniye* [Test in Russian as a Foreign Language with a Focus on the Chinese Audience. First Level. General Knowledge.]. Moscow, RUDN Publ., 2010, 48 p. (In Russian).
14. Mikhaylov I.F. *K obshchey ontologii kognitivnykh i sotsial'nykh nauk* [Towards the shared ontology of cognitive and social sciences]. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, 2017, no. 2, pp. 103-119. (In Russian).

Информация об авторе

Щёлокова Алена Александровна, преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации». Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: aschelokova@usurt.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1498-4720>

Поступила в редакцию 12.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 08.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Alena A. Schelokova, Lecturer of Foreign Languages and Intercultural Communication Department. Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: aschelokova@usurt.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, research results processing, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1498-4720>

Received 12 May 2020

Reviewed 8 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-503-511
УДК 821.512.37; 801.81

К итогам дискуссии о фольклорной идентичности калмыцкой сказки из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина

Алексей Алексеевич БУРЫКИН

ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН»

358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. И.К. Илишкина, 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9119-2698>, e-mail: albury@mail.ru

To the results of the discussion about the folklore identity of the Kalmyk tale from “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin

Aleksey A. BURYKIN

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

8 I.K. Ilishkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9119-2698>, e-mail: albury@mail.ru

Аннотация. Предмет статьи составляет калмыцкая сказка об орле и вороне, присутствующая в тексте повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). Одна группа учёных считает, что эта сказка-притча была сочинена самим А.С. Пушкиным, автор представляет тех исследователей, которые признают эту сказку самостоятельной записью А.С. Пушкина во время поездки по оренбургскому краю. Несмотря на то, что эта сказка отсутствует в рукописях А.С. Пушкина и не выявлена в фольклоре российских калмыков, имеются серьёзные основания признать её оригинальным произведением калмыцкого фольклора. В этом убеждает структура сюжета этой сказки, становящаяся в ряд сказок о взаимоотношениях животных, запись аналогичной сказки у эвенов – народа тунгусо-маньчжурской группы, бытование такой же сказки у синьцзянских калмыков, наличие сведений о калмычке, которая рассказала эту сказку А.С. Пушкину, широкое распространение противопоставления орла и вороны в фольклоре народов мира, наличие подобных смысловых структур в указателях сказочных сюжетов и мотивов С. Томпсона. По характеру состава смысловых элементов и структуры сюжета можно судить о том, что ни А.С. Пушкин, ни кто-либо другой не мог сочинить такую сказку.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; калмыцкий фольклор; сказка; сюжет; мотив; орёл; ворон; притча; указатель

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бурькин А.А. К итогам дискуссии о фольклорной идентичности калмыцкой сказки из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 503-511. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-503-511

Abstract. The subject of the work is the Kalmyk fairy tale about the eagle and the raven, which is present in the story of A.S. Pushkin “The Captain’s Daughter” (1836). One group of scientists believes that this fairy tale-parable was composed by A.S. Pushkin himself. We represent those researchers who recognize this fairy tale as an independent work of A.S. Pushkin during a trip to the Orenburg region. Despite the fact that this tale is absent in the manuscripts of A.S. Pushkin and is not identified in the folklore of Russian Kalmyks, there are serious reasons to recognize it as an original work of Kalmyk folklore. This is convinced by the structure of the tale’s plot, which is becoming a series of tales about the relationship of animals, the recording of a similar tale among the Evens – the people of the Tungusic group, the existence of the same tale among the Xinjiang Kalmyks, the availability of information about the Kalmyk woman who told this tale to A.S. Push-

kin, the widespread opposition of the eagle and the raven in the folklore of the peoples of the world, the presence of such semantic structures in the indexes of fairy tales and motives of S. Thompson. By the nature of the semantic elements composition and the plot structure, we can judge that neither A.S. Pushkin, nor anyone else could have composed such a fairy tale.

Keywords: A.S. Pushkin; Kalmyk folklore; fairy tale; plot; motive; eagle; raven; parable; index

Acknowledgments: The research is performed within a government subsidy – project name “Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (State registration no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Burykin A.A. K itogam diskussii o fol'klornoy identichnosti kalmytskoy skazki iz «Kapitanskoy dochki» A.S. Pushkina [To the results of the discussion about the folklore identity of the Kalmyk tale from “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 503-511. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-503-511 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Калмыцкая сказка, приведённая А.С. Пушкиным в повести¹ «Капитанская дочка» и рассказанная от имени Е. Пугачёва, почти не привлекала внимания исследователей до конца 1980-х гг., и интерес к ней пробудили калмыцкие фольклористы, увидевшие в её тексте утраченный образец калмыцкого сказочного фольклора. К некоторому сожалению, материалы с анализом этой сказки, с точки зрения фольклористов, оказались опубликованными довольно поздно – уже в начале 2000-х гг. В недавние годы мнение о происхождении этой сказки и её отношении к калмыцкому фольклору или фольклору Урала стали предметом дискуссии среди учёных Калмыкии, но стимулировали дальнейшее изучение проблемы, побудив исследователей обратиться к комплексному изучению проблемы появления этого самостоятельного текста внутри пушкинской повести.

Напомним её текст: «– Слушай, – сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот

завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! – Какова калмыцкая сказка?» [1, с. 68-69].

В комментариях к «Капитанской дочке» вопрос о фольклорных источниках этой сказки обходится молчанием: Ю.Г. Оксман отметил: «Фольклорный источник «калмыцкой сказки» об орле и вороне, рассказанной Пугачёвым, до сих пор не установлен [1, с. 254]. В 1937 г. появилась публикация, в которой отмечено бытование сходной сказки на Урале [2], но позднейшие исследователи допускают, что эти сказки – книжное заимствование из той же «Капитанской дочки». Авторы позднейших комментариев к «Капитанской дочке» склоняются к мнению, что эта сказка сочинена самим Пушкиным [3, с. 151], хотя краеведы-исследователи поездки Пушкина в Оренбург указывают, что собранные Пушкиным материалы были более обширны, чем те, которые ныне доступны в архивах [4, с. 8]. Поиски фольклорных материалов, которые могли бы быть использованы Пушкиным в его сказках, начались давно [5] и дают примечательные результаты.

Ю.М. Лотман, написавший специальную статью о «Капитанской дочке» [6], калмыцкую сказку никак не комментирует и в биографии А.С. Пушкина о ней не упоминает [7].

Разберёмся с контраргументами литературоведческого характера.

Специалист-пушкинист Б.А. Кичикова пишет, что в сказке, вложенной в уста Пугачёва, заключена притча: «Мы полагаем, что

¹ Мы не можем называть «Капитанскую дочку» романом, так как в ней с композиционной точки зрения отсутствует такой важный признак романа, как вторая сюжетная линия повествования: локус повествования в ней не меняется и является единым, поскольку связан с единым героем – Гринёвым, следовательно, по нашему мнению, это повесть.

по жанру «калмыцкая сказка» – это, скорее, философская притча-контроверза, так как в ней диалог персонажей выявляет две полярные точки зрения на коренные вопросы бытия: о жизни и её смысле. А притча, по словам академика Д.С. Лихачёва, «всегда повествует о “вечном”». Создавая «калмыцкую сказку», Пушкин явно отправлялся от притчи, ибо этот лаконичный жанр отображает универсальную, мифологически замкнутую и вневременную картину мира» [8, с. 82-83]. Далее она продолжает: «У проблемы восприятия пугачёвской «сказки» – пушкинской философской притчи – есть, как нам представляется, и глубоко личный авторский подтекст. Социально-психологическая коллизия и нравственно-философская проблематика «Капитанской дочки» определяется кругом основных, категориальных понятий, живущих и развивающихся в творческом сознании Пушкина, – понятий свободы и счастья, чести и долга» [8, с. 83]. Здесь исследовательницу легко понять, она вписывает свой объект исследования в базисную картину творчества Пушкина и в общую картину русской литературы с её бережным отношением к культурным истинам и стремлением к духовному единству.

Б.А. Кичикова начинает свою другую статью на тот же сюжет словами: «Обнаружение подлинных фольклорных источников сказки об Орле и Вороне в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» стало существенной задачей отечественной фольклористики, главным образом региональной, с 1930-х гг. Попытки решения этой задачи явно прекращаются в 1980-х гг., что объясняется достижениями пушкиноведения и фольклористики в исследовании комплексной проблематики генерального характера» [9, с. 105]. Здесь, как станет ясно далее, исследовательница неправда, и новые материалы радикально меняют наши взгляды на предмет.

«Феномен Пушкина, помимо прочего, обладает одним поразительным свойством – пушкинскому слову верят безоговорочно. Верят, что он посетил Калмыкию¹, что действительно встретил тело Грибоедова, пре-

провожаемое «на арбе» в Тифлис <...>, как долго и безусловно верили, что «сказка», усвоенная Пугачёвым от «старой калмычки», действительно создана калмыцким устным народным творчеством [9, с. 108]. Далее исследовательница приводит ряд мнений, с которыми она вступает в полемику, и утверждает: «Мы полагаем, что «калмыцкая сказка», рассказанная Пугачёвым Петру Гринёву «с каким-то диким вдохновением», не связана с калмыцким фольклором вообще, ни с фольклором оренбургских и уральских калмыков, в частности. Она является не просто гениальной стилизацией автора «Капитанской дочки», но представляет собою включённое в состав романа самостоятельное и художественно завершённое произведение в жанре философской притчи-контроверзы» [9, с. 111-112]. В обоснование своей позиции Б.А. Кичикова приводит мнение Е.П. Боровой: «Исследовательница соглашается с фольклористом из Калмыкии, отмечавшим тотемизм и мифологическое содержание калмыцких сказок о животных и птицах [10, с. 20]. Подобный материал калмыцкого фольклора “позволяет в известной степени определить те типологические с русским фольклором основания, по которым Пушкин назвал сказку об орле и вороне калмыцкой”» [11, с. 110]. Подобные основания лишены объяснительной силы: с тем же успехом Пушкин мог назвать сказку башкирской. Далее Б.А. Кичикова констатирует: «Таким образом, исключается возможность точного указания фольклорного источника «калмыцкой сказки» и в русском устном народном творчестве. В связи с этим представляется правомерным предположение комментаторов романа о том, что “она сочинена самим Пушкиным”²» [9, с. 111].

Наконец, в третьей статье, посвящённой той же проблеме, где само заглавие «“Калмыцкая сказка” Пугачёва – философская притча Пушкина» должно свидетельствовать об окончательном решении дискуссионного вопроса, Б.А. Кичикова утверждает: «Включённая в исторический роман «калмыцкая сказка» – философская притча, таким обра-

¹ Здесь исследовательница явно перестаралась: в то время, о котором она пишет, Калмыкия как таковая не имела собственных границ, область расселения калмыков не оформлялась административно на карте России.

² Здесь исследовательница цитирует известный комментарий М.И. Гиллельсона и И.Б. Мушиной к роману «Капитанская дочка» [3, с. 150].

зом, органично вводится в пушкинскую философию истории» [12, с. 84].

Надо отдать должное подробности анализа священного писания и его реминисценций в творчестве А.С. Пушкина, проделанного Б.А. Кичиковой, однако же на основе приводимых ей цитат и реминисценций из Ветхого Завета невозможно собрать коллизию и диалог орла и ворона. Кроме этого, надо признать, что в антитезе орла и ворона, где сам Пугачёв сравнивает себя с орлом, Гринёв, образ внутренне противоречивый, не отождествляется с вороном: Пушкин, создавая образ небогатого дворянина, честно несущего службу (в отличие от многих), не позволил бы себе такого уподобления.

М.Э. Джимгиров был абсолютно прав, когда говорил, что отдельные элементы, сошедшиеся воедино в калмыцкой сказке об орле и вороне, достаточно широко распространены в сказочном фольклоре калмыков и других народов Евразии. К этому можно добавить множество материалов, вошедших в энциклопедию «Мифы народов мира» [13, с. 245-247; 14, с. 258-260]. К досаде, в специальной монографии о птицах в фольклоре, об этом сюжете нет ничего [15].

В сказках о животных, бытующих у народов Сибири, в частности, у тунгусо-маньчжурских народов, контактировавших с монгольскими народами, есть сюжеты о конфликте и несостоявшемся браке ворона с другими животными по причине конфликта из-за пищи [16, с. 71: 219G* The Cat, the Dog, the Cock and the Sheep Quarrel about whose food is best. Latvian (*217) 2; 16, с. 510: B282.22. B282.22. Wedding of crow and titmouse; 17, с. 508: B282.2. B282.2. Wedding of eagle with another bird. Wendish: Haupt-Schmaler Volkslieder der Wenden II 144 No. 194 (kite)]; другие животные отказываются есть пищу ворона – падаль (Полевые материалы автора. – А. Б.), среди текстов, зафиксированных нами, есть и сказка об орле и вороне, точно совпадающая с текстом, приводимым Пушкиным, информант, от которого она была записана, не знал русского языка и не имел понятия о поэте Пушкине [18; 19, с. 59]. Чукотскую сказку об орле и вороне в переменном браке опубликовал В.Г. Богораз [20, с. 288-290], эта сказка имеет и эскимосское соответствие [21, 1988: 34-38].

Пища орла и ворона – предмет ряда сюжетов [17, с. 356: A2435.4.4. A2435.4.4. Food of eagle. Tahltan: Teit JAFI XXXII 242 (fish). Ila (Rhodesia): Smith and Dale 372 No. 21; 17, с. 357: A2435.4.7. A2435.4.7. Food of crow. Why crows peck at flesh of men. India: Thompson-Balys]. В фольклорных сюжетах долгожителями являются не только вороны [16, с. 596: B841.2.1. B841.2.1. Crow lives nine generations of men, deer 36, raven 108, phoenix 972, nymphs 9720. Frazer Pausanias IV 217], но и орлы [17, с. 386: A2578.2. A2578.2. Why eagle has long life. Jewish: Neuman], биологам известно, что и орлы, как и вороны, едят падаль.

Можно обратить внимание и на следующее обстоятельство: структура сюжета сказки об орле и вороне настолько проста, что её «придумать» самостоятельно не мог ни один литератор XIX века, какой бы гениальностью он ни обладал. Фольклористика тех времён ещё не могла преподнести кому-либо из литераторов образец такого повествования, тем более что применимость этого сюжета в роли притчи, как мы отметили, отличается односторонностью: Гринёв – не ворон.

Е.М. Мелетинский, занимавшийся систематизацией всех сюжетов и мотивов, связанных с вороном на северо-востоке Азии, неоднократно отмечал сюжет об орле и вороне в переменном браке [22, с. 28, 38, 102, 194], ссылаясь на тексты, записанные В.Г. Богоразом у чукчей [20, с. 288-290] и отмеченные у эскимосов [21, с. 34-38]. К колоссальной досаде, самое яркое противопоставление орла и ворона, выраженное в тотемах двух фратрий, проявляется у индейцев Северо-Западной Америки, у некоторых групп атапасков и у аборигенов юго-восточной Австралии [13, с. 245-247; 14, с. 258-260]; см. ещё [23, с. 473]. Разумеется, между мифами индейцев и австралийцев и калмыцкой сказкой возможна только типологическая связь, но любителям персоны Пушкина можно напомнить, что он был знаком с Ф.И. Толстым (Американцем) (1782–1846) и, возможно, слышал от него какие-либо рассказы о мифологии аборигенов.

Фольклористы новой генерации, основывающиеся не только на доступных рукописных или печатных материалах, но и на структуре и систематике сюжетов, вполне

допускают взгляд на калмыцкую сказку из «Капитанской дочки» как на запись Пушкина или (что вероятнее) как на запись, сделанную Пушкиным по памяти при работе над повестью. В настоящее время мы получили ряд, по крайней мере косвенных, свидетельств аутентичности фольклорного сюжета калмыцкой сказки об орле и вороне. Одно из них – это свидетельство В.И. Даля, приводимое его биографом В.И. Порудоминским: «—Хотите, я расскажу вам сказку? – вдруг спрашивает Пушкин. – Расскажу так, как услышал. Пушкин, весело щеголяя, пересыпает речь татарскими словами. Видно, в самом деле, сказку узнал недавно: проезжая по местам пугачёвского восстания, он слушал песни татарские, калмыцкие, башкирские, казачьи. (Через три года Даль прочитает в «Капитанской дочке»: Пугачёв с Гринёвым едут из Бердской слободы в Белогорскую крепость; по дороге Пугачёв рассказывает сказку об орле и вороне, которую слышал от старой калмычки)» [24, с. 150-151].

Б.А. Кичикова даёт следующий обзор мнений: «Н.Ц. Биткеев, обратившийся к этой сказке, пишет: «В калмыцком сказочном эпосе данный сюжет отсутствует. Нет её и в Международном сказочном сюжете Аарне–Андреева. Оренбургские калмыки, у которых записал Пушкин данную сказку, не сумели её сохранить, тогда не собирали у информаторов фольклор, как это стало традицией со 2-й половины XIX века. Очевидно, сказка эта имеет древние корни, ибо её архетип найден в наше десятилетие на Севере у эвенов...» [25] (цитируется дословно. – Б. К.). Далее Н.Ц. Биткеев рекомендует статью А.А. Бурыкина, опубликованную в газете по соседству. В этой статье изложены некоторые результаты работы по собиранию образцов фольклора эвенов в 1982 г., в ходе которой оказался сохранённым «архаический сюжет этнологического характера», объясняющий, почему некоторые группы птиц <...> пребывают в постоянной ссоре друг с другом». Автор предполагает, что «этот сюжет обнаружился у одного из тунгусо-маньчжурских народов – эвенов и сохранялся до первой трети XIX века у одного из народов монгольской группы – калмыков». По мнению А.А. Бурыкина, данный сюжет не мог быть заимствован из пушкинского текста, так как

исполнитель не владел русским языком. Исследователь ставит проблему монголо-тунгусских фольклорных взаимосвязей одновременно с проблемой «выявления в фольклорных материалах заимствованных текстов с утраченными источниками» [18; 25] (цит. по [9, с. 110]). Обратим внимание – в других статьях исследовательница на эти работы не ссылается, даже при том, что её работы появились позже некоторых публикаций, обобщённых её вниманием.

В.Б. Сангаджиева указывает: «Калмыцкая народная сказка настолько увлекла Пушкина, что он вставил её в уста Пугачёва в повести «Капитанская дочка» для психологического столкновения героев с разными взглядами. Эта сказка не была заимствована из каких-либо письменных источников, а записана самим поэтом, проявившим интерес к калмыцкому фольклору. «Старая калмычка», рассказавшая Пугачёву сказку об орле и вороне, на самом деле жила во времена Пушкина. Это была оренбургская казачка Агриппина Невзорова, крещёная калмычка. Великий поэт услышал эту сказку из уст Иосифа Игнатьевича Железнова (1824–1863) – писателя и казака середины XIX века [26, с. 207: ссылка на статью Э. Михалинова в газете «Элистинский курьер» от 1 мая 2009 г. [27]. В этом сообщении есть одно противоречие: Пушкин едва ли мог услышать пересказ этой сказки от самого И.И. Железнова, так как в 1833 г. ему было всего 9 лет. Но И.И. Железнов (см. о нём: [28, с. 324-327]) мог знать калмычку Агриппину Невзорову или быть свидетелем её встречи с Пушкиным и рассказывания этой сказки. Подробности этого сообщения требуют изучения по архиву казачьего краеведа и писателя И.И. Железнова и его богатому литературному наследию.

Наконец, есть ещё одно вполне достоверное свидетельство бытования сказки об орле и вороне у калмыков: П.Э. Алексеева замечает: «Возможно, сюжет сказки поэт мог услышать у оренбургских калмыков. По сообщению Намжавын С. сказка с таким сюжетом бытует у синьцзянских калмыков» [29, с. 75]. Здесь П.Э. Алексеева указывает на Содмона Намжавина, калмыка родом из Синьцзяна (СУАР КНР), филолога, много лет преподававшего в Калмыцком государственном университете. Это сообщение указывает

на приоритетное направление поисков этой сказки в фольклоре калмыков Синьцзяна.

Возвращаясь к собственно типологическим чертам сказки об орле и вороне, надо отметить, что рассматриваемая нами сказка полностью соответствует по своим свойствам тем сказкам о животных, которые известны специалистам-сказковедам. Е.А. Костюхин отмечал, что «животной сказке» присуща моральная оценка [30, с. 58], герои такой сказки – не тотемы и не культурные герои, а «частные лица», оцениваемые с точки зрения морали [30, с. 58-59]. Он отмечает: «Рисуемые в архаической животной сказке ситуации – соперничество, неудачное подражание, предательство и коварство, разрыв между друзьями – легко открыты для морализации. Мы уже говорили, что морализация потенциально присутствует в архаических сказках о животных, теперь же её присутствие зависит от того, входит сказка в трикстерский цикл или не входит. Если трикстерские циклы в целом от морализации свободны, поскольку трикстер всё время как бы играет разные роли, то сказки разрозненные более доступны для назидательного истолкования» [30, с. 68]. Автор приводит сходную точку зрения Е.С. Котляр, которая, по его мнению, «<...> верно наметила один из путей развития аполога: прочная связь его с пословицей – связь, которая приведёт в конце концов к тому, что сказка может стать иллюстрацией к пословице, затвердеет и приобретёт однозначность. Поначалу «пословица носит конкретный характер и ещё не приобретает вид универсальной сентенции» [31, с. 141]. <...> С одной стороны, пословица может долгое время сохранять связь с определённой сказкой, пока она не станет универсальной. С другой стороны, связь эта оказывает влияние и на сказку, также «универсализуя» её и привязывая к конкретной моральной ситуации. «Двойная» жизнь одной и

той же ситуации – в пословице и сказке – начинается уже за пределами архаического фольклора» (цит. по [14, с. 70]). То, что в сказках о животных может присутствовать пословица как моральная сентенция, резюмирующая содержание, согласно наблюдениям Е.А. Костюхина и Е.С. Котляр – это признак аутентичного фольклорного материала, воспроизвести который было не по силам даже пушкинскому универсальному гению.

Противопоставление орла и ворона обнаруживается в обрядовых практиках в Англии XVIII века, где жертвоприношения приносятся не только сверхъестественным существам – охранителям стад, но и вредным животным, в том числе орлу и ворону [23, с. 418]. Поиски сюжетных параллелей к этой сказке в творчестве английских поэтов-современников Пушкина, к сожалению, результатов не дали.

Как можно понять, в указателях сюжетов и мотивов С. Томпсона существует достаточное число смысловых единиц, близких к интересующей нас структуре «временный союз орла и ворона». Однако содержательная оппозиция «орёл–ворон», похоже, имеет какие-то пока неизвестные нам истоки, которые нашли выражение в названии романа Дж. Миченера “Eagle and the Raven” (Austin, 1990), посвящённого событиям войны в Техасе в 1830-е гг. Совпадение названия этого романа с составленным из героев названием калмыцкой сказки вряд ли случайно, и нам в исследовании нашей темы надо иметь в виду, что калмыцкая сказка об орле и вороне, если аргументы, поддерживаемые поисками в материалах, связанных с калмыцким фольклором и биографией А.С. Пушкина, не будут сочтены убедительными, может иметь какой-то неизвестный нам литературный источник первой трети XIX века.

Список литературы

1. *Пушкин А.С.* Капитанская дочка / изд. подготовил Ю.Г. Оксман. Л.: Наука, 1964. 284 с.
2. *Блинова Е.М.* Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачёве и фольклор южного Урала // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. История Пугачёва. Челябинск: Обл. изд-во, 1937. С. 312-320.
3. *Гиллельсон М.И., Мушина И.Б.* Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.

4. Пузанёва Т.Н. Фольклор Оренбуржья в «Капитанской дочке» // Двадцать седьмая пушкинская конференция. К 150-летию оренбургской поездки А.С. Пушкина. Оренбург: [б. и.], 1983. С. 8-10.
5. Яворский Ю.А. К истории пушкинских сказок. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1899. 18 с.
6. Лотман Ю.М. Идеинная структура «Капитанской дочки» // В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 107-123.
7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1983. 255 с.
8. Кичикова Б.А. «Калмыцкая сказка» в сказочно-символическом контексте романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 78-84.
9. Кичикова Б.А. Калмыцкая сказка в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: к вопросу об источниках // Монголоведение. 2016. № 8. С. 104-113.
10. Джимгиров М.Э. Народные калмыцкие сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 175 с.
11. Борисова В.В. «Калмыцкая сказка» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР: межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1988. Вып. 15. С. 108-118.
12. Кичикова Б.А. «Калмыцкая сказка» Пугачева – философская притча Пушкина // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2016. Т. 28. Вып. 6. С. 77-88.
13. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М.: ГРВЛ, 1979. 233 с.
14. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Орёл // Мифы народов мира. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 258-260.
15. Иванова-Казас О.М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. 172 с.
16. Thompson St. The types of the folktale. Indiana University Second Revision / Translated and Enlarged by St. Thompson. Helsinki, 1961. 588 p.
17. Thompson St. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.
18. Бурькин А.А. Калмыцкая сказка в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина – исчезнувшее произведение калмыцкого фольклора в свете новых полевых материалов // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.
19. Бурькин А.А. Калмыцкая сказка из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина в свете фольклористики // Традиции и новаторство калмыцкой национальной художественной культуры: литература, фольклор, искусство: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юбилею кафедры калмыцкой литературы и журналистики. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. С. 57-60.
20. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Изд. Императорской академии наук, 1900. 466 с.
21. Эскимосские сказки и мифы / сост. Г.А. Меновщикова. М.: ГРВЛ, 1988. 536 с.
22. Мелетинский Е.М. Ворон // Мифы народов мира. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 245-247.
23. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
24. Порудоминский В. Даль. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с. (Жизнь замечательных людей).
25. Биткеев Н.Ц. Пушкина вечное слово звучит, потрясая сердца // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.
26. Сангаджиева В.Б. О калмыцком фольклоре в творчестве А.С. Пушкина // Теория и практика научных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 30 апреля 2016 г. (София, Болгария). Уфа: Научно-издательский центр «Мир науки», 2016. С. 205-211.
27. Михалинов Э. [Без названия] // Элистинский курьер. 2009. 1 мая.
28. Шишов А.В. 100 великих казаков. М.: Вече, 2007. 480 с.
29. Алексеева П.Э. О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
30. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: ГРВЛ, 1987. 269 с.
31. Котляр Е.С. Миф и сказка Африки. М.: ГРВЛ, 1975. 244 с.

References

1. Pushkin A.S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka Publ., 1964, 284 p. (In Russian).
 2. Blinova E.M. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo v proizvedeniyakh Pushkina o Pugacheve i fol'klor yuzhnogo Urala* [Oral folk art in Pushkin's works about Pugachev and folklore of the Southern Urals]. *A.S. Pushkin. Kapitanskaya dochka. Istoriya Pugacheva* [A.S. Pushkin. The Captain's Daughter. Pugachev's story]. Chelyabinsk, Regional Publishing House, 1937, pp. 312-320. (In Russian).
 3. Gillelson M.I., Mushina I.B. *Povest' A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka». Kommentariy* [A.S. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter". Comment]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1977, 192 p. (In Russian).
 4. Puzaneva T.N. *Fol'klor Orenburzh'ya v «Kapitanskoy dochke»* [Folklore of Orenburg region in "Captain's daughter"]. *Dvadsat' sed'maya pushkinskaya konferentsiya. K 150-letiyu orenburgskoy poyezdki*
-

- A.S. Pushkina [27th Pushkin Conference: to the 150th Anniversary of A. S. Pushkin's Orenburg Trip]. Orenburg, Without Publisher, 1983, pp. 8-10. (In Russian).
5. Yavorskiy Y.A. *K istorii pushkinskikh skazok* [On the History of Pushkin's Fairy Tales]. Lvov, Typography of Stauropregion Institute, 1899, 18 p. (In Russian).
 6. Lotman Y.M. Ideynaya struktura «Kapitanskoy dochki» [Ideological structure of the "Captain's daughter"]. *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin, Lermontov, Gogol'* [At the School of the Poetic Word. Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, pp. 107-123. (In Russian).
 7. Lotman Y.M. *Aleksandr Sergeyevich Pushkin. Biografiya pisatelya* [Alexander Sergeyevich Pushkin. Biography of the Writer]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983, 255 p. (In Russian).
 8. Kichikova B.A. «Kalmytskaya skazka» v skazochno-simvolicheskom kontekste romana A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka» ["A Kalmyk fairy tale" in the symbolic context of the novel "Captain's daughter" By A. Pushkin]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta – Bulletin of Kalmyk University*, 2016, no. 4 (32), pp. 78-84. (In Russian).
 9. Kichikova B.A. Kalmytskaya skazka v romane A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»: k voprosu ob istochnikakh [The Kalmyk fairy tale in a. Pushkin's novel "The Captain's Daughter": the sources revisited]. *Mongolovedeniye – Mongolian Studies*, 2016, no. 8, pp. 104-113. (In Russian).
 10. Dzhimirov M.E. *Narodnyye kalmytskiye skazki* [Folk Kalmyk Tales]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1963, 175 p. (In Russian).
 11. Borisova V.V. «Kalmytskaya skazka» v romane A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka» ["Kalmyk fairy tale" in A.S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter"]. *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhhuzovskiy nauchnyy sbornik* [Folklore of the Peoples of the RSFSR. Interuniversity Scientific Collection.]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1988, issue 15, pp. 108-118. (In Russian).
 12. Kichikova B.A. «Kalmytskaya skazka» Pugacheva – filosofskaya pritcha Pushkina [The "Kalmyk tale" narrated by Ye. Pugachev – Pushkin's philosophical parable]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*, 2016, vol. 28, issue 6, pp. 77-88. (In Russian).
 13. Meletinskiy E.M. *Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos* [Paleoasian Mythological Epic]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature Publ., 1979, 233 p. (In Russian).
 14. Ivanov V.V., Toporov V.N. Orel [Eagle]. *Mify narodov mira* [Myths of the World's Peoples]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1991, pp. 258-260. (In Russian).
 15. Ivanova-Kazas O.M. *Ptitsy v mifologii, fol'klоре i iskusstve* [Birds in Mythology, Folklore and Art]. St. Petersburg, Nestor-history Publ., 2006, 172 p. (In Russian).
 16. Thompson St. *The types of the folktale. Indiana University Second Revision*. Helsinki, 1961. 588 p.
 17. Thompson St. *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition*. Bloomington, Indiana University Press, 1955-1958.
 18. Burykin A.A. Kalmytskaya skazka v «Kapitanskoy dochke» A.S. Pushkina – ischeznuvsheye proizvedeniye kalmytskogo fol'klora v svete novykh polevykh materialov [The Kalmyk fairy tale in the "Captain's daughter" by A.S. Pushkin – a lost work of Kalmyk folklore in the light of new field materials]. *Khal'mg ynn – Kalmyk Truth*, 1999, 5 june. (In Russian).
 19. Burykin A.A. Kalmytskaya skazka iz «Kapitanskoy dochki» A.S. Pushkina v svete fol'kloristiki [Kalmyk fairy tale from "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin in the light of folklore]. *Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letnemu yubileyu kafedry kalmytskoy literatury i zhurnalistiki «Traditsii i novatorstvo kalmytskoy natsional'noy khudozhestvennoy kul'tury: literatura, fol'klor, iskusstvo»* [Proceedings of Regional Research and Practice Conference Dedicated to the 25th anniversary of Kalmyk Literature and Journalism Department "Traditions and Innovation of the Kalmyk National Artistic Culture: Literature, Folklore, Art"]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2014, pp. 57-60. (In Russian).
 20. Bogoraz V.G. *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye v Kolymskom okruge* [Materials on the Study of the Chukchi Language and Folklore, Collected in the Kolyma District]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1900, 466 p. (In Russian).
 21. Menovshchikova G.A. (ed.-compiler). *Eskimoskiye skazki i mify* [Eskimo Tales and Myths]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature Publ., 1988, 536 p. (In Russian).
 22. Meletinskiy E.M. Voron [Raven]. *Mify narodov mira* [Myths of the World's Peoples]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1991, pp. 245-247. (In Russian).
 23. Frezer D.D. *Zolotaya vetv'* [Golden Bough]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 831 p. (In Russian).
 24. Porudominskiy V. *Dal'. 2-e izd* [Dal. 2nd Edition]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1971, 384 p. (In Russian).

25. Bitkeyev N.T. Pushkina vechnoye slovo zvuchit, potryasaya serdtsa [Pushkin's eternal word sounds, shatter the hearts.]. *Khal'mg ynn – Kalmyk Truth*, 1999, 5 june. (In Russian).
26. Sangadzhieva B.B. O kalmytskom fol'klore v tvorchestve A.S. Pushkina [About Kalmyk folklore in the works of A.S. Pushkin]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 aprelya 2016 g. (Sofiya, Bolgariya) «Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy»* [Proceedings of International Research and Practice Conference April 30, 2016 (Sofia, Bulgaria) "Theory and Practice of Research"]. Ufa, Scientific Publishing Center "World of Science", 2016, pp. 205-211. (In Russian).
27. Mikhailinov E. [Untitled]. *Elistinskiy kur'yer – Elista Courier*, 2009, 1 may. (In Russian).
28. Shishov A.V. *100 velikikh kazakov* [100 Great Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2007, 480 p. (In Russian).
29. Alekseyeva P.E. *O lyudyakh i vremeni: sbornik statey* [About People and Time: a Collection of Articles]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, 176 p. (In Russian).
30. Kostyukhin E.A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and Forms of Animal Epic]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature Publ., 1987, 269 p. (In Russian).
31. Kotlyar E.S. *Mif i skazka Afriki* [African Myth and Fairy Tale]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature Publ., 1975, 244 p. (In Russian).

Информация об авторе

Бурькин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы. Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация. E-mail: albury@mail.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками и исследованиями, анализ, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9119-2698>

Поступила в редакцию 12.05.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.06.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Aleksey A. Burykin, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Worker of Folklore and Literature Department. Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation. E-mail: albury@mail.ru

Contribution: work with literature references and researches, analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9119-2698>

Received 12 May 2020
Reviewed 20 June 2020
Accepted for press 26 June 2020

Стратегии формирования профессиональной репутации русских эмигрантов и писателей-самоучек

Юлия Владимовна КАМИНСКАЯ, Оксана Алексеевна ТОЛСТОНОЖЕНКО

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>, e-mail: yuliaglazkova96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>, e-mail: t_oksa@mail.ru

Strategies for building a professional reputation of Russian emigres and self-educated writers

Yuliya V. KAMINSKAYA, Oxana A. TOLSTONozHENKO

Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>, e-mail: yuliaglazkova96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>, e-mail: t_oksa@mail.ru

Аннотация. Проанализированы способы конструирования писательской репутации в исключительных культурных условиях, связанных с вытеснением целых поколений авторов на периферию литературного процесса и отсутствием у них «права на творчество». Сопоставляется опыт двух условно выделяемых обширных и разнородных групп – писателей из народа, пытавшихся заявлять о себе в начале XX века как о самостоятельном течении, и представителей русской литературной эмиграции. Помимо ряда общих черт (попадание в слепую зону общепризнанной художественной словесности, внутренняя замкнутость, ведущая к тому, что основная масса читателей принадлежит к той же среде, что и писатель, отсутствие экономической выгоды от публикации произведений), писатели-самоучки и эмигранты прибегали к схожим стратегиям формирования репутации. Было выявлено, что представители обеих групп формулировали объединяющую их благородную миссию, направленную на служение национальной литературе, обращались к опыту и поэтике писателей-предшественников для конструирования собственной литературной традиции, легитимирующей их особенный творческий путь, пытались структурировать своё суб-поле посредством создания объединений и кружков, а также критической рефлексии текущего литературного процесса.

Ключевые слова: традиция; идентичность; литературная иерархия; периферия; метрополия

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-312-00115.

Для цитирования: Каминская Ю.В., Толстоноженко О.А. Стратегии формирования профессиональной репутации русских эмигрантов и писателей-самоучек // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 512-520. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-512-520

Abstract. We analyze the ways of constructing a writer's reputation in exceptional cultural conditions related to displacement of entire generations of authors to the literary process periphery and their lack of a “right to creative work”. We compare the experience of two conditionally distinguished large and heterogeneous groups – writers from the people who tried to declare themselves at the beginning of the 20th century as an independent current, and representatives of the Russian literary emigration. In addition to a number of common features (falling into the “blind zone” of generally recognized literature, internal isolation, leading to the fact that the majority of readers belong to the same environment as writer, the lack of economic benefits from publishing works), self-educated writers and emigres resorted to similar strategies for building a reputation. We find

that representatives of both groups formulated a noble mission uniting them, aimed at serving national literature, turned to the experience and poetics of predecessor writers to construct their own literary tradition, legitimizing their special creative path, and tried to structure their sub-field by creating associations and circles, as well as critical reflection of the current literary process.

Keywords: tradition; identity; literary hierarchy; periphery; metropolis

Acknowledgements: The work is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of scientific project no. 18-312-00115.

For citation: Kaminskaya Y.V., Tolstonozhenko O.A. Strategii formirovaniya professional'noy reputatsii russkikh emigrantov i pisateley-samouchech [Strategies for building a professional reputation of Russian emigres and self-educated writers]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 512-520. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-512-520 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Писатели из народа начала XX века и литераторы-эмигранты первой волны, будучи эстетически неоднородными обширными группами (так будем их условно называть), имея принципиально разные условия вхождения в литературную среду и несопоставимый культурный бэкграунд, обладали рядом общих типологических черт и подчас прибегали к схожим стратегиям конструирования профессиональной репутации. К этому их вынуждало периферийное положение по отношению к художественной словесности, которая в текущий момент в рамках властного дискурса признавалась главенствующей.

В 1900-х гг. авторы-самоучки, пытавшиеся заявить о себе как о новой литературной генерации, находились не только за пределами модернистского движения, но и в слепой зоне основной массы реалистов. Эмигранты в пореволюционный период были искусственно вынесены – не только ценностно, но и физически – за пределы поля утверждаемой пролетарской литературы; вместе с желанием представлять истинную русскую культуру они артикулировали и свою оторванность от основной массы читателей, «вытесненность» за границы настоящего литературного процесса. В конце 1920-х гг. в их среде остро ставился вопрос о том, где именно находится центр русской литературы, и некоторые эмигранты (Адамович, Степун) приходили к неутешительному выводу, что это Москва [1, с. 348]. Несмотря на то, что хронологически эти группы размещены на разных отрезках литературного процесса, их сближают условия «литературного быта» – невозможность физически присутствовать в центре литературной жизни, посещать собрания объединений и кружков, оперативно и

непосредственно участвовать в работе периодики.

Так можно охарактеризовать расстановку сил в самом общем виде, ведь указанные группы не всегда существовали как полностью герметичные. На волне интереса к народной культуре в начале века самоучки попадали в поле зрения представителей элиты как предполагаемые носители «истинной русскости» [2]. Некоторым писателям (например, Н. Клюеву, А. Чапыгину) и вовсе удалось преодолеть заданную их идентичностью роль и переместиться на другие уровни иерархии.

1920-е гг. характеризуются относительно свободными отношениями между советской и эмигрантской культурой: «Ещё в апреле 1921-го по распоряжению ВЦИК 20 экземпляров всех ведущих эмигрантских газет должны были поступать по подписке в высшие инстанции страны; приблизительно 160–200 экземпляров журнала «Воля России» (который симпатизировал новой власти) закупали советские учреждения. Контроль над импортом эмигрантской литературы до 1923 года практически отсутствовал» [1, с. 336]. Но уже к концу 1920-х гг. публичное обращение к литературе русской диаспоры практически перестаёт осуществляться.

С точки зрения контакта с читателем каждая из групп также оказывается в некотором смысле замкнутой на своём «слое». В силу ряда обстоятельств (начиная от тематики сочинений и заканчивая особенностями каналов распространения литературной продукции) произведения самоучек в основном были адресованы низовым читателям – крестьянам и городским рабочим, в среде которых к концу XIX – началу XX века грамотность распространилась достаточно широко,

чтобы сформировалась потребность в адресованной непосредственно им литературе [3].

Поскольку в 1930-е маргинальность статуса эмигрантской литературы подчёркивалась намеренным игнорированием существования оппозиционно настроенных писателей со стороны советской критики, творчество представителей русского зарубежья находилось в «слепой зоне» читателей, проживавших в СССР, и, следовательно, основными потребителями литературной продукции эмигрантов оставались они сами.

Примечательно также, что в контексте утвердившейся профессиональной литературы, предполагающей систему гонораров, издательская деятельность представителей обеих групп была экономически невыгодной, даже убыточной, но при этом самоценной и имела на первом месте символическое значение.

Всё это приводит такие разные группы с крайне неоднородным составом на путь изобретения особой идентичности, которая, с одной стороны, прочерчивала бы границу между ними и «литературой вообще», с другой – легитимировала бы их особое место в системе и право на словесное творчество.

С этой точки зрения можно назвать ряд общих типологических слагаемых профессиональной репутации. Во-первых, в обеих группах существовало представление о наличии некоторой миссии перед литературой и обществом.

Своё предназначение писатели-самоучки видели в осваивании ранее недоступного для них поля словесности и посредничестве между низшими слоями общества и миром высокой культуры. Авторы из народа теперь массово обретали собственный голос, однако всё ещё не могли рассчитывать на равноправное участие в культурной жизни. Им приходилось отстаивать право на творчество и, следовательно, на коммуникацию с остальным миром (совсем иной будет позиция пролетарской литературы уже в 1920–30-е гг., см.: [4]). По сути, для них именно факт публикации являлся основанием называть себя писателем. Ориентируясь главным образом на «малоразвитого читателя», автодидакты преследовали просветительскую цель: «[д]ля него наши слова новы, являются первой ступенью, с которой он шагнёт к тому, что было сказано раньше и лучше нашего» [5, с. 13].

Несмотря на то, что за границей находились и те, кто восхищался нэпом, мечтал вернуться обратно для участия в строительстве социализма [6], часть эмигрантов в 1920-х гг. пребывала в уверенности, что в скором времени новая власть прекратит своё существование, и тогда русская диаспора должна будет возродить дореволюционную культуру в России. Такие эмигранты видели в своём положении миссию спасения этической системы ценностей, существовавшей до 1917 г. Так, в программной статье И.А. Бунина 1924 г. прямо говорится о том, что «миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия» [7, с. 6]. Также автор статьи в конце уверяет, что «Ангел отвалит камень от гроба Христовой России», то есть что советская власть прекратит своё существование, и тогда «миссионеры» смогут вернуться на родину для её возрождения.

Во-вторых, обе группы создавали свою собственную литературную иерархию, альтернативную «официальной», и тем самым конструировали преемственность, вписывали себя в некую традицию. Самоучки обращались в целом к тому же набору классиков, писателей XIX века, что и представители других литературных групп того времени, но с иными акцентами. В их творчестве можно встретить эпигонские жесты, направленные на А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других авторов, однако на вершину иерархии они помещали Н.А. Некрасова (подробнее см.: [8, с. 211–218]), который одновременно был и включён в контекст «настоящей», «дворянской» литературы, и активно разрабатывал крестьянскую тему, что позволило самоучкам, выходцам из низших слоев общества, выстроить собственную линию преемственности и в результате легитимировать как своё активное присутствие в культурном поле, так и развитие «народной» литературной традиции.

Эмигранты, в силу эстетической разнородности внутри данной группы, имели более обширный круг «предшественников» – фигур и течений, ориентация на которые

становилась знаковым аспектом культурной и профессиональной самоидентификации. И.А. Бунин, представитель «старшего» эмигрантского поколения, как известно, в процессе создания персонально писательского мифа в качестве важного элемента своей творческой генеалогии отмечал родственные связи с В.А. Жуковским и А.П. Буниной, что как бы укореняло его фигуру в дворянской литературной традиции и давало право на титул «последнего классика».

Общество младоэмигрантов находилось в поиске подобных сценариев конструирования репутаций, и часть из них последовала за Буниным. Так, в 1928 г. сформировалось объединение «Перекрёсток», тут же выпустившее в свет свой первый сборник произведений [9, с. 182]. Участники группы (Ю. Мандельштам, Г. Раевский, Ю. Терапиано, К. Халафов и др.) ориентировались на особенности поэтики дореволюционной русской литературы. В.Ф. Ходасевич в своей критической статье поддержал молодых поэтов («...молодёжь, связанная с исконной русской литературной традицией, в данную минуту представляет собой авангард, а не арьергард поэзии» [10, с. 3]) и сформулировал возможный путь их дальнейшего профессионального развития: «...чтобы поднять русскую поэтическую традицию, <...> должно её наполнить новым содержанием и оживить новым творческим усилием. Будущая русская поэзия останется русской, но ей суждено столь же отличаться от прежней, как сама послебольшевистская Россия будет отличаться от России минувшей» [10, с. 4]. Так, часть «молодого» поколения избрала сценарий наследования и дальнейшего развития традиций русской классики, то есть их литературная репутация выстраивалась за счёт выполнения заявленной «старшим» поколением миссии русской эмиграции.

Молодые поэты и писатели, относившие себя к «Парижской ноте», утверждали право на автономное существование, отталкиваясь от взглядов «старшего» поколения. Несмотря на казавшийся непреложным авторитет А.С. Пушкина, младоэмигранты ставили в центр своего литературного канона фигуру М.Ю. Лермонтова, тем самым заявляя о собственном оригинальном пути развития: «Лермонтов, невоспетый герой поэтов па-

рижской ноты, был выбран на эту роль частично из желания как-то противостоять религиозному и моралистическому направлению, сформированному старшим поколением литераторов-эмигрантов» [1, с. 358]. Так, в первом номере журнала «Новый корабль» в послании от редакции читаем: «Хотя мы и не включаем себя и не включаемся ни в какие “установленные” рубрики литературы <...>, не включаемся также ни в какие определенные группы эмиграции, – мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми, для нас, связывается будущее» [11, с. 4]. Фамилия Пушкина здесь опущена неслучайно.

Ещё более мощным источником самоидентификации представителей «Парижской ноты» стали поэтические и поведенческие практики Серебряного века [12]. Как отмечали критики, «...на долгие годы вся женская поэзия была отравлена влиянием Ахматовой, её колея оказалась настолько глубокой, что никому – подчас очень одарённым поэтам, не удавалось остаться самой собою» [13, с. 162]. Одной из её последовательниц стала Л. Червинская [14, с. 27], которая не только переняла художественные особенности Ахматовой, но и выстроила собственный жизнетворческий проект, придерживаясь сценария, выстроенного поэтессой в дореволюционный период: страдающая, нелюбящая/нелюбимая, находящаяся в вечном поиске «монашенка-блудница» [15, с. 200] – именно такой творческий облик, рассматриваемый через призму её первых двух сборников «Вечер» и «Чётки», закрепился за Ахматовой в начале карьеры. Такие же амбивалентные черты были свойственны образу Червинской, формировавшемуся в критике и мемуарах. Так, по словам Н.Г. Мельникова, она «славилась довольно беспорядочным образом жизни» [16, с. 644]. В.С. Яновский описывал поведение поэтессы следующим образом: «Не работала, голодала, и от скромной рюмки водки её выворачивало наизнанку – буквально и фигурально» [17, с. 290]; «Помню, как, зайдя в “Дом” по личным делам, я вдруг наткнулся на сцену, которую нетрудно было сразу оценить по достоинству: гряда посуды на полу, гарсоны в угрожающих позах, а вы-

сокая, сутулая Червинская, похожая на Грету Гарбо, стоит у пустого столика, точно дожидаясь приговора» [17, с. 219]. В то же время у И.В. Одоевцевой сохранились иные воспоминания: «Мы, как всегда, уселись в круг, чтобы читать стихи. Я ясно помню, как Поплавский написал записку, и её стали передавать, пока она не дошла до Лидии Червинской, которой была адресована. Она прочла, подняла руку, сделала ею отрицательный жест и громко сказала: – Во вторник я занята. Это было приглашение на тот роковой “наркотический пир”, стоивший жизни Поплавскому» [18, с. 162]. Таким образом, благоразумный отказ от опасного «пира» уравнивает двойственное амплу «монашеник-блудницы».

Однако не все эмигранты находили ориентиры в дореволюционной литературе. «Кочевье» было единственным объединением, отрицавшим возможность развития русской литературы в эмиграции и отдававшим предпочтение таким советским писателям, как Б. Пильняк, И. Бабель и т. д.

В-третьих, обе группы прибегали к структурированию собственного суб-поля: нередко они не только создавали объединения и кружки, под эгидой которых выпускались литературные сборники и журналы, но и прочерчивали границы между «своими» и «чужими» внутри этих формальных образований. Если конструирование преемственности имело в своей основе обращение к прошлому, традиции, то артикулирование различий внутри своей группы было связано с рефлексией текущего литературного процесса.

М. Шруба зафиксировал сведения о двенадцати объединениях писателей из народа, имевших место в 1890–1917 гг. – тринадцать в Москве («Группа молодых», «Десять», «Дружба», Субботы Златовратского, «Молот», Московский товарищеский кружок писателей из народа, Народный кружок, «Обновленный народ», «Огни», «Родник», Суриковский литературно-музыкальный кружок (СЛМК), «Товарищеская библиотека», литературный кружок шанявцев) и шесть в Петербурге (Кружок рабочих беллетристов, Кружок Маширова–Самобытника, «Искусство и социализм», Общество пролетарских искусств, Кружок поэтов-правдис-тов, Литературный кружок черняевцев) [19]. Стоит

отметить, впрочем, что все они существовали не одновременно (например, Московский кружок писателей из народа в 1905 г. распался на Народный кружок, который просуществовал лишь до начала 1906 г., и СЛМК, который, в свою очередь, был реорганизован в 1921 г., в результате чего был создан Всероссийский союз крестьянских писателей), некоторые кружки выделяются условно – на основании издания сборников («Дружба», «Родник» и др.). Кроме того, одни и те же писатели зачастую были участниками сразу нескольких объединений. С другой стороны, за пределами двух столиц в начале XX века литературные кружки также существовали; этому способствовало влияние СЛМК: к концу 1914 г. в его составе насчитывалось 46 москвичей и 29 провинциалов [19, с. 238], которые пытались развивать поле словесности в своих городах. В частности, суриковец И.А. Назаров создал в Суздале и Владимире своё объединение, от имени которого издавались литературные сборники.

В среде самоучек в начале XX века внутренние границы проводились между «настоящими» писателями, для которых литература была в первую очередь призванием и которые бессознательно или осознанно присоединялись к миссии автодидактов, и графоманами, а также представителями массовой литературы, основным стимулом которых были слава и коммерческий успех. В этом плане показателен ироничный рассказ Ю. Шара (псевдоним Ефима Ефимовича Шарова) «Литератор», главный герой которого, начинающий писатель Константин Рассказов, мнит себя невероятно талантливым автором и жаждет мгновенного успеха. Подыскивая журнал для опубликования своего первого произведения, эпигонского «чеховского рассказа», он руководствуется следующими соображениями: «Этот журнал наиболее подходящий – литературный с лучшими силами: здесь скоро можно выдвинуться, приобрести литературное имя, громадный гонорар и почёт» [20, с. 37]. Так в произведении автора-самоучки нашла себе место тема приемлемых и неприемлемых стратегий профессионального самоутверждения в его среде: графоманское поведение получило крайне негативную оценку.

В среде эмигрантов внутреннее разделение основывалось на разных критериях. В качестве одного из них можно назвать «поколенческий» принцип: к «старшим» эмигрантам относят тех, кто снискал литературную славу ещё на родине, в то время как младоэмигранты – это авторы, в основном начавшие свой творческий путь уже за границей, что в значительной степени повлияло на их тактики самопрезентации, а подавляющее большинство составило так называемое «незамеченное поколение» (возрастной критерий при этом не был определяющим, поскольку некоторые младоэмигранты были ровесниками своих «старших» товарищей по перу) [21].

Другим поводом для проведения внутренних границ являлось отношение к литературному процессу метрополии и связанному с этим способу реализации центральной миссии эмигрантов – возрождению и развитию дореволюционной литературной традиции. Здесь в оппозиции к большинству оказывалось уже упомянутое объединение «Кочевье», избравшее своим ориентиром советскую словесность. В свою очередь, А.Л. Бем в своих статьях заявлял, что «одно положение, кажется мне, должно быть твердо усвоено: советская литература должна быть нами воспринимается, как литература русская, как органически связанная со всем нашим литературным прошлым» [22, с. 279]. Критик считал важным подчеркнуть, что эмигрантская литература не должна отмежевываться от советской, а наоборот, ей стоит принять её и продолжить совместное развитие. «Её [русской литературы. – Ю. К., О. Т.]

возрождение придёт с воссоединением двух её разъединённых сейчас частей – литературы эмигрантской и литературы советской. На той и другой лежит огромный долг – сохранить жизненную правду и художественную силу русской классической литературы» [22, с. 394].

В оппозиции такому мнению выступал В.Ф. Ходасевич. В 1920-е гг. в своих статьях он выражал поддержку новым поэтам, которые, по его мнению, были способны возродить русскую литературу: «Я вижу признаки того, что “кучка” образуется, слышу упреки в кружковщине и радуюсь: значит, здесь есть жизнь» [23, с. 28]. Несмотря на то, что в 1930-е гг. атмосфера в эмигрантской культурной среде становилась всё более напряжённой, и В.Ф. Ходасевич выдвигал предположение, что эмигрантскую литературу ожидает скорая гибель, критик всё же не мог согласиться с тезисом, что советская литература станет союзником русской диаспоры или самостоятельно возродит русскую культуру [24, с. 425].

Таким образом, конструирование профессиональной репутации писателей-самоучек и русских эмигрантов первой волны, несмотря на принципиальные различия в культурном контексте, основывалось на ряде общих стратегий. Вынесенность за пределы основного литературного процесса вынуждала представителей обеих групп артикулировать некую объединяющую миссию, выстраивать собственную традицию, альтернативную общепризнанной, и проводить самоструктурирование, обнажающее различия внутри самих групп.

Список литературы

1. Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 335-367.
2. Шевеленко И. Модернизм как архаизм. Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
3. Агафонова Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2. С. 77-93.
4. Калинин И. Угнетённые должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 587-663.
5. Космач Т. Нашим судьям // Прибой: III. М.: Нар. кружок, 1905. С. 13-14.
6. Горячая С.В. Сменовеховцы 20–30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 2004.

7. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. № 1013. С. 5-6.
8. Толстоноженко О.А. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 2–3. С. 207-220.
9. Чагин А.И. Перекрёсток // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2. Ч. II. М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам, 1997. С. 181-183.
10. Ходасевич В.Ф. По поводу «Перекрёстка» // Возрождение. 1930. № 1864. С. 3-4.
11. Злобин В.А., Терапиано Ю.К., Энгельгардт Л.Н. От редакции // Новый корабль. Париж, 1927. № 1. С. 4.
12. Налегач Н.В. Анна Ахматова и «Парижская нота»: к вопросу о поэтическом влиянии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 24-35.
13. Терапиано Ю.К. О новых книгах стихов // Круг. Кн. 2. Берлин: Парабола, 1937. С. 160-173.
14. Коростелёв О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3-50.
15. Чуковский К.И. Анна Ахматова // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. С. 195-229.
16. Мельников Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, статьи, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
17. Яновский В.С. Поля елисейские: книга памяти. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 335 с.
18. Одоевцева И.В. На берегах Сены. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 163 с.
19. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
20. Шар Ю. Литератор // Пробуждение: Литературно-художественный альманах писателей из народа. Кн. первая / под ред. И.А. Назарова. Суздаль, 1912. С. 37-38.
21. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
22. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 451 с.
23. Ходасевич В.Ф. Подземные родники // Новый корабль. 1927. № 2. С. 25-28.
24. Ходасевич В.Ф. О советской литературе // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М.: Согласие, 1996. С. 419-425.

References

1. Tikhonov G. Russkaya emigrantskaya literaturnaya kritika i teoriya mezhdru dvumya mirovymi voynami [Russian Émigré literary criticism and theory between the World Wars]. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovsetskaya i postsovsetskaya epokhi* [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2011, pp. 335-367. (In Russian).
2. Shevelenko I. *Modernizm kak arkhaizm. Natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii* [Modernism as Archaism. Nationalism and the Search for Modernist Aesthetics in Russia]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2017, 336 p. (In Russian).
3. Agafonova Y. Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy [Classics for common people in adaptations by the standing committee on the organization of reading for the people]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer Publishing House*, 2019, no. 2, pp. 77-93. (In Russian).
4. Kalinin I. Ugnetennyye dolzhny govorit': massovyyu prizyv v literaturu i formirovaniye sovsetskogo sub'yekta, 1920-e – nachalo 1930-kh godov [The oppressed must say: mass appeal to literature and the formation of the Soviet subject, 1920s – early 1930s]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside. The Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2012, pp. 587-663. (In Russian).
5. Kosmach T. Nashim sud'yam [To our judges]. *Priboi* [Swash], Moscow, Narodny kruzhok Publ., 1905, pp. 13-14. (In Russian).
6. Goryachaya S.V. *Smenovekhovtsy 20–30-kh godov: otsenka bol'shevistskogo opyta reformirovaniya Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Smenekhovets of the 20–30s: an Assessment of the Bolshevik experience of Reforming Russia. Cand. ist. sci. diss. abstr.: 07.00.02]. Rostov-on-Don, 2004. (In Russian).
7. Bunin I.A. Missiya russkoy emigratsii [Mission of Russian emigration]. *Rul'* [Rudder], 1924, no. 1013, pp. 5-6. (In Russian).

8. Tolstonozhenko O.A. K voprosu o konstruirovanii professional'noy identichnosti pisateley-samouchek v nachale XX veka [Towards the invention of professional identity of early 20th century autodidact writers]. *Letnyaya shkola po russkoy literature – Summer School on Russian Literature*, 2019, no. 2-3, pp. 207-220. (In Russian).
9. Chagin A.I. Perekrestok [Crossroads]. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940). T. 2. Ch. 2* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940). Vol. 2. Part 2]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 181-183. (In Russian).
10. Khodasevich V.F. Po povodu «Perekrëstka» [About “Crossroad”]. *Vozrozhdeniye – Renaissance*, 1930, no. 1864, pp. 3-4. (In Russian).
11. Zlobin V.A., Terapiano Y.K., Engelgardt L.N. Ot redaksii [From the editors]. *Novyy korabl' – New Ship*. Paris, 1927, no. 1, p. 4. (In Russian).
12. Nalegach N.V. Anna Akhmatova i «Parizhskaya nota»: k voprosu o poeticheskom vliyanií [Anna Akhmatova and the Paris note: on the issue of poetic influence]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 24-35. (In Russian).
13. Terapiano Y.K. O novykh knigakh stikhov [About new poetry books]. *Krug. Kn. 2* [Circle. Book the 2nd]. Berlin, Parabola Publ, 1937, pp. 160-173. (In Russian).
14. Korostelev O.A. «Parizhskaya nota» i protivostoyaniye molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoy literaturnoy emigratsii [“Paris note” and the confrontation of youth poetry schools of Russian literary emigration]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – Literary Journal*, 2008, no. 22, pp. 3-50. (In Russian).
15. Chukovskiy K.I. Anna Akhmatova [Anna Akhmatova]. In: Chukovskiy K.I. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 5* [Collected Edition: in 15 Vols.]. Moscow, FTM Agency Ltd., 2013, vol. 5, pp. 195-229. (In Russian).
16. Melnikov N.G. *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: kriticheskiye otzvyvy, stat'i, parodii* [Classic without Retouching. The Literary World about Work of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Articles, Parodies]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2000, 688 p. (In Russian).
17. Yanovskiy V.S. *Polya eliseyskiye: kniga pamyati* [Elysian Fields: Memory Book]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2016. 335 p. (In Russian).
18. Odoyevtseva I.V. *Na beregakh Seny* [On the Banks of the Seine]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2016, 163 p. (In Russian).
19. Shrubina M. *Literaturnyye ob'yedineniya Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2004. (In Russian).
20. Shar Y. *Literator* [Literator]. *Probuzhdeniye: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh pisateley iz naroda. Kn. pervaya* [Awakening: Literary and Artistic Almanac of Writers from the People. Book One]. Suzdal, 1912, pp. 37-38. (In Russian).
21. Kaspé I. *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoye pokoleniye russkoy literatury* [The Art of Being Absent: An Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2005. (In Russian).
22. Bem A.L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Researches. Letters about Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001, 451 p. (In Russian).
23. Khodasevich V.F. Podzemnyye rodniki [Underground springs]. *Novyy korabl' – New Ship*, 1927, no. 2, pp. 25-28. (In Russian).
24. Khodasevich V.F. O sovetskoy literature [About Soviet literature]. In: Khodasevich V.F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 2. Zapisnaya knizhka. Stat'i o russkoy poezii. Literaturnaya kritika 1922–1939* [Collected Works: in 4 Vols. Vol. 2. Notebook. Articles about Russian Poetry. Literary Criticism 1922–1939]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 419-425. (In Russian).

Информация об авторах

Каминская Юлия Вадимовна, аспирант, преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация. E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Вклад в статью: анализ первоисточников, написание части текста статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>

Толстоноженко Оксана Алексеевна, старший преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация. E-mail: t_oksa@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ произведений, написание части текста статьи, оформление и редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Толстоноженко Оксана Алексеевна
E-mail: t_oksa@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.

Поступила после рецензирования 17.05.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Yuliya V. Kaminskaya, Post-Graduate Student, Lecturer of Journalism and Literary Studies Department of Philology and Language Communication Institute. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Contribution: analysis of literary sources, manuscript text drafting, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>

Oxana A. Tolstonozhenko, Senior Lecturer of Journalism and Literary Studies Department of Philology and Language Communication Institute. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: t_oksa@mail.ru

Contribution: study idea, analysis of literary sources, manuscript text drafting, manuscript text design and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Oxana A. Tolstonozhenko
E-mail: t_oksa@mail.ru

Received 27 April 2020

Reviewed 17 May 2020

Accepted for press 22 May 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-521-529
УДК 821.161.1

Архетип Керы и его реализация в пьесе А.Н. Островского «Гроза»

Кирилл Валентинович СМИРНОВ

АПОУ ВО СПО «Вологодский колледж связи и информационных технологий»
160011, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Первомайская, 42
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3205-9205>, e-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

The Kore archetype and its implementation in the play by A.N. Ostrovsky “The Storm”

Kirill V. SMIRNOV

College of Communication and Information Technology
42 Pervomayskaya St., Vologda 160000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3205-9205>, e-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Аннотация. Проанализирована специфика воплощения архетипа Керы, введённого К.Г. Юнгом и К. Кереньи, применительно к образу Катерины, главной героини пьесы А.Н. Островского «Гроза». Основное внимание уделено архетипичности образа Катерины. В процессе исследования были использованы сравнительно-типологический, исторический, биографический и интерпретационный методы. Благодаря анализу трудов В.В. Топорова, Е.М. Мелетинского, Н.А. Бердяева, Т. Элиота и проч. удалось выявить причастность Катерины архетипу Керы. Исследована специфическая обстановка жизни Катерины в семье Кабановых: зависимость от обстоятельств вынуждает героиню совершить измену с целью отыскать женское счастье. Было доказано, что образ Катерины, созданный А.Н. Островским и актуализирующий наиболее злободневные проблемы современного драматургу общества, является типичным для русской литературы «золотого века» в социальном и психологическом планах. Детальное изучение образа главной героини позволило прийти к выводу о том, что иллюзорность чувства и последующая обречённость на страдания воспроизводят устойчивый образ русской женщины, готовой для любви, но не получающей ничего взамен. Результаты данного исследования могут быть интересны всем, кто интересуется творчеством А.Н. Островского и архетипами в русской литературе XIX столетия.

Ключевые слова: Островский; архетип; женский вопрос в России; трансформация; хаос; космос

Благодарности: Анализ тематической литературы, работа с литературными источниками, а также анализ художественного текста в рамках заявленной темы осуществлялся при непосредственной помощи д.ф.н. В.Н. Криволапова и д.ф.н. В.А. Черкасова, за что хотелось бы высказать особую благодарность.

Для цитирования: *Смирнов К.В.* Архетип Керы и его реализация в пьесе А.Н. Островского «Гроза» // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 23. С. 521-529. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-521-529

Abstract. We analyze the implementation specific of the Kore archetype, introduced by C.G. Jung and K. Kerényi, in relation to the image of Katerina, the main heroine of the play “The storm” by A.N. Ostrovsky. The main focus is on the archetype of Katherine’s image. In the process of research, comparative typological, historical, biographical and interpretive methods are used. Due to the analysis of the works of V.V. Toporova, E.M. Meletinsky, N.A. Berdyaev, T. Eliot and others, Katerina’s involvement in the Kore archetype is revealed. We investigate the specific situation of Katerina’s life in the Kabanov family: dependence on circumstances forces the heroine to commit adultery in order to find female happiness. We prove that Katerina’s image created by

A.N. Ostrovsky and actualizing the most pressing problems of the modern playwright of society, is typical for Russian literature of the Golden age in social and psychological terms. A detailed study of the main character's image allows us to come to the conclusion that the illusory feeling and the subsequent doom to suffer reproduce the stable image of a Russian woman, ready for love, but receiving nothing in return. The results of this study may be interesting to everyone who is interested in the work of A.N. Ostrovsky and archetypes in Russian literature of the 19th century.

Keywords: Ostrovsky; archetype; women's issue in Russia; transformation; chaos; space

Acknowledgments: The thematic literature analysis, work with literary sources and the literary text analysis within the framework of the stated topic is carried out with the direct assistance of Doctor of Philology V.N. Krivolapov and Doctor of Philology V.A. Cherkasov, for which we express special gratitude.

For citation: Smirnov K.V. Arkhetip Kory i ego realizatsiya v p'yese A.N. Ostrovskogo «Groza» [The Kore archetype and its implementation in the play by A.N. Ostrovsky "The Storm"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 521-529. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-521-529 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема русской женщины в литературе была представлена практически во всех произведениях, снискавших статус классических. Истоком подобных процессов послужило особое социальное положение женщины в обществе XIX века. Образование, воспитание, следование традициям предшествующих поколений создали устойчивый тип бессловесной и воспитываемой девушки, во всём следующей указаниям своих родителей, а впоследствии и мужа. Агафья Пшеницына И.А. Гончарова, Мария Троекурова А.С. Пушкина и проч. – все они стали воплощением того общественного менталитета, который был общепризнанным, но ограничивал развитие женщины в образовательном и социальном аспектах. В XIX веке проблема русской женщины становится одной из наиболее разрабатываемых: писатели иначе смотрят на её роль в развитии общества. Однако радикальное переосмысление женского вопроса повлекло за собой не только пересмотр понимания психологии женщины, но и в значительной степени деформировало парадигму миропорядка. Жертвенность и независимость стали поводом преодоления замкнутого пространства традиций, что порой оказывалось губительным. Иллюстрацией подобного подхода стала судьба Катерины Петровны Кабановой, главной героини пьесы А.Н. Островского «Гроза». О специфике данного образа в контексте психологического истолкования пойдёт речь в настоящей статье, библиографическую основу которой сформировали

труды К.Г. Юнга, К. Кереньи, А.И. Журавлёвой, Дж. Патрика, О.В. Богдановой и т. д.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Творческое наследие А.Н. Островского активно изучалось при его жизни и, казалось бы, было полностью освещено в критической литературе. Однако спустя почти сто пятьдесят лет после смерти драматурга произведения, описывающие социальные проблемы, быт и менталитет купечества, до сих пор не потеряли актуальности. В XXI веке пьесы А.Н. Островского всё так же актуальны, подтверждением чего выступают многочисленные исследовательские работы современных русских (Л.А. Карпушкина [1], О.Н. Купцова [2] и проч.) и зарубежных (О. Фигес [3] и проч.) литературоведов. Как правило, предметом анализа выступает персонажный уровень, в частности, образ Катерины – один из самых обсуждаемых образов русской литературы XIX века. Итак, образ Катерины интерпретировался в русской критике по-разному: Н.А. Добролюбов в статье «Луч света в тёмном царстве» утверждал, что она является мученицей; Д.И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» заявлял, что Катерина странная женщина, позволившая себе самоубийство без каких-либо значительных причин. Данные точки зрения являются устоявшимися. Однако однозначно говорить о Катерине, выбирая одну из двух довольно «радикальных» точек зрения, не совсем корректно. И Добролюбов, и Писарев дали великолепный анализ пьесы А.Н. Островского, однако их причастность к тенденциозной для

XIX века линии реакционности, обозначенной литературными традициями Натуральной школы, не позволяет рассмотреть главную героиню с нескольких ракурсов: в плане психологизма, социальной обстановки и типологии одновременно. Тяжёлая судьба, вынесенная Островским как основа цельности образа, является главным критерием оценки суицида героини. Самоубийство Катерины принято считать воплощением катарсиса – через страдания неразделённой любви и смерть героиня очищает свою измученную душу. Подобный подход допускает анализ образ героини не только в социально-психологическом аспекте только в рамках художественной реальности, но и применительно к типологии – в архетипическом контексте, в частности, как реализацию архетипа Керы. Архетип Керы как термин был впервые введен К.Г. Юнгом в совместной работе с К. Кереньи «Душа и миф: шесть архетипов» и подразумевал образ «девушки, достигшей брачного возраста» [4, с. 38]. Как архетип Кора «является воплощением изначальной девы, Protogonos Kore (первичной Керы)» [4, с. 123] и содержит в себе значение первозданной девственности [4, с. 127] и непорочности, то есть чистоты, которая ещё не испорчена окружающим миром.

«Архаичный план в гибели Катерины не подменяет иных – социальных, психологических, символических – трактовок, но усиливает смысловую заряженность кульминации и финала пьесы, ассоциативно связывает Катерину с жертвой Христа, с древнегреческими героинями: Ифигенией, Антигоной, Федрой, – судьба которых была сломана властителями мира» [5, с. 14], – замечает Л.Н. Дмитриевская.

Следовательно, образ Катерины – типичный для русской литературы «золотого века» образ, ставший воплощением катарсиса. Именно в XIX веке он получает наибольшее развитие, причиной чего стала проблема женской эмансипации – тема, которая наравне с проблемой крепостного права фигурировала практически во всех периодических изданиях и освещалась многими критиками, социологами и педагогами. Все авторы, поднимающие данную проблему, создавали отличные друг от друга образы женщин, объединённых единой для всех характеристикой:

героини либо были измучены системой и сдавались под её гнетом (Лариса в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница»), либо сражались с ней любыми средствами (Вера Павловна в романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского). В отличие от прочих Катерина не смогла найти своего места в мире, не примкнув ни к первым, ни ко вторым. Неопределённость человека, практически насильно выданного замуж за пассивного мужчину, молодость, неопытность, незнание жизни сближают героиню с архетипом Керы. К.Г. Юнг и К. Кереньи в работе «Душа и миф: шесть архетипов» выявляют две особенности данного архетипа.

1. Дева часто описывается, как существо, которое нельзя считать человеческим в обычном смысле; она либо неизвестного, либо особенного происхождения, либо странно выглядит, либо попадает в странные происшествия [4, с. 112].

2. Каждая мать содержит в себе свою дочь, а каждая дочь – свою мать, и что каждая женщина простирается назад – в свою мать и вперёд – в свою дочь. Это участие и смешение порождает характерную неопределённость в отношении времени: женщина живёт раньше как мать, а позже как дочь [4, с. 112].

Не случайно, что Катерина с особым трепетом вспоминает своё прошлое, те годы, когда она была действительно счастливой. Неспособность принять реалии новой жизни становится её проклятием. Прошлое Катерины озвучивается ей самой:

«Я жила, ни об чём не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках?» [6, с. 221].

Таким образом, Катерина, проживая в городе Калинове, не может привыкнуть к местным обычаям и людям. Происходит трансформация героини – жизнь её делится на светлое прошлое и неизбежное настоящее. Иными словами, Катерина будто бы выпадает из периферийного пространства (своей юности) в срединное (по терминологии В.Н. Топорова [7, с. 399]). «Катерина задумана Островским как выразитель передовых взглядов. Сила её характера составляет основу её «новой» натуры» [8, с. 53], – замечает

О.В. Богданова. Несомненно, Катерина воплощает новый тип женщины – свободолобивой и волевой. Однако сила её натуры весьма сомнительна – у героини нет опоры, отчего внутренний стержень её характера становится причиной её страданий. Катерина мечется между поработавшим внешним началом и свободным внутренним и обретает спасение лишь через отказ и от того, и от другого.

«Групповой опыт располагается на более низком уровне сознания, чем индивидуальный. Это происходит из-за того, что, когда много людей собираются вместе под флагом общей эмоции, общая душа, возникающая в группе, оказывается ниже уровня индивидуальной души. Если это очень большая группа, коллективная душа более подобна душе животного, и в этом причина того, что нравственность больших организаций всегда сомнительна. Психология толпы небрежно опускается до уровня психологии черни» [9, с. 287], – писал К.Г. Юнг.

Катерина должна была смириться, но не смогла предать своих убеждений: она не стала полноценной жительницей города и членом восхваляющего массовость социума, но окончательно растворилась как цельная личность, приняв статус ведомости и повинования. «Драматургия Островского даёт возможность показать тот произвол и то насилие, которое составляет сущность всего общественного порядка крепостнического «тёмного царства» России» [10, с. 113], – пишет Ю.Н. Чирва. Массовость калиновцев представлена через образ Феклуши – странницы, сочиняющей всякие небылицы и легко обманывающей необразованных местных жителей. При этом сама Феклушка и её рассказы о султанах и людях с песьими головами выглядят более чем «правдивыми». Возможно, через образ Феклуши Островский актуализировал проблему отношений столицы и провинции, восходящую к его биографии. Москва 30-х гг. XIX века представляла собой одновременно и светский город, и город патриархальный. Свидетельством того выступает повседневная жизнь москвичей-горожан, живущих непосредственно в Москве, и москвичей-купцов, чьи дома стояли на противоположном берегу реки Москвы (в Замоскворечье). Если в центральной Москве

активно функционировали паровые прачечные, третье отделение жестоко наказывало за распитие алкогольных напитков и курение в общественных местах, а дворяне предпочитали передвигаться по городу на экипажах, то в Замоскворечье ситуация была в корне противоположной. Там, на другом берегу Москвы-реки, вдоль аккуратных заборчиков, прячущихся под тяжёлыми ветвями деревьев, гуляли из дома в дом купцы, на открытых верандах теплыми летними вечерами пили чай их жены и дети, а по праздникам все собирались на берегу и дружно отмечали те или иные события. Не в Москве, а в Замоскворечье родился А.Н. Островский, отчего тема купеческого быта с присущей ей точностью как одна из ведущих в творческом наследии драматурга так точно выведена и детально разработана. Контраста Москва – Замоскворечье для воспроизведения провинциальной жизни явно было недостаточно. Поэтому А.Н. Островский обозначает местом действия пьесы город Калинов, стоящий на берегу Волги. По наблюдению А.И. Журавлёвой, «пожелав противопоставить аморальности и жестокости современного ему общества наживы и социальной несправедливости апологию русской патриархальности, А.Н. Островский идёт на создание мира условного, стилизованного, удалённого от современности в пространстве – где-то в глуши России – или во времени – сто лет назад» [11, с. 108]. Через противопоставление Москвы и провинциального Калинова драматург обращается к мировоззренческому противостоянию западников и славянофилов. «Журнал «Отечественные записки», в те годы – орган либеральных западников, стал для драматурга «постоянным неприятельским станом». И если славянофилы, по существу, упрекали Островского за недостаточное, по их мнению, прикрашивание жизни, то западники обвиняли его в том, что «он дагерротипически изображает всю грязь жизни» [12, с. 10], – пишет А.И. Ревякин. Проблему причастности А.Н. Островского западникам поднимает в своей работе С.В. Максимов, утверждая: «Когда Островский напечатал свою превосходную первую комедию «Свои люди – сочтёмся!» в «Москвитянине», западники лёгким, скороспелым способом только по одному этому обстоятельству зачислили его в ря-

ды славянофилов. Когда же около погодинского журнала определительно сгруппировалась так называемая «молодая редакция», – западники ещё твёрже укрепились в своём ошибочном предположении» [13, с. 116]. Открыто спор западников и славянофилов в «Грозе» не представлен, однако патриархальность быта героев занимает в фабуле особое место. А.Н. Островский, как известно, начинал свой творческий путь со сближения с М.П. Погодиным, одним из ярких представителей славянофильства, однако позже, приняв приглашение И.С. Тургенева перебраться в Петербург, сблизился с редакцией журнала «Современник». По этой причине многие литературоведы предполагают, что А.Н. Островский разделял идеи западничества. Данная идея вполне могла бы считаться верной, однако «Современник», несмотря на присутствие в редакционном составе ярких западников (Ф.И. Тютчев, частично В.Г. Белинский и проч.), был в первую очередь журналом реакционным, но не западничским. «Его пьесы (за исключением исторических драм) с их неисчерпаемым богатством реальных событий и ситуаций, с их множеством жизненно правдивых деталей не оставляют сомнения в том, что они написаны автором, который был глубоким знатоком России и который был совершенно свободен от какой-либо предубеждённости или приверженности» [14, р. 125], – замечает Дж. Патрик. И версия о том, что в «Грозе» калиновский быт есть попытка показать мир устаревший, противоположный миру развивающейся Москвы, мир статичный – миру динамичному, также довольно условна. А.Н. Островский, показывая жизнь провинциального города, стремился указать на крайности славянофильского мировосприятия, будто бы утверждая, что во всём следует соблюдать меру. «Его подлинная сила заключена тем не менее в создании драмы нравов, дающей реалистические картины русской жизни из среды русских городских классов и разорившегося дворянства» [15, р. 9], – указывает в своей работе Дж. Нойес. Если бы в контексте пьесы развивалась линия противопоставления западничества и славянофильства, равно как и во всём творческом наследии драматурга, в пьесах присутствовали бы герои, претендующие на статус «положительного

героя» или хотя бы истинные аристократы по своей сути. К примеру, у И.С. Тургенева есть и аристократ Кирсанов, и нигилист Базаров как проекции статичного и динамичного мировосприятия. У А.Н. Островского есть Борис – герой без лица, не являющийся хозяином своей судьбы, который не претендует на статус «положительного героя» (возможно, особенного, но не положительного, о каком мечтал Н.А. Некрасов, создавая образ Гриши Добросклонова). В неопределённости своего будущего кроется и ещё одна причина самоубийства Катерины – новый мир, который обещал Борис, оказался иллюзорным, а мир старый принять неминуемой данностью было невозможно. Поэтому Катерина не находит поддержки ни у кого из своего окружения. Общество города Калинов живёт своей закрытой жизнью, где массовость возводится в абсолют, при этом патриархальный тип мышления является незыблемой парадигмой благополучия.

Архетипической является одна из иллюстраций массовости – образ-символ геенны огненной – всеобщего страха перед неизвестностью. Как утверждает священник Даниил Сысоев, «геенна – символ судного дня в иудаизме и христианстве, в исламе является равнозначным слову «Ад», а согласно православному учению придёт на смену Аду»¹. Оппозиция огонь-вода становится значительной в контексте пьесы. Вода для Катерины – особая стихия, связывающая её с прошлым, но и ставшая для неё пристанищем плоти. Вода – это символ «возрождения и очищения физического и духовного» [16, с. 51]. Не случайно Кулигин восклицает: «Тело её здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судьей, который милосерднее вас!» [6, с. 265]. Данный дуализм предполагает огонь как разрушающее, уничтожающее начало. «Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой!» [6, с. 256], – восклицает Барыня. Огонь в понимании калиновцев отождествляется с высшей карой, которая неизбежно нисходит на грешников. Огонь и вода занимают особое место в жизни Катерины: наказание за свидания с Борисом есть

¹ Вопросы священнику Даниилу Сысоеву. М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2013. С. 130.

огненная стихия, в то время как исцеление героиня обретает в стихии водной. Однако оппозиция огонь–вода у Островского имеет другой подтекст, контекстуально-обусловленный.

«Обычай вечного огня восходит к до-историческим временам, когда он отвечал практическому назначению (заменял солнце и отпугивал ночью хищных животных). В более поздние времена он составил магически-религиозный обычай: предназначался для предотвращения смерти солнца, усиления его жизненной энергии и обеспечения его вечного возрождения» [16, с. 273].

Таким образом, и огонь, и вода представляют собой дуалистические символы трансформации: несмотря на свое исконное противопоставление, они в равной степени ассоциируются с возрождением и противлением смерти.

Символика воды в изначальном понимании – символ женского начала (Катерина бросается в воду, но не сгорает в огне, исходя из сюжета). Водная стихия в пьесе не обособлена – Катерина гибнет от падения, но не оттого, что захлебнулась. Но именно на Волге происходит её самоубийство. И именно поэтому важна водная стихия. О воде как таковой в пьесе упоминается лишь один раз и, что важно, реплика принадлежит именно Катерине: «Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью» [6, с. 236]. Волга выступает как живая, вечная сила, единственное динамичное начало. Водная стихия максимально сближается с образом Катерины – именно в Волгу бросается героиня, уходя навсегда из статичного кабановского дома. Надя Жюльен пишет: «В египетской космогонии, в Книге Бытия, у древних евреев и индусов вода считалась сутью пассивного, или женского начала; влага – самый плодородный из элементов, основа творения» [16, с. 51]. Но далее символ воды наделяется совершенно иным значением: «Оплодотворяющая вода, которая падает с неба, – дождь, роса... воплощает божественное оплодотворение» [16, с. 53]. Следовательно, теперь вода есть мужское начало. В контексте данного вопроса единства быть не может. С одной стороны, вода – начало создающее, с другой – творящее; с одной сторо-

ны она пассивна, с другой – активна. Источником данного парадокса может служить неопределённость толкования причастности стихий мужскому и женскому в контексте их функционирования. Поэтому вода, что более вероятно, есть особая субстанция, которая в пассивном состоянии есть начало женское, а в активном – мужское. Она и зарождение жизни в виде ниспадающих осадков, орошающих землю, и пассивное, как озеро. Поэтому вода – уникальная стихия, сочетающая в себе и черты мужского, и черты женского. Не хотелось бы возвращаться к истокам, говоря вслед за Фалесом, что вода есть первооснова, однако к контексте предложенной теории его точка зрения выглядит более продуктивной. Вся сила водной стихии в том, что она в равной степени связана и с небом, и с землёй. Вода есть элемент соединения. Именно в таком значении она может быть рассмотрена, но никак не обособлено и не персонифицировано на гендерном уровне.

Но если для Катерины вода – ступень перехода в другой мир, а огонь – страх перед неминуемостью, то для обитателей «тёмного царства» такого понятия не существует. По их представлениям, огонь – кара небесная, которая неминуемо постигнет всякого неправедного.

Отчасти поэтому «тёмное царство» и названо «тёмным» – миром, где нет места естественному свету, где процессы трансформации не актуальны в силу фанатичного преклонения перед традиционным укладом жизни. Гроза, начинающаяся в городе Калинове, воспринимается обитателями как кара небесная. Дождь в данной сцене символизирует обновление, очищение, которое никак не может допустить патриархальное общество. Дикой яростно спорит с Кулигиным по поводу громоотводов, воспринимая грозу как волю небес. Противление всему новому основано у жителей Калинова на страхе неизвестного, отчего все герои живут своими воспоминаниями, а рассказы Феклуши о других странах и о плевелах, которые рассыпает некий чёрный человек, есть ни что иное, как повод Марфе Игнатъевне поговорить с другими людьми. Всё, что описывается и о чём говорится в пьесе, напоминает руины. Здесь и старое здание галереи, и само мировосприятие героев: никто не говорит о том, что

будет завтра. Все предпочитают вспоминать вчерашний день: Дикой рассказывает Марфе Игнатьевне о том, как кланялся мужику в ноги, Борис – как пребывал в пансионе вместе с сестрой, Кудряш – как он смело отвечал Дикому на упрёки. Если у Ф.М. Достоевского отличительной особенностью персонажного уровня выступает полифония, то у А.Н. Островского все герои сконцентрированы только вокруг себя, выступая центром своего собственного мира, который вращается вокруг них самих. Жизнь прошлым как одна из ступеней деградации касается всех героев, даже Кулигина, который, много лет мечтая отыскать перпетуум-мобиле, составил и едва ли сможет достичь своей цели. Страх перемен как некая внешняя уничтожающая всё и вся субстанция становится отличительной особенностью всех героев Калинова, отчего самоубийство Катерины выглядит как единственный жест противления ставшему традиционным укладу жизни по прошлым правилам. Но даже этот традиционный уклад не более чем фикция: само общество города напоминает пародию на высокие человеческие чувства, когда существует жизнь по правилам, и любое отступление от них, будь то часы Кулигина или вечерние прогулки молодёжи по берегу Волги, воспринимается как грех. Свидетельством того выступает роман Катерины и Бориса – оба героя приехали в Калинов, но не были коренными жителями. И Борис, и Катерина, по терминологии В.Н. Топорова, есть представители периферийного пространства, отчего их чувства совершенно неприемлемы для устоев калиновского общества. Итак, «золотой век» Катерины (её прошлое) обретает новую формацию после перерождения.

Переход Катерины в другой мир при учете её прошлого («золотой век») ввиду неспособности жить в окружающем её социуме есть борьба между тремя сферами бытия: материальное – душевное – духовное. «Смешение же духовного и душевного в категориях объективированного метафизического бытия и было одним из источников ложного натурализма, ложного спиритуализма. Дух не есть субстанция, не есть объективно-предметная реальность в ряду других. Дух есть жизнь, опыт, судьба», – пишет Н.А. Бердяев [17, с. 33].

Эту особенность ошибочно не увидел Т.С. Элиот, акцентируя внимание на реалистической составляющей пьесы, а не духовной: «Реалистическая драма «Гроза» – предшественник движения, которое в итоге завершилось триумфом реализма и натурализма на сцене и стало современным поэтическим рупором злободневных проблем» [18, р. 10]. Покидая материальную оболочку, душа Катерины будто бы возвращается в мир духовный, совершенный и идеальный. Об этом свидетельствуют многочисленные отсылы: жизнь героини до замужества была противоположной той, которой она жила после. В пьесе будто бы сталкиваются два противоположных мировоззрения и, даже, две противоположных культуры: эстетика Катерины и варварство «тёмного царства». Контекстуальная эсхатология реализуется, следовательно, не на уровне материальном, но на уровне душевно-духовном. Трансформация предопределяется развитием сюжета пьесы и становится неминуемой после разрыва отношений с Борисом. В нём Катерина видела человека, способного изменить окружающий мир, стилизовать его под её душевное состояние, тем самым создав духовную ауру внутри мира предметного. Но Борис оказался неспособным на поступок (в случае с Катериной – подвиг), что предопределило неминуемость трансформации героини – самоубийство.

ВЫВОДЫ

Подводя итог ранее сказанному, отметим: являясь воплощением архетипа Керы, Катерина в полной мере пострадала из-за социальных обстоятельств. Её самоубийство есть акт трансформации, состоящий в преодолении материального и переходе в духовное состояние. «Жизнь индивида преобразуется в тип и становится подлинным архетипом женской судьбы вообще» [4, с. 184], – пишет К.Г. Юнг. И действительно, проблема женских прав в русской литературе XIX века была одной из наиболее актуальных.

«Это ведёт к восстановлению жизней её предков, которые теперь благодаря мосту, созданному переходящим индивидом, переходят в грядущие поколения. Такого рода переживание обеспечивает личности место и

значение в жизни поколений, так что с пути бегущего сквозь неё жизненного потока исчезают все ненужные препятствия. В то же время личность спасена от изоляции и восстановлена в целостности» [4, с. 184], – продолжает К.Г. Юнг.

У Катерины не было детей, отчего она всё время была одинокой. Мост, о котором

писал К.Г. Юнг, мог возвести Борис, но ему была уготована другая участь. Как и все представители «тёмного царства», герой видел в грозе лишь грозу, но не огонь и воду, являющиеся символами трансформации – того, чего дано было увидеть лишь Катерине – Коре, одинокой в своей любви ко всему миру.

Список литературы

1. Карпушкина Л.А. Шекспировские мотивы сорокового опуса. Иронический подтекст в пьесе «Бесприданница» // Вопросы литературы. М., 2016. № 2. С. 157-170.
2. Купцова О.Н. Художественная картография А.Н. Островского: Город // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2018. № 2 (59). С. 78-86.
3. Figes O. *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*. N. Y.: Henry Holt and Company, 2014. 544 p.
4. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.
5. Дмитриевская Л.Н. Элементы древнегреческой трагедии в «Грозе» Островского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 9 (87). Ч. 1. С. 13-16.
6. Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 209-266.
7. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Петербургский текст. М., 2009. С. 391-452.
8. Богданова О.В. Слабость образа сильной героини («Гроза» А.Н. Островского) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Ялта, 2016. № 1 (37). С. 50-58.
9. Юнг К.Г. Алхимия снов. М.: Медков С.Б., 2011. 312 с.
10. Чирва Ю.Н. «Пьесы жизни» А.Н. Островского и «роман-трагедия» Ф.М. Достоевского // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. СПб., 2016. № 4 (45). С. 110-118.
11. Журавлёва А.И. А.Н. Островский – комедиограф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 216 с.
12. А.Н. Островский в воспоминаниях современников / вступ. статья А.И. Ревякина. М.: Худож. лит., 1966. 631 с.
13. Максимов С.В. Александр Николаевич Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В.В. Григоренко. М.: Худож. лит., 1966. С. 65-126.
14. Patric G. *Ostrovski slavophile or westerner* // *Slavic studies. Sixteen essays in honor of George Rapall Noyes* / ed. by A. Kaun, E.J. Simmons. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1943. P. 125-130.
15. *Plays by Alexander Ostrovsky: A Translation from the Russian* / ed. by G.R. Noyes. Oxford: AMS Press, 1969. 305 p.
16. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал Ltd, 1999. 497 с.
17. Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 620 с.
18. *Eliot T.S. Selected Essays, 1917–1923*. N. Y.: Harcourt Brace and Co, 1932. 167 p.

References

1. Karpushkina L.A. *Shakespearean motifs in "Opus forty". The ironic subtext of "Without a dowry"*. *Voprosy literatury* [Literature Issues]. Moscow, 2016, no. 2, pp. 157-170. (In Russian).
2. Kuptsova O.N. *Khudozhestvennaya kartografiya A.N. Ostrovskogo: Gorod* [A.N. Ostrovsky's artistic map-making: City]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. Yekaterinburg, 2018, no. 2 (59), pp. 78-86. (In Russian).
3. Figes O. *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*. New York, Henry Holt and Company, 2014, 544 p.
4. Yung K.G. *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Kiev, State Library of Ukraine for Youth Publ., 1996, 384 p. (In Russian).
5. Dmitriyevskaya L.N. *Elementy drevnegrecheskoy tragedii v «Groze» Ostrovskogo* [Greek tragedy elements in A.N. Ostrovsky's play "The Storm"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. Tambov, 2018, no. 9 (87), pt 1, pp. 13-16. (In Russian).

6. Ostrovskiy A.N. Groza [The storm]. *Ostrovskiy A.N. Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Ostrovsky A.N. Completed Works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, vol. 2, pp. 209-266. (In Russian).
7. Toporov V.N. O strukture romana Dostoyevskogo v svyazi s arkhaiskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya («Prestupleniye i nakazaniye») [On the structure of Dostoevsky's novel in connection with archaic patterns of mythological thought ("Crime and Punishment")]. *Toporov V.N. Peterburgskiy tekst* [Toporov V.N. Petersburg Text]. Moscow, 2009, pp. 391-452. (In Russian).
8. Bogdanova O.V. Slabost' obraza sil'noy geroini («Gроза» A.N. Ostrovskogo) [The weakness of a strong female character ("Thunderstorm" by A.N. Ostrovsky)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki – Iversity Proceedings. Volga Region. Humanities.* Yalta, 2016, no. 1 (37), pp. 50-58. (In Russian).
9. Yung K.G. *Alkhimiya snov* [Alchemy of Dreams]. Moscow, Medkov S.B. Publ., 2011, 312 p. (In Russian).
10. Chirva Y.N. «P'yesy zhizni» A.N. Ostrovskogo i «roman-tragediya» F.M. Dostoyevskogo [A.N. Ostrovsky's "Plays of life" and F.M. Dostoevsky's "Novel-tragedy"]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.Y. Vaganovoy – Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, 2016, no. 4 (45), pp. 110-118. (In Russian).
11. Zhuravleva A.I. *A.N. Ostrovskiy – komediograf* [A.N. Ostrovsky as a Comedian]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981, 216 p. (In Russian).
12. Revyakin A.I. (introductory article). In: *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1966, 631 p. (In Russian).
13. Maksimov S.V. Aleksandr Nikolayevich Ostrovskiy [Alexander Nikolayevich Ostrovsky]. *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1966, pp. 65-126. (In Russian).
14. Patric G. Ostrovski slavophile or westerner. In: Kaun A., Simmons E.J. (eds.). *Slavic studies. Sixteen essays in honor of George Rapall Noyes.* Ithaca (New York), Cornell university press, 1943, pp. 125-130.
15. Noyes G.R. (ed.). *Plays by Alexander Ostrovsky: A Translation from the Russian.* Oxford, AMS Press, 1969, 305 p.
16. Zhyulyen N. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Chelyabinsk, Ural Ltd., 1999, 497 p. (In Russian).
17. Berdyayev N.A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow, AST Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2005, 620 p. (In Russian).
18. Eliot T.S. *Selected Essays, 1917–1923.* New York, Harcourt Brace and Co, 1932, 167 p.

Информация об авторе

Смирнов Кирилл Валентинович, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, литературы и философии. Вологодский колледж связи и информационных технологий, г. Вологда, Российская Федерация. E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ тематической литературы, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3205-9205>

Поступила в редакцию 18.05.2020 г.
Поступила после рецензирования 23.06.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Kirill V. Smirnov, Candidate of Philology, Lecturer of Russian Language, Literature and Philosophy. College of Communication and Information Technology, Vologda, Russian Federation. E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Contribution: study conception, thematic literature analysis, work with literature references, literary text analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3205-9205>

Received 18 May 2020
Reviewed 23 June 2020
Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540
УДК 821.161.1

Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского

Елена Олеговна СЫЧЁВА, Анатолий Алексеевич СЕРЕБРЯКОВ

ФГОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
350001, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>, e-mail: Lenasycheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, e-mail: aasereb@mail.ru

Implementation of the aesthetic ideal in the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky

Elena O. SYCHEVA, Anatoliy A. SEREBRYAKOV

North-Caucasus Federal University
1 Pushkina St., Stavropol 350001, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>, e-mail: Lenasycheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, e-mail: aasereb@mail.ru

Аннотация. Посвящено изучению эстетики Ф.М. Достоевского, в частности, эстетическому идеалу писателя. Вслед за Кантом, Гегелем, Шиллером русский писатель рассматривал идеал в антропологическом аспекте. Эстетический идеал писателя – человек, синтезирующий в себе нравственное и духовное. В теоретической мысли русского писателя звучит идея нравственной красоты. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает эстетическим идеалом Ф.М. Достоевского. К этой красоте, истине стремятся его произведения. Вслед за образцами «положительной красоты» мировой и отечественной литературы и искусства Ф.М. Достоевский воссоздал в своих произведениях положительно прекрасных героев. Автор говорит о двойственности красоты, «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Эстетический идеал писателя обращён к духовной красоте. Особый интерес представляет «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Именно в нём отчетливо звучит мысль об эстетическом идеале писателя. Вопрос об идеальном человеке рассматривается в контексте подземной (загробной) жизни в рассказе «Бобок» и надземном пространстве в «Сне смешного человека». В этих рассказах и обрамляющих их публицистических текстах раскрывается внутренняя динамика мировоззренческой позиции писателя: от констатации растления духа и бессмертия души («Бобок») до трагического прозрения истины («Кроткая») и к утверждению «живого» образа истины («Сон смешного человека»). В рассказе эксплицитно выражено преодоление столь мучительного противоречия между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Ключевые слова: контекст; эстетический идеал; поэтика; «Дневник писателя»; дихотомия; интертекстуальность; рассказ

Для цитирования: Сычёва Е.О., Серебряков А.А. Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 530-540. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540

Abstract. The work is devoted to the study of F.M. Dostoevsky’s aesthetics, in particular, the writer’s aesthetic ideal. Following Kant, Hegel, and Schiller, the Russian writer considered the ideal in an anthropological aspect. The writer’s aesthetic ideal is a person who synthesizes the moral and spiritual in himself. The idea of moral beauty is expressed in the theoretical thought of the Russian writer. Harmony, comeliness serve only as an outer shell, when moral height appears as the aesthetic ideal of F.M. Dostoevsky. His works strive for this beauty and truth. Following the

examples of “positive beauty” of world and domestic literature and art, F.M. Dostoevsky recreated in his works positively beautiful characters. The Russian writer speaks of the duality of beauty, the “two abysses” of the human soul: “Sodom” – low, sinful, connected with the beauty of the body, sensual, and “Madonna” – high, connected with spiritual beauty, a person can combine both. The writer’s aesthetic ideal is turned to spiritual beauty. Of particular interest is the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky. It is in this work that the writer’s idea of the aesthetic ideal clearly expressed. The question of the ideal person is considered in the context of underground (afterlife) life in the story “Bobok” and above-ground space in “The Dream of a Ridiculous Man”. In these stories and journalistic texts framing them, the internal dynamics of the writer’s worldview position are revealed: from stating the corruption of the spirit and immortality of the soul (“Bobok”) to the tragic insight of the truth (“A Gentle Creature”) and the affirmation of the “living” image of truth (“The Dream of a Ridiculous Man”). The story explicitly expresses the overcoming of such a painful contradiction between the individual and the general, between a positively beautiful person and society.

Keywords: context; aesthetic ideal; poetics; “A Writer’s Diary”; dichotomy; intertextuality; story

For citation: Sycheva E.O., Serebryakov A.A. Realizatsiya esteticheskogo ideala v «Dnevnikе pisatelya» F.M. Dostoyevskogo [Implementation of the aesthetic ideal in the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 530-540. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В преддверии 200-летнего юбилея со дня рождения великого русского писателя Ф.М. Достоевского учёные с ещё более пристальным вниманием обращаются к его творческому наследию, обнаруживая в нём новые грани духовных прозрений классика. Современное достоевсковедение, руководствуясь принципами целостного изучения индивидуально-авторской картины мира писателя и отказавшись от устоявшихся идеологических клише, выработало новые, основополагающиеся на принципах антропоцентризма, исследовательские подходы к внутреннему миру его художественных произведений. Так, совершенно правомерно на первый план выдвигается выявление и изучение метафизических, онтологических аспектов текстов и идиостиля Ф.М. Достоевского в синхронии и диахронии независимо от их жанровой структуры.

Эстетический идеал в поэтике Ф.М. Достоевского имеет важное значение. По мнению писателя, без идеала не может существовать ни настоящее искусство, ни достойное общество [1, с. 75]. В эстетической концепции русского писателя можно выявить восходящие к немецкой идеалистической философии (Кант, Шиллер, Гегель) воззрения. Вслед за немецкими философами Ф.М. Достоевский опирался на антропологический принцип, изучающий природу и сущность человека. Эстетический идеал Канта – личность, синтезирующая в себе морально-нравственные и

божественные качества. В концепции Ф.М. Достоевского превалирует мысль о нравственной красоте. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает главной в эстетическом идеале Ф.М. Достоевского. К этой красоте, истине устремлено внутреннее содержание, смысл его произведений.

Ф.М. Достоевский глубоко понимал и ценил традиции мировой и отечественной литературы и искусства, в которых находил «положительную красоту» человека: Библия, философия Платона, итальянская живопись эпохи Возрождения, гуманизм Сервантеса и Шекспира, Гюго, всемирность России и поворот к народу у Пушкина, народность и духовные идеалы у Гоголя. Ему удалось воссоздать в своих произведениях положительно прекрасных героев: князь Мышкин, Алёша Карамазов, мужик Марей и др. Красота, по мнению Ф.М. Достоевского, это страшная, ужасная и таинственная вещь. Таинство её заключается в двойственности – «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Внутреннюю пустоту и бездуховность персонажа не спасает даже внешняя, «правильная» красота. И эту красоту, бытийную ценность Ф.М. Достоевский стремится отыскать в каждом индивидуе, выявляя в сиюминутном вечное, бес-

смертное. Исследование направлено на выявление и описание художественного своеобразия эстетического идеала Ф.М. Достоевского в художественных текстах, входящих в состав «Дневника писателя», их роли в контексте творчества писателя и для понимания авторской концепции личности.

Методологически значимыми для выявления художественного своеобразия эстетического идеала и образной системы в художественных текстах «Дневника писателя» представляются междисциплинарный и интертекстуальный подходы. Как уже отмечалось нами ранее [2, с. 189], в XX веке в достоевковедении доминировали психологический и культурологический подходы, которые оставляли вне поля зрения метафизическое, экзистенциальное пространство художественных текстов Ф.М. Достоевского. Проблема целостного восприятия индивидуально-авторской картины мира в процессе изучения творчества Ф.М. Достоевского остаётся одной из главных методологических установок в современных исследованиях. Так, Т.А. Касаткина фиксирует характерный для эпистемы XXI века. Для глубокого понимания содержащихся в текстах писателя смыслов Т.А. Касаткина предлагает использовать субъект-субъектный метод, «при котором познающий вступает с познаваемым в равноправное взаимодействие» и выявляет в познаваемом не внешние признаки, «а его внутреннюю жизнь и самоощущение как *уникального целого* (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [3, с. 12]. Учёному удалось продемонстрировать двусоставную структуру образа у Достоевского, когда «внешний образ текущей реальности позволяет внимательному взгляду увидеть *в этой же реальности явленный* (курсив автора. – Е. С., А. С.) образ вечности» [4, с. 421]. Предложенные Т.А. Касаткиной гносеологические ракурсы позволяют увидеть глубинную структуру образной системы Достоевского в совокупности смысловых переплетений с их публицистической, а следовательно, и актуальной для российской и европейской реальности компонентой.

Исследования отечественных литературоведов говорят об уникальности такого явления в творчестве Ф.М. Достоевского, как «Дневник писателя». В связи с тем, что

«Дневник» создавался публицистом и художником, в равной мере бесспорным остаётся факт парадоксальности данного феномена, связанного с его жанровой составляющей. Уже М.М. Бахтин выявил его двойственность: как феномен отечественной журналистики и «как особое художественное целое, обладающее героями и полифонически организованным внутренним миром» [5, с. 92]. Журналистский тон, по мнению М.М. Бахтина, предстаёт лишь оболочкой, внешне напоминая публицистику и воспроизводя онтологические модели человеческого поведения. Его синтетическая природа проявляется в органической соотнесенности двух компонентов: публицистичности и художественности, реализующихся в синхронии и диахронии.

Обращение к публицистике далеко не случайно. Ф.М. Достоевский отмечал, что художественное произведение, как бы ни было приближено к действительности, с ней полностью не соотносится – «что бы вы не изобразили – всё выйдет слабее, чем в действительности» [6, с. 144]. «Дневник писателя» – это интеллектуально-духовная летопись российской жизни, осознанная и переосмысленная гениальной творческой личностью.

Показать народу его духовное состояние, повлиять на развитие истории и социума мог рассказ, дневник, включённый в журнал, который, благодаря своей компактности и актуальности, органичнее постигался широкими массами. Простота повествования, разговорные интонации помогают апеллировать к демократическим читательским кругам. Сюжеты, которые брались писателем из реальной российской действительности, приближали «Дневник» к современной общественной ситуации. В нём говорилось о самых злободневных вопросах: положении народа, доминирующих в Европе и России идеях, самоубийстве, пьянстве, бедности и др. Писатель выступал как живой свидетель и участник происходящего.

Изучение малой прозы, входящей в «Дневник писателя», является актуальным. Т.А. Касаткина в фундаментальной монографии «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» (2019) отметила актуальность внутренней философии «Дневника писателя» для совре-

менного читателя. По мнению учёного, целью Ф.М. Достоевского при написании произведений было «предоставить читателю новые поведенческие паттерны» [3, с. 240], которые помогли бы ему перейти на новый уровень взаимодействия с миром. «Дневник» представляет собой пространство для ответа на актуальные вопросы самоопределения, такие как: отношения с миром, самопожертвование, ничтожность и величие личности и т. д.

Изучению эстетических взглядов Ф.М. Достоевского посвящена работа К.А. Степаняна [7]. Автор анализирует представления писателя о сущности эстетического, его тождественности с духовностью. По мнению исследователя, идеал русского писателя – христианин, одолевший грех и человечество, которое достигло в результате духовной эволюции совершенства. В эстетическом идеале писателя органически объединяются нравственность понимания в русле святоотеческой традиции и прекрасное, то есть духовное. Е.А. Фёдорова констатировала, что идеал для русского писателя состоит в обладании качеств, которые присущи святому: смирение, стремление к очищению, способность к духовному сопротивлению злу [8]. Близкую позицию выражает и английская исследовательница творчества Ф.М. Достоевского Л. Иванитс: “For Dostoevsky the moral ideal toward which the good society must aspire remains, as in the 1840s, the figure of Christ” [9, p. 49].

Как отмечалось выше, Ф.М. Достоевский вслед за немецкими философами опирался на антропологический принцип. Известный немецкий славист Х.-Ю. Герик в поэтологическом сравнении поэтики Достоевского и Шиллера отметил схожесть их эстетических позиций. Антропологической основой писателей служит идеал «интеллигибельного» человека – моральной личности, находящейся под присмотром совести [10].

Вопрос о своеобразии эстетического, социального идеала Ф.М. Достоевского неоднократно поднимался и в современных философских исследованиях, причём многие существующие точки зрения представляются, по меньшей мере, дискуссионными. Так, Е.В. Мареева, рассматривая «проблему воплощения идеала у Ф. Достоевского и К. Ле-

онтьева» и приводя спорную позицию Л. Шестова о переходе Достоевского «к антиидеалу «подпольного человека»», попутно замечает: «Трактовка идеала Достоевским, безусловно, противостоит идеалам Шиллера и движения Бури и Натиска» [11, с. 400]. Нам представляется такая позиция недостаточно аргументированной, поскольку шиллеровские слова в оде “An die Freude” “Alle Menschen werden Brüder” и “Seid umschlungen, Millionen!”, как и уважительное отношение Достоевского к творчеству Шиллера («У нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил») [6, с. 31] в целом свидетельствуют об обратном. Ведь исследователь отмечает далее, что Ф.М. Достоевский всем своим творчеством стремится «пробуждать в душах людей нравственные, идеальные начала» [6, с. 403]. Уже в 1876 г., в связи со смертью Ж. Санд, Ф.М. Достоевский определил «величайшее из величайших назначений» России «назначение общечеловеческое, ...общеслужение человечеству» [6, с. 30].

Как показал Х.-Ю. Герик, Шиллер и Достоевский имеют «один и тот же фундамент, а именно образ интеллигибельного человека... как его понимал Кант» [10, с. 7, 8].

В диссертации В.В. Щуровой [12] акцентируется внимание на цикличности «Дневника», автор прослеживает единство точки зрения автора, развитие идей, которые последовательно проводит Ф.М. Достоевский, выделяя своеобразный художественный триптих – «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», в котором прослеживается традиционный путь реализации эстетического идеала от «зерна» истины к полному прозрению.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве научного инструментария нами используются следующие исследовательские методы: 1) междисциплинарный и интертекстуальный подходы; 2) метод компонентного семантического анализа, позволяющий исследовать ассоциативно-смысловые аспекты внутреннего мира художественного произведения; 3) контекстологический анализ, предполагающий рассмотрение ши-

рокого духовно-культурного контекста в синхронии и диахронии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИИ

И.Л. Волгин характеризовал «Дневник писателя» как уникальный «эго-документ», который лишь внешне напоминает личный дневник, в реальности же оказывается «актом публичного собеседования, предметом достаточно тонкой литературной игры» [13, с. 116]. По верному наблюдению К.А. Баршта, значимость «Дневника» для Ф.М. Достоевского определялась тем, «что в нём в непосредственном виде содержалась квинтэссенция его творческой деятельности» [14, с. 86]. Уникальностью «Дневника писателя» обусловлены многие трудности, возникающие в процессе понимания и интерпретации входящих в него текстов. В этом смысле конструктивный подход был предложен Т.А. Касаткиной: «Их следует анализировать в составе «Дневника писателя» (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [4, с. 405]. Это означает, что для понимания художественных текстов в «Дневнике» необходимо учитывать внутренний контекст, «соседние страницы», поскольку «Дневник писателя» – «гораздо более цельное органическое произведение, чем представление о нём большинства достоевистов» [4, с. 412]. В свою очередь, замечает исследователь, «все основные глубинные темы «Дневника писателя» высшее и окончательное своё выражение получают в художественных текстах», поскольку такой текст «обладает возможностью многослойной концентрации смыслов» [3, с. 248, 249].

В посвящённой исследованию творчества Ф.М. Достоевского научной литературе неоднократно обращалось внимание на концептуальное значение определения фантастический. Именно в рассказах, маркированных жанровым определением «фантастический», позиция писателя раскрывается наиболее полно. Т.А. Касаткина объясняет это тем, что художественный текст «даёт возможность огромного стяжения смыслов», а «переход к «фантастическому» художественному тексту даёт возможность максимального стяжения смыслов» [3, с. 249]. И это «максимальное стяжение смыслов» обеспечивает текстам максимальную смысловую

глубину и бесконечные ассоциативные связи. В «Дневнике писателя» два произведения – «Кроткая» и «Сон смешного человека» – имеют в подзаголовке жанровое определение «фантастический рассказ». Рассказ «Бобок» такого жанрового определения не имеет, но ему предшествует глава «Влас», в которой Ф.М. Достоевский сообщает, что «слышал на днях один удивительно фантастический рассказ про другого Власа» [15, с. 33]. Для Ф.М. Достоевского фантастическое не есть невозможное, но, наоборот, реальное, хотя и редкое, «единичный случай». Автор подробно пояснял особенность своей эстетической позиции в пространном письме к Н.Н. Страхову от 26 февраля 1869 г.: «У меня свой особый взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного!» [16, с. 19].

Таким образом, и рассказу «Бобок» с его труднообозримыми ассоциативными интенциями предшествует концептуализированное в языке Достоевского понятие «фантастический рассказ».

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1873 г. рассказ «Бобок» вобрал в себя все знаковые темы русского писателя: вседозволенность, бессмертие души, исповедь без покаяния и др. М.М. Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского» назвал рассказ микрокосмосом всего его творчества [5, с. 196]. В рассказе «Бобок» важно не то, как автор объясняет фантастику, а то, как фантастическое выявляет сущность происходящего, выражает тайны бытия. В художественном тексте эксплицитно выражен реальный и ирреальный (кладбищенский) мир. Задремавший герой рассказа подслушивает разговоры «покойников». Введение такого персонажа важно для столкновения мировоззренческих позиций, понятий, которые противоречат общепринятым представлениям и «обнажают» их истинную сущность. Следовательно, такой «безумный» герой раскрывает сущность жизни покойников, то есть антигуманный подход к представлению о мире.

В тексте рассказа представлены персонажи с «грязной» душой, на это указывает история каждого обитателя подземного мира. Души мертвецов принадлежат именно к этой

категории, избыточно плотской, сугубо материальной. Последние дни, отпущенные им для покаяния, они посвящают «разврату последних упований», «особому сладострастью» [15, с. 54]. Персонажи лишены представлений о духовности, о прекрасном. Уже И. Кант (1788) воспринимал «звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» как нравственные составляющие человеческой души. Тем самым, по Канту, человеческая личность свободна и не зависит от «животной природы». Достоевский же показал результат необратимого процесса растления духа, омертвления души, отчётливо продолжая тем самым гоголевскую тему. Для персонажей рассказа смысл существования – «заголимся и обнажимся» и «ничего не стыдиться» [15, с. 52] – в абсолютном отказе от нравственной ответственности, от «морального закона во мне».

Как отмечал М.М. Бахтин, герои представляют собой бесплодные зёрна, брошенные в землю, но не способные ни умереть, ни возродиться обновлёнными [5]. Название рассказа означает зерно, плод, связанный с гаданием, ворожбой и указывающий на иные миры, знак «нежизни» [17, с. 34]. Идейный смысл рассказа «Бобок» определяется противопоставлением «телесное» – «духовное», рассматриваемым с онтологической и аксиологической позиций. Ранее отмечалось характерное для европейской философской традиции противопоставление двух сущностей в тексте Ф.М. Достоевского [2, с. 189-191]. Заданный ракурс определяет смысловое развертывание художественного текста и, в свою очередь, эксплицируется через оппозиции «временное – вечное», «моральное – аморальное», позволяя определить «онтологическое состояние и гносеологические представления человека» [2, с. 191]. Бездуховное абсолютно подавляет нравственное не только в земной жизни, но и после смерти. Как и в земном мире, персонажи находятся в плену устоявшихся меркантильных и социальных рамок, отстаивая прошлые чины, регалии и иерархию отношений: коллежский советник, генерал, барыня, «третий разряд в тридцать рублей», действительный тайный советник, лавочник. Обобщая, можно заключить, что в тексте рассказа Ф.М. Достоевско-

го материализуется метафора Ф.И. Тютчева «Не плоть, а дух растлился в наши дни...».

Остатки жизни теплятся для спасения (очищения) души. Идея спасения является доминантой всего рассказа, потому что для христианина Ф.М. Достоевского важно не столько показать падение, сколько указать путь к спасению: не «заголимся и обнажимся», как призывает один из персонажей своих соседей, а стремление к духовно-нравственному бытию.

Как было отмечено ранее, автор связывал эстетический идеал с человеком, несущим нравственные ориентиры на благо не личного, а общественного. Эстетические воззрения Достоевского рассматриваются через антиномичную позицию, типажи рассказа не соответствуют эстетическому идеалу писателя. Динамика художественного текста представляет собой движение вниз (пространственно и нравственно), олицетворяя низменные потребности героев подземелья.

Сложная вариация эстетического идеала представлена в фантастическом рассказе Достоевского «Кроткая» (1876). В основе сюжета случай, который заинтересовал писателя, а именно – самоубийство швеи, которая выпрыгнула из окна с образом Божией Матери. По мнению Ф.М. Достоевского, образ в руках самоубийцы – явление редкое, характеризующее особенный настрой личности. Тема самоубийства, по мнению Л. Аллена, характерна для поэтики русского писателя и проходит через всё его творчество [18]. Литературовед считал, что греховный поступок героя в произведениях Ф.М. Достоевского связан с метафизическими аспектами. Чаще всего таким аспектом являлся материалистический отказ от Бога («Братья Карамазовы»). В фантастическом рассказе Кроткая не вступает в борьбу с Богом, доказательством данному утверждению служит образ Божией Матери, которую она держит в руках.

Как аргументированно показала Т.А. Касаткина, смысл этого фантастического рассказа может быть постигнут только в широком духовно-культурном контексте, восходящем к Библии, рассказу «Последний день приговорённого к смертной казни» В. Гюго, пушкинскому «Демону», к содержанию обрамляющих этот рассказ публицистических текстов самого «Дневника писателя»; то есть

эти тексты являются интерпретантой рассказа. В предисловии «От автора» приводятся несколько жанровых определений: дневник, повесть, рассказ, фантастический рассказ. Фантастическое автор видит «именно в самой форме рассказа» и объясняет это сравнением с рассказом В. Гюго. Однако уже третий абзац вызывает недоумение читателя: «Дело в том, что это не рассказ и не записки» [19, с. 5]. То есть перед читателем изображается сам процесс повествования, «процесс рассказа», наррация, которая определяется нравственной позицией повествователя.

Наряду с называемым самим Ф.М. Достоевским рассказом В. Гюго ближайший контекст составляют предшествующие публицистические главы «Два самоубийства» и «Приговор» и последующие «Заповедное нравоучение» и «Голословные утверждения». Во всех названных текстах речь идёт о проблеме самоубийства.

Название произведения, как известно, характеризует героя и организует читательское восприятие художественного текста. Смысловой доминантой рассказа является морально-этическая оценка персонажа. Героиня характеризуется лексемой «Кроткий» – смиренный, безропотный (о человеке, народе). В Новом Завете встречаем соотносительность лексемы кротость с христианским идеалом. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф 5, 5), «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал 5, 22-23) и т. д.

Проблема «положительного» героя связана с амбивалентностью поведения героини. Восприятие героини трансформируется по мере развертывания художественного текста. В начале рассказа мы встречаемся с констатацией кротости героини: «...она имела вид такой робкой кротости» [19, с. 8]. Закладчик отмечает в Кроткой такие качества, как кротость и доброта, которые соотносятся с прямым идеалом русского писателя. Однако в тексте прослеживается бунт героини, который проявляется сначала в невербальной агрессии («загорелись глаза», «смолчала, но вспыхнула», «опять глаза загорелись», «опять смолчала», «лицо становилось всё дерзче и дерзче»), затем в вербальной («сказано с едкой насмешкой»). Восприятие ге-

роини представляется в сравнении её с чем-то ужасным – «Эта прелесть, эта кроткая, это небо – она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель» [19, с. 15].

Характеристика Кроткой отмечена эпитетами «буйное», «нападающее», «беспорядочное» существо, сравнением «зверь в припадке», что не соотносится с понятиями – «кротость» и «смирность». Дихотомия образа Кроткой связана с соответствием/несоответствием прямому значению лексемы. В дальнейшем, в романе «Братья Карамазовы» автор высказал идею двух бездн души: высокая – духовная, низкая – греховная.

Двойственность поведения Кроткой хорошо видна в главном эпизоде – самоубийстве, которое представляет и грех, и, по мнению Ф.М. Достоевского, «какое-то кроткое, смиренное самоубийство... просто – стало нельзя жить, Бог не захотел, и – умерла, помолвившись» (смирная) [19, с. 31]. Для Л. Аллена протест Кроткой не направлен «ни против Бога, ни против Творения, он является криком о помощи, сигналом бедствия» [18, с. 230].

О.Ю. Юрьева считает, что лейтмотивом рассказа является конфликт двух эгоистов, у каждого свой бунт [20]. У Закладчика – бунт с обществом, у Кроткой – с мужем. Поединок героев представляет собой доминанту рассказа. В образе Закладчика присутствует та же дихотомия. Идеал, к которому стремится герой, весьма положителен: семья, любовь, деятельность, но гордость, жажда мщения и жизнь «вдали от всех» не характеризуют его как нравственный идеал. В конце рассказа мы встречаемся с рефлексией Закладчика, исповедью, которая даёт ему шанс на воскресение. Герою открывается существование другой системы ценностей, он обращается к библейской заповеди, говорящей о любви к ближнему. Ведь для русского писателя было важно показать не столько падение, сколько исправление героя.

Следует отметить, что в современном литературоведении существуют разногласия по поводу восприятия образов Кроткой и Закладчика. Например, Н.Г. Михновец в комментарии к «Кроткой» называет героиню носителем национального идеала [17, с. 116-121]. Литературовед оправдывает греховный поступок Кроткой, называя её самоубийство

неприятием зла, а смерть с иконой рассматривает в контексте неразрывной связи человеческой и божественной природы. Исправление Закладчика и восхождение к христианскому видению, по мнению исследователя, также возможно.

Противоположной позиции придерживается О.Ю. Юрьева, говоря о парадоксальности с точки зрения религии «жертвенного самоубийства» Кроткой и воскресения Закладчика [20]. Для исследователя отсутствие христианских добродетелей приводит персонажей к гордыне. Однако, с нашей точки зрения, Кроткая сохраняет в себе сущность внутреннего, вечного человека, вынося из ставшего ей тюрьмой дома Образ Богоматери.

Таким образом, Ф.М. Достоевский в рассказе «Кроткая» представляет двусоставную, амбивалентную структуру образа персонажа. В художественном произведении репрезентуются две интерпретации образов Кроткой и Закладчика. Первая возвышает героев, даёт им шанс на воскрешение и вторая – создающая отрицательные коннотации. Русский писатель создаёт смысловую многомерность образов, утверждая, что «любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [9, с. 49].

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1877 г. непонятный на первый взгляд рассказ Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» семантически наполняется ближайшим историко-философским контекстом и тематически соотносится с большими романами пятикнижия. В «Дневниках» за 1877 год автор размышляет о проблемах и метафизических принципах устройства общества и человека. Уже в первой главе январского номера за 1877 год находим принципиальные мысли Достоевского, получившие развитие в «Сне смешного человека»: «...все споры и разъединения наши произошли лишь от ошибок и отклонений ума, а не сердца. ...Ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца» [21, с. 5]. В этой же главе Ф.М. Достоевский как важный фактор развития называет «всечеловечность и духовную нераздельность миллионов народа нашего» [21, с. 9].

Именно о такой земле, в которой нет обособленности личностных миров друг от друга, а есть единение человека с окружающим миром и природой, мечтает Ф.М. Достоевский. По мнению Т.А. Касаткиной, данный рассказ – «это его манифест, текст, где под страшным давлением сжато всё, о чём пространно повествуется в других текстах» [3, с. 299]. Именно в нём видны философские основания и глубинные мысли, лежащие в основе поздних его работ. Фантастический рассказ несёт в себе нагрузку «поучительного» слова «Дневника». Прекрасные и наполненные спокойствием и гармонией жители неба, ведущие безгреховную жизнь, противопоставлены беспокойным и грешным жителям подземелья, которые не готовы к покаю («Бобок»).

В рассказе «Сон смешного человека» представлен мир надземный. Отметим, что в тексте рассказа люди, населяющие неведомую землю, «были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны»; «глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием»; «...жизнь их была восполнена» [21, с. 115]. Синтагматическая связь лексем «гармония» и «прекрасное» в представленном отрывке говорит о тождественности этих эстетических категорий. Ф.М. Достоевский отмечает, что «Она (красота) есть гармония, в ней залог успокоения» [21, с. 149].

Свою идею писатель включает в сон главного героя. Лингвопоэтический анализ рассказа показывает важное смысловое значение эстетической категории «прекрасное». Для понимания текста рассказа ключевыми являются частотно употребляющиеся слова: прекрасное (9), ужасное (6). В тексте встречается корреляция понятий «прекрасное» и «ужасное». Реальная жизнь героя выражена лексемой «ужасное»: небо было ужасно тёмное; она была отчего-то в ужасе; и стало кругом меня ужасно черно. Ирреальная жизнь (сон) обозначена лексемой «прекрасное»: прекрасные деревья; они (люди) были прекрасны; прекрасны рощи, леса, песни.

Концептуально фантастический рассказ отсылает нас к Э.Т.А. Гофману. Как и у немецкого писателя, у Ф.М. Достоевского иде-

ал заключается в неземном. Оппозиция прекрасное – ужасное коррелирует с оппозицией духовность – бездуховность. Например, в тексте эксплицитно выражены отождествления данных эстетических категорий: «...счастливая, безгрешная земля!», «невинны и счастливы» [21, с. 115]. Развращение героем «прекрасной» земли приводит к оксюморонизации понятий. Лексемы, означающие «прекрасное», теперь предстают в паре с бездуховностью (красота лжи; атом лжи понравился им), а ужасное в паре со словами духовной семантики (ужасная правда; до такого ужаса истинное; стыд возвели в добродетель).

Люди ирреального мира больше не беспечно счастливы, на их лицах появляется горечь и скорбь. Увиденный героем сон выполняет кризисную функцию – герой переосмысливает свою жизнь и решает идти духовным путём, проповедовать ту Истину, которую узрел. Мысли героя резонируют с голосом автора. Прекрасное заключается в любви к ближнему: «...главное – люби других как себя» [21, с. 119]. Герой осознаёт, что только любовь и ненасильственное единение всех способны изменить мир. Не случайно рассказ завершается фразой «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» [21, с. 119], свидетельствующей о нравственном перерождении. Н.Н. Арсентьева в комментарии к рассказу отмечает нравственное достоинство героя: «из души его исчезает гордость, обида... он полон решительности исполнить свою пророческую миссию» [17, с. 177].

Уже в ранних произведениях писателя формируется мысль о душевной красоте, которая спасёт мир. Анализ эстетического идеала у Ф.М. Достоевского показывает отождествление двух эстетических категорий – «прекрасное» и «духовное»; глубинное сходство представлений русского писателя и не-

мецких философов. Корреляция прекрасного и ужасного в дальнейшем будет развернута в романах пятикнижия, определяя нравственные критерии, нормы поведения и гуманность мировосприятия персонажей. Смешной в итоге приходит к выводу «я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [21, с. 118].

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что художественные произведения малой прозы, входящие в «Дневник писателя», становятся кульминационным выражением эстетических идей Ф.М. Достоевского. Писатель в «Дневнике» выступал как живой свидетель и критик настоящего.

В результате анализа фантастической «трилогии» русского писателя «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», входящих в «Дневник писателя», были сделаны следующие выводы: в рассказе «Бобок» писатель говорит о нравственном падении человека, превращении его в бесплодное зерно. Такие герои не соотносятся с эстетическим идеалом писателя.

В «Кроткой» Ф.М. Достоевский повествует о таком значимом для него христианском качестве, как кротость, которое соотносится с его идеалом. Однако образ героини структурно амбивалентен, в нём объединяются два типа человеческого поведения: гордый и кроткий. Первый возвышающий, второй – принижающий нравственное содержание личности. Такое сочетание обеспечивает смысловую двусоставность образа. Из текста видно, что красота состоит в любви к ближнему. Проявление той самой истины обнаруживается и в «Сне смешного человека», в котором было преодолено столь мучительное противоречие между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1981. Т. 22. 404 с.
2. *Серебряков А.А., Сычёва Е.О.* Рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» в метатексте литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 187-193.
3. *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
4. *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
5. *Бахтин М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.

6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1981. Т. 23. 425 с.
7. *Степанян К.А.* Идеал у Достоевского и Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 262-271.
8. *Фёдорова Е.А.* Евангельское как родное в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя» (1876–1877) Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 304-316.
9. *Ivanits L.* Dostoevsky and the Russian People. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 258 p.
10. *Герик Х.-Ю.* Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский: материалы и исследования. 2010. Т. 19. С. 5-15.
11. *Мареева Е.В.* Проблема души в классической и неклассической философии. М.: Академический проект, 2017. 454 с.
12. *Щурова В.В.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 167 с.
13. *Волгин И.Л.* «Дневник писателя» как миросозерцательный проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 116-122.
14. *Баршт К.А.* Повествователь Достоевского: «Зеркальная наррация» и апостольское свидетельство // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 75-87.
15. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1980. Т. 21. 547 с.
16. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1986. Т. 29. (Кн. 1). 575 с.
17. Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / под науч. ред. Г.К. Щенникова, Б.Н. Тихомирова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 470 с.
18. *Аллен Л.* «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 2000. Т. 15. С. 228-237.
19. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1982. Т. 24. 517 с.
20. *Юрьева О.Ю.* Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. 2006. № 21. С. 91-103.
21. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 470 с.

References

1. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 22, 404 p. (In Russian).
2. Serebryakov A.A., Sycheva E.O. Rasskaz F.M. Dostoyevskogo «Bobok» v metatekste literatury [F.M. Dostoyevsky's short story "Bobok" in the metatext of literature]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 187-193. (In Russian).
3. Kasatkina T.A. *Dostoyevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: Artistic Way of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019, 336 p. (In Russian).
4. Kasatkina T.A. *Svyashchennoye v povsednevnom: Dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoyevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-Part Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, 528 p. (In Russian).
5. Bakhtin M. *Problemy tvorchestva Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Kiev, Next Publ., 1994, 511 p. (In Russian).
6. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 23, 425 p. (In Russian).
7. Stepanyan K.A. Ideal u Dostoyevskogo i Shekspira [The ideal in Dostoevsky and Shakespeare]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 4, pp. 262-271. (In Russian).
8. Fedorova E.A. Evangel'skoye kak rodnoye v «Brat'yakh Karamazovykh» i «Dnevnikе pisatelya» (1876–1877) F.M. Dostoyevskogo [The evangelical as the native in the "Brothers Karamazov" and in "A Writer's Diary" (1876–1877) by Fyodor Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2015, no. 13, pp. 304-316. (In Russian).
9. Ivanits L. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 258 p.
10. Gerik K.-Y. Dostoyevskiy i Shiller. Predvaritel'nyy opyt poetologicheskogo sravneniya [Dostoevsky and Schiller. Preliminary experience of poetological comparison]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research], 2010, vol. 19, pp. 5-15. (In Russian).

11. Mareyeva E.V. *Problema dushi v klassicheskoy i neklassicheskoy filosofii* [The Problem of the Soul in Classical and Non-Classical Philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., 2017, 454 p. (In Russian).
12. Shchurova V.V. «Dnevnik pisatelya» F.M. Dostoyevskogo: tipologiya, zhanr, antropologiya: dis. ... kand. filol. nauk ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky: Typology, Genre, Anthropology. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2005, 167 p. (In Russian).
13. Volgin I.L. «Dnevnik pisatelya» kak mirosozertsatel'nyy proyekt ["A Writer's Diary" as world-building project]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2014, no. 5, pp. 116-122. (In Russian).
14. Barsht K.A. Povestvovatel' Dostoyevskogo: «Zerkal'naya narratsiya» i apostol'skoye svidetel'stvovaniye [Dostoevsky's narrator: "Mirror narration" and apostolic witness]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – Literary Journal*, 2007, no. 21, pp. 75-87. (In Russian).
15. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 21, 547 p. (In Russian).
16. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1st, 575 p. (In Russian).
17. Shchennikova G.K., Tikhomirova B.N. (eds.). *Dostoyevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Glossary Directory]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, 470 p. (In Russian).
18. Allen L. «Krotkaya» i samoubiytsy v tvorchestve Dostoyevskogo ["A Gentle Creature" and suicides in the works of Dostoevsky]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research], 2000, vol. 15, pp. 228-237. (In Russian).
19. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 24, 517 p. (In Russian).
20. Yuryeva O.Y. Bunt protiv tiranii i tiraniya bunta v rasskaze Dostoyevskogo «Krotkaya» [Revolt against tyranny and the tyranny of the revolt in Dostoevsky's story "A Gentle Creature"]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture], 2006, no. 21, pp. 91-103. (In Russian).
21. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 25, 470 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сычёва Елена Олеговна, ассистент кафедры отечественной и мировой литературы. Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация. E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, общая концепция статьи, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>

Серебряков Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной и мировой литературы. Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация. E-mail: aasereb@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, написание части текста, обобщение опыта исследователей.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Сычёва Елена Олеговна
E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.03.2020 г.
Поступила после рецензирования 04.05.2020 г.
Повторное рецензирование 20.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Elena O. Sycheva, Assistant of Russian and World Literature Department. North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Contribution: idea, study conception, main study conception, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>

Anatoly A. Serebryakov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and World Literature Department. North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. E-mail: aasereb@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, part of manuscript text drafting, synthesis of researchers experience.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena O. Sycheva
E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Received 12 March 2020
Reviewed 4 May 2020
Second peer review round 20 May 2020
Accepted for press 22 May 2020

Тело и телесность в прозе Ивана Алексеевича Бунина (на материале рассказов)

Надежда Борисовна БУГАКОВА, Юлия Сергеевна ПОПОВА,
Оксана Владимировна СУЛЕМИНА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, e-mail: ya_witch@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>, e-mail: buka1621@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>, e-mail: may2005@yandex.ru

Body and physicality in the prose of Ivan Alekseyevich Bunin (based on stories)

Nadezhda B. BUGAKOVA, Yulia S. POPOVA, Oksana V. SULEMINA

Voronezh State Technical University

14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, e-mail: ya_witch@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>, e-mail: buka1621@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>, e-mail: may2005@yandex.ru

Аннотация. Представлена репрезентация тела и телесности в индивидуальной картине мира И.А. Бунина. Выявлены особые моменты телесного изображения персонажа – переход в инобытие (процесс умирания и изображения мёртвого тела). Задача исследования – описание некоторых художественных принципов поэтики И.А. Бунина, анализ роли портрета в системе произведения. С этой позиции рассмотрены наиболее репрезентативные тексты («Игнат», «Господин из Сан-Франциско», «Сосны», «Весёлый двор», «Белая лошадь», «Аглая»). Выявлены антропологические и метафизические, бытийные функции изображения телесной составляющей портретного описания персонажей, а также отражение в описании героя эстетических принципов И.А. Бунина. В исследовании выделены некоторые общие особенности композиции рассказов, отношение героев к смерти, доминанты, которые отразились в портретном описании умирания: смерть как борьба, со всеми присущими атрибутами; предвкушение смерти, когда сюжет рассказа – это дорога, финалом которой становится уход из жизни; смерть как принятие своего пути. Анализ репрезентативных прозаических произведений позволяет сделать ряд обобщений и выводов: несмотря на различия жизненного пути героев, смерть становится преображающей силой. И.А. Бунин как признанный мастер детали проявляет своё скрупулезное видение и в этом аспекте: он описывает процесс умирания и физические изменения тела человека со всеми физиологическими особенностями. При этом, акцентируя внимание не только на «страшной» стороне процесса, но отмечая особую торжественность момента и неразрывную связь жизни и смерти.

Ключевые слова: проблема телесности в литературе; литературный герой; портретные характеристики; система образов; мотив смерти; И.А. Бунин

Для цитирования: Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В. Тело и телесность в прозе Ивана Алексеевича Бунина (на материале рассказов) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 541-547. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-541-547

Abstract. We consider the representation of the body and physicality in I.A. Bunin's individual world picture. We reveal the special moments of the character's body image – the transition to another being (the process of dying and the image of a dead body). The purpose of the study is to describe some artistic principles of I.A. Bunin's poetics and analyze the role of portrait in the work system. From this position, we consider the most representative texts ("Ignat", "The Gentleman

from San Francisco”, “Pines”, “Happy House”, “White Horse”, “Aglaya”). We identify the anthropological and metaphysical, existential functions of the physical component image of the characters’ portrait description, as well as the reflection in the character’s description of I.A. Bunin’s aesthetic principles. The study notes some general features of the stories composition, the characters’ attitude to death, the dominants that are reflected in the portrait description of dying: death as a struggle, with all its inherent attributes; anticipation of death, when the plot of the story is the road, the end of which is the departure from life; death as acceptance of one’s own path. Based on the analysis of representative prose works, we make a number of generalizations and conclusions: despite the differences in the characters’ life paths, death becomes a transforming force. I.A. Bunin as a recognized master of detail shows his scrupulous vision in this aspect: he describes the process of dying and physical changes of the human body with all its physiological features. At the same time, he focuses not only on the “terrible” side of the process, but also notes the special solemnity of the moment and the inextricable connection between life and death.

Keywords: problem of physicality in literature; literary character; portrait characteristics; image system; death motive; I.A. Bunin

For citation: Bugakova N.B., Popova Y.S., Sulemina O.V. Telo i telesnost’ v proze Ivana Alekseyevicha Bunina (na materiale rasskazov) [Body and physicality in the prose of Ivan Alekseyevich Bunin (based on stories)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 541-547. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-541-547 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Человечество на всём пути своего развития пыталось найти подходы к трактовке и изучению понятия «тело». Эта тема становится ключевой во многих областях жизни: в медицине, психологии, философии, социологии и в ряде других. Философ А.Ф. Лосев обращает внимание в своих трудах, в первую очередь, на интерес естествознания к этой проблеме и отмечает в нём «средоточие действия законов органического мира» [1, с. 98]. Позднее тело становится объектом исследования в качестве феномена культуры. И на современном этапе развития литературоведения выделяется понятие «художественная телесность» как смысловая и эстетическая категория, представляющая результат интерпретации человеческого тела и опыта в художественном тексте [2, с. 13]. Понятие телесности и изображение тела в литературе включает в себя различные аспекты: соотношение физического и духовного, гендерные особенности телесного, мышление/эмоции и телесное, физическое существование и социум, познание своего тела, желание сохранить его как факт существования в этом мире.

Физическое существование человека в этом мире – это, прежде всего, существование тела. В.Л. Круткин обращает внимание на то, что телесность человека является его интегральной характеристикой, не совпадающей с той или другой его стороной (например, «биологической» или «материальной» в противоположность «социальной»

или «духовной»), она охватывает как физические, так и метафизические его параметры [3, с. 148]. Особую сверхчувственную природу телесности отмечали исследователи творчества И.А. Бунина. Они рассматривали две высшие точки сопряжения жизни (как телесного начала) и смерти (как прекращения телесности). «Бунинское искусство тяготеет к определённом: писатель Бунин предпочитает говорить о людях посмертно» [4, р. 22].

В художественном мире автора можно выделить ряд рассказов, в которых описано прекращение телесного бытия человека («Игнат», «Господин из Сан-Франциско», «Сосны» и ряд других). В этих текстах представлены различные варианты ухода человека из жизни: убийство, неожиданная смерть, естественная смерть от старости. И в каждом из них даётся описание процесса умирания. Так, в рассказе «Игнат» представлена кончина купца, которого убили Любка с Игнатом: «...он дышал, как умирающий, хрипя и свистя горлом, тело его с высоким, раздувающимся животом было огромно и тяжело, как мёртвое...» [5, т. 3, с. 295], «...она накрыла полотенцем лоб и закатившиеся глаза купца, с ужасом глядя на его горой лежащее тело, на распахнутые полы полушубка и на белое полотенце на сизом лице с задраннойверху чёрной бородой» [5, т. 3, с. 295]. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» смерть героя представлена как сражение: «Господин из Сан-Франциско лежал на дешёвой железной

кровати... Пузырь со льдом свисал на его мокрый и холодный лоб. Сизое, уже мёртвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырывавшееся из открытого рта, освещённого отблеском золота, слабело. Это хрипел уже не господин из Сан-Франциско, – его больше не было, – а кто-то другой. Жена, дочь, доктор, прислуга стояли и глядели на него. Вдруг то, чего они ждали и боялись, совершилось... хрип оборвался. И медленно, медленно, на глазах у всех, потекла бледность по лицу умершего, и черты его стали утончаться, светлеть, – красотой, уже давно подобавшей ему» [5, т. 4, с. 62]. В рассказе «Сосны» автор описывает уход из жизни пожилого человека, который воспринимает свою кончину как неизбежный процесс: «О, какой важный и серьёзный стал Митрофан! Голова маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой нос обрезался; большая грудь, приподнятая последним вздохом, точно закаменела, а ниже её, в глубокой впадине живота, лежат большие восковые руки. Чистая рубашка красиво оттеняет худобу и желтизну» [5, т. 2, с. 190]. Несмотря на различия героев (социальные – купец, господин и крестьянин; внешние – невысокие и полные купец и господин, высокий и худой Митрофан; разная жизнь – богатая у господ и простая, полная забот у крестьянина; уход из жизни по разным причинам – купец был убит, неожиданная смерть господина, естественная смерть Митрофана), смерть преобразует их. С одной стороны, переход в инобытие описан со всеми неприглядными и отталкивающими деталями (сизое лицо, ввалившиеся глаза), но, с другой стороны, автор отмечает особую торжественность момента (черты утончаются, светлеют, появляется особая гордость, печаль и даже страшная красота телесного умирания). Кроме цветовых контрастных доминант (сизый – белый, золотой, жёлтый), можно выделить звуковые доминанты (хрип, свист), тактильные (холодный, тяжёлый, мокрый, закаменелый). Мёртвое тело – тело, лишённое жизни, традиционно описывается как предмет обездвиженный. Но в художественном мире И.А. Бунина это не так. Физический уход человека – это тоже движение (раздувается живот, вырывается клокотанье, потекла бледность, нос обрезался, грудь при-

поднялась). Таким образом, можно отметить, что смерть – часть жизни. Ей присущи те же аспекты, что и жизни. Поэтому в рассказах И.А. Бунина присутствует натурализм в описании телесности. Он не боится подробностей, не приукрашивает действительность.

В другом аспекте рассмотрения данной темы можно выделить рассказы, в которых герой приходит к смерти, предвкушая и ощущая её приближение.

Рассказ «Весёлый двор» – это путь старухи Анисьи к своему сыну. Название рассказа основывается на контрасте. «Весёлый» употребляется в переносном значении как двор, где всегда слишком шумно. На этом приёме построен и весь рассказ. Автор противопоставляет некрасивое тело Анисьи её светлой душе (она всегда старалась всем помочь, всегда думала о своём сыне). Имя героини отражает её сущность. В переводе с древнегреческого оно обозначает «исполнительная» [6, с. 296], это качество является основой её характера, также как и кротость, покорность судьбе. Она принимает всё, что ей отмерено, и не ропщет (её не пугает даже физическое увечье, она прощает мужу побои).

Контраст характерен не только для образа Анисьи, этот приём использует автор для раскрытия образа её сына Егора: «Он был страшен, похож на лешего или болотного: огромная голова, зеленовато-жёлтые кудлы, такая же борода, фиолетовое конопатое лицо и совсем зелёные глаза, свирепо сверкавшие из-под косматых и редких бровей; ступни же его – цвета свёклы – напоминали сошники. Но сразу видно – редкой доброты человек...» [5, т. 3, с. 245]. Во внешности Егора присутствует цветовой диссонанс: с одной стороны, зелёный, жёлтый, коричнево-золотистый, а с другой стороны, фиолетовый, цвет свёклы. В портрете героя акцентным является фиолетовый цвет, нехарактерный для описания лица живого человека в художественном мире И.А. Бунина. Но если обратиться к рассказам, где автор описывает мёртвое тело («Господин из Сан-Франциско», «Игнат», «Сосны»), то можно отметить общую цветовую доминанту – сизый цвет в описании мертвецов (тёмно-серый с синим отливом) и фиолетовое лицо Егора. Эта цветовая особенность вместе с другими приёмами усиливает ощущение необратимости

жизненного пути героя и подготавливает читателя к трагическому финалу рассказа.

Несмотря на контрастное описание героев (матери и сына), было нечто общее в них: «Он чувствовал теперь нечто вроде того, что чувствовала последнее время Анисья: зыбкость во всём теле, неопределённую тревогу и особенную беспорядочность в мыслях» [5, т. 3, с. 247]. Гнало их от родного дома физическое желание – голод (они хотели хлеба). Но это физическое переплеталось с духовным – затуманенность мыслей и сознания, характерное для Егора и Анисьи. Физическое состояние отражает духовное: «...Егор, проходя мимо и косясь, плохо различал лица ужинающих: в глазах рябило, по телу проходил озноб, в мыслях была тревожная беспорядочность...» [5, т. 3, с. 248].

Имя героя Егор с греческого переводится как земледелец [6, с. 95]. С одной стороны, имя противопоставляется всему образу жизни и характеру героя. Он всё время в пути и не может найти себе место. С другой стороны, оторванность его от дома и от матери приводит к тому, что после её смерти «он из сына Анисьи стал просто Егором» [5, т. 3, с. 268]. Эта драма становится трагическим финалом. Смерть Егора – физическое разделение, отрыв от корней в прямом и переносном смысле: «В песке билось то, что было за мгновение перед тем Егором, билось, поливая песок кровью, вскидывая кверху два толстых обрубка – две ноги, ужасающих своей короткостью» [5, т. 3, с. 272]. Исследователь С.С. Гаврилова отмечает особый символизм нижней части тела в портретном описании литературного персонажа. Ноги, по её мнению, являются своего рода метафорой корня у растения. Чем крепче корневая система у растения, тем оно жизнеспособнее [7, с. 178]. Такую же параллель можно провести и с человеком. После смерти Анисьи её тело тоже уменьшилось в размерах: «Темна и суха была она; маленькой стала её высохшая головка... Ни кровинки не было в её голубоватом лице. Закрылось лиловое веко её правого глаза, запеклись, слиплись и подсохли тонкие губы. И ледяной лоб её уже был увенчан венцом высшей славы – золочёной бумажкой. И в сизо-восковой, прозрачной руке её, в скрюченных пальцах, под ногтями которых точками темнела мёртвая кровь...» [5, т. 3,

с. 254]. В описании мёртвого тела персонажа можно выделить общие приёмы: особая физиологичность, внимание к малейшим деталям, переход от жизни к смерти показан как движение, доминирование синих и красных цветов и их оттенков и контрастного жёлто-золотого.

В рассказе «Белая лошадь» герой-землемер продолжает галерею типичных бунинских героев, которые находятся всё время в пути и в раздумьях о собственной жизни, в необъяснимой тоске. Он постоянно задумывается о своём существовании после смерти.

В названии рассказа присутствует символический образ, который проходит лейтмотивом через всю ткань текста. Лошадь – это одно из первых прирученных человеком животных. Она играла важную роль в жизни людей, и значение её образа является неоднозначным. С одной стороны, это символ жизни (её мимолетности), с другой стороны, этот образ связан с тайнами и путешествиями (в том числе и в загробный мир) [8, с. 245]. Неожиданное название рассказа приводит к символу лошади как связи с миром мёртвых.

В начале рассказа герою встречается старая белая лошадь, запряжённая телегой, в которой лежал мужик. Он не шевелился и не подавал признаков жизни. Эта встреча не испугала землемера, который находился в странном томлении и предвкушении: «По-прежнему на душе было и хорошо, и грустно, и тревожно...» [5, т. 2, с. 276], «Зелёным фосфором вспыхнули волчьи глаза в дубовом кустарнике... И, представив себе страшную красоту этих глаз, землемер почувствовал приступ жуткого восторга» [5, т. 2, с. 278], «Сладострастный трепет ужаса ещё раз колочим холодом прошёл от корней волос по всему телу» [5, т. 2, с. 278]. Мистический образ лошади становится физическим воплощением загадочных явлений, которые происходят то ли наяву, то ли кажутся герою. Этот образ становится предвестником смерти, которая, однако, не вызывает у героя страха, паники или отторжения. Он готов к уходу, смирился с ним и даже находится в ожидании, поэтому неоднократно задумывается о ней. Смешение чувства томления, предвкушения и страха являются ключевыми в творческом мире И.А. Бунина. Они характеризуют не только ощущения человека, но и со-

стояние окружающего мира: «Черты тревожности, грусти и печальности навеяны в бунинской поэзии русской природой, но феномен тревожности проступает в ней не как отчаяние, а под видом сновидений: на тревожность наслаиваются чувства радости, возникающие как в преддверии новой весны; биполярность тревожности/счастья выявляется же в бунинской поэзии как выражение русской души» [9, р. 46].

Землемер часто задумывается о боге, о жизни, о том, что будет после смерти. С одной стороны, он пытается рационально представить конец человеческого бытия и не бояться этого. Отношение к смерти, как к естественному процессу, прослеживается и в разговоре землемера с дочерью будочника, которая сообщает о смерти своих двух маленьких братьев. Но с другой стороны, он хочет сохранить своё тело и поддаётся иррациональному страху, который одолевает его в ночное время. Автор неоднократно подчёркивает особое значение вечера. Это время в пространстве рассказа становится мёртвым временем («мёртвый вечер»), но в то же время он является предвестником ночной жизни. Круговорот циклов в природе, круговорот циклов жизни и смерти человека. При свете дня окружающее пространство не вызывает у героя тревогу. Жуткий трепет возникает ночью. Это ощущение относится не только к жизни человека и окружающему его быту, но и к природной ночной жизни, несущей в себе этот отпечаток. Герой очень внимателен и к растительному и к животному миру. Он замечает все изменения, которые происходят в этом мире с наступлением сумерек.

Смерть как принятие своего пути представлена в рассказе «Аглая». Перед читателем предстает путь девушки, которой уготовано было рано уйти и принять свою смерть в качестве итога краткой жизни. Рассказ начинается с описания первой встречи Аглаи со смертью (умерли её родители). Автор отмечает «чужой и тяжёлый дух», который исходил от покойников. Этот дух противопоставляется зимней свежести и холоду.

Росла Аглая здоровой и красивой девушкой. При описании внешности героини отмечается лишь её «белое личико» и особая чуткость, желание прислушаться к чему-то, непонятному для окружающих. Далее портрет

героини становится яснее: «Годам к тридцати она стала отменно тонка, высока и сильна. Она была нежна, бела, синеглаза, а работу любила простую, грубую» [5, т. 4, с. 101]. Следующий этап становления Аглаи – это её пятнадцатилетие: «А на пятнадцатом году она стала совсем как девушка, и народ дивился её миловидности: золотисто-белый цвет её продолговатого лица чуть играл тонким румянцем; брови у неё были густые, светло-русые, глаза синие; легкая, ладная, – разве что не в меру высокая, тонкая и долгорукая, – тихо и хорошо поднимала она длинные свои ресницы» [5, т. 4, с. 102]. На каждом новом этапе взросления героини автор даёт описание её внешности, добавляя всё больше деталей. Портрет становится всё осязаемее. И в роковой для героини момент акцентом выступает жар. Он проявляется как внешне (загар), так и внутренне (даже взгляд становится тёплым). После встречи со старцем Родионом жар телесный не покинул её, а наоборот усилился. Смерть Аглаи представлена не как медленное умирание или уход в холод, а как пожар, сама же героиня предстаёт в образе свечи: «вот и сгорела она, как свеча, в самый краткий срок...» [5, т. 4, с. 106], «слегла, запыхала огнём – и кончилась» [5, т. 4, с. 106].

Одним из ключевых лейтмотивов в текст является мотив зрения и его отсутствия или добровольного отказа от него. Так, Аглая сначала опустила глаза и не поднимала их, а потом и вовсе надвинула платок на глаза. Этот же мотив характерен и для скитальца, который решил повторить этот жест. Он объясняет свой поступок тем, что является «слишком зрячим». С телесными ограничениями связаны в этом тексте и другие герои. Сестра Катерина читала Аглае о святых, которые претерпевали физические страдания. Например, Симон из приволжских лесов, который был бит гражданами за свой внешний вид (разорванная одежда), «Василий Нагоходец, вместо одежды носивший и в зимний хлад, и в летний вар лишь цепи железные да платочек в руке...» [5, т. 4, с. 102], Иоанн Вологодский, носивший колпак чугуна подобный, Исаакий Затворник, «одевший своё тело в сырую шкуру козла, навсегда к нему приросшую» [5, т. 4, с. 102].

Одним из феноменов чуда в рассказе является то, что старец Родион предрёк Аглае сохранность тела после смерти. Он сказал, что истлеют лишь только уста её, так как не смогла она выдержать свой строгий обет до конца. Но в тексте нет подтверждения или опровержения этой легенде. Даётся подробное описание героини после смерти, но детально описывается внешнее убранство, попутно отмечается только её худоба и рост. Таким образом, автор не даёт ответ на вопрос о правдивости слов скитальца, но в то же время не опровергает их.

В заключение стоит отметить особую перцептивную образность телесного у И.А. Бунина, многогранность и взаимосвязь цвета, звука и тактильных ощущений. Несмотря на изображение мёртвого тела, в портретном описании присутствует динамика, свидетельствующая о неразрывной связи жизни и смерти. Характеристикой процесса умирания также являются особые ощущения радостного томления, предвкушения чего-то страшного и неопределенного, встреча героев с предвестниками смерти.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
2. Галуцких И.А. О понятии «художественная телесность» // Гуманитарный научный журнал. 2015. № 1. С. 13-14.
3. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 145-151.
4. Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. P., 1929. P. 22-23.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1987.
6. Мамонтов А. Большая книга имён. М.: АСТ, 2018. 512 с.
7. Гаврилова С.С. Своеобразие и художественные функции портретного описания в повестях Вс. Иванова // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 176-187.
8. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.
9. Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // Monde slave. 1928. № 4. P. 34-51.

References

1. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow, Mysl Publ., 2001, 558 p. (In Russian).
2. Galutskikh I.A. O ponyatii «khudozhestvennaya telesnost'» [About the concept of “artistic physicality”]. *Gumanitarnyy nauchnyy zhurnal – Humanitarian Scientific Journal*, 2015, no. 1, pp. 13-14. (In Russian).
3. Krutkin V.L. Telesnost' cheloveka v ontologicheskom izmerenii [Human corporeality in the ontological dimension]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*, 1997, no. 4, pp. 145-151. (In Russian).
4. Pozner V. *Panorama de la littérature russe contemporaine*. Paris, 1929, pp. 22-23. (In French).
5. Bunin I.A. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. (In Russian).
6. Mamontov A. *Bol'shaya kniga imen* [Big Book of Names]. Moscow, AST Publ., 2018, 512 p. (In Russian).
7. Gavrilova S.S. Svoeyebraziye i khudozhestvennyye funktsii portretnogo opisaniya v povestyakh Vs. Ivanova [The originality and artistic functions of the portrait description in the novels of Vs. Ivanov]. *Gumanitarnyye issledovaniya – Humanitarian Researches*, 2010, no. 4 (36), pp. 176-187. (In Russian).
8. Tsalkin V.I. *Drevneyshiye domashniye zhivotnyye Vostochnoy Evropy* [The Most Ancient Livestock of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 280 p. (In Russian).
9. Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France. *Monde slave*, 1928, no. 4, pp. 34-51. (In French).

Информация об авторах

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: ya_witch@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Попова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: buka1621@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Сулемина Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: may2005@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Попова Юлия Сергеевна
E-mail: buka1621@rambler.ru

Поступила в редакцию 17.05.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.06.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the authors

Nadezhda B. Bugakova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: ya_witch@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Yulia S. Popova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: buka1621@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Oksana V. Sulemina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: may2005@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Yulia S. Popova
E-mail: buka1621@rambler.ru

Received 17 May 2020
Reviewed 20 June 2020
Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-548-556
УДК 82-1/-9

«Дьявольские лучи» в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: об одной модной литературной теме в научной фантастике 1920-х годов

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

“Diabolic rays” in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”: about one modern literary topic in science fiction of the 1920s

Vladimir V. KOLCHANOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Исследована научно-фантастическая литература 1920-х годов, связанная с темой тепловых лучей. Начатая в романе Г. Уэллса «Война миров» (1897) и повести А.Ф. Осендовского «Бриг "Ужас"» (1913), в десятилетие после Октября она получила более широкое распространение. В каждом из произведений тепловые лучи получили своё название: «лучи смерти» в одноимённом романе Г. Доминика (1921), «фиолетовые лучи» в романе В.П. Катаева «Остров Эрендорф» (1924), «красный луч», или «луч жизни» в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» (1924), тепловые лучи в романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1926–1927), «оранжевый луч» в повести А.Ф. Палея «Гольфштрем» (1927). Во всех литературных произведениях, в том числе и дореволюционных (кроме последнего – «Гольфштрема») тепловой луч играл крайне негативную роль в развитии человечества и цивилизации. Первыми применили оружие для уничтожения человечества марсиане, затем луч попал в руки гениальных учёных. Луч, созданный гениальными учёными, чаще всего оказывался в руках корыстных и одержимых людей, и русские писатели привносили серьёзное сомнение в сциентистские устремления человеческого разума. Тема эта шла параллельно дороге новаторских поисков и открытий в области науки и техники: лазерное оружие в мире разрабатывалось как оружие массового поражения в будущих войнах планетарного масштаба. В советской печати его «окрестили» «дьявольскими лучами», а главное – попытались влить в поле социальных преобразований в обществе, которые принесла Октябрьская революция, и планы по установлению социалистического строя на всей планете. Центральное место уделено повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», которая впитала не только достижения современной науки и техники, не только фантазии писателей – предшественников и современников, но и аллюзии на оккультные мотивы в литературе и культуре: чернокнижие доктора Фауста из драмы-мистерии И.В. Гёте «Фауст», заклинания из «Египетской книги мёртвых», старинный русский ритуал «Троещиплятницы», яичный мотив “ad ovo”. О механизме работы «красного луча» в повести говорят многочисленные оккультные детали.

Ключевые слова: научно-фантастическая литература; «Война миров»; «Лучи смерти»; «Бриг "Ужас"»; «Остров Эрендорф»; «Роковые яйца»; «Москва»; «Гиперболоид инженера Гарина»; «Гольфштрем»

Для цитирования: Колчанов В.В. «Дьявольские лучи» в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: об одной модной литературной теме в научной фантастике 1920-х годов // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 548-556. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-548-556

Abstract. Science fiction literature of the 1920s connected with the topic of heat rays is studied. Begun in the novel of Herbert George Wells “The War of the Worlds” (1897) and in the novel of A.F. Ossendowski “Brig “Horror” (1913), in the decade after October Revolution it became more widely distributed. In each work heat rays got its name: “death rays” in the novel of H. Dominik (1921), “violet rays” in the novel of V.P. Kataev “The Island of Erendorf” (1924), “red ray”, or “life ray” in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” (1924), heat rays in the novel of A.N. Tolstoy “The Garin Death Ray” (1926–1927), “orange ray” in the novel of A.F. Paley “Gulfstream” (1927). In all literary works, including pre-revolutionary ones (except for the last one – “Gulfstream”), the heat ray played an extremely negative role in the development of humanity and civilization. The Martians were the first to use weapons to destroy humanity, then the ray fell into the hands of brilliant scientists. The ray, created by brilliant scientists, most often end up in the hands of self-interested and obsessed people, and Russian writers brought a serious doubt to the scientific aspirations of the human mind. This theme ran parallel to the road of modern research and discoveries in the field of science and technology: in the world laser weapons were being developed as weapons of mass destruction for the future wars of a planetary scale. In the Soviet press, it was “baptized” as the “diabolic rays”, and most important – they tried to implement into the field of social transformations in society, which brought the October Revolution, plans on establishing a socialist system on the entire planet. The central place is given for the novel M.A. Bulgakov’s “The Fatal Eggs”, which absorbed not only the achievements of modern science and technology, not just fantasies of writers – predecessors and contemporaries, but also allusions on the occult motifs in literature and culture: black magic of doctor Faust from the drama-miracle play of J.W. Goethe “Faust”, spells from the “Egyptian Book of the Dead”, old Russian ritual “Troyetspylatnitsa”, the egg motif “ad ovo”. Numerous occult details in the story tell about the mechanism of the “red ray”.

Keywords: science fiction literature; “The War of the Worlds”; “Death rays”; “Brig “Horror””; “The Island of Erendorf”; “The Fatal Eggs”; “Moscow”; “The Garin Death Ray”, “Gulfstream”

For citation: Kolchanov V.V. «D’yavol’skiye лучи» v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyie yaysa»: ob odnoy modnoy literaturnoy teme v nauchnoy fantastike 1920-kh godov [“Diabolic rays” in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”: about one modern literary topic in science fiction of the 1920s]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 548-556. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-548-556 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Фантастическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» впитала столь огромный социальный, культурный, религиозный и технический потенциал, что говорить о ней только в плане традиции того или иного метода или аспекта художественного вымысла значило бы нивелировать время, в которое она писалась, и модные темы, которые, как разные моды, вспыхивают и быстро гаснут за короткий период. К одной такой из модных – в жанре научной фантастики 1920-х гг. – относилась тема «дьявольских», или тепловых лучей. Литературоведчески она зафиксирована не была, в энциклопедических изданиях упоминалась лишь в связи с «научным романом» «Война миров» (1897) Г. Уэллса, фантастическим фильмом «Луч смерти» (1925) Л. Кулешова по сценарию В. Пудовкина и романом «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) А. Толстого¹. К слову сказать, первая

книга романа «Гиперболоид инженера Гарина» «Угольные пирамидки» была написана в год создания фильма и в год публикации повести «Роковые яйца» (в сокращённом виде повесть, напомню, печаталась в журнале «Красная Панорама» под названием «Луч жизни»). Временная дистанция между творением Уэллса и Толстого с Булгаковым, как видим, – «огромного размера». Кроме того, в трёх литературных произведениях тепловой луч играл крайне негативную роль в развитии человечества и цивилизации. Первыми применили оружие для уничтожения человечества марсиане, во второй раз луч попал в руки гениальных русских учёных – биолога и инженера. Именно гениальный учёный делается создателем теплового луча и в других литературных произведениях 1920-х гг.

Впервые земное происхождение «луча смерти» было описано в романе «Лучи смерти» Ганса Доминика – «немецкого Жюль Верна». Оригинальное название романа –

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30.03.2020).

«Власть трёх. Роман из 1955 года» (1921, первый перевод на русский язык сделан в 1924 г. [1]). Тема оказалась модной не только в техническом плане. Крупнейшая социальная революция, осуществлённая рабочим классом в России, художественно отразилась в этом произведении, что явилось ударом по авантюристам и автократам всей международной буржуазии.

Сюжет романа Доминика был выстроен как обычное бульварное чтиво с многочисленными скоростными перемещениями героев, любовными интригами, суперхорошими парнями и отъявленными злодеями. Этим, возможно, объяснялся тот факт, что, начиная с 1930-х, в России о произведении надолго забыли и вновь опубликовали лишь в настоящее время. Действие романа развивалось в недалеком будущем – в 1955 году, когда диктатор США затеял войну со своим заокеанским врагом Англией, задействовав для этого тайную подводную базу у берегов Африки и большой военно-морской флот. Но грандиозной битвы не состоялось, так как вмешательство научного изобретения инженера Сильвестра Брусвельда и его друзей Эрика Трувора и индуса Атамы разрушило имперские аппетиты воюющих держав. Построенные ими лучеиспускатели не только сожгли шлюзы Панамского канала, но и намагнитили все корабли противостоящих флотилий, как бы в шутку отбуксировав их в порты воюющих сторон, английскую эскадру в США, американскую эскадру в Англию.

Как и следовало ожидать от эпохи, сюжет романа не обошёлся без оккультных пружин, в первую очередь, фабулы о противостоянии белого и черного магов (индуса Атамы и доктора Глоссина), столь активно использовавшейся в искусстве Серебряного века [2, с. 798-799], а также гипноза и медиумизма, применявшихся в оккультнистской литературе постоянно. Не обошёл роман и оккультной темы одержимости одарённого героя. Один из изобретателей (Эрик Трувор) возжелал стать сверхчеловеком, могущественным обладателем всей вселенной, что привело его к собственной гибели и гибели лучеиспускателя.

В «Роковых яйцах» и «Гиперболоиде инженера Гарина» возникнет подобная картина. Создатели «красного луча» и теплового

луча вызовут катастрофические разрушения на планете. Но если создатель «Гиперболоида инженера Гарина» использовал единственный дискурс в развертывании темы – технический – и технически разрешал ницшеанскую тему свехчеловека, то булгаковский герой профессор Персиков с горечью осознавал свою ошибку, вызванную вторжением в его жизнь языческого рока, правящего бал в античной драме-мистерии, тяжело переживал изобретение вплоть до апоплексического удара и убийства, до последнего момента пытался исправить содеянное, участвуя в комиссии по борьбе с куриной чумой. Не был он и международным аферистом, как доктор Глоссин и инженер Гарин, безумно жаждущие власти и денег. Персиков оказывался оккультной жертвой, подобно той, которой стал изобретатель супероружия русский профессор Коробкин из дилогии А. Белого «Москва» (1926). Даже враги героев – немецкие шпионы Пеленжковский из «Роковых яиц» и фон Мандро из «Москвы» – имели схожую внешность и общий способ вербовки.

Второй мотив «Лучей смерти» Г. Доминика – оккультный, развитый как раз в «Роковых яйцах». Во-первых, «красный луч», который профессор изобрел в своей лаборатории, имел своего предшественника – «красный луч» чернокнижника доктора Фауста из драмы И.В. Гёте «Фауст»; во-вторых, неожиданная встреча в толпе с фаустовским «духом земли» – А.С. Роком и выведение вторым цыплят «в целях увеличения поголовья кур в республике» обернулось трагической встречей с персонажами «Египетской книги мёртвых»: в древней книге заклинаний новоиспечённую душу в царстве Осириса встречали гигантские змеи, крокодилы и страусы; в-третьих, оккультного эффекта достигала куриная эпидемия – отголосок старинного русского ритуала «Троецыплятницы», – обо всём этом подробно писалось ранее [3]; в-четвёртых, писатель ввёл древний яичный мотив «ad ovo» (в буквальном переводе «с яйца»), что подробно проанализировал исследователь творчества Булгакова Е.А. Яблоков [4]. В-пятых, оккультный мотив был заявлен открыто, в эпизоде диалога жены Рокка Мани с мужем:

«Концерт над **стеклянными водами** и рощами и парком уже шёл к концу, как вдруг произошло нечто, которое прервало его раньше времени. Именно в **Концовке собаки**, которым по времени уже следовало бы спать, **подняли вдруг невыносимый лай**, который постепенно перешёл в общий мучительнейший вой. Вой, разрастаясь, полетел по полям, и вою вдруг ответил **трескучий в миллион голосов концерт лягушек на прудах**. Все это было так жутко, что показалось даже на мгновение, будто померкла таинственная колдовская ночь.

Александр Семёнович оставил флейту и вышел на веранду.

– Маня. Ты слышишь? Вот **проклятые собаки**... Чего они, как ты думаешь, взбесились?

– Откуда я знаю? – ответила Маня, **глядя на луну**.

– Знаешь, Манечка, пойдём посмотрим на яички, – предложил Александр Семёнович.

– Ей-богу, Александр Семёнович, ты совсем помешался со своими яйцами и курами. Отдохни ты немножко!

В оранжерее горел яркий шар. Пришла и Дуня с горящим лицом и блистающими глазами. Александр Семёнович нежно открыл контрольные стёкла, и все стали поглядывать внутрь камеры. На белом **асбестовом** полу лежали правильными рядами испещрённые пятнами **ярко-красные яйца**, в камерах было беззвучно... а **шар сверху в 15000 свечей тихо шипел**...

– Эх, выведу я цыпляток! – с энтузиазмом говорил Александр Семёнович, заглядывая то сбоку в контрольные прорезы, тот сверху, через широкие вентиляционные отверстия, – вот увидите... Что? Не выведу?

– А вы знаете, Александр Семёнович, – сказала Дуня, улыбаясь, – мужики в Концовке говорили, что вы **антихрист**. Говорят, что ваши **яйца дьявольские**. **Грех** машиной выводить. **Убить** вас хотели (выделено мною. – В. К.)» [5, с. 354-355].

В этом фрагменте присутствуют многие оккультные детали: «стеклянные воды» как материал ада; «проклятые» собаки как универсальные проводники в загробный мир; лягушки, связанные с болотом как границей между миром живых и мёртвых; название деревни Концовка как мотив Судного Дня; полная луна как время колдовства и чёрной магии; асбест как материал для вечного света в загробном мире; ярко-красные яйца как пародия на символ праздника христианской Пасхи; большое количество свечей (шар в 1500 свечей), использующихся в обряде пор-

чи; цифра 15 из нумерологии и карт Таро, называемая «Дьяволом», или «Гением катастроф»; преобладание шипящих звуков в чёрных заговорах и заклинаниях; узнавание антихриста; яйца дьявола; грех и ритуальное убийство; фамилия Александра Семёновича, вызывающая в памяти образ фатальной неизбежности несчастий и смерти.

А вот то, что ярко-красные яйца дьявольские, а следовательно, и луч, возрождающий эмбрионы к жизни, имеет непосредственное отношение к эпитету «дьявольский», Булгаков мог почерпнуть не только из источников религиозной или оккультной литературы. Перед первой публикацией повести (отрывков) в «Красной Панораме» под названиями «Луч жизни» (№ 19–22) и «Роковые яйца» (№ 24) за 1925 г., в номере № 18 за 1924 г. в рубрике «Наука и техника» была опубликована научно-популярная статья под названием «Дьявольские лучи». Во многом она повторяла научно-фантастические идеи, заложенные три года назад в романе Г. Доминика «Лучи смерти», напомним – впервые опубликованного в России в 1924 г. Автор констатировал факт обострённого интереса иностранной печати к одному сенсационному открытию. Английский изобретатель Райндель Маттьюс в лаборатории на расстоянии 19 метров при помощи невидимых электрических лучей производил взрыв пороха, убивал мышь, заставлял светиться электрические лампочки, и, действуя через магнето, закреплённом на аэроплане, останавливал его двигатель. Однажды он ввёл в длительное бессознательное состояние ассистента, случайно попавшего в зону действия лучей. Все эти опыты, считал автор статьи, ссылаясь на иностранную прессу, позволят в будущем создать оружие нового типа. Оно будет сбивать снаряды, останавливать или сжигать дирижабли и аэропланы, «очищать небо от самых густых туч саранчи». В статье помещалось и описание оружия будущего, напоминающее внешне аппарат Персикова по выведению цыплят:

«Роковые яйца»:

«Александр Семёнович оживленно сбежал с крыльца с колоннадой, на коей была прибита вывеска под звездой: «Совхоз «Красный луч», и прямо к автомобилю-полугрузовичку, привезшему три чёрных камеры под охраной» [5, с. 348].

«Дьявольские лучи»:

«Аппарат напоминает прожектор, снабжённый тремя генераторами лучей, получающими ток из особой камеры, конструкция которой содержится в строжайшей тайне <...> Весь аппарат с «дьявольскими лучами» очень компактен и может быть установлен на одном грузовом автомобиле» [6, с. 14].

Стоит отметить ещё одну статью о лучах в журнале «Красная Панорама». В № 23 за 1925 г., то есть в номере, в котором окончания «Луча жизни» не последовало, была напечатана заметка «Целебное свойство икс-лучей», где говорилось о новых способах лечения в радиотерапевтическом отделении лондонской больницы. Сила тока, которая требовалась для создания «глубоких» икс-лучей», равнялась 3000 Вольт.

«Персонал, обслуживающий аппараты х-лучей, – писал корреспондент, – защищён от влияния света особыми предохранительными экранами. Наблюдение за самой лампой производится через особое стекло в три четверти дюйма толщиной с примесью свинца. Действие ультрафиолетовых лучей, излучаемых новым аппаратом, абсолютно равносильно действию солнечного света. При лечении рахита у детей этим способом были достигнуты блестящие результаты: подвергавшиеся действию Икс-лучей больные дети быстро излечивались»².

Возможно, эта заметка также послужила источником для создания аппарата Персикова с лампой-«шаром» в 1500 свечей³.

Тем не менее, подобные медицинские аппараты не преследовали первоначальной цели, на которую был направлен аппарат Персикова – на размножение амёб, то есть простейших. За биологической машиной, вызывающей размножение простейших, нам следует обратиться ещё к одному фантасти-

² Целебное свойство икс-лучей // Красная Панорама. 1925. № 23. С. 12.

³ Здесь нельзя не упомянуть ещё одно фантастическое произведение близкого друга Булгакова Е.И. Замятина – роман «Мы». Врачи по указанию Благодетеля, проводя Великую Операцию по «экстирпированию» фантазии среди жителей Единого Государства, прижигали Х-лучами «мозговой узелок»: «Последнее открытие Государственной Науки: центр фантазии – жалкий мозговой узелок в области Варолиева моста. Трёхкратное прижигание этого узелка Х-лучами – и вы излечены от фантазии – навсегда» [7].

ческому произведению – роману русско-польского писателя и путешественника А.Ф. Оссендовского «Бриг "Ужас"» (1913).

В «Бриге "Ужас"» мы вновь встречаемся с «гениальным безумцем», поставившим на карту судьбу человечества. Суть открытий в романе такова. В древних угольных пластах академик Туманов находит простейший вид плесени, продремавшей там миллионы лет, и называет её пласмодием. Во время экспериментов выясняется, что пласмодий способен выращивать культурные растения в полярных широтах, выделяя при поедании органических удобрений большое количество тепла. Этой находкой пользуется его ассистент и талантливый ученик Силин, влюблённый в дочь старого учёного. Он крадет пласмодий, девушку Нину и на острове в районе Хайпудырской губы Ледовитого океана создаёт укреплённую зону, оборудованную оружием будущего: «электрическими волнами», парализующими различные механизмы и безосколочными снарядами. Кроме того, Силин создал много других изобретений: «получения золота из морской воды, передачи электричества на пространство, приготовления убивающих всё живое грибов и водорослей и новых, необыкновенной силы, взрывчатых веществ» [8, с. 63]. Отсюда, по содержанию романа, должна начаться экспансия по уничтожению земли. Для этого будущий «Властитель земли и всего мира» и начинает первый этап – выпускает на свободу пласмодий академика Туманова, начавший убивать всё живое на своём пути, – по сути, испытывает первое в мире биологическое оружие:

«Деревянные рыбацьи шхуны, занимающиеся ловлей сельди, трески и китобойным промыслом между Шпицбергом и Беринговым морем, почти все погибли, придя в норвежские порты. Они сгнили, а их обшивка, палуба, мачты и даже паруса превратились в студенистое бурое вещество.

Исследованиями удалось установить, что шхуны привезли откуда-то плесень, съедающую дерево. Одна из шхун остановилась в Варангерфьорде, около деревни Тайноне, и вскоре все хижины деревушки и церковь были уничтожены плесневым грибом.

Ботаник писал дальше, что плесень эта напала на людей, и правительству пришлось отделить кордоном целый береговой округ, поражённый

завезённой из страны вечных льдов ужасной неведомой болезнью. <...>

Бриг Силина исчез, но за ним шёл мрачный след. К вечеру «Гриф» вошёл в полосу мёртвой рыбы. Острый нос парохода резал тысячи уснувшей трески, а под ударами винта тела погибшей рыбы превращались в зловонное месиво. Среди погибшей трески и гниющей сельди попадались трупы нарвалов и тюленей.

– Взгляните туда! – воскликнул, указывая на запад, Туманов.

Насколько хватал взгляд, море превратилось в плавучее кладбище и казалось покрытым снегом.

– Рыба успела уже замерзнуть, – сказал командир. – Это неувидительно! Ночь была свежая.

– Это – пласмодий! – возразил академик. – Это он белой, серебристой плесенью, как пухом, покрыл погибших животных, а над ними теперь поднимается легкий пар. Пласмодий быстро и жадно пожирает свои жертвы» [8, с. 29-30, 47].

Собственно говоря, такая же картина предстает и в «Роковых яйцах». После неожиданного 18-градусного мороза, выпавшего в ночь с 19 на 20 августа, вся территория, занятая пришельцами из тропиков, долгое время смердит и разлагается:

«Необозримые пространства земли ещё долго гнили от бесчисленных трупов крокодилов и змей, вызванных к жизни таинственным, родившемся на улице Герцена в гениальных глазах лучом, но они уже не были опасны, непрочные создания гнилостных жарких тропических болот погибли в два дня, оставив на пространстве трёх губерний страшное зловоние, разложение и гной» [5, с. 378].

Немалое влияние на сатирическую повесть «Роковые яйца» в плане развития темы «дьявольских лучей» оказал роман-фельетон В.П. Катаева «Остров Эрендорф», датированный днём смеха и юмора 1 апреля 1924 г. Роман по каким-то неведомым причинам был исключён из круга чтения в 1920-х гг., так как ни в библиотеках страны, ни на антикварных площадках в старых изданиях не попадает. Возможно, пародийный облик писателя И.Г. Эренбурга не пришёлся по вкусу цензуре и читателю в период индустриализации и коллективизации народного хозяйства, а тем более в период Великой Отечественной войны, когда Эренбург стал главным оппонентом нацизма и буржуазии. В повести

«Роковые яйца» И.Г. Эренбург был представлен как «писатель Эрендорф», создавший пьесу «Курий дох».

В романе «Остров Эрендорф» его роль кардинально менялась. Ницкий мечтатель, миллиардер, изобретатель и писатель, хозяин богатейшего отеля «Хулио Хуренито» (в настоящем создатель романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922)), автор романов «Гибель Африки» и «Треста Д.Е.» (в настоящем автор романа «Трест "Д.Е." История гибели Европы» (1923)), становится создателем «машины обратного тока», генерирующей «фиолетовый луч», и конструктором райского острова «Эрендорф», куда переселены «около трёх тысяч отборнейших джентльменов и леди, приписанных к правящему классу будущего общества». Вот как описывается в романе строительство острова для избранных эксплуататоров, на котором они должны переждать великий потоп, и действие «фиолетового луча», защищающего остров от вторжения армии рабочего класса:

«К острову прибывали всё новые и новые корабли. Остров сплошь застраивался. Уже появились газеты, кино и телефонные автоматы. Вечером на улицах горели фонари.

По всем видимостям, остров тщательно охранялся от постороннего вторжения. Так, например, небольшой трансатлантический самолёт, потерпевший аварию во время своего рейса, был отнесён течением к острову и пытался на него спуститься. Но немедленно же с крыши Дворца Центра протянулся длинный фиолетовый луч, скользнул, как стрелка переводимых часов, по чёрному от туч небу и коснулся самолёта, который мгновенно вспыхнул, как бабочка в дуге фонаря летнего сада, и чёрным пеплом рассыпался над океаном.

По некоторым разговорам, подслушанным на улицах, Джимми понял, что на острове имеют право находиться только люди, снабжённые специальными карточками «постоянных жителей». Что касается рабочих, производящих постройку, то они сейчас же по окончании работ будут отправлены обратно на материк. <...>

Эскадрилья разведывательных гидро бесшумно вылетела по направлению к острову, и вдруг над островом возникло шесть тонких фиолетовых лучей. Они раскинулись веером среди звёзд, и шесть точек вспыхнули над островом. Затем ветер донёс шесть отдалённых взрывов, и эскадрилья не стало» [9].

Возможно, роман В.П. Катаева «Остров Эрендорф» повлиял не только на «Роковые яйца» М.А. Булгакова, но и подвигнул к работе над романом «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого.

Наконец, произведением, завершающим моду на тему тепловых лучей в художественной литературе 1920-х гг., можно считать повесть «Гольфштрем» русского писателя-фантаста А.Р. Палея (1893–1965).

Повесть впервые вышла в 1927 г. в журнале «Смена» (№ 13–17) под названием «Гольфштрем», затем, через год, довольно большим тиражом для тех лет – 27000 экземпляров – в издательстве «Огонёк». Содержание повести несколько напоминало сюжет романа Г. Доминика «Лучи смерти». Действие, как и в «Лучах смерти», переносилось в недалекое будущее – 1947-й год, и повествовало о войне, разгоревшейся между США и Европой. Европа на тот момент «уже десять лет ничего не покупала. Она представляла собою союз социалистических государств. Всё нужное производилось внутри страны. Коммунизм, подобно гангрене, разъедал Азию и Африку» [10], – говорилось во вступлении к повести. Поэтому американскими империалистами был утверждён план по строительству огромной океанической плотины под прикрытием огромных броненосцев. Плотина должна была развернуть атлантическое течение Гольфстрим в сторону американских берегов. В США началось бы потепление, Европа же превратилась бы в глыбы ледников, тем самым уничтожив социализм.

Для разрушения плотины гениальным инженером Владимиром Полевым и был создан «оранжевый луч». Установленный на дирижабль, он начал разрушение плотины, которое впоследствии привело к восстанию рабочего класса в США, аресту промышленных королей и окончательному взрыву плотины. Вот как описывалось в повести действие «оранжевого луча»:

«Дирижабль приблизился к неприятельскому флоту и стал маневрировать, ежеминутно меняя направление и высоту. Вдруг от него протянулся широкий ярко-оранжевый луч, отчётливо видимый даже при солнечном свете. Луч упёрся в крупнейший из неприятельских броненосцев. И в ту же секунду – быстрее, чем можно было уследить глазами за этим зрелищем – огромный броненосец, разрезанный поперёк, стал погружаться серединой в воду. Корма и нос начали быстро подниматься. Страшная суeta поднялась на палубе. А оранжевый луч уже разрезал следующее судно, и там стало твориться то же. В течение четверти часа на том месте, где стоял могущественный флот, осталась только куча плавающих и погружающихся обломков да тысячи тонущих людей.

Рядом с Электрой стоял Сергей Львович. Он сказал медленно:

– Оранжевый луч Владимира Полевого.

– Полевого? – воскликнула Электра, схватив его за руку. – Там, на дирижабле, Полевой? Откуда вы знаете?

Начальник госпиталя неторопливо ответил:

– Об изобретении Полевого три дня назад было сообщено всем командирам и начальникам частей с предписанием никому не говорить о нём, прежде чем оно будет пущено в ход» [10].

Таким образом, в 1920-е гг. в научно-фантастической литературе России ярко высветилась новая тема – тема тепловых лучей. Бесспорно, возникла она не на пустом месте – отдельные произведения уже существовали в зарубежной литературе и литературе Серебряного века. Тема эта пошла параллельно дороге нововременных поисков и открытий в области лазерного оружия как оружия массового поражения, а главное – влилась в поле социальных преобразований в обществе, которые принесла Октябрьская революция и планы по установлению социалистического строя на всей планете. Луч, созданный гениальными учёными, чаще всего оказывался в руках корыстных и одержимых людей, и русские писатели приносили серьёзное сомнение в научные устремления человеческого разума.

Список литературы

1. Доминик Г. Лучи смерти: роман 1955 года / пер. с нем. А. Левенсон. Харьков: Космос, 1924.
2. Колчанов В.В. Окультизм, маги и ритуалы симпатической магии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 798-816.

3. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте / отв. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. центр ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 170-188.
4. Яблоков Е.А. Яйцо вервольфа. Мифопоэтический подтекст в произведениях М. Булгакова // Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. С. 7-124.
5. Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 2. С. 305-378.
6. Я. Г. Дьявольские лучи // Красная Панорама. 1924. № 18. С. 14-15.
7. Замятин Е.И. Мы: Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания / сост. Е.Б. Скороспелова. Кишинёв: Лит. Артистикэ, 1989. С. 112.
8. Оссендовский А.Ф. Бриг «Ужас» // Оссендовский А.Ф. Бриг «Ужас». Избранные фантастические произведения. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013.
9. Катаев В.П. Остров Эрендорф. URL: http://modernlib.net/books/kataev_valentin_petrovich/ostrov_eren-dorf/read (дата обращения: 30.03.2020).
10. Палей А.Р. Гольфштрем. URL: https://royallib.com/read/paley_abram/golfshtrem.html#0 (дата обращения: 28.03.2020).

References

1. Dominik H. *Luchi smerti: roman 1955 goda* [Death Rays: the 1955 Novel]. Kharkiv, Kosmos Publ., 1924. (In Russian).
2. Kolchanov V.V. Okkul'tizm, magi i ritualy simpaticheskoy magii v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Occultism, magicians and rituals of sympathetic magic in the novel “The Master and Margarita” by M.A. Bulgakov]. In: Bogdanova O.V. (compiler). *M.A. Bulgakov: pro et contra: antologiya* [M.A. Bulgakov: Pro et Contra: Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 798-816. (In Russian).
3. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov v national'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of 20th – 21st Century]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 170-188. (In Russian).
4. Yablokov E.A. Yaytso vervol'fa. Mifopoeticheskiy podtekst v proizvedeniyakh M. Bulgakova [Werewolf's egg. Mythopoetic subtext in the works of M. Bulgakov]. In: Yablokov E.A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova* [Motifs of Mikhail Bulgakov's Prose]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997, pp. 7-124. (In Russian).
5. Bulgakov M.A. Rokovyye yaytsa [The Fatal Eggs]. In: Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Completed Works: in 10 vols.]. Moscow, Golos Publ., 1995, vol. 2, pp. 305-378. (In Russian).
6. Y. G. D'yavol'skiye luchy [Diabolic rays]. *Krasnaya Panorama* [Red Panorama], 1924, no. 18, pp. 14-15. (In Russian).
7. Zamyatin E.I. *My: Roman, povesti, rasskazy, p'yesy, stat'i i vospominaniya* [We: Novel, Novellas, Short Stories, Plays, Articles and Memoirs]. Kishinev, Lit. Artistike Publ., 1989, p. 112. (In Russian).
8. Ossendovskiy A.F. Brig «Uzhas» [Brig “Horror”. In: Ossendovskiy A.F. *Brig «Uzhas». Izbrannyye fantasticheskiye proizvedeniya* [Brig “Horror”. Selected Science Fiction Works]. S. l., Salamandra P.V.V. Publ., 2013. (In Russian).
9. Katayev V.P. *Ostrov Erendorf* [The Island of Erendorf]. (In Russian). Available at: http://modernlib.net/books/kataev_valentin_petrovich/ostrov_eren-dorf/read (accessed 30.03.2020).
10. Paley A.R. *Gol'fshtrem* [Gulfstream]. (In Russian). Available at: https://royallib.com/read/paley_abram/golfshtrem.html#0 (accessed 28.03.2020).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: Общая концепция статьи: в научно-фантастической литературе 1920-х гг. функционирует тема тепловых лучей. Она идёт параллельно дороге современных поисков и открытий в области науки и техники: лазерное оружие в мире разрабатывается как оружие массового поражения в будущих войнах планетарного масштаба. В советской печати его «окрестили» «дьявольскими лучами», а главное – попытались влить в поле социальных преобразований в обществе, которые принесла Октябрьская революция, и планы по установлению социалистического строя на всей планете.

Центральное место в статье уделяется повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», которая впитала не только достижения современной науки и техники, не только фантазии писателей – предшественников и современников, но и аллюзии на оккультные мотивы в литературе и культуре.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Поступила в редакцию 10.04.2020 г.

Поступила после рецензирования 15.05.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: Main study conception: the theme of heat rays functions in the science fiction literature of the 1920s. It runs parallel to the road of modern research and discoveries in the field of science and technology: in the world laser weapons were being developed as weapons of mass destruction for the future wars of a planetary scale. In the Soviet press, it was “baptized” as the “diabolic rays”, and most important – they tried to implement into the field of social transformations in society, which brought the October Revolution, plans on establishing a socialist system on the entire planet.

The central place is given for the novel M.A. Bulgakov’s “The Fatal Eggs”, which absorbed not only the achievements of modern science and technology, not just fantasies of writers – predecessors and contemporaries, but also allusions on the occult motifs in literature and culture.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Received 10 April 2020

Reviewed 15 May 2020

Accepted for press 22 May 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-557-565
УДК 82.091

Эволюция образов мужчин и женщин в системе персонажей научно-фантастических произведений братьев Стругацких

Илья Владимирович КОЗЛОВ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>, e-mail: ilya.kozlov.1981@gmail.com

Evolution of men and women images in the character system in science fiction works of the Strugatsky brothers

Ilya V. KOZLOV

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg 620083, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>, e-mail: ilya.kozlov.1981@gmail.com

Аннотация. Научно-фантастические произведения братьев Стругацких можно рассмотреть как единый художественный мир, претерпевающий с течением времени определённую эволюцию. Одним из показателей такого изменения становится соотношение мужских и женских героев в системах персонажей произведений. Прослежено (начиная от ранних произведений – «Путь на Амальтею», «Извне» – к более поздним – «Жук в муравейнике», «Улитка на склоне») подобное изменение. Вначале его можно заметить в количественной трансформации (появление женских образов в системах персонажей), а затем и в том, какое влияние они оказывают на сюжет, повествование (в том числе «авторские» отступления), в целом – на образ мира в произведениях Стругацких. При этом сделана попытка отвлечься от соотнесения творчества Стругацких с политическими и феминистскими теориями, выводы сформулированы на основе аналитического рассмотрения художественной формы самих литературных произведений. Героини появляются в своих традиционных амплуа. Но затем они из «помощников» становятся противниками в системе персонажей, приобретая враждебные мужским персонажам черты. Подобное изменение влияет, в свою очередь, на сюжеты произведений, трансформируя авантюрный сюжет (теперь не просто сюжет-исследование, но завоевание и преображение) и углубляя внутренний конфликт художественного мира братьев Стругацких.

Ключевые слова: научная фантастика; фантастическое допущение; система персонажей; художественный мир братьев Стругацких; мужские и женские образы

Для цитирования: Козлов И.В. Эволюция образов мужчин и женщин в системе персонажей научно-фантастических произведений братьев Стругацких // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 557-565. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-557-565

Abstract. The science fiction works of the Strugatsky brothers are considered as a common artistic world undergoing a certain evolution over time. One indicator of this change is the correlation of male and female characters in character systems of works. A similar change is traced (starting from the early works – “The Way to Amalthea”, “From Beyond” – to the later ones – “Beetle in the Anthill”, “Snail on the Slope”). At first, it can be seen in the quantitative transformation (the appearance of female images in character systems), and then in the influence they have on the plot, narration (including the “author's” digressions), in general – on the image of the world in the works of the Strugatsky. At the same time, an attempt is made to distract from the correlation of the Strugatskys’ work with political and feminist theories, the conclusions are formulated on the basis of an analytical consideration of the artistic form of literary works themselves. Heroines appear in their traditional roles. But then they from “helpers” become opponents in the character system, ac-

quiring traits hostile to male characters. Such a change, in turn, affects the plots of the works, transforming the adventurous plot (now not just a plot-study, but conquest and transformation) and deepening the internal conflict of the Strugatsky brothers' artistic world.

Keywords: science fiction; fantastic assumption; character system; fictional world of the Strugatsky brothers; male and female literary images

For citation: Kozlov I.V. Evolyutsiya obrazov muzhchin i zhenshchin v sisteme personazhey nauchno-fantasticheskikh proizvedeniy brat'yev Strugatskikh [Evolution of men and women images in the character system in science fiction works of the Strugatsky brothers]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 557-565. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-557-565 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Произведения братьев Стругацких построены на характерном для научной фантастики и сформулированном ещё одним из основоположников жанра Г. Уэллсом фантастическом допущении [1]. Так же как для многих произведений в этом жанре для них важно соотношение фантастических и нефантастических элементов. В сопоставлении фантастического и нефантастического важным оказывается взгляд на обыденное, привычное. Фантастический мир будущего или вневременного настоящего, включающего в себя фантастические элементы, также становится вместилищем обычного. Часто это воплощается во взаимоотношениях персонажей: дружба, влюблённость в фантастическом художественном мире подчёркнуто похожи на то, к чему привык читатель. Можно обнаружить и более настойчивые описания обыденного: знаменательные примеры приводит И. Каспэ в статье «Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?» [2]. Не только человеческие взаимоотношения, но сам быт становится узнаваемым, при этом очеловечивая, делая знакомым будущий идеальный коммунистический мир: «В отстаивании права на персональную футурологию Стругацкие идут гораздо дальше Ефремова, не просто приватизируя, но обживая коммунистическое будущее, заполняя его знаками частной, даже домашней среды. В этом будущем планетологи и звездолетчики расхаживают по своему кораблю в домашней одежде (крайняя степень комфорта – “роскошный красный с золотом халат” (“Стажёр”)); блюда, допущенные в их рацион, подчёркнуто будничны и мягки, как пища выздоравливающего после тяжёлой болезни: бульон с вермишелью (“Путь на Амальтею”), каши – гречневая со стаканом молока (“Полдень, XXII век”), овсяная (“Стажёр”). Ми-

дии со специями “начисто исключены”, однако для пушшего уюта протасены на борт контрабандой (“Путь на Амальтею”). Не менее уютным выглядит коммунальный быт на Земле» [2, с. 213].

Как писал Г. Уэллс в предисловии к сборнику «Семь знаменитых романов»: «Всякий может придумать людей наизнанку, антигравитацию или миры вроде гантелей. Интерес возникает, когда всё это переводится на язык повседневности, и все прочие чудеса начисто отменяются. Тогда рассказ становится человеческим» [1, с. 350]. От художественных деталей, изображённых в фантастических произведениях братьев Стругацких, можно перейти к образам мира и бытия в том случае, если соотнести образы характеров, причём основополагающих, архетипических образов – героев-мужчин и женщин. Главные герои разных произведений Стругацких обнаруживают ожидаемые человеческие черты характера в дружбе и влюблённости. Нельзя не заметить, что художественный мир Стругацких в высокой степени мужествен. Персонажей-женщин, тем более играющих ключевую роль в развитии сюжета, здесь встретить трудно.

Творчество Стругацких оценивается в литературоведческих трудах и современной критике, в первую очередь, с социально-философских и политических позиций. В работах И. Каспэ [2], И. Кукулина [3], Т.Н. Бреевой [4], биографиях Д.М. Володина и Г.М. Прашкевича [5] и Анта Скаландиса [6] и других особенное внимание уделяется соотношению советского времени, идеологии и творческого пути братьев Стругацких. Хотя нельзя не отметить и того, что отдельные произведения подвергаются тщательному филологическому разбору (см.: [7], [8]). В интересующем нас аспекте (измене-

ние соотношения мужских и женских образов в системе персонажей различных, представленных хронологически, произведений Стругацких) творчество фантастов рассматривали в зарубежной феминистской литературной критике (см.: [9], а также: [10]) и российской в том числе [11], причём в основном в центре внимания находилось только одно произведение Стругацких «Улитка на склоне». Тем не менее этот аспект важен для всего творчества Стругацких, и, отвлекая от собственно политического рассмотрения творчества братьев-фантастов, позволяет обозначить важные мировоззренческие координаты художественного мира Стругацких.

В повестях «Извне» (1960), «Путь на Амальтею» (1960) системы персонажей практически лишены женских образов. Главным героем оказывается мужчина-исследователь (Борис Янович Лозовский) или капитан межпланетного корабля (Алексей Петрович Быков), решающий важную задачу, доводящий себя до изнеможения, но выполняющий добровольно возложенную на себя миссию (можно также упомянуть и героя рассказа «Шесть спичек» Комлина, поставившего эксперимент на себе). Характерной чертой такого героя становится не просто стремление выполнить задачу, но существование на пределе человеческих возможностей и даже за гранью их (сцена ремонта «Тахмасиба» в космосе в «Пути на Амальтею»), что делает этих героев скорее сверхлюдьми в глазах читателей. Они оказываются сильными не только потому, что больше знают, лучше разбираются в человеческих характерах, но ещё и потому, что лучше организуют свои силы и время для выполнения той или иной жизненно важной задачи.

В «Стажёрах» (1962) такой герой изменяется. Ставший генеральным инспектором МУКСа, Юрковский постоянно бросается навстречу опасности, как будто пытаясь обнаружить границы своего везения (подобная экзистенциалистская ситуация неизвестности, в которой герой должен был принять решение и нести за него ответственность, была обозначена уже в повести «Извне»). Жилин в разговоре с неопытным юным Бородиным рассуждает о герое и героическом: Быков, казалось бы, ничего не делающий, – герой. Юрковский, постоянно рискующий, почти

всегда неоправданно – на героя, по мнению Бородина, похож больше. Но Юрковский оспаривает это мнение: «Таких людей меньше пока, чем других. А другие – это те, на ком стоит это здание. Так называемые честные люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец Мысли и Духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы...» [12, с. 234]. Здесь фантастическое событие (путешествие в космос) сталкивается с наиболее привычным и обыденным для читателя Стругацких происшествием (поход за грибами).

Юрковский – авантюрный персонаж, противопоставленный всё тому же взвешенному и рассудительному Быкову. И здесь (может быть, в наиболее традиционной форме) показаны дружеские отношения Быкова и Юрковского: когда последний вместе со штурманом Крутиковым пытаются исследовать кольца Сатурна и терпят крушение, Быков без оглядки бросается к ним на помощь. По существу, он действует без подготовки, так, как действовал Юрковский на протяжении всего сюжета произведения: рискует своей жизнью, жизнью капитана чужого корабля, жизнью юного пассажира Бородина, самим кораблём – чтобы спасти друзей. В ранних произведениях Стругацких герой рисковал собой для того, чтобы познать новое, и для того, чтобы выполнить возложенную на него миссию. В «Стажёрах» есть такой герой – Юрковский, но рядом в системе персонажей оказывается Быков, действующий исходя из иных соображений, более понятных, привычных читателю XX века.

В дальнейшем в творчестве Стругацких система персонажей и сами персонажи меняются вновь. Уже в начальной ситуации, в прологе романа «Трудно быть богом» (1964) среди героев-мужчин появляется женский образ. Антон, Пашка и Анка – дети будущего, играющие в довольно опасные «мушкетёрские» игры, создают как будто традиционный «любовный треугольник» (ревность, борьба за внимание «дамы сердца»). Но в основном повествовании эта сюжетная линия не имеет продолжения. Антон, он же дон Ру-

мата в Арканаре, сражается, совершает подвиги не для Анки (хотя она появится в финале). В качестве прогрессора ему приходится выполнять сложную прогрессистскую задачу. В его образе вновь воплощены черты идеальной, сверхчеловеческой мужественности: он сдержан, немногословен, обладает тайным (для окружающих) знанием и силой. Ярче всего это проявляется в соотношении с другими мужскими персонажами: бароном Пампой, обладающим неудержимой и недюжинной силой, постоянно вступающим в драку и побеждающим (хотя в итоге и попадающим в беду), доном Рэбой, не обладающим подобной силой, но компенсирующим это необычайной хитростью, побеждающим любых «сильных» противников, в том числе, возможно, и дону Румату. Румата пытается способствовать моральному, интеллектуальному росту арканарской цивилизации (например, поддерживая Арату в его вооружённой борьбе, спасая Будаха и помогая ему в его научных изысканиях), но в его поведении обнаруживается одна нерациональная черта и, по-видимому, единственное слабое место. Он влюблён в Киру, пытается оберегать её, мечтает перенести её из контекста арканарского мира в свой, земной мир. («Ничего в ней особенного не было. Девчонка как девчонка, восемнадцать лет, курносенькая, отец – помощник писца в суде, брат – сержант у штурмовиков. И замуж её медлили брать, потому что была рыжая, а рыжих в Арканаре не жаловали. По той же причине была она на удивление тиха и застенчива, и ничего в ней не было от горластых, пышных мещанок, которые очень ценились во всех сословиях. Не была она похожа и на томных придворных красавиц, слишком рано и на всю жизнь познающих, в чём смысл женской доли. Но любить она умела, как любят сейчас на Земле, – спокойно и без оглядки...»... «Было в ней чудесное свойство: она свято и бескорыстно верила в хорошее» [13, с. 159-160]). Дон Румата делает её домоправительницей в своём доме, но эта должность (дающая определённую власть) нисколько не меняет её. Дон Румата жалеет её, пытается спасти. Гибель Киры оказывается событием, меняющим главного героя, он постоянно называет себя «терпеливым богом» для арканарцев, но теперь он превращается в «бога» карающего,

неостановимого. Символически завершается роман попыткой диалога Антона именно с женским персонажем, Анкой: «Она пошла ему навстречу. / – Анка, – сказал он ласково. / – Анка, дружище... / Он протянул к ней огромные руки. Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него... Но это была не кровь – просто сок земляники» [13, с. 262]. Герой-защитник, непобедимый рыцарь здесь вызывает страх, причём из-за того, что когда-то он попытался действительно защитить слабого, а затем отомстить за неё. Как отмечает Т.Н. Бреева: «Соответственно гибель Киры так же, как и появление идеологии фашизма, ставит под сомнение демиургический статус утопического сознания, отражённый в названии произведения, сблизая Румату как носителя и вольного/невольного транслятора утопического сознания с образом, появляющимся в прологе – “скелет фашиста, прикованный цепями к пулемёту”» [4, с. 231-232]. В романе «Трудно быть богом» женский персонаж становится только объектом: Кира не столько действует, сколько провоцирует действие героя-мужчины, меняющего ход развития сюжета.

Женский персонаж вмешивается в развитие сюжета в повести «Малыш» (1971). Майя Глумова прерывает эксперимент – Контакт, о котором мечтает Комов. На первый взгляд, Глумова – слабое звено в команде, выполняющей важную задачу (не связанную с Контактком): они должны (вместе с остальными отрядами) подготовить кажущуюся пустынной планету для заселения её другой цивилизацией, планета которой стала непригодной для обитания – задача сама по себе благородная, фантастическая, достойная будущего коммунистического общества. Члены этой команды сталкиваются с чем-то необычным, вызывающим недоумение, а у главного героя – страх, и только затем любопытство. Рассказчик (и главный герой) Станислав Попов обнаруживает эту странность планеты, слыша детский плач. Только впоследствии выяснится, что на этой планете потерпел катастрофу земной звездолёт. Что характерно (Стругацкие время от времени это подчёркивают), освоение космоса идёт в мире Полудня не только как некая государственная или цивилизационная экспансия (следует отметить, что это освоение – не за-

хват инопланетных цивилизаций, но в лучшем случае попытка «поднять их до своего уровня» при помощи деятельности прогрессоров), но и как расселение семей. В «Малыше» на планете оказывается земная семья, из которой выживает (при таинственной помощи самой планеты) только ребёнок. В романе «Жук в муравейнике» (1979–1980), в котором также появляется Майя Тойвовна Глумова, для главного героя Льва Абалкина разрабатывается специальная легенда о его родителях (которые, как известно, отсутствуют), якобы совершивших совместное погружение в чёрную дыру (с исследовательскими целями). Можно утверждать, что образ Глумовой играет важную роль в системе персонажей обоих произведений. В повести «Малыш» она прекращает эксперимент, руководствуясь непонятными для остальных членов команды соображениями. Доверие Малыша обманывают, подглядывая за тем, что он делает, как он общается с незнакомой и странной планетой: «Майка была бледна, но спокойна. Она тоже поднялась и теперь стояла перед Комовым лицо к лицу. Она молчала» [14, с. 413]. И далее в разговоре с Поповым она обозначает яснее мотив своего поступка: «– Прежде всего я хотел бы узнать, случайно или нарочно? / – Нарочно. Что дальше? / – Дальше я хотел бы узнать, для чего ты это сделала? / – Я сделала это для того, чтобы раз и навсегда прекратить безобразие. Дальше? / – Какое безобразие? О чём ты говоришь? / – Потому что это было отвратительно! – сказала Майка с силой. – Потому что это было бесчеловечно. Потому что я не могла сидеть сложа руки и наблюдать, как гнусная комедия превращается в трагедию. – Она отшвырнула книжку. – И нечего сверкать на меня глазами! И нечего за меня заступаться! Ах, как он великодушен! Любимец доктора Мбоги! Всё равно я уйду. Уйду в школу и буду учить ребят, чтобы они вовремя хватили за руку всех этих фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают!» [14, с. 413-414]. Герои начинают догадываться, что Малыш был спасён планетой и каким-то образом приспособился к жизни на ней. В тот момент, когда планета обнаружит (такой образ «биологически активной» планеты, вмещающейся в жизнь своих обитателей, появится впоследствии у

Стругацких в романе «Жук в муравейнике» (история планеты Надежда), в каком-то смысле можно говорить о дальнейшем развитии этого мотива в повести «За миллиард лет до конца света», где в роли такой планеты выступает «гомеостатическое мироздание»), что Малыш в большей степени человек, она может избавиться от него или прекратит поддерживать его биологическую активность. Об ответственности человека за судьбу Малыша говорит Горбовский в финальном диалоге с Комовым: «Странники считали эту планету запрещённой, иного объяснения я придумать не могу. Вопрос: почему? В свете того, что мы знаем, ответ может быть только один: они на своём опыте поняли, что местная цивилизация некоммуникабельна, более того – она замкнута, более того – контакт грозит серьёзными потрясениями для этой цивилизации. ... При прочих равных условиях мы, невзирая даже на мнение Странников, могли бы позволить себе очень осторожные, очень постепенные попытки развернуть этих свернувшихся аборигенов. В худшем случае наш опыт обогатился бы ещё одним отрицательным результатом. Мы бы поставили здесь какой-нибудь предупреждающий знак и убрались бы во свояси. Это было бы делом только наших двух цивилизаций... Но дело в том, что между нашими двумя цивилизациями, как между молотом и наковальней, оказалась сейчас третья, и за эту третью, Геннадий, за единственного её представителя, Малыша, мы вот уже несколько суток несём всю полноту ответственности» [14, с. 421]. С тем, о чём рассудительно, аналитически говорит Горбовский, поневоле соглашается Комов. Персонажи-мужчины рассуждают, анализируют, рискуют, наконец, вступают в опасный контакт с непознанной, иной, цивилизацией. Даже молодой рассказчик – кибертехник, больше работающий с механизмами, впоследствии ставший единственным собеседником Малыша на орбите планеты, формулирует итог свершившегося чуть ли не с формульной точностью, ссылаясь при этом на логику: «Ведь нельзя же ставить вопрос: будущее Малыша или вертикальный прогресс человечества. Тут какая-то логическая каверза, вроде апорий Зенона... Или не каверза? Или на самом деле вопрос так и сле-

дует ставить? Человечество все-таки...» [14, с. 424]. Только Майя Глумова совершает поступок, руководствуясь скорее эмоциональными и, одновременно, моральными побуждениями. Она жалеет Малыша, страшится за его судьбу. Похожая роль оказывается у неё и в романе «Жук в муравейнике». Только она жалеет Льва Абалкина, причём не имея всей информации об особенностях его «рождения» и судьбы.

По всей вероятности, женские персонажи в сюжетах произведений Стругацких играют положительную роль. Постепенно появляясь в исключительно мужских системах персонажей, они приносят (в более поздних произведениях – всё больше) в художественный мир будущего традиционно приписываемые женщинам характерные черты (гуманность, терпение, поддержку, способность жить ради любви). При этом (что традиционно для советской литературы) работают они наравне с мужчинами (подобно Майе Глумовой в «Малыше»). Однако в творчестве Стругацких есть произведения, нарушающие эту картину. В «Улитке на склоне» (1965) мужские персонажи играют роль, характерную для художественного мира Стругацких: они пытаются исследовать непонятное. Для Переца непонятным оказывается мир бюрократического заорганизованного Управления по делам Леса, который он пытается понять, ища «свою» телефонную трубку, стремясь обнаружить «первую» Директиву или встретиться с Директором. При этом он пытается вырваться из этого Управления, сменить его пространством, которое, по его мнению, достойно исследования, – пространством Леса. Для Кандида таким таинственным пространством оказывается Лес, который он пытается понять, добравшись до «центра», из которого исходят мертвяки, до Хозяина, который должен управлять ими. При этом дополнительной задачей для Кандида оказывается выход за пределы Леса, так же как для Переца – возможность попасть в него. Характерна ситуация невстречи этих персонажей, очень похожих по своей сюжетной задаче (при этом несопадающих характерами). Каждый из них формально добивается своего, обнаруживая при этом, что своей исследовательской цели они не достигли: Перец не просто встречается с Директором, но ему объявля-

ют, что сам он становится директором; Кандид находит источник мертвяков, загадочный центр управления жизнью в Лесу, но не обретает понимания этой жизни и не может вступить с ней в Контакт. Исследовательское устремление обнаружить и объяснить неизвестное, вырваться за пределы человеческого понимания (фактически – преодолеть эволюционное несовершенство человека, стать не человеком, а кем-то другим; позже этот мотив будет развит в романе «Волны гасят ветер» (1985–1986), в котором именно мужской персонаж обретает это новое эволюционное качество и становится людедом) сталкивается с противоположенным стремлением зафиксировать существующее положение дел, «законсервировать» цивилизацию, при этом распространив её на возможно большее пространство (например, – всю планету, как в повести «Малыш»). Традиционно связанная с мужскими образами техника, при помощи которой и пытаются исследовать Лес, поглощается им (знаменательна в этом случае сцена поглощения мотоцикла, вырвавшегося у шофёра Тузика, постоянно подчёркиваемое бессилие техники перед силой Леса), в самом Лесу постоянно происходит Одержание, по видимому, связанное с таким распространением. В то же время и в Управлении по делам Леса директор (постоянно меняющий маски) как будто отсутствует, но власть над событиями (и судьбой главного героя – Переца) обретают женские персонажи (например, Алевтина, традиционно, подобно Майе Глумовой, жалеющая героя и помогающая ему в разнонаправленных стремлениях – вырваться из Управления, попасть в Лес, добраться до Директора, наконец, стать им). Это отмечала уже в 1980-е гг. западная литературная критика: “We cannot empathize with human beings because the authors never show us the motives behind their behavior. In fact, these two characters approach female stereotypes: Rita brings to mind the withholding Bitch Goddess and Alevtina suggests the engulfing mother who wishes to reduce all men to dependent babies”¹ [9, p. 101]. Д. Грин тем не менее

¹ Мы не можем сопереживать людям, потому что авторы никогда не показывают нам мотивы их поведения. Фактически, два этих характера приближаются к стереотипам женщин. Рита напоминает ограничивающую Богиню, а Алевтина – сострадающую Мать,

сближает две эти темы (условно говоря: феминистскую и политическую) при рассмотрении творчества Стругацких: “In *The Snail on the Slope* the Strugatskys show us an unequal struggle between men and more powerful women in order to symbolize the individual’s struggle against the totalitarian state”² [9, p. 107]. Но политический аспект можно вынести за скобки. В художественном мире Стругацких герой-мужчина часто сталкивается с миром, завершённым и самодостаточным, не предполагающим развития, эволюции. Собственно движение и развитие здесь – кажущееся, оно связано с деятельностью главного героя, стремящегося обнаружить центр управления, средоточие зла (это характерно не только для «Улитки на склоне», но и, например, для романа «Обитаемый остров»), найти информацию (по законам исследовательского научно-фантастического жанра вся информация не должна быть изначально дана читателю). Пугающим героя образом завершённости мира, с которым он сталкивается, который он исследует, соотносится с женским началом: планета, спасающая Малыша, действует подобно матери, спасающей своего ребёнка, но жизнь её таинственна, и проникнуть в эти тайны нельзя (их невольно оберегает Майя Глумова); в «Улитке на склоне» Кандид сталкивается со странными женскими персонажами, по-видимому, и управляющими жизнью Леса, в итоге не понимая ничего, кроме того, что они обладают необъяснимой властью и силой; даже планета, на которой произошло таинственное и ужасающее Льва Абалкина событие («Жук в муравейнике») – исчезновение (как догадывается герой – уничтожение) многомиллиардного населения, получает женское имя – Надежда; только в «Граде обречённом» такой женский образ отходит на второй план (Сельма Нагель не препятствует «уходу» героя Андрея Воронина, но при этом герой, подобно Кандиду, не может выйти за пределы завершённого самодостаточного мира). Наиболее важным и

устрашающим героев «открытием» становится не только невозможность узнать всё о мире, или выйти за его пределы (чтобы взглянуть на него со стороны и тем самым «завершить» своё знание о нём), но понимание, что сами они, являясь при этом частью этого мира, могут совершенно бесследно из него исчезнуть – сам мир не предполагает их постоянного существования. Это также отмечалось в отечественной литературной критике: «Славные подруги авторам отвратительны, ибо представляют угрозу. Управление тоже отвратительно, но над ним можно посмеяться, потому что ты сам – в Управлении, внутри него. Среди “славных подруг” оказаться нельзя, ты им не нужен. Не нужен. А это – страшнее всего. Поэтому надо брать скальпель в руки» [15, с. 55].

Ответом на это становится создание (и последующая защита) своего микромира в контексте того пространства, в котором герои оказываются. Ярче всего это явлено в «Пикнике на обочине» (1972), главный герой которого сталкер Шухарт в конечном итоге отправляется в Зону для того, чтобы спасти свой микромир, семью, – «вернуть» себе Мартышку, постепенно «уходящую» от них. Подобно ему герой повести «За миллиард лет до конца света» отказывается от выполнения исследовательской задачи, чтобы спасти домочадцев от воздействия «гомеостатического мироздания».

Таким образом, система персонажей в творчестве Стругацких претерпевает определённую эволюцию, постепенно в неё включаются и герои-женщины, привнося традиционные для женских образов характерные черты. Но затем они становятся пугающими символами завершённости и самодостаточности мира, который при этом оказывается враждебным героям-мужчинам, не предполагающим их постоянного существования в этом мире. И поэтому основой деятельности мужских персонажей уже становится не исследование окружающего мира, а создание своего мира внутри него и защита от внешнего воздействия, в том числе с этой целью герои пытаются найти общий язык с миром внешним или выходят за его пределы, чтобы понять его окончательно.

которая хочет превратить всех мужчин в беспомощных детей (перевод автора статьи).

² В «Улитке на склоне» Стругацкие показывают нам неравную борьбу между мужчинами и более влиятельными женщинами, чтобы символически представить борьбу человека против тоталитарного государства (перевод автора статьи).

Список литературы

1. Уэллс Г. Предисловие к сборнику «Семь знаменитых романов» // Уэллс Г. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Изд-во «Правда», 1964. Т. 14. С. 349-354.
2. Каспэ И. Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких? // Новое литературное обозрение. 2007. № 6 (88). С. 202-231.
3. Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 6 (88). С. 169-201.
4. Бреева Т.Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир Полудня» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 226-235.
5. Володихин Д.М., Прашкевич Г.М. Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2017.
6. Ант Скаландис. Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008.
7. Неронова И.В. Художественный мир и его конструирование в творчестве А.Н. и Б.Н. Стругацких 1980-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015.
8. Снигирёв А.В. Рассказ братьев Стругацких «Человек из Пасифиды»: текст и контекст // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб., 2017. С. 109-119.
9. Greene D. Male and female in “The Snail on the Slope” by the Strugatsky brothers // *Modern Fiction Studies*. Vol. 32. № 1. Special issue: science and fantasy fiction (Spring 1986). P. 97-108.
10. Howell Y. Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky // *Russian and East European studies in aesthetics and the philosophy of culture*. New York; Bern; Berlin; Frankfurt a/M.; Paris; Wien: Lang, 1994.
11. Зеркалов А. «Тщета людских усилий...» // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т. 5. Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. ОТЕЛЬ «У погибшего альпиниста»: Повести. М.: Текст, 1992. С. 185-187.
12. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т. 1. Извне. Путь на Амальтею. Стажёры: Рассказы. М.: Текст, 1991.
13. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т. 3. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века: Повести. М.: Текст, 1992.
14. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т. 6. Обитаемый остров. Малыш: Повести. М.: Текст, 1993.
15. Резанова Н. Не нужны, не нужны, успокойся // Двести (СПб.). 1995. Апр. № 7. С. 54-57.

References

1. Uells G. Predisloviye k sborniku «Sem’ znamenitykh romanov» [Preface to “Seven Famous Novels”]. In: *Uells G. Sobraniye sochineniy: v 15 t.* [The Works of H.G. Wells]. Moscow, Pravda Publ., 1964, vol. 14, pp. 349-354. (In Russian).
2. Kaspé I. Smysl (chastnoy) zhizni, ili Pochemu my chitayem Strugatskikh? [The meaning of (private) life, or Why do we read the Strugatskys?]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*, 2007, no. 6 (88), pp. 202-231. (In Russian).
3. Kukulin I. Al’ternativnoye sotsial’noye proyektirovaniye v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoy Rossii ne prizhilis’ levyye politicheskiye praktiki [Alternative social design in the Soviet society of the 1960s and 1970s, or Why left-wing political practices have not taken root in modern Russia]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*, 2007, no. 6 (88), pp. 169-201. (In Russian).
4. Breyeva T.N. Dekonstruksiya utopicheskogo diskursa v tsikle proizvedeniy brat’ yev Strugatskikh «Mir Poludnya» [The deconstruction of utopian discourse in the brothers strugatsky cycle “The World of Noon”]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2015, no. 1 (136), pp. 226-235. (In Russian).
5. Volodikhin D.M., Prashkevich G.M. *Brat’ ya Strugatskiye* [Strugatsky Brothers]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2017.
6. Ant Skalandis. *Brat’ ya Strugatskiye* [Strugatsky Brothers]. Moscow, AST Publ., 2008. (In Russian).

7. Neronova I.V. *Khudozhestvennyy mir i ego konstruirovaniye v tvorchestve A.N. i B.N. Strugatskikh 1980-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The artistic world and its construction in the works of A.N. and B.N. Strugatsky 1980s. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2015. (In Russian).
8. Snigirev A.V. *Rasskaz brat'yev Strugatskikh «Chelovek iz Pasifidy»: tekst i kontekst* [Strugatsky Brothers' story "The Man from Pasifidy": text and context]. *Pushkinskiye chteniya-2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2017. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. St. Petersburg., 2017, pp. 109-119. (In Russian).
9. Greene D. Male and female in "The Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers. *Modern Fiction Studies*, vol. 32, no. 1, Special issue: science and fantasy fiction (Spring 1986), pp. 97-108.
10. Howell Y. *Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky. Russian and East European studies in aesthetics and the philosophy of culture*. New York; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; Paris; Wien, Lang, 1994.
11. Zerkalov A. «Tshcheta lyudskikh usilii...» ["The futility of human efforts..."]. In: Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Sobraniye sochineniy. T. 5. Ulitka na sklone. Vtoroye nashestviye marsian. Otel' «U pogibshogo al'pinista»: Povesti* [Collected Works. Vol. 5. Snail on the Slope. The Second Invasion from Mars. Dead Mountaineer's Hotel: Stories]. Moscow, Text Publ., 1992, pp. 185-187. (In Russian).
12. Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Sobraniye sochineniy. T. 1. Izvne. Put' na Amal'teyu. Stazheery: Rasskazy* [Collected Works. Vol. 1. From Beyond. The Way to Amalthea. Space Apprentice: Stories]. Moscow, Text Publ., 1991. (In Russian).
13. Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Sobraniye sochineniy. T. 3. Popytka k begstvu. Trudno byt' bogom. Khishchnyye veshchi veka: Povesti* [Collected Works. Vol. 3. Escape Attempt. Hard to Be a God. The Final Circle of Paradise: Stories]. Moscow, Text Publ., 1992. (In Russian).
14. Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Sobraniye sochineniy. T. 6. Obitayemyy ostrov. Malysh: Povesti* [Collected Works. Vol. 6. Inhabited island. The Kid: Stories]. Moscow, Text Publ., 1993. (In Russian).
15. Rezanova N. *Ne nuzhny, ne nuzhny, uspokoysya* [Don't need, don't need, calm down]. *Dvesti (SPb.)* [Two Hundred (St. Petersburg)], 1995, April, no. G, pp. 54-57. (In Russian).

Информация об авторе

Козлов Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического департамента Уральского гуманитарного института. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: ilya.kozlov.1981@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ художественного текста, обобщение опыта исследователей научной фантастики и творчества А. и Б. Стругацких, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>

Поступила в редакцию 15.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Ilya V. Kozlov, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department of Philological Faculty of the Ural Humanitarian Institute. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: ilya.kozlov.1981@gmail.com

Contribution: main study conception, literary texts analysis, synthesis of researchers experience of science fiction and creativity A. and B. Strugatsky, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>

Received 15 May 2020

Reviewed 24 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

Время детства и художественное пространство в поэзии Геннадия Айги

Татьяна Витальевна КУДРЯКОВА

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»
432027, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>, e-mail: tatiusw@mail.ru

Childhood time and literary space in the Gennadiy Aygi's poetry

Tatiana V. KUDRYAKOVA

Ulyanovsk State Technical University
32 Severny Venets St., Ulyanovsk 432027, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>, e-mail: tatiusw@mail.ru

Аннотация. Освещены некоторые особенности презентации образов пространства в поэзии Геннадия Айги, которые нередко оказываются связанными со временем и образами детства. Проанализированы природные топосы леса, поля и т. п., в том числе место отдельного растения, детское тело как место, а также места смерти. Сделан вывод, что образы детства способны задавать позитивный вектор истолкования природного пространства либо создавать смысловой контраст в контексте антропогенных смертных пространств. Растительные топосы, наделяемые чертами детскости, и топосы детского тела рассматриваются с позиции общекультурного архетипа «божественного ребёнка». При этом, по нашему мнению, растительные образы могут быть соотнесены с национально-мифологическими образами родной культуры поэта, а гиперболизация тела ребёнка, представленного в качестве безграничного, всеобъемлющего пространства, есть индивидуально-поэтическая реализация образа гротескного тела.

Ключевые слова: время и образы детства; природное пространство (место растения); телесное как место; смертные пространства (места смерти); Г. Айги; русская поэзия XX века

Для цитирования: Кудрякова Т.В. Время детства и художественное пространство в поэзии Геннадия Айги // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 566-572. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-566-572

Abstract. Certain features of spatial images representation in the Gennadiy Aygi's poetry which are often related to the time and images of childhood are highlighted. The natural topoi of the forest, field, etc., including the place of an individual plant, the child's body as a place and the mortal places are analyzed. It is concluded that childhood images are able to set a positive interpretation vector of the natural space or create a semantic contrast in the context of anthropogenic mortal spaces. The plant topoi endowed with the traits of childishness and the child's body topoi are considered from the position of the general cultural "divine child" archetype. At the same time, according to our opinion, plant images can be correlated with national and mythological images of the poet's native culture, and hyperbolization of the child's body, which is presented as a limitless, comprehensive space, is an individually poetic realization of the grotesque body's image.

Keywords: time and images of childhood; natural space (place of a plant); body as a place; mortal spaces (death places); Gennadiy Aygi; Russian poetry of the 20th century

For citation: Kudryakova T.V. Vremya detstva i khudozhestvennoye prostranstvo v poezii Gennadiya Aygi [Childhood time and literary space in the Gennadiy Aygi's poetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 566-572. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-566-572 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Детство является одной из важнейших временных координат лирического события в поэзии Геннадия Айги. Значительная часть его стихотворений включает общие, отвлечённые образы детства (были проанализированы следующие издания: «Отмеченная зима», 1982; «Здесь», 1991; «Теперь всегда снега», 1992; «Собрание сочинений» в 7 томах, 2009; стихотворения цитируются без отсылки к тому или иному изданию). Следует обозначить и стихи, где образ ребёнка – конкретной личности – становится центральным. Это стихотворения, посвящённые детству дочери поэта – Вероники (книга «Тетрадь Вероники», 1984), сыновей («Утро – при детстве другого (Сыну Андрею)», 1966; «И: роза-дитя (Сыну Алёше)», 1974 и др.), а также посвящения детям вообще: девочке Асе («Часто подходит к нам пятилетняя Ася», 1983); французской девочке Сильвии Де Пилла («Мир Сильвии», 1991) и др. Нередко в стихотворениях угадываются биографические подробности детства самого поэта: «с сыном – таким же как мой – где-то рядом – / моложе меня – здесь играл мой отец: / Карелия: год 41-й» («К розам моим у порога (сон с поэтом – П)», 1977) и др. Важно отметить, что время и образы детства у Айги соотносятся с пространственными образами особого типа: помимо связи с общеизвестными топосами поля, Родины, прослеживается их согласованность с условными топосами растения (деревя, цветка и т. п.) и тела, кроме того, поэт проявляет образы детства в местах смерти. Рассмотрим подробнее некоторые особенности реализации данного соотношения.

Несложно заметить, что природное пространство леса, поля, луга, долины и т. п. в ракурсе образов детства у Айги есть выражение чистого, светлого, мирного пространства: «о это / очищения / о поле: / спокойного и ровного! – / и воздух – детскостью-Односияет» («Другая дорога в поле», 1985). Вообще, согласно исследователю творчества Айги Г.А. Ермаковой, образ поля (позволим обобщить – природного пространства) является эстетической доминантой его произведений и сам по себе выступает в качестве «знака чистоты» [1, с. 16], поэтому, на наш взгляд, соединяясь с образами детства, природные топосы приобретают дополнительный позитивный смысл, усиливая уже суще-

ствующее значение. Так, например, белизна флоксов (одних из наиболее часто встречающихся цветочных образов в стихотворениях Айги), которые представляют собой пространство сада, – «как младенца в доме целомудрие» («Флоксы: безветрие», 1977), а тишина малинника качественно уподобляется божественной тишине детской комнаты: «малинник: / как в *детской* / молчание Бога» («Дорога из лесу: вечер», 1984).

Позитивное определение природного пространства можно объяснить биографически. Айги писал: «...я родился и вырос в чувашской деревне, окружённой бескрайними лесами, окна нашей избышки выходили прямо в поле, – из поля и леса состоял для меня – “весь мой мир”» [2, с. 155]. Вероятно, поэтому ребёнок в его стихотворениях органично вписывается в природные пространства, сливаясь с самой природой: «Девочка-бабочка. / Храм. / Девочка-бабочка. / Луг» («Мелькает Любочка», 1981). Так поэтически утверждается априорная связь человека и природы, что вполне отражает понятие, характерное для традиционного фольклорно-мифологического мышления чувашей, – *çураçтару*, которое обозначает всеобщую согласованность, гармонию [3, с. 32]. Здесь же отметим, что наиболее часто среди стихотворений Айги, включающих образы детства, встречается образ девочки: «уходит / как светлая нитка дыханием в поле» («Девочка в детстве», 1963) и др. (см. предыдущие примеры). Объяснение благоговения перед женскостью выражается в уже упомянутой книге «Тетрадь Вероники», в предисловии к которой поэт пишет: «Я всегда хотел иметь дочь. “Она, будущая”, мерещилась мне даже в юном возрасте. <...> ...С детства отталкивало меня *мужланство* (скажем, хемингуэйистского типа) и тянула к себе неопределимо-“священная” *женственность*... – может быть, это и было моим первым восприятием некой “природной поэзии”» [4, с. 12-13]. Образ девочки как образ «природной поэзии» также способен влиять на позитивное истолкование природного пространства, словно провозглашая его священную чистоту и гармонию.

Мир природы, конкретный природный топос (лес, поле, луг, сад и т. п.) у Айги порой сводится к единственному дереву или

цветку, и отдельное растение становится допустимым как место благодаря поэтическому фокусу. Поэт пишет: «Обращаясь к дереву, я не стремлюсь запечатлеть его в классически “очищенном” рисунке: по возможности я хочу “сказать все” о нём самом, включая в его “зону” и свои чувства, вызванные им» [2, с. 16]. В «зону растения» Айги нередко включаются элементы детскости, растение уподобляется ребёнку: «сквозь Бога Сосен / тень-излученье: / берёза-дитя» («Сосны-с-берёзой», 1976) и др. Основанием для подобного сравнения, на наш взгляд, является семантика первозданной чистоты, непорочности мира ребёнка и мира природы: «боярышник – при пении молчаливый: / как метроном божественный нетронутый / лесного целомудренного Детства!» («Места в лесу: вариация (П. С. (в Казанскую психиатрическую лечебницу специального типа вместо письма)»», 1974) и др. (О соотношении семантики непорочности детства с чистотой, невинностью того или иного явления, чувства – например, любви – см. у Э.Л. Михайлова и Ю.В. Кисариной [5, с. 203].)

«В метафоре «целомудренное детство» следует разглядеть ключ к постижению поэтического мировидения Айги, попытку выразить не столько художественное, сколько религиозно-мифологическое понимание природы». Природный топос растения, наделяемый элементами детскости, часто проявляется у Айги как торжество божественного творения, излучает божественное: «метрономом божественным / фосфоресцирующая / Дикая Яблоня / имени Детства» («Эклибрис – тебе – в стихах», 1983) и др. (см. предыдущие примеры). Этот факт даёт основание для рассмотрения растения, которое поэтически уподобляется ребёнку и присваивает черты божественности (например, розы у поэта – «христодети» («Куст розы в Татеве», 1968) и др.), как индивидуально-поэтического развития архетипа «божественного ребёнка» [6, с. 354]. Дерево, куст, цветок и т. п. – божественное дитя природы, являющейся, согласно библейскому мифу о происхождении сущего, также творением Бога. Оно «...персонифицирует жизненную мощь <...> и целостность», включающую в себя «глубины природы» [6, с. 370], несмотря на заложенную в понятии «детскости» семантику уязвимости.

Легко проследить на примере растительных образов-топосов реализацию принципа «меньше малого» и «больше большого», определяющего образ божественного ребёнка в мировой культуре [6, с. 370]: растение-дитя физически и семантически «меньше малого», но, согласно своему статусу божественности, – «больше большого». Таким образом, природное место растения преодолевает свои реальные, физические границы и становится топосом сакральным. Любопытно, что принцип смыслового парадокса, основанного на несовпадении физического и потенциального, реализуемый у Айги при создании растительного образа, обнаруживает перекличку с метафорой А.И. Введенского «цветок он сволочь, он дубрава» («Серая тетрадь», 1932–1933), которая выражает мощь единичного растения, в своей красоте равного по силе и значимости целой дубраве, даже самому человеку: «Он человека стал мудрее, / он просит имя дать ему. / Цветок мы стали звать андреем, / Он нам ровесник по уму» [7, с. 170–171].

Добавим, что природное место растения, имеющее черты детскости, у Айги может быть как одиночным предметом поэтического фокуса: «о Дерево – ты Божий сон приемлемый глазами / <...> / отечески шумишь – дитя в Господней памяти» («Оттиск: тополь», 1969) и др., так и предметом фокуса в ряду однородных объектов – таких же растений. Во втором случае оказывается возможной реконструкция целого топоса с явно обозначенными границами, которая осуществляется исходя из контекста стихотворения, а также с опорой на заглавия. Так, например, образы ив позволяют мысленно воссоздать пространство ивняка: «вздоргнуть и листья узнать словно шёпот / <...> / о мягком тумане-призрень – слезами в миру / серебрящегося / детства бесстрастного! – ивы такие: уснуть!» («Ивы», 1969), а образы цветов – пространство цветочного сада: «в волнах – вечернего / движенья светового – / спокойно – детство их» («Вновь – соседство роз», 1983) и др. В этом заключается одна из особенностей физического представления пространства в поэзии Геннадия Айги – способность к расширению, причём если конкретное растение – это «ребёнок», «дитя», то для характеристики места группы растений может использоваться отвлечённое понятие «детство».

По мнению А.В. Никитиной, растительные образы Айги соотносятся с мифологическими образами культуры чувашского народа (родной культурой поэта) [8, с. 109]. Мотив детскости растения, его антропоморфизация (детство является периодом человеческого становления), определение как особого места закономерно возникает из мифологических родовых представлений поэта об одухотворенности растительного мира: «дерево мыслилось как организм, имеющий душу» [8, с. 109]. Между тем каждая из разновидностей растений (цветов: розы, флоксы и др.; деревьев: ива, сосна, боярышник, берёза, яблоня и др.), рассматриваемая как специфический топос, помимо того, что обладает индивидуально-поэтическим значением в том или ином контексте, вероятно, имеет связь с общекультурными и национально-мифологическими значениями растений (детальное рассмотрение данного вопроса не входит в задачи представленной работы и требует отдельного, более тщательного исследования). Образы деревьев у Айги могут также получить интерпретацию в качестве архетипа «мирового древа», соединяющего земное, профанный мир (низ) и сакральное, божественное (верх), являющего не только значение локального, но и вертикальную протяжённость, расширяющее пространство до Вселенной, что позволяет сделать предположение об универсализации природного пространства (об архетипе мирового древа у Айги см. [1, с. 10, 33]).

Тело становится возможным как место тоже благодаря поэтическому фокусу (о выделении телесного пространства см. статью Е. Андреяновой [9]). Сам Айги говорил о том, что его объект – «места в лесу, места-поля, даже – места-люди, место – я сам» [2, с. 18], обозначая пространство как таковое, конкретизируя его природными топосами, и тело как часть этого пространства. Телесное у поэта имеет семантику места, включающего в себя. Рассмотрим здесь точкой фокуса не тело вообще, а детское тело.

Наиболее полно телесное ребёнка (снова заметим – девочки) как пространство представлено в вышеупомянутой книге «Тетрадь Вероники», в которой поэт осмысляет первые месяцы жизни своей дочери: «это звучание [колыбельной; примеч. наше. – Т. К.] –

из сердцевины / будто всем-миром-родного! / и кружится кругом – из доньев / мало-огромного *ты*» («Колыбельная? Эта – твоя», 1983). Малое пространство детского тела выступает в качестве вместилища, безграничного топоса: «а в худенькой Асе / не умещается / доброта! и лицо – без границ: / будто шумяще-сверкающая улица» («Часто подходит к нам пятилетняя Ася», 1983) и др. Поэтическая гиперболизация является выражением признания лирическим «Я» безусловной значимости человеческого существа на самом раннем этапе его жизни – в детстве. Поэт не только актуализирует тело ребёнка в пространстве, но и утверждает его как всеобъемлющее пространство, как место возрастающей силы («мир Возрастает / в нём» («Первая неделя дочери», 1983)), продолжая тем самым традицию гротескного тела: тело причудливо и фантастично, гиперболично, «космично и универсально», «может заполнить собою весь мир» [10, с. 315], однако создаёт не комически сниженный образ, а поэтически возвышенный. В свободе выражения поэтической интенции и создания художественного образа Айги, безусловно, наследует традиции авангарда, с позиции которого не раз рассматривалось его творчество.

Гиперболизацию топоса детского тела необходимо рассматривать с точки зрения архетипа божественного ребёнка, как и образ растения: оно, как индивидуальное явление, физически «меньше малого», но, как эквивалент мира, «больше большого», оно есть «сильнейший и неизбежный порыв сущности», обладающий «...непреодолимой силой, даже если её действие поначалу неприметно и неправдоподобно» [6, с. 370-371]: так, например, подлежит истолкованию эпитет-оксюморон «мало-огромное *ты*». Как замечает Т. Грауз, анализируя стихотворение «Играя “в пальчики”» из той же книги «Тетрадь Вероники», «Детство – как сжатие бездонной музыки в крошечном существе (человеке), в его улыбке, ноготках, лепестках его таинственной – приоткрывающей вдруг внезапно – с мукой – приоткрывающей тайны жизни» [11], также акцентируя внимание на телесном ребёнке как содержащем в себе. Телесное как малый топос, становящийся всевещающим, глобальным пространством,

вытесняет поэтический фокус панорамой видения, его расширением, универсализацией.

Образы детства включаются в стихотворения Айги опосредованно через лексемы «детство», «ребёнок» и т. п., они имеют, как правило, отвлечённый характер (о чём уже упоминалось), связываются с природными топосами (лес, поле и др.) и могут быть обусловлены формой лирического воспоминания: «леса до которых / я никогда не добрался – / детское что-то я помню» («Леса – вспять», 1985); «собака бегущая сквозь рожь» («Внезапное воспоминание», 2001) и др. Айги писал: «Есть у меня и своя “личная” причина мысленно-и-стихотворно возвращаться к детству. Даже человеческий мир, увиденный *тогда*, связанный с теми далекими восприятиями, был благороднее того, с которым пришлось мне столкнуться потом. <...> ... Я жил в мире, где *воображение людское* казалось направленным по подлинному своему назначению, – было творящим, “как у бога”, а не алчно-разрушительным» [2, с. 161]. Замечания самого автора оказываются важными с точки зрения понимания его поэтической идеи, поскольку отсылки ко времени детства зачастую обнаруживают связь между «тогда» («время детства») и «сейчас», «там» («места детства») и «здесь» (об оппозиции «там» и «здесь» у Айги см.: [12, с. 257-258]).

Одним из проявлений связи «тогда» и «сейчас», «там» и «здесь» является открытая оппозиция мира детства (чистоты) и мира взрослого (рукотворного зла). Время XX века («сейчас») у Айги имеет статус смертельного времени: это «век бойни людей» («Родное», 1958); «время Костодробителей» («Поэт (К 60-летию Яна Сатуновского)», 21 февраля 1973); «Быдло-История, не-текущее время – застывшее поло-бесцветно / пустым монументом победы Не-жизни» («Ветка вербы в окне (Памяти Константина Богатырёва)», 1976) и др. – всё это составляет мир взрослого, мир насилия и смерти. Мир детства – прошлого («тогда») – выступает противопоставлением миру взрослого: «была как лужайка страна / мир – как лужайка / там были берёзы-цветы / и сердце-дитя» («О да: родина», 1975); «верба / цветёт – / лепечет / младенец! / <...> / в той – незапятнанной – Родине» («Дом за городом», 1977) и др. Мир взросло-

го представлен местами смерти (мortalными пространствами), местами насилия: *блатными* (или блатными местами) камеры, подвала и т. п., шире – страны: «страна Изготовительница трупов» («Прощальное», 1978) и даже мира: «*Освенцим-мир*» («Стланик на камне», 1982). Мир ребёнка обозначается природными (в том числе конкретно растительными) топосами: лужайка, берёзы-цветы, цветущая верба и др. Это пространство жизни и красоты.

Как уже было сказано, время детства и связанные с ним образы способны позитивно определять пространство. При этом образы детства у Айги не только создают открытую оппозицию смертельным образам, но и порой сопутствуют им. Например, человек, подвергнутый насилию в местах смерти, в своей уязвимости может уподобляться ребёнку, младенцу как высшей степени незащитности. Так, в стихотворении «И: едино-овраг» (1984) памяти Кшиштофа Камиля Бачиньского, погибшего в 1944 году в ходе Варшавского восстания, польский поэт назван «младенцем-Бачиньским», «ребёнком»: «чуя (и душу как кровь из младенца знаменами / рвья-и-крича в разверзанье) / чуя-едя бесконечным собако-дыханием / кратер оврага / <...> / ветр будто лепет младенца-Бачиньского / (вот вам цветочек-такой-иероглиф- / могучего-сверхсо-вершенства-дрожанье – / теперь-то дошло как раненье ребёнка / бесстыдное тонкостью)». Поэтическое переживание насилия над человеком выражается посредством образа зверски растерзанного детского тела.

Айги очерчивает смертельное пространство, изжившее из себя понятие *homo humanus*, и детское, вторгаясь в это пространство, отвоевывая себе место, служит о нём напоминанием: «и знай и знай: / там детскость есть – / включенная / на срок недолгий! / <...> / бла-яд: / ведь им / расцветена давно: / потусторонность в этом доме: / что миром детства называлась! / за кокурою детской трепетности: / он есть он тёмный: / остр и чужд» («Снова к празднеству», 1969). В книге стихов «Тетрадь Вероники» (1984) Айги пишет: «Там, где люди не уважают людей, они вполне любят детей <...>. *Уважение* же к *детям*, сознательное уважение к ним, обязательно требует определенного духовно-религиозного уровня» [2, с. 15]. Вероятно,

под «сознательным уважением» понимается уважение не только к детству, но и человеку вообще, ведь вряд ли духовно-религиозное предполагает избирательность в моральном отношении. Поэт обнажает то детское, беззащитное, что есть в каждом человеке, достойное безусловной неприкосновенности. Так проявляется гуманистический пафос его творчества.

Подводя итоги, необходимо обозначить, что время и образы детства у Айги, относясь к пространствам разного типа, обнаруживают связь между прошлым и настоящим лирического субъекта, задают те или иные качественные характеристики топоса. Поэт осмысляет действительность через обращение к детству как жизнеутверждающей категории, проявляя либо хаос антропогенных про-

странств, либо гармонию природных. Пространственные образы в контексте образов детства могут быть рассмотрены с точки зрения национально-мифологических эстетических установок автора, а также общекультурных образов (гротескное тело, божественный ребёнок). Айги художественно преодолевает границы реального, физического топоса, расширяет его до универсального пространства, возводит в разряд сакральных.

Результаты исследования позволяют углубить понимание эстетики художественного пространства поэта и могут послужить одним из источников для дальнейшего изучения топосов как поэзии Геннадия Айги, так и поэзии XX века вообще (в частности, с позиции образов детства).

Список литературы

1. *Ермакова Г.А.* Эстетические основы художественного мира Г.Н. Айги: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2004.
2. *Айги Г.* Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 304 с.
3. *Ильина Г.Г., Мышкина А.Ф.* Фольклорно-мифологическое значение фитонимов в поэтике чувашских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2016. Ч. 3. № 6 (60). С. 29-32.
4. *Айги Г.* Тетрадь Вероники // Айги Г. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гилея, 2009. Т. 4. 155 с.
5. *Михайлов Э.Л., Кисарина Ю.В.* Структура образов в поэзии Г. Айги // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 22 Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 201-206.
6. *Юнг К.Г.* Божественный ребёнок: воспитание. М.: О. АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
7. *Введенский А.И.* Все. М.: ОГИ, 2011. 736 с.
8. *Никитина А.В.* Мифологические образы пространства в творчестве Г. Айги // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 107-115.
9. *Андреянова Е.* Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2017. Т. 13. № 3. С. 289-296.
10. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 4 (1). 1120 с.
11. *Грауз Т.* О неподцензурной музыке в поэзии Геннадия Айги // Интерпоэзия. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/o-nepodcenzurnoj-muzyke-v-poezii-gennadiya-ajgi.html> (дата обращения: 22.02.2020).
12. *Никитина А.В.* Геннадий Айги: ландшафты «здесь» и «там» // Никоновские чтения: в 2 т. М., 2016. Т. 2. С. 256-259.

References

1. Ermakova G.A. *Esteticheskiye osnovy khudozhestvennogo mira G.N. Aygi: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Aesthetic Basis of Gennadiy Aygi's Literary World. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Cheboksary, 2004. (In Russian).
2. Aygi G. *Razgovor na rasstoyanii: stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at the Distance: Articles, Essays, Conversations, Poems]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2001, 304 p. (In Russian).
3. Ilina G.G., Myshkina A.F. *Fol'klorno-mifologicheskoye znachenie fitonimov v poetike chuvashskikh proizvedeniy* [Folklore-mythological meaning of phytonyms in the poetics of the Chuvash artistic works].

- Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 3 ch. – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice: in 3 pts.* Tambov, Gramota Publ., 2016, pt 3, no. 6 (60), pp. 29-32. (In Russian).
4. Aygi G. Tetrad' Veroniki [Veronica's Notebook]. In: Aygi G. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Moscow, Gileya Publ., 2009, vol. 4, 155 p. (In Russian).
 5. Mikhaylov E.L., Kisarina Y.V. Struktura obrazov v poezii G. Aygi [Images structure in the Gennady Aygi's poetry]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pushkinskiye chteniya – 2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst»* [Proceedings of the 22nd International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2017. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2017, pp. 201-206. (In Russian).
 6. Yung K.G. *Bozhestvennyy rebenok: vospitaniye* [Divine Child: Parenting]. Moscow, O. AST LTD Publ., 1997, 400 p. (In Russian).
 7. Vvedenskiy A.I. *Vse* [All]. Moscow, OGI Publ., 2011, 736 p. (In Russian).
 8. Nikitina A.V. Mifologicheskiye obrazy prostranstva v tvorchestve G. Aygi [Mythological images of space in the works of G. Aygi]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Y. Yakovleva – I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 3 (95), pt 2, pp. 107-115. (In Russian).
 9. Andreyanova E. Vliyaniye suprematicheskikh idey K. Malevicha na poeticheskiye kontseptsii prostranstva v tvorchestve G. Aygi 1960–1980-kh godov [The influence of K. Malevich's suprematist ideas on the poetic concepts of space in Aygi's works of the 1960–1980s]. *Letnyaya shkola po russkoy literature* [Summer School of the Russian Literature]. St. Petersburg, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 289-296. (In Russian).
 10. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, vol. 4 (1), 1120 p. (In Russian).
 11. Grauz T. O nepodtsenzurnoy muzyke v poezii Gennadiya Aygi [On the uncensored music in Gennadiy Aygi's poetry] *Interpoeziya* [Interpoetry], 2018, no. 3. (In Russian). Available at: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/o-nepodtsenzurnoj-muzyke-v-poezii-gennadiya-aygi.html> (accessed 22.02.2020).
 12. Nikitina A.V. Gennadiy Aygi: landshafty «zdes'» i «tam» [Gennadiy Aygi: the landscapes "here" and "there"]. *Nikonovskiye chteniya: v 2 t.* [Nikon Readings: in 2 vols.]. Moscow, 2016, vol. 2, pp. 256-259. (In Russian).

Информация об авторе

Кудрякова Татьяна Витальевна, аспирант, кафедра «Русский язык как иностранный» Международного института. Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск, Российская Федерация. E-mail: tatiusw@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ поэтических текстов, представленных в основных сборниках стихотворений Геннадия Айги, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>

Поступила в редакцию 22.03.2020 г.

Поступила после рецензирования 12.05.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the author

Tatiana V. Kudryakova, Post-Graduate Student, the Russian as a Foreign Language Department of the International Institute. Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russian Federation. E-mail: tatiusw@mail.ru

Contribution: study idea, poetic texts analysis presented in the main collections of poems by Gennadiy Aygi, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>

Received 22 March 2020

Reviewed 12 May 2020

Accepted for press 22 May 2020

Пьесы Л.М. Леонова на сцене Тамбовского театра

Наталья Владимировна СОРОКИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

L.M. Leonov's plays on the stage of Tambov theatre

Nataliya V. SOROKINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

Аннотация. Дан обзор постановок Тамбовского государственного академического ордена «Знак Почёта» драматического театра им. А.В. Луначарского пьес Л.М. Леонова «Нашествие» (преьера 3 октября 1943 г.), «Обыкновенный человек» (22 сентября 1945 г.), «Золотая карета» (9 октября 1971 г.). Собраны и проанализированы театральные рецензии 1940–1970-х гг., написанные тамбовскими авторами, среди которых – преподаватели Тамбовского государственного педагогического института (ныне – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина). Рассмотрены особенности театрального воплощения драматургических произведений Л.М. Леонова на сцене провинциального театра. Обозначена многосторонняя связь творчества классика русской литературы XX века с Тамбовской землей. Прослежена динамика театрального и литературоведческого регионального интереса к драматургии Л.М. Леонова. Выявлены стилевые особенности театральных рецензий Р. Черняка, Л. Яковлева. Особое внимание уделено откликам тамбовских преподавателей-филологов, что позволило уточнить спектр научной и просветительской деятельности профессорско-преподавательского состава вуза в разные годы, определить формы взаимодействия учебных и культурных организаций региона. Обозначены особенности пьес и их отражения в постановках. Определены отличительные черты сценического воплощения характеров персонажей пьес Л. Леонова тамбовскими актёрами.

Ключевые слова: драматургия; пьесы Л.М. Леонова; «Нашествие»; «Обыкновенный человек»; «Золотая карета»; Тамбовский областной драматический театр им. А.В. Луначарского

Для цитирования: *Сорокина Н.В.* Пьесы Л.М. Леонова на сцене Тамбовского театра // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 573-584. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-573-584

Abstract. The review of productions of Tambov state academic order “Badge of Honour” of Lunacharsky drama theatre of L.M. Leonov plays “Invasion” (premiere of 3 October 1943), “An Ordinary Man” (22 September 1945), “Golden Carriage” (9 October 1971) is given. Theater reviews of 1940s–1970s written by Tambov authors, among which are teachers of Tambov State Pedagogical Institute (now Derzhavin Tambov State University), are collected and analyzed. The theatrical embodiment features of L.M. Leonov’s dramaturgical works on the stage of the provincial theater are considered. The multi-sided connection of the classic of Russian literature of the 20th century with Tambov land is marked. The dynamics of theatrical and literary regional interest in L.M. Leonov’s dramaturgy is traced. The stylistic features of theatrical reviews by R. Chernyak and L. Yakovlev are revealed. Special attention is paid to the responses of Tambov philology teachers, which allowed us to clarify the range of scientific and educational activities of the university’s teaching staff in different years, to determine the forms of interaction between educational and cultural organizations in the region. The features of the plays and their reflection in the productions are indicated. The stage embodiment’s distinctive features of L. Leonov’s plays’ characters by Tambov actors are determined.

Keywords: dramaturgy; L.M. Leonov's plays; "Invasion"; "An Ordinary Man"; "Golden Carriage"; Lunacharsky Tambov regional drama theater

For citation: Sorokina N.V. P'yesy L.M. Leonova na stsene Tambovskogo teatra [L.M. Leonov's plays on the stage of Tambov theatre]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 573-584. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-573-584 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Л.М. Леонов – автор семи романов, двенадцати пьес, многочисленных повестей, рассказов, статей. Его драматургическое наследие не так активно исследуется современными литературоведами. Отличительными особенностями пьес Л.М. Леонова исследователи называют «сопряжение конкретно-чувственного изображения материальной оболочки мира и логизирования, интеллектуального проникновения в суть явлений» [1, с. 100]. В новейших монографиях [2–5], посвящённых творчеству писателя, рассматривается, по преимуществу, эпическая проза художника. Хотя очевидно, что время требует не только «корректировки прежних представлений о «сквозных линиях» творчества Леонова» [1, с. 99], но и более глубокого анализа принципов художественного воплощения пьес и произведений Леонова на театральной сцене, в кинематографе и в музыкальном искусстве.

Немалое значение в этом процессе принадлежит сбору и обработке информации о постановках леоновских драм на сценах провинциальных, не столичных, театров. Этим определяется актуальность изучения истории обращения тамбовского режиссерско-актерского коллектива к пьесам Л.М. Леонова.

С Тамбовским краем писатель Л. Леонов не связан крепкими биографическими и творческими контактами. Однако в его произведениях несколько раз упоминается этот город срединной России. В романе «Русский лес», например, среди прочих деревянных предметов в кабинете Ивана Матвеича Вихрова упоминается «гроздь расписных тамбовских ложек цвета старого мёда» как одно «из немногих деревянных изделий, каких за любые деньги не купить в столице» [6, с. 39]. Очевидно, что леоновский герой много путешествовал по России, и Тамбов входил в его маршрут. Действительно, «самым распространённым в Тамбовской губернии в конце XIX века был щепной промысел, связанный с резьбой по дереву и изготовлением деревянной посуды и предметов домашнего

обихода <...> Орнаменты, узоры и формы изделий отличались, наряду с чрезвычайной простотой и лаконичностью выразительных средств, отточенностью и завершёностью, выкристаллизовавшихся в процессе многовековой работы не одного поколения мастеров» [7, с. 39, 40].

П.Ф. Алёшкин, писатель, редактор, родом из Тамбова, вспоминал, что Л. Леонова интересовало Антоновское восстание 1920–1921 гг. в Тамбовском крае. О подобном крестьянском мятеже против Советской власти повествует первый роман Л. Леонова «Барсуки». Слова писателя о начале двадцатых годов приводит П. Алёшкин, встречавшийся с Л. Леоновым в период подготовки к изданию в 1994 г. в издательстве «Голос» романа «Пирамида»: «– Да, да, Антонов, Тухачевский... Страшное время было, страшное... помню, помню...»¹.

Изучение творчества Л. Леонова тамбовскими исследователями имеет многолетнюю историю. В 1956 г. кандидатскую диссертацию, одну из первых в России по творчеству классика, в МГПИ им. В.И. Ленина защитил С.Б. Прокудин, проработавший в Тамбовском государственном педагогическом институте (ныне – ТГУ им. Г.Р. Державина) 45 лет (1956–2001). Тема его работы – «Творчество Л.М. Леонова периода Великой Отечественной войны (пьеса «Нашествие», повесть «Взятие Великошумска», «Статьи военных лет»)» (научный руководитель – Б.И. Кандиев). Учёный был лично знаком с Л.М. Леоновым, встречался с писателем, работал над рукописями в его московской квартире, о чём рассказывал коллегам по кафедре. В 1998 г., уже в Тамбове, под руководством С.Б. Прокудина была защищена диссертация Н.В. Сорокиной «Роман Л.М. Леонова «Пирамида» в контексте творчества писателя», а в 2007 г. – докторская диссертация «Романистика Л.М. Леонова: структурно-типологическая парадигма» (научный руко-

¹ Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. М.: Голос, 1999. С. 579.

водитель – Л.В. Полякова). Мичуринский исследователь В.И. Матушкина, начиная с кандидатской диссертации «Романы Леонида Леонова. Вопросы поэтики и проблема художественного времени («Скутаревский», «Дорога на Океан», «Русский лес»)» (М., 1979), постоянно занималась изучением творчества классика русской литературы XX века. Специально к драматургии обратилась М.С. Тимонина в кандидатской диссертации «Метафора в художественной системе драматургии Л.М. Леонова» (2008, научный руководитель – Ю.Э. Михеев). Итоговому роману Л. Леонова посвящена кандидатская диссертация О.Р. Саликовой «Роман Л.М. Леонова «Пирамида»: художественная функция экзистенциального опыта героев» (2015, научный руководитель – Н.В. Сорокина).

Тамбовский областной драматический театр им. А.В. Луначарского (сейчас Тамбовский государственный академический орден «Знак Почета» драматический театр) трижды ставил на своей сцене пьесы Л.М. Леонова: «Нашествие» (1943, премьера 3 октября), «Обыкновенный человек» (1945, премьера 22 сентября на открытии театрального сезона), «Золотая карета» (1971, премьера 9 октября).

1.

Пьеса Л.М. Леонова «Нашествие» относится к лучшим драматургическим произведениям русской литературы, написанным во время Великой Отечественной войны. Эту пьесу наряду с «Русскими людьми» К. Симонова, «Фронтом» А. Корнейчука считают выдающимся драматургическим триптихом периода 1941–1945 гг., сыгравшим значительную роль в развитии русского театра: «Идейно-политическое значение этих пьес трудно переоценить, а своевременность их создания должна быть поставлена в особую заслугу авторам»².

Пьесу «Нашествие» Л. Леонов начал писать в декабре 1941-го, закончил же работу в апреле 1942-го. Первый показ пьесы прошёл в Чистополе силами Ленинградского областного драматического театра 7 ноября 1942 г., затем, уже в 1943-м, «Нашествие» поставили

в столице Малый театр и Театр имени Моссовета.

Определяя жанр пьесы как героико-психологическую драму, исследователи отмечают повышенный интерес писателя прежде всего к глубокому анализу психологического состояния своих героев: «Герои драмы обнаруживают себя не только в борьбе с нашествием, но и в столкновениях с близким им человеком – Фёдором. В данном случае в творчестве Леонова сказались традиции русской классической драматургии, которая в своих выдающихся произведениях умела путём глубокого раскрытия семейных отношений показать значительные процессы общественной жизни. Взаимопроникновение личного и общественного оживляет пьесу, делают идейные позиции автора наглядно ощутимыми» [8, с. 6]. Именно этот ракурс позволяет вывести пьесу из конкретно-исторического времени на обобщающе-философский уровень, связывая это с традиционными библейскими мотивами: «В соответствии с поэтикой повторов, а также с содержанием соотносимого с действием сюжета притчи о блудном сыне пьеса имела все основания называться «Возвращение» [9, с. 466].

И хотя внимание Леонова-драматурга сосредоточено на изображении жизни интеллигенции в немецком тылу, конфликт пьесы выходит за рамки дома Талановых и оккупированного города, перерастая в масштабный эпический конфликт, раскрывающий проблемы «человек и война, личность и мир, расколотый столкновением исторических сил» [1, с. 104]. Б.С. Бугров подчеркнул: «Защита родины как высокий императив народного сознания, как общее дело всех и каждого – эта эпическая идея национального единения придаёт художественным образам, созданным в «Нашествии», универсальность и объёмность» [1, с. 104-105]. С этим согласны и современные критики: «Леонов возвращает в литературу и делает главенствующей именно национальную тему» [10, с. 349].

Писатель в грозные военные годы создаёт пьесу об этом времени – о Великой Отечественной войне, отражает переломные моменты национальной истории. Художник мыслит масштабными категориями, раскрывая не только возникшие в период войны проблемы, но и решая нравственные, вне-

² Задачи драматургии // Литературная газета. 1945. 3 февр.

временные, проблемы: «Сейчас вопрос идёт не о фактах, а об обобщениях. Не описание событий нужно, а мыслительный экстракт» [11, с. 107]; «Война – это организованный беспорядок... В изображении войны главное, что происходит в человеческом мозгу и сердце...» [11, с. 99].

С таким пониманием идейно-творческих задач связана напряжённая работа над текстом пьесы, наличие двух редакций. Изменения, вносимые Л. Леоновым на конечном этапе написания первого варианта пьесы, связаны и с осмыслением трагической судьбы Зои Космодемьянской (уроженки с. Осино-Гай Гавриловского района Тамбовской области), о подвиге которой Л. Леонов узнал из газетных публикаций.

Спектакль «Нашествие» справедливо считается одной из лучших постановок режиссёра А.М. Незнамова в Тамбове. Только на протяжении премьерного октября 1943 г. спектакль «Нашествие» был показан тамбовским зрителям семь раз. Официальным документом спектакль был включён и в репертуар следующего сезона, о чём говорится в Приказе № 86 Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР о репертуаре Тамбовского и Мичуринского драматических театров от 26 января 1944 г.:

«§1. Утвердить в репертуаре театров Тамбовской области следующие произведения:

<...> Переходящий репертуар. «Нашествие» Л. Леонова» [12, с. 885-886].

Постановка «Нашествия» была в целом встречена благожелательно, характеризовалась как «несомненная удача театра» [13, с. 59], «совершенная победа коллектива» [14, с. 87]: «<...> постановка производит глубокое впечатление, укрепляет в зрителе чувство любви к Родине и ненависти к её врагам» [15]. Творческому коллективу театра удалось правдиво передать обстановку вражьего нашествия и сопротивления, которым встретил немецких захватчиков обычный русский город.

Основное внимание театральных критиков, естественно, обращено на исполнителя главной роли Фёдора Таланова – актёра А.Ф. Гондлевского: «Трагедия Фёдора показана в спектакле ярко. <...> Фёдор нашёл в А.Ф. Гондлевском исполнителя, который в основном правильно понял эту своеобразную фигуру» [15]. Таланов в исполнении А. Гонд-

левского выглядел как действительно несправедливо наказанный человек, но всё-таки искренне борющийся с врагом, не таящий обиду на несправедливость судьбы и власти. Л. Леонов уточнял действительное существование в первой редакции политических мотивов ареста: «...из осторожности в окончательном тексте я сам это убрал» [11, с. 247].

Безусловно удачным признано сценическое воплощение женских характеров. М.М. Сибинская впечатляюще передала трагические переживания матери Фёдора. Выразительна Ольга в исполнении Т.А. Болотовой. Отмечены и второстепенные персонажи: «Запоминается Демидьевна, – веришь М.В. Васильевой, что у этой слабой старухи – крепкий русский характер, она никогда «не запишется в немки». Хорошо играет Аниську молодая актриса вспомогательного состава Л. Солодкова» [15].

Убедительно были сыграны в этом спектакле роли врагов и предателей: «дракона из гестапо» Шпурре (Г.Ю. Зоренин), бывшего фабриканта, «ожившего мертвеца» Фаюнина (Н.И. Коварский) и «гнусного человечки» Кокорышкина (И.Н. Марин): «Тупой и мерзкий гестаповец Шпурре обрисован Г.Ю. Зорениным без малейшего уклona в карикатуру. И тем не менее артист зло и беспощадно высмеял этого немецкого человека-быка. Н.И. Коварский, со свойственной этому мастеру убедительностью, показал тревожную радость «градского головы» Фаюнина, знающего, что расплата за предательство неминуема. Комедийное дарование И.Н. Марина помогло ему показать Кокорышкина – мелкого и пакостного предателя, так и не успевшего стать начальником немецкой полиции» [15].

«Подлинным триумфом» стала роль Кокорышкина, воплощённая И.Н. Мариным: «Глубокий психологизм, острая – на грани гротеска – характерность, абсолютная свобода и покоряющая органичность помогли с предельной достоверностью воплотить сложный и двойственный образ безвольного, слабого человека и в то же время труса, подлеца и пакостника, вызывавшего одновременно омерзение и сочувствие» [14, с. 265-266]. Однозначно восторженные оценки, полученные Иваном Мариным (в тамбовском театре актер работал с 1939 г., то есть роль в

«Нашествии» – одна из первых на новой для него сцене) со стороны профессиональных критиков и зрителей-любителей, были вполне заслуженными, закономерными. Подтверждение тому – присвоение в дальнейшем актеру званий «Заслуженный артист РСФСР» (1951), «Народный артист СССР» (1975). А на киноэкране И.Н. Марин блестяще сыграл главную роль в фильме Г. Чухрая «Жили-были старик со старухой» (1964).

Упрёки в актёрской недоработке адресованы некоторым исполнителям. Однако эти замечания выглядят не как придирчивое признание очевидных ошибок, а, скорее, как рекомендации к совершенствованию постановки. Например, строгому критику не совсем было ясно, почему актриса Болотова «затушёвывает любовь Ольги к Колесникову – обстоятельство весьма важное для полноты характера Ольги» и зачем А. Гондлевский «наделил Фёдора такой неправдоподобной и потому раздражающей зрителя изломанностью» [15].

Выразительный музыкальный образ спектакля «Нашествие» был создан пианистом, композитором А.С. Кессельманом, который в тот период заведовал музыкальной частью областного драматического театра им. А.В. Луначарского.

Постановка «Нашествия» на тамбовской сцене вызвала интерес и литературоведов. Благодаря заведующему кафедрой литературы Тамбовского государственного педагогического института Н.И. Кравцову в годы войны установилась тесная дружба института с артистами драмтеатра им. А.В. Луначарского. Систематически устраивались совместные обсуждения театральных премьер, в том числе леоновского «Нашествия». На такие обсуждения приходили в институт ведущие артисты театра: Т. Битрих (Еремеева), И. Шер, А. Годлевский, Н. Коварская, И. Марин и др. Эти встречи всегда собирали большую аудиторию преподавателей и зрителей-студентов.

Пьеса Л.М. Леонова «Нашествие» вдохновила и представителей других видов искусства на создание новых произведений. Уже во время Великой Отечественной войны, в 1944 г., режиссёром А. Роомом был снят фильм «Нашествие». Сталинской премии были удостоены режиссёр А. Роом, ак-

тёры О. Жаков (исполнявший роль Фёдора Таланова и выступивший сорежиссёром по работе с исполнителями) и В. Ванин (Фаюнин). Кинорежиссёр А.М. Роом с особой гордостью вспоминал, что С. Эйзенштейн высоко ставил «Нашествие», любил этот фильм.

Опера В.А. Дехтерева «Фёдор Таланов» (1955) опирается на традиции русской оперной классики. В 1990-е гг. тамбовский музыкант, композитор и поэт С.Н. Победоносцев создал музыкальную драму «Фёдор Таланов» по пьесе Л. Леонова «Нашествие» [16].

2.

О. Михайлов, определяя драматургический опыт Л.М. Леонова как монументальный, «интеллектуальный театр», где полемически переосмыслены достижения прошлого – словесная наполненность А. Островского, чеховский подтекст, романтическая патетика М. Горького» [17, с. 671; разрядка О. Михайлова], отмечает «триумфальный успех» спектаклей по «Обыкновенному человеку» и «Нашествию» [17, с. 680-681].

Первоначальный вариант пьесы «**Обыкновенный человек**» был завершён Л.М. Леоновым в феврале 1941 г. Впервые драма была представлена в марте 1944 г. в Пензенском областном драматическом театре. Закономерно, что пьеса была поставлена уже в годы Великой Отечественной войны. Многие в ней, несмотря на мирное время действия, соответствовало патриотическому подъёму и военной ситуации в стране.

Уже своим названием пьеса Л. Леонова определяла новый поворот в развитии отечественной драматургии. Теперь в центре произведения – не героическая личность, не массовый герой, а обыкновенный человек. Однако повседневность, частная жизнь, обыденность скрывают за собой всё же нечто высокое. В прозе Л.М. Леонова редко фигурируют исторические деятели. Его произведения, по преимуществу, – о незаметных, не кичащихся своей работой тружениках. А пьеса «Обыкновенный человек» лишь подчеркнула и утвердила эту тенденцию. Написанная в основном варианте в 1940 г., она ознаменовала переход от героической линии к изображению рядового участника событий

большой и повседневной истории. Поэтика «обыкновенного», хотя и совершенно в другом ракурсе, например, пронизывает пьесу Е. Шварца «Обыкновенное чудо» (1954), над которой драматург работал с 1944 г. Героическое, фантастическое обнаруживает себя в ординарных событиях и действиях обычных людей.

Обращение Л. Леонова к образам рядовых людей в начале 1940-х гг. предопределило внимание писателей, особенно военного времени, к подвигу простого воина. Такая тенденция закрепится в произведениях о Великой Отечественной войне, сформировавших «лейтенантскую прозу». Это показ событий глазами непосредственных участников боевых действий. Каждый из таких героев, выполняя обычную работу, становился необыкновенным. Обыкновенные оказываются выше тех, кто усиленно выдавал себя за необыкновенных.

Такой взгляд остро ощущается в военном стихотворении 1944 г. С. Орлова:

Его зарыли в шар земной,
А был он *лишь солдат*,
Всего, друзья, *солдат простой*,
Без званий и наград. <...>³

Позднее Р. Рождественский создаст балладу о судьбе маленького, обыкновенного, человека в годы войны (1969).

На Земле
безжалостно маленькой
жил да был
человек маленький.
У него была служба
маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату
маленькую...
И однажды –
прекрасным утром –
постучалась к нему в окошко
небольшая,
казалось,
война...
Автомат ему выдали
маленький.

Сапоги ему выдали
маленькие.

Каску выдали
маленькую
и маленькую –
по размерам –
шинель.

...А когда он упал –
некрасиво,
неправильно,
в атакующем крике
вывернув рот,
то на всей земле
не хватило
мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный рост! [18, с. 77-78]

Приоритет «обыкновенного» прямо заявлен и в названии, и в характерах героев пьесы Л. Леонова, и в их репликах – от слов Свеколкина: «А необыкновенное не живёт, оно умирает, как всякое уродство. Только самое простое вечно. Другая красота стучится в мир, и если ей завтра не откроют дверь, она взломает стены!» [17, с. 443] до пафосных восклицаний безымянных героев: «Здравствуй, ветер, грозный ветер, попутный ветер всемирной истории! Гони наш широкий красный парус к вечным вершинам человеческого счастья. За героическую обыкновенность!» [17, с. 444].

В анонсе событий театрального сезона 1945–1946 гг. в Тамбовском областном драматическом театре им. А.В. Луначарского говорилось: «Сейчас наш театр прилагает все усилия к тому, чтобы лучше, культурнее обслужить зрителя, чтобы своей работой поднимать народ на новые трудовые подвиги. Театральный сезон мы открываем 22 сентября спектаклем Л. Леонова «Обыкновенный человек» в постановке режиссёра К.Т. Бережного» [19].

Репертуарная политика сезонов послевоенного периода в театре строилась в направлении настойчивых поисков материала для создания образа положительного героя-современника. Этим во многом объясняется обращение театра к таким пьесам драматургов, как «Обыкновенный человек» Л. Леонова, «Памятные встречи» А. Успенского и др.

³ Русская советская поэзия: сб. стихов. 1917–1947. М.: ОГИЗ, 1948. С. 435 (здесь и далее курсив мой. – Н. С.).

В обзорной информации о качестве спектакля «Обыкновенный человек», его восприятию зрителями и критиками, представленном в современной истории театра, сказано корректно: «Творческая удача не всегда сопутствовала работе коллектива, но в постановке этих произведений накапливался опыт раскрытия современных проблем» [13, с. 64-65].

На самом деле, спектакль был оценен довольно резко и однозначно отрицательно. В обзорной статье «Открылся новый театральный сезон» В. Зеленов отметил несовершенство постановки: «Пьеса не вполне доработана коллективом актёров. Поверхностно подан образ Свеколкина. Алексей Иванович (Г. Модль) суховат в проявлении своих чувств, у зрителя инстинктивно рождается сомнение в их искренности. Смирнов мог гораздо лучше сыграть Ладыгина. Отрадное впечатление производит игра Коварской. Она верно и ярко раскрыла образ старой интриганки Констанции Львовны. Удачно исполняет роль Аннушки молодая актриса Ямчинова» [20].

Еще более строгой была оценка Р. Черняка, который уже заглавием рецензии чётко обозначил своё отношение к постановке леоновской пьесы – «Недоработанный спектакль» [21]. Практически игра каждого актёра, за редким исключением, была подвергнута строгой критике постоянного театрального аналитика. Дмитрий Ладыгин в исполнении Н.Е. Смирнова выглядит, на взгляд рецензента, весьма тщедушным, заурядным: «Не мощный бас, а скорее слабосильный тенор. И поэтому пристрастие Ладыгина к роскошной обстановке воспринимается не как слабость большого, хорошего человека, а как кривлянье “мещанина во дворянстве”». Артист Г.М. Моль не смог создать целостный, завершённый характер Алексея Ладыгина: он «не предстаёт перед зрителем молодым советским человеком, который самозабвенно работает для своего народа, смело устремляется в будущее. Высокое человеколюбие Алексея, его пронизательность и мягкая складка юмора не выявлены исполнителем».

Явно неудачным определён образ Свеколкина (артист М.Ф. Шарымов): «Человек сильного ума, большого прирождённого такта и богатейшего жизненного опыта низве-

дён до положения милого старичка, убедительно поучающего молодёжь». Остро резко оценена работа Т.С. Тагац: «Зло обидел наш театр и Киру. Её ошибка (тяга к «необычному» оказывающемуся на проверку гнилой мишурой) превращена в порок. Кира (артистка) изображена расчётливой искательницей приключений, судорожно вцепившейся в выгодного жениха» [21].

Единственно удачной Р. Черняк считает работу М.К. Коварской: «Резко и беспощадно разоблачает она Констанцию Львовну. Однако в характере этого персонажа нет ничего преувеличенного и искусственно заострённого. Временами Коварская как бы становится на самую грань шаржа, но несёт при этом с собой так много жизненной правды, что зритель видит вполне реалистический образ воинствующей обывательницы» [21].

Причины неудачи критик видит в спешке, «организационной неувязке», но не в творческом бессилии: «Наш театр успешно поставил не одну пьесу советских драматургов и в таких спектаклях, как, скажем, «Офицер флота», удачно показал «героя нашего времени». Надо продолжать этот совершенно необходимый показ, раскрывающий советским людям их чувства и мысли» [21].

Пьеса «Обыкновенный человек» привлекла внимание и отечественного кинематографа. Художественный фильм «Обыкновенный человек», снятый в 1956 г. режиссёром А. Столбовым, по-прежнему часто демонстрируют по ряду телеканалов. Одни из последних трансляций – 27 сентября 2018 г. (ТВ-Центр); 22 апреля 2016 г., 26 мая 2018 г., 7 апреля 2019 г. (канал «Россия Культура»); 1 мая 2020 г. (ОТР). А в 2017 г., утверждая актуальность леоновского наследия и интерес к нему новых поколений, состоялся показ дипломного спектакля «Обыкновенный человек» по пьесе Леонида Леонова (г. Санкт-Петербург, Школа Русской Драмы им. И.О. Горбачёва) и постановка пьесы силами Ставропольского театра-студии «Провинциалы» (Владимирская область).

Внимание к этой реалистической комедии нравов Л.М. Леонова обусловлено во многом и тем, что она не имеет точного времени действия, в ней присутствует «подчёркнутая условность, символизация обстоятельств и <...> сюжетных ситуаций» [1,

с. 105]. Описанные характеры возможны в любых социально-исторических условиях. Пьеса, обозначенная автором как комедия, безусловно, выходит за традиционные рамки этого жанра.

3.

Каждое обращение к пьесам Л. Леонова – своеобразное испытание режиссёра, актёров, художников и всего коллектива тамбовской труппы на профессионализм, умение передать глубокий психологизм пьесы, донести до зрителя широкое философское звучание произведения, не исказив при этом авторский голос. Большая ответственность понималась и теми, кто ставил спектакли по пьесам Л. Леонова, и теми, кто их оценивал. Это подчёркивалось при постановке всех драм писателя: «Леонов – вдумчивый и пытливый художник. Он не оставляет без внимания ни одной детали в жизни своих героев и доходит остриём психологического анализа до самой глубокой сущности людских взаимоотношений и переживаний. В пьесах Леонова ничего не лежит сверху, а обнаруживается для зрителя только после полного вскрытия театром образов и тщательной разработки положений. Это под силу только тому театральному коллективу, который прочно усвоил своеобразную творческую манеру Леонова и с такой же остротой и пытливостью, как он, воспринимает действительность» [21].

Ответственна была работа при подготовке спектакля «**Золотая карета**».

Пьеса была задумана Л.М. Леоновым в 1943 г. Существуют три редакции произведения: 1946, 1955, 1964 гг. Обстоятельный сопоставительный анализ трёх вариантов дан Е.В. Стариковой [22]. Говоря об интенсивности работы над пьесой, Н.Л. Леонова, дочь писателя, отметила: «В пьесе отражены вся боль, все слёзы тех лет. Это, мне кажется, самая лучшая папина пьеса...»⁴

«Золотая карета» была написана уже зрелым автором, признанным мастером прозы, драматургии. Закономерно, что эта пьеса носит во многом итоговый характер. После неё автор уже не обращался к этому роду литературы. Поэтому, можно сказать, в ней во-

площён весь авторский театральный опыт, она представляет «одно из самых значительных произведений Леонида Леонова» [17, с. 662].

Современные исследователи, относя «Золотую карету» к «лучшей драматургической работе» Л. Леонова [10, с. 373], рассматривают на её примере особенности метафорической парадигмы леоновской драматургии. Так, М.С. Тимонина выделяет три метафорические модели темы счастья: «золотая карета», «чёрный хлеб счастья», «дорога к звёздам» [23, с. 11]. Создание Леоновым и других новых метафор («В плоду главное-то – семечко и желательнее им было то золотое зёрнышко склевать. Народ уничтожают со святынь» [17, с. 597]) «вводится один из основных конфликтов произведения – конфликт между войной и человеком – хранителем духовности», что гармонично встраивается в философский аспект леоновской пьесы: «Война страшна не физическим истреблением, а моральной деградацией человечества» [23, с. 13].

Сложность драматургического конфликта пьесы подчёркивается временной парадигмой действия. Современность постоянно «подсвечивается» воспоминаниями о Великой Отечественной войне, рассуждениями об истинном и ложном патриотизме, о честности и бесчестии, о старшем и молодом поколениях. Морально-этический конфликт конкретных героев перерастает в социально-нравственную проблему выбора личных и гражданских ценностей каждым человеком и народом в целом. Ориентация на эпоху войны и первых послевоенных лет выводит на постановку вопросов философского, вневременного масштаба.

Уже первая редакция «Золотой кареты» во многом определила не только направление отечественной драматургии, но и всей русской литературы о войне. Л. Леонов показывал не «парадную» сторону войны. Его волновали моральные основы поведения в экстремальных ситуациях, психология дезертирства, реакция человека на страшные реалии войны, требующие каждодневного мужества, и трудности фронтового быта. Эти моменты – в поле постоянного внимания «лейтенантской прозы» и дальнейшей литературы о Великой Отечественной войне.

⁴ Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. М.: Голос, 1999. С. 194.

Неоднократное обращение писателя к доработке этой пьесы подчёркивало её актуальность, не снижающуюся с годами. Поэтому и театральные коллективы страны не переставали обращаться к этой пьесе и далеко после времени её создания.

Премьера спектакля по драме Л. Леонова «Золотая карета» в Тамбовском театре состоялась 9 октября 1971 г. (режиссёр А. Иванов). Постановка вызвала значительный интерес зрителей. К безусловным актерским удачам спектакля отнесено исполнение ролей полковника Берёзкина (В.И. Регурецкий), Марии Щелкановой (М. Корнилова), академика Кареева (Н.И. Гайдышев), Непряхина (И. Марин), его сына Тимоши (М. Березин), факира Рахумы (Д. Дульский), Марьки (В. Попова). Соответствующий фон создавали декорации А. Пискарева.

Действительно, исполнение ролей леоновских персонажей требует немало актерского мастерства. В пьесе максимально заострена ситуация нравственного выбора человека. Её решение автор транслирует в судьбах героев-двойников, в усложненности основных и побочных сюжетных линий, в укрупнении частных проблем до общесоциальных. Это касается, например, передачи настроений героев, изложенных в сопровождающих действие многочисленных и обширных авторских ремарках, по своей структуре и стилю больше походящих на эпические описания-рассуждения, свойственные художественной прозе, чем на традиционные краткие авторские замечания и дополнения в пьесах. Они корректируют поведение героев на сцене, расстановку декораций, внесценические звуки и т. п. Это один из индивидуально-авторских способов внедрения элементов романической эпичности в драматургию (ведь к моменту написания «Золотой кареты» Л. Леонов уже создал шесть романов, и его опыт романиста позволял органично вписывать элементы эпической поэтики в театральное действие). Пространные, не свойственные в таком объёме традиционной русской драматургии ремарки показывают сложность чувств, которые должен воплотить актер: «Они [Кареев, Непряхин-старший. – Н. С.] смотрят друг на друга, рассеивается туман двух десятилетий» [17, с. 598]; «Слова свои он [Березкин. – Н. С.] произно-

сит замедленно, с суровым достоинством, причём время от времени утрачивает нить рассказа. Кажется, чёрное послевоенное безмолвие вступает сюда за ним по пятам» [17, с. 600]; «На своё счастье, Тимоша не видит откровенной смены чувств в лице и поведении Марьи Сергеевны: то облегчения, то мучительной жалости, то возобновившихся подозрений, то просто укоров совести» [17, с. 623]; «Только пятнистый румянец да частая, в поисках словца, запинка выдают состоянье Кареева. Это смешная, запоздалая месть за когда-то отвергнутое чувство. Марья Сергеевна с тревожным интересом поднимает на гостя глаза, отчего маска сбегает с посетителя, и вот, припав на колени и спиной к рампе, пожилой, несколько оплывший человек приникает губами к безжизненной руке градоначальницы. Теперь сожаленье о прошлом окрашивается благодарностью за давнюю обиду, которая, в сущности, всю четверть века и вела Кареева на вершины всемирного признания» [17, с. 647-648] и др. И тамбовские актеры, как показывают отклики, в большинстве своём справились с задачей изображения мгновенной смены чувств, и показе «чёрного военного безмолвия» и «рассеивающегося тумана двух десятилетий».

Это убедительно показал в рецензии кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Тамбовского государственного педагогического института Л. Яковлев, который подробно разобрал особенности театрального решения пьесы Леонова [24]. Этот преподаватель, по воспоминаниям студентов 1960-х гг., был творческим, увлечённым человеком. Он читал курс современной русской литературы, что требовало постоянного изучения новых произведений, ориентации в литературном процессе. Им был организован литературный кружок для начинающих поэтов и прозаиков⁵. Но он успевал следить и за театральными постановками и регулярно публиковал рецензии на спектакли местного театра в газете «Тамбовская правда».

Отклик Л. Яковлева о постановке «Золотой кареты» Л. Леонова содержит общую характеристику драматургического конфликта и проблематики пьесы, оценку характеров

⁵ Тамбовской филологии 80 лет: юбилейный сборник. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 394-396.

главных героев. Самым ярким и запоминающимся образом в спектакле оказался образ полковника Берёзкина, созданный артистом В. Регурецким. Его герой – воплощение высокой собранности, душевной щедрости, прямолинейной жестковатости, справедливости, смелости, верности идеалов. Он действительно, «хмурый, высокий, совесть войны» [17, с. 628].

Неоднозначно восприятие игры заслуженной артистки РСФСР М. Корниловой в роли Щелкановой. С одной стороны, она достаточно «убедительно передаёт внутреннюю значительность своей героини, её человеческую правоту перед Кареевым. Впечатляющи выходы актрисы «на зрителя» (например, в конце третьего действия)». Однако актрисе не удалось показать эволюцию характера героини: «Изменилась ли её Щелканова, принеся вначале аккордеон слепому Тимоше для того, чтобы он «отступился» от её дочери Марьки, изменилась ли она в конце спектакля? Вспоминаешь, – пишет рецензент, – суетливую готовность Щелкановой собирать чемодан дочери для отъезда её с Карасевыми, вспоминаешь упрекающие слова Марьки: «За золотой каретой, мама?», не вызвавшие особой реакции у матери, – и убеждаешься, что героиня спектакля в данной ситуации не победившая, в лучшем случае – нейтральная». Подобное недоумение рождает сомнения в правильности режиссёрского решения спектакля. Ещё более неоправданным выглядит режиссёрское изменение финала пьесы. Тамбовский спектакль заканчивается «довольно-таки миражной репликой Рахумы: «Она будет счастлива!»

Л. Яковлевым отмечается игра Д. Дульского, верно подавшего на сцене именно леоновский персонаж – факира Рахуму: «не акцентируя, кажется, прямо навязываемых пьесой комедийных ситуаций, подчеркивая затаённую боль героя, который не смог спасти семью от Бабьего Яра».

Как профессионального литературоведа Л. Яковлева волновало, насколько достоверно режиссёр и актерская труппа смогли воплотить замысел писателя на сцене, не внесены ли были изменения, искажающие драматургический конфликт и характеры персонажей. Он констатировал сценические различия по сравнению с авторским текстом

пьесы. «Сценически неточным» представился образ Кареева (Н. Гайдышев), ведь, по пьесе, «приехавший только для того чтобы что-то доказать о себе, Кареев должен уехать затем не в «золотой карете» некогда придуманной мести», он «из мнимого победителя превращается в побеждённого». А в спектакле академик «уходит со сцены без доли раскаяния».

Неудачным выглядит, по мнению Л. Яковлева, и Юлий Кареев в исполнении Р. Матвеева, который «предстает перед нами скорее просто безобидным молодым человеком, нежели помогающим вслед за отцом «золотой кареты».

Внутренняя напряжённость, суровое умение владеть собой, мужество Тимоши Непряхина воплотил на сцене артист М. Березин.

Л. Яковлев отмечает талантливую игру и других актеров: «Художественно точные решения, позволяющие создать цельные и впечатляющие характеры персонажей, дают народный артист РСФСР И. Марин в роли Непряхина-старшего и артистка В. Попова в роли Марьки <...> Не вызывает возражений исполнение роли Табун-Турковской артисткой Е. Мамонтовой, хотя, по-моему, постановщик сузил драматический материал пьесы для раскрытия этого образа» [24].

Проведенный анализ критической рецепции постановок Тамбовским драматическим театром пьес Л.М. Леонова показал заинтересованность и зрителя, и актерской труппы в достойном воплощении созданных писателем произведений на сцене провинциального театра. Включение пьес Л.М. Леонова в репертуар разных лет отражало чёткое понимание руководством театра актуальных проблем и сценических веяний времени. Тамбовский театр обращался к пьесам, вызвавшим интерес ведущих театральных коллективов России.

В большинстве случаев режиссёры-постановщики ориентировались на авторское видение конфликта, находили удачное решение в раскрытии проблематики произведений. Сценическое прочтение пьес Л.М. Леонова «Нашествие», «Обыкновенный человек», «Золотая карета» было хорошо, за редким исключением, встречено зрителями и критиками.

Таким образом, обращение к истории постановки леоновских пьес на тамбовской сцене позволяет выявить не только их худо-

жественные достоинства, но и эстетический резонанс в разные периоды.

Список литературы

1. Бугров Б.С. Философская драма Леонова // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 99-108.
2. Вахитова Т.М. Художественная картина мира в прозе Л. Леонова. СПб.: Наука, 2006. 317 с.
3. Дырдин А.А. Проза Леонида Леонова: метафизика мысли. М.: Изд. Дом «Синергия», 2012. 294 с.
4. Сорокина Н.В. Типология романистики Л. Леонова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 316 с.
5. Хрулёв В.И. Художественное мышление Леонида Леонова: в 2 ч. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
6. Леонов Л.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1984. 736 с.
7. Долженкова М.И., Толмачёв Ю.А. Тамбовская художественная культура. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. 216 с.
8. Прокудин С.Б. Творчество Л.М. Леонова периода Великой Отечественной войны (пьеса «Нашествие», повесть «Взятие Великошумска», «Статьи военных лет»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
9. Головчинер В.Е. Поэтика повторов в пьесе Л. Леонова «Нашествие» // «Точка, распространяющаяся на все...»: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 450-467. URL: <https://www.academia.edu/9113564/> (дата обращения: 12.01.2020)
10. Прилепин З. Игра его была огромна... Леонид Леонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 569 с.
11. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова. Из записок 1960–1980-х годов. М., 2002. 294 с.
12. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов / под ред. В.Л. Дьячкова; сост. М.М. Дорошина и др. Тамбов, 2008. Т. 2. 1318 с.
13. Карманов П.И. Путь исканий. Тамбовский театр с державинских времён... Тамбов: Пролетарский светоч, 2011. 200 с.
14. Смирнов А.Н. Театр и вся жизнь. Тамбов: Юлис, 2005. 424 с.
15. Черняк Р. «Нашествие» (Новая постановка областного драмтеатра) // Тамбовская правда. 1943. 12 окт.
16. Победоносцев С. Федор Таланов [Ноты]: музыкальная драма в 5-ти картинах: клавиш. Тамбов, 2006.
17. Леонов Л.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1983. 686 с.
18. Рождественский Р.И. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1988. 142 с.
19. Ларионов А. Перед открытием театрального сезона // Тамбовская правда. 1945. 22 сент.
20. Зеленева В. Открылся новый театральный сезон // Тамбовская правда. 1945. 25 сент.
21. Черняк Р. Недоработанный спектакль («Обыкновенный человек» Л. Леонова в областном драматическом театре) // Тамбовская правда. 1945. 30 сент.
22. Старикова Е.В. Леонид Леонов. Очерки творчества. М.: Худож. лит., 1972. 336 с.
23. Тимонина М.С. Метафора в художественной системе драматургии Л. Леонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.
24. Яковлев Л. «Золотая карета» // Тамбовская правда. 1971. 23 окт.

References

1. Bugrov B.S. Filosofskaya drama Leonova [Leonov's philosophical drama]. *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya* [Leonid Leonov's Century. Problems of Creativity. Memories]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 99-108. (In Russian).
2. Vakhitova T.M. *Khudozhestvennaya kartina mira v proze L. Leonova* [Artistic Worldview in the Prose of L. Leonov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, 317 p. (In Russian).
3. Dyrdin A.A. *Proza Leonida Leonova: metafizika mysli* [Leonid Leonov's Prose: Thought Metaphysics]. Moscow, "Sinergiya" Publ. House, 2012, 294 p. (In Russian).
4. Sorokina N.V. *Tipologiya romanistiki L. Leonova* [Typology of L. Leonov's Romance Philology]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2006, 316 p. (In Russian).
5. Khrulev V.I. *Khudozhestvennoye myshleniye Leonida Leonova: v 2 ch.* [Leonid Leonov's Artistic Thinking: in 2 pts.]. Ufa, Editorial and Publishing Center of the Bashkir State University, 2015. (In Russian).
6. Leonov L.M. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 9* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 9]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1984, 736 p. (In Russian).

7. Dolzhenkova M.I., Tolmachev Y.A. *Tambovskaya khudozhestvennaya kul'tura* [Tambov Art Culture]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2006, 216 p. (In Russian).
8. Prokudin S.B. *Tvorchestvo L.M. Leonova perioda Velikoy Otechestvennoy voyny (p'yesa «Nashestviye», povest' «Vzyatiye Velikoshumska», «Stat'i voyennykh let»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Creative Works of L.M. Leonov During the Great Patriotic War (Play “Invasion”, Novella “Taking Velikoshumsk”, “Articles of the War Years”): Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1955. (In Russian).
9. Golovchiner V.E. Poetika povtorov v p'yese L. Leonova «Nashestviye» [Poetics of repetitions in L. Leonov's play “Invasion”]. *«Tochka, rasprostranyayushchayasya na vse...»: K 90-letiyu professora Y.N. Chumakova* [“A Point that Extends to Everything...”: to the 90th Anniversary of Professor Y.N. Chumakov]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 450-467. (In Russian). Available at: <https://www.academia.edu/9113564/> (accessed 12.01.2020).
10. Prilepin Z. *Igra ego byla ogromna... Leonid Leonov* [His Game was Huge... Leonid Leonov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2011, 569 p. (In Russian).
11. Ovcharenko A.I. *V krugu Leonida Leonova. Iz zapisek 1960–1980-kh godov* [In Leonid Leonov's Society: from the Notes of the Years 1968–1988]. Moscow, 2002, 294 p. (In Russian).
12. Dyachkov V.L. (ed.). *Tambovskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Tambov Region During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Tambov, 2008, vol. 2, 1318 p. (In Russian).
13. Karmanov P.I. *Put' iskanii. Tambovskiy teatr s derzhavinskikh vremen...* [Search Path. Tambov Theater Since Derzhavin Times...]. Tambov, Proletarskiy svetoch, 2011, 200 p. (In Russian).
14. Smirnov A.N. *Teatr i vsya zhizn'* [Theatre and the Whole Life]. Tambov, Yulis Publ., 2005, 424 p. (In Russian).
15. Chernyak R. «Nashestviye» (Novaya postanovka oblastnogo dramteatra) [“Invasion” (New production of the regional drama theatre)]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1943, 12 October. (In Russian).
16. Pobedonostsev S. *Fedor Talanov [Noty]: muzykal'naya drama v 5-ti kartinakh: klavir* [Fedor Talanov [Sheets]: Musical Drama in 5 Pictures: Clavier]. Tambov, 2006. (In Russian).
17. Leonov L.M. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 7* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 7]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1983, 686 p. (In Russian).
18. Rozhdestvenskiy R.I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1988, 142 p. (In Russian).
19. Larionov A. *Pered otkrytiyem teatral'nogo sezona* [Before the theater season's opening]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1945, 22 September. (In Russian).
20. Zelenev V. *Otkrylsya novyy teatral'nyy sezon* [A new theater season has opened]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1945, 25 September. (In Russian).
21. Chernyak R. *Nedorabotannyy spektakl' («Obyknovennyy chelovek» L. Leonova v oblastnom dramati-cheskom teatre)* [Incomplete performance (“An Ordinary Man” by L. Leonov in the regional drama theatre)]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1945, 30 September. (In Russian).
22. Starikova E.V. *Leonid Leonov. Ocherki tvorchestva* [Leonid Leonov. Essays on Creative Works]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1972, 336 p. (In Russian).
23. Timonina M.S. *Metafora v khudozhestvennoy sisteme dramaturgii L. Leonova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphor in the Artistic System of L. Leonov's Dramaturgy: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2008. (In Russian).
24. Yakovlev L. *«Zolotaya kareta»* [“Golden Carriage”]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1971, 23 October. (In Russian).

Информация об авторе

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Поступила в редакцию 08.05.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.06.2020 г.
Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Nataliya V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Contribution: main study conception, material processing and editing, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Received 8 May 2020
Reviewed 20 June 2020
Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-585-590
УДК 811.161.1.06

“Media dictionary” as an instrument of national language consciousness study

Ekaterina A. SHCHEGLOVA

Saint-Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>, e-mail: e.scheglova@spbu.ru

«Медиа словарь» как инструмент изучения национального языкового сознания

Екатерина Александровна ЩЕГЛОВА

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>, e-mail: e.scheglova@spbu.ru

Abstract. The purpose of the research is the presentation of a new lexical graphic product, the idea of which is developed by the initiative group of scientists from the High school of journalism and mass communications in St. Petersburg State University. Nowadays there is a wide range of scientific researches devoted to the national language worldview. But there has not yet been an attempt of systematic fixation and linguistic analysis of word complex, building such a part as media view. Meanwhile, modern media are trend-setters for both the language sphere and the mental field. “Media dictionary”, as we believe, is called to, firstly, create a register of words which may be considered the key ones for this moment; secondly, reveal the semantic changes, happening to these words in media discourse; thirdly, follow the further life of the key words in the language. Such work is of a certain interest for completely different reading groups: casual consumers of media content, students of philology and journalism, those who study Russian as a foreign language, journalists to correct their speech behaviour. But most of all our edition is addressed to the scientific society, because it is meant to become an irreplaceable instrument for studying the current condition of the language worldview, to reflect the contemporary stage of the thinking history, to fix the last dynamic processes in the lexical system. We find it important to create the dictionary edition in the interactive form, which is correlated to the character of the dictionary: key words are very dynamic and changeable units. The work contains the project of the dictionary article, which helps to present the future lexical graphic edition.

Keywords: “Media dictionary”; current key words; media view; media reality; media discourse; language consciousness; worldview; ideographic dictionary

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the “Vladimir Potanin Foundation” within the framework of the project “Development of an interactive educational platform as an online component to the training course “Language Picture of Modern Times” for the Master’s Degree programme “Media Text in Mass Communications” no. ГК200000591.

For citation: Shcheglova E.A. “Media dictionary” as an instrument of national language consciousness study. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 585-590. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-585-590 (In English, Abstr. in Russian)

Аннотация. Целью данного исследования является представление нового лексикографического продукта, идея которого разрабатывается инициативной группой учёных Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. В настоящее время в научном пространстве существует широкий круг исследований национальной языковой картины мира. Однако не было попытки системной фиксации и лингвистического анализа совокупности слов, составляющих такую её часть, как

медиакартина. Между тем медиа в настоящее время являются законодателями мод как в сфере языка, так в области мысли. «Медиасловарь», как мы его себе представляем, призван, во-первых, создать реестр слов, которые можно считать ключевыми для текущего момента; во-вторых, выявить семантические изменения, происходящие с такими словами в медиадискурсе; в-третьих, проследить дальнейшую судьбу ключевых слов в языке. Подобная работа будет небезынтересна совершенно разным группам читателей: обычным потребителям медиаконтента, студентам филологических специальностей и факультетов журналистики, всем изучающим русский язык как иностранный, самим журналистам для корректировки своего речевого поведения. Но прежде всего наш проект обращён к научному сообществу, поскольку должно стать незаменимым инструментом в изучении текущего состояния языковой картины мира, отразить современный этап истории мышления, фиксировать последние динамические процессы в лексической системе. Принципиальным для нас является осуществление словарного издания в интерактивной форме, что согласуется с самим характером словника: ключевые слова – единица чрезвычайно подвижная и изменчивая. В данной работе содержится проект словарной статьи, который позволит дать представление о будущем лексикографическом издании.

Ключевые слова: «Медиасловарь»; ключевые слова текущего момента; медиакартина; медиареальность; медиадискурс; языковое сознание; картина мира; идеографический словарь

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке «Благотворительного фонда Владимира Потанина» в рамках проекта «Разработка интерактивной образовательной платформы как онлайн компонента к учебному курсу «Языковая картина современности» для направления магистратуры «Медиакультура в массовых коммуникациях» № ГК200000591.

Для цитирования: Shcheglova E.A. “Media dictionary” as an instrument of national language consciousness study // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 585-590. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-585-590

INTRODUCTION

The worldview study has a long tradition within several scientific directions: philosophy, psychology, linguistics. Its core character is the ability to express “the specific of human and his genesis, his relations with the world, the most important conditions of his existence in the world” [1, p. 18].

At present the language worldview study develops in two directions: 1) the reconstruction of the system of representations in the given certain language on the basis of systematic semantic analyses; 2) single concepts, being specific for a given certain language and having no analogues in other languages. The trend to unite these two directions may be found in the works by N.D. Arutyunova, A. Vezhbitskaya and others [2; 3]. It is important for this research in the system of scientific ideas about the language worldview: firstly, to understand its national specifics; secondly, to possess the ability to gradually change [4].

Nowadays the acute problem for scientific reconsideration is the journalistic worldview or media view. This aspect of the language worldview study relates to the observed in vari-

ous sciences (philosophy, sociology, linguistics) notion of media reality, based on the fact of changing one reality for another, created by media (researches of A.A. Negryshev [5], A.V. Polonsky [6] and others). Thus, media view reflects media reality and is an integral part of the worldview, its current state. Within linguistics this part of the language worldview of a contemporary human may be studied through selection and semantic processing of the key words, building it.

The notion “current key words” was introduced by T.V. Shmelyova, but her works touch upon the history of appearance and functioning of only some lexical units, having the needed characters [7]. Then the patterns of the appearance and the functioning of keywords in the news media discourse were considered (E.A. Shcheglova [8]). The acute elaboration of the register of such words and their semantic comprehension is proved by the existence of such linguistic social projects as “The word of the year”, “The dictionary of changes”, “The dictionary of the year”. From this viewpoint we consider it necessary to create the interactive “Media dictionary”, containing the current key words, following the principle of “lexical graphic parameterization”

formulated by Y.N. Karaulov [9]. Such “Media dictionary” allows: 1) understanding the historical fluidity of the elements of the language worldview as it is presented in media space; 2) revealing the manifestation of national specifics in the choice of such words by the language consciousness and their functioning; 3) distinguishing the linguistic mechanisms of lexical units entering the range of key words, expressing the elements of the system of representations comprising the language worldview.

THEORY

It is important to notice that the understanding of the necessity to lexically and graphically describe the notion system of the language in the Russian scientific tradition rises from the works by I.I. Sreznevsky and L.V. Sherba. But in the Russian lexical graphic practice ideographical dictionaries are one of the youngest types of lexical graphic editions, reflecting the achievements of cognitive linguistics and the work on the logical-notion lexical classification. The integration of the work on ideographic dictionaries and the understanding of the language worldview is vitally important, i. e. the dictionary in this case is a necessary instrument for studying its fragments, which provides accuracy and objectiveness of the findings [9–12]. Among the existing Russian dictionaries the special place is occupied by the “Russian semantic dictionary” (1982) written under Y.N. Karaulov [10], and the “Russian semantic dictionary” (the first volume – 1998) edited by N.Y. Shvedova [11], which lay the methodological foundation for such dictionaries in the Russian tradition. The logical continuation of this work is to make the dictionaries of current key words, reflecting the present system of notions of the language worldview. That is the interactive “Media dictionary”, able to become the foundation for creating the dictionary of the epoch key notions, and it embodies the idea, expressed by L.V. Sherba, but not yet realized in the real lexical graphic practice: “Ideological dictionaries... finally must become the material for building the history of thinking, reflected in the language” [13, p. 295]. It is important to notice that the suggested lexical graphic vector is close to the works in the Laboratory of computer lexicography of Saint Petersburg state university

headed by G.N. Sklyarevskaya: “The Russian key word dictionary” [14] is extremely important for understanding the Russian language worldview, but it only states, but does not follow the dynamic changes, sometimes happening so rapidly. It is important that the existence of such dictionary is meant in interactive form, because it allows fixing and reacting to the dynamic processes of such a changeable unit as current key words, which do not presuppose the relative stability in the language consciousness unlike the concepts.

DATA AND METHOD

As the methodological foundation for “Media dictionary” we suggest using the tradition of compilation of ideographic and semantic Russian dictionaries. This is conditioned by the fact that such a type of dictionaries is meant to demonstrate the way lexical arrays, semantically formed, fulfill the informative and constructive functions, presenting the “life pictures” (N.Y. Shvedova [12]). Thus, the founding concept of the semantic dictionaries is the idea that the lexical language system is a level created and regulated by the language. In this case the planned dictionary is a logical continuation of the concept, because it is meant to distinguish the lexical and semantic classes not in the language, but in the speech; exactly speaking – in its certain variant, which is media speech (on the functioning of vocabulary in media speech see [15; 16]). Thus, the idea has an obvious practically oriented meaning – to define the fragments of the national worldview in speech works of media sphere. The vocabulary, selected in the process of work with the dictionary, is to be classified into semantic fields, using the unity of seme as a differentiating semantic sign.

The empiric material for the dictionary includes, first of all, the texts of professional journalists, dedicated to the most important events on the current agenda (cultural, economic, political, sport etc.), secondly, the texts of social media (social networks, forums, blogs etc.). This is the case because the semantic shifts, happening to a word in the texts of professional journalists, fix later in the word usage of regular Internet users. Thus, as an example, the given article contains texts on the case of the Skripals.

The selection of words, which are currently key for the language worldview, means several stages.

1. The computer processing of texts of the collected empiric material to get the quantitative data on the word usage.

2. The analytical processing of the findings and selection of the most frequent lexical units of key words, corresponding to several criteria of selection: derivative links; usage in conceptually meaning fragments and strong positions (headlines, beginnings, ends) of a text; appearance of extra linguistic syntagmatic and paradigmatic connections. Considering this as a foundation, the word *spire* was distinguished in hyper media text dedicated to the Skripals' poisoning in Salisbury.

3. The formation of lexical semantic fields connected with a certain event discourse, which becomes the main principle of systematization of the dictionary lexical material.

FINDINGS

The lexical graphic practice has a tradition: it is supposed that it is enough to describe three parameters – empiric material, vocabulary and the dictionary article structure if characterizing any dictionary. The above-mentioned parameters are also added with an addressee. Following the tradition, we shall characterize the potential future of the lexical and graphic edition.

Addressee. “Media dictionary” is addressed to the wide variety of users: Russian philologists, practicing journalists, Russian-learning foreigners, students of linguistic specialties and journalism, and to the wide audience interested in the latest processes of the language life.

Vocabulary. The empiric material of “Media dictionary” was characterized above, its is the foundation with principles described within the research methods for the further selection of current key words, which will comprise the vocabulary of the would-be dictionary. Thus, the principle for the formation of the dictionary is based on following the quantitative and qualitative changes in the word usage in media discourse, which allows distinguishing the current key words.

The dictionary article structure. The dictionary article compilation is meant in accord with the following structure:

1. the leading word;
2. peculiarities of writing;
3. grammar characteristic;
4. stylistic notes;
5. semantic notes;
6. definition, the first one being the usage, fixed in the Russian dictionaries;
7. illustration from media texts (following each definition);
8. the set expressions;
9. stylistic notes for the set expressions;
10. semantic notes for the set expressions;
11. definition of set expressions;
12. synonyms and antonyms of new meanings;
13. historical and cultural characteristic of the word, explaining the peculiarities of the word formation as the current key word, factors which led to the semantic shift.

The dictionary article project.

spire, n., m. 1. a narrow high construction of pyramid or cone form on the top of a building: *Men... told, that they had been to London to “hang out”, and to Salisbury – to watch the local cathedral with a high spire and old clock* (Kommersant).

2. *vulg., agres., fig.* male generative organ: *5 facts about two Russian fags battering slush with a 123-meter Gothic spire early spring in Britain* (headline, Snatch.news)

◇ *iron., fig.* to watch the spire, to watch the spires, to look at the spire, to observe the spire, to take a look at the spire 1. is used as an example of a paraphrase of a lie, falsification, nonsense: *Two men came to watch the spires: social nets ridiculed the story of Petrov and Bashirov about the trip to Salisbury* (headline, New Time); *We drank coffee both, It has bee invisibly snowing for two days, We watched the spire and all that* (social networks); 2. homosexual relations, invitation to them (compare *rude rumpy-pumpy* – in Russian the words “spire” and “rumpy-pumpy” have the same root): *Petrov and Bashirov have ridiculously been made into fags who go to watch the 123-meter spire and then make a rumpy-pumpy in cheap English motels* (Snatch.news); syn. to watch the cathedral, to observe the cathedral: *Let's go to Salisbury and watch the cathedral* (mem).

● Semantic shifts are connected with the investigation of the Skripals' attempted assassi-

nation in Salisbury on March 4, 2018. The actualization of the ward happened after the publication of the interview with the suspects (Andrey Petrov and Ruslan Bashirov) on September 14, 2018; they claimed that they visited Salisbury with touristic purposes, to watch the cathedral and its spire in particular.

CONCLUSION

Thus, the interactive “Media dictionary” is a lexical graphic edition which is meant to solve several tasks: 1) to create the register of the current key words presenting the foundation of the language consciousness of contemporary hu-

man, who is accustomed to the reflected in media worldview – media view; 2) to study the mechanism of appearance of such words in the national language consciousness and their semanticization; 3) to register the additions, spread, transformations and other dynamic processes in the national language worldview, following the possibilities of the transformation of some key words into concepts; 4) to lead the contemporary reader in media space. In our opinion, the multiple functionality of “Media dictionary” with the currently demanded interactive form makes such edition a priceless instrument for studying the national language consciousness at the present moment of its existence.

Список литературы

1. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
2. *Финикова И.В.* Содержательный и функциональный потенциал понятия языковая картина мира в современных лингвистических исследованиях // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). С. 342-356.
3. *Яковлев А.А.* Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 2. С. 5-20.
4. *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента. Понятие правильности. М.: Златоуст, 2015. 220 с.
5. *Негрышев А.А.* Виртуальная псевдореальность: механизмы трансформации картины события в заголовках интернет-новостей // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа. 2017. Вып. 6. С. 326-328.
6. *Полонский А.В.* Культурный статус медийного текста // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 7-18.
7. *Шмелёва Т.В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33-41.
8. *Щеглова Е.А.* Функционирование ключевых слов в новостном медиадискурсе // Проблемы современной русистики. Ереван, 2019. № 4 (8). С. 58-63.
9. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
10. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / под ред. Ю.Н. Караулова, В.И. Молчанова, В.А. Афанасьева. М.: Наука, 1982. 568 с.
11. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007.
12. *Шведова Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.
13. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
14. Толковый словарь ключевых слов русского языка / под ред. Н.Г. Складневской. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. 671 с.
15. *Дускаева Л.Р., Цветова Н.С., Щеглова Е.А.* Лексическая типология // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. С. 142-151.
16. *Prokofeva N., Vasilieva V.* Slang toponyms and newsmakers' nicknames as a communicative contact and indicator of comic culture in the modern Russian journalism // International Review of Management and Marketing. 2015. № 5 (Special Issue). P. 1-10.

References

1. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The worldview in the life of human]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in the Language: Language and Worldview]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8-69. (In Russian).

2. Finikova I.V. Soderzhatel'nyy i funktsional'nyy potentsial ponyatiya yazykovaya kartina mira v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Meaningful and functional potential of the concept of the linguistic picture of the world in modern linguistic research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of the Moscow State University. Humanities], 2019, no. 1 (817), pp. 342-356. (In Russian).
3. Yakovlev A.A. Yazykovaya kartina mira kak lingvisticheskoye ponyatiye: obzor rossiyskikh publikatsiy poslednykh let [Language picture of the world as a linguistic concept: review of Russian publications of recent years]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 5-20. (In Russian).
4. Kostomarov V.G. *Yazyk tekushchego momenta. Ponyatiye pravil'nosti* [Language of the Current Moment. Concept of Correctness]. Moscow, Zlatoust Publ., 2015, 220 p. (In Russian).
5. Negryshev A.A. Virtual'naya psevdoreal'nost': mekhanizmy transformatsii kartiny sobytiya v zagolovkakh internet-novostey [Virtual pseudoreality: mechanisms of transformation of the picture of the event in the headlines of Internet news]. *Media-lingvistika. Yazyk v koordinatakh massmedia* [Media Linguistics. Language in Mass Media Coordinates], 2017, issue 6, pp. 326-328. (In Russian).
6. Polonskiy A.V. Kul'turnyy status mediynogo teksta [The cultural status of media text]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2016, no. 1 (11), pp. 7-18. (In Russian).
7. Shmeleva T.V. Klyuchevyye slova tekushchego momenta [Current key words]. *Collegium*, 1993, no. 1, pp. 33-41. (In Russian).
8. Shcheglova E.A. Funktsionirovaniye klyuchevykh slov v novostnom mediadiskurse [Functioning of key-words in news media discourse]. *Problemy sovremennoy rusistiki* [Problems of Modern Rusistics], Erevan, 2019, no. 4 (8), pp. 58-63. (In Russian).
9. Karaulov Y.N. *Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Constructing and Literary Thesaurus]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 366 p. (In Russian).
10. Karaulov Y.N., Molchanov V.I., Afanasyev V.A. (eds.). *Russkiy semanticheskii slovar': Opyt avtomaticheskogo postroyeniya tezaurus: ot ponyatiya k slovu* [The Russian Semantic Dictionary: Experience of Automatic Thesaurus Construction: from Notion to Word]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 568 p. (In Russian).
11. Shvedova N.Y. (ed.). *Russkiy semanticheskii slovar': Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [The Russian Semantic Dictionary: Systematized by Classes and Meanings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998–2007. (In Russian).
12. Shvedova N.Y. Teoreticheskiye rezul'taty, poluchennyye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem» [Theoretical findings of the work on the “Russian semantic dictionary”]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Issues of Language Studies], 1999, no. 1, pp. 3-16. (In Russian).
13. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 427 p. (In Russian).
14. Sklyarevskaya N.G. (ed.). *Tolkovyy slovar' klyuchevykh slov russkogo yazyka* [The Russian Key Word Dictionary]. St. Petersburg, Philological faculty of SPSU Publ., 2014, 671 p. (In Russian).
15. Duskayeva L.R., Tsvetova N.S., Shcheglova E.A. Leksicheskaya tipologiya [Lexical typology]. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Notions: Reference Book]. Moscow, Flinta Publ., 2018, pp. 142-151. (In Russian).
16. Prokofeva N., Vasilieva V. Slang toponyms and newsmakers' nicknames as a communicative contact and indicator of comic culture in the modern Russian journalism. *International Review of Management and Marketing*, 2015, no. 5 (Special Issue), pp. 1-10.

Информация об авторе

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: e.scheglova@bk.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ данных, написание и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Поступила в редакцию 26.04.2020 г.

Поступила после рецензирования 06.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Ekaterina A. Shcheglova, Candidate of Philology, Associate Professor of Institute “School of Journalism and Mass Communications”. Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: e.scheglova@bk.ru

Contribution: study conception, data analysis, manuscript drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Received 26 April 2020

Reviewed 6 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

Phatic meanings of key words in popular science journalism

Natalia A. PROKOFEVA

Saint-Petersburg State University
7/9 Universitetskaia Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>, e-mail: n.prokofeva@spbu.ru

Фатические смыслы ключевых слов в научно-популярной журналистике

Наталья Анатольевна ПРОКОФЬЕВА

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>, e-mail: n.prokofeva@spbu.ru

Abstract. The purpose of the research is to demonstrate the functioning of key words in the texts of popular science journalism. Modern media text is created not only to inform, but to attract the reader. This enlarges the role of contact-building means, for example – the address to the epoch key words. We consider the peculiarities of phatic meanings in popular science journalism, dedicated to the historic themes. The research contains the analysis of phatic meanings in two randomly chosen issues of historic magazines. The result of the analysis is the selection of two groups of key words, which make the journalistic text contain additional phatic meanings. The first group of words is the current key words, allowing relating the publication, containing the address to a historical event or a historical person, to the actual reality. This lexical group allows the journalist to make the publication politically critical and topical and also to evaluate the current political situation through the historical parallel. Such word usage allows including ironic subtext in the historical journalism. The second group of words is the key words of a single publication; they allow completely characterizing an event or a person, being in the center of a journalist's attention. These are the words, which relate to the acute for the Russian culture value meanings. They stay aside with the complete semantics and characterize the speech subject, the journalist's relation to it, but they do not relate the theme to the current political situation.

Keywords: popular science journalism; key words; phatics; phatic meanings; speech representation; semantics and pragmatics of word usage

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the “Vladimir Potanin Foundation” within the framework of the project “Development of an interactive educational platform as an online component to the training course “Language Picture of Modern Times» for the direction of the Master «Media Text in Mass Communications” no. ГК200000591.

For citation: Prokofeva N.A. Phatic meanings of key words in popular science journalism. *Neofilologia – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 591-598. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598 (In English, Abstr. in Russian)

Аннотация. Целью настоящего исследования стала демонстрация функционирования ключевых слов в текстах научно-популярной журналистики. Современный медиатекст создаётся с таким расчётом, чтобы быть не только информативным, но и привлекательным для читателя. В связи с этим возрастает роль контактоустанавливающих средств, в частности – обращение к ключевым словам эпохи. Рассмотрены особенности развёртывания фатических смыслов в научно-популярной журналистике, посвящённой исторической тематике. Представлен анализ фатических смыслов в двух случайным образом выбранных выпусках исторических журналов. Результатом анализа становится выделение двух групп ключевых слов, в результате обращения к которым журналистский текст приобретает дополнительные фатические смыслы. Первая группа слов – ключевые слова текущего момента, позволяющие

соотнести публикацию, в которой дано обращение к историческому событию или историческому деятелю, с актуальной действительностью. Эта группа лексем позволяет журналисту сделать представленную публикацию политически острой и злободневной, а также дать оценку текущей политической ситуации через проведённую историческую параллель. Такое словоупотребление позволяет включить в историческую публицистику иронический подтекст. Вторая группа слов – ключевые слова отдельно взятой публикации, они позволяют наиболее полно характеризовать событие или персону, оказавшиеся в центре внимания журналиста. Это слова, которые соотнесены с актуальными для русской культуры ценностными смыслами. Они отличаются состоявшейся семантикой и характеризуют предмет речи, отношение к нему журналиста, а не соотносят тему с текущей политической ситуацией.

Ключевые слова: научно-популярная журналистика; ключевые слова; фатика; фатические смыслы; речевая репрезентация; семантика и прагматика словоупотребления

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке «Благотворительного фонда Владимира Потанина» в рамках проекта «Разработка интерактивной образовательной платформы как онлайн компонента к учебному курсу «Языковая картина современности» для направления магистратуры «Медиатекст в массовых коммуникациях» № ГК200000591.

Для цитирования: Prokofeva N.A. Phatic meanings of key words in popular science journalism. // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 591-598. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598

INTRODUCTION

At present with all the twenty-year arguments on the day when the printed journalism dies, the latter flourishes, changing after the demands of contemporary society. The demands make the reader become more scrupulous: he waits to be conquered, to have the information he wants and the way he wants. This leads to the tendency of a severe fight for the target audience and a greater specialization of editions. Earlier there were popular science editions of general profile (for example, all-inclusive “Around the world”), which provided information about history, physics, astronomy, cooking, geography etc. Nowadays the preference is given to the narrowly specialized editions, which are dedicated to each of the enumerated spheres solely. If considering only historical editions, we may name more than five of them: “Amateur”, “Historian”, “War history”, “Secret councilor”, “Motherland”. We may say, that at present the market of popular science editions is formed again, which creates the research interest for defining the concepts of such journals, peculiarities of navigation, means of drawing the attention, specifics of interaction with the audience.

On the whole it is necessary to say that contemporary popular science journalism develops within the general tendencies of mass media: a special attention is paid to the phatic component of the text. Firstly, this is the imitation of hypertext construction in the printed variant: improved and largely blown system of announce-

ments which fulfill the task of contact building and further support and contact checking. Secondly, this is the increased interaction with the audience: inclusion of various entertaining elements such as tests, crosswords, sketches, calls for discussion, addresses to the expanded Internet version of the edition. Thirdly, the specifics of the speech representation of an event or a person in the text: the imitation of informal friendly communication, the address to the key words connected with a person or an epoch in the national consciousness.

THEORY

All the above-mentioned peculiarities are connected with the text balancing between two sides – informational and phatic. On the one hand, popular science journalism longs to the side of message – transfer of new knowledge. On the other hand, a journalist faces an important task to draw and hold the attention of the reader, which makes the text long to the opposite side of communication – entertainment. In contemporary world with its informational overflow the second component becomes almost dominating.

In this case it is necessary to note the basic markers of the phatic studies and the validity of its functioning in media text. They were sociologists [1], not philologists, who thought about the phatic functions of the language for the first time, defining it as an idle, empty usage of the language, which is character for the everyday

communication with a limited and replicable range of topics. Phatics was liable to linguistic analysis within the functionalism of the Prague linguistic circle [2]. In the theory of speech acts the phatic function is acknowledged as one of the determining speech influences. In the hierarchy of functions it may occupy different positions, but it is present within conditions of any speech act.

Also the understanding of the phatics – as one of the secondary, though integral, language functions – dominated for a long time, and the phatic speech interaction was mostly meant for the everyday communication and in conditions of everyday communication imitation in the fiction books. The qualitative rise in the phatic studies happened at the end of the XX century, when the first idea about the demand for the phatic speech behaviour in mass media was pronounced [3–6]. The interest for phatics grew intensely, it was studied in conditions of different discourses [7–12], and researchers studied functionality [13; 14], means [15–17], phatic genres [18–20]. The logical continuation of the scientific thought, developing in this direction, are the attempts of complex rethinking of phatics in media discourse [21]. That is why at present we may surely speak about the fact that phatics is an ontological characteristic of a journalistic text [22; 23], confronting the informing and defining the communicative informative value of the text (idea about the speaker, his speech competence, his relation to the speech subject and the communicator), also the informative value which draws from the main topic of the text [24, p. 246]. Phatics functions in media discourse include dispersion of informative flow density, the addressee's socialization (creation of “own” circle of communication) and solidarity with him, airclearing, building the atmosphere of personally oriented communication.

DATA AND METHODS

This leads to the idea that phatics is not simply an integral part of popular science journalism, but also one of its main components, which makes us say some words on the specific of phatic demand in the popular science journalism. The phatic meanings interfuse any speech interaction, but depending upon the sphere of its existence they modify significantly. This is con-

nected with the fact that any language element may become phatic [25; 26]. In its whole volume media discourse addresses phatics as a way to disperse the informational flow – in most cases to include the entertaining (humorous) component, but in popular science journalism we notice the functioning of phatics as a way to refine the informational flow with overtones of meanings – setting to make the discourse intellectual. I. e. phatics in popular science editions is present in the form of intellectual game, competition between the author and the reader.

So, the method of phatic meanings study, appearing in popular science journalism, is to be connected with the intentional stylistic analysis, based on the analysis of single lexical units, which characterize the national worldview and the language taste of the current epoch [27]. We observe that it is necessary to conduct the analyses of two lexical groups: current key words (they actualize the historical theme, link it with the current situation) and key words of a certain publication (they actualize the background, connected with an event or a person, presented in the text). The important index of the discourse intellectualization is the definition of key sources for the publication of words with meanings, character for the Russian mentality – this is one of the most important characteristics of the audience, which the journalistic texts aim at.

FINDINGS

As in most contemporary journals, popular science editions are compiled around a certain topic. If we consider historical editions, then, as a rule, the issue is connected with the anniversary of an event. Starting from the headliner of the issue, the journal is filled with phatic meanings. We shall analyze two sample journals (the issues are taken randomly) – “Amateur” (#35, November, 2018) and “Historian” (#54, June, 2019).

The topic of the analyzed issue of the journal “Amateur”: *Katherine II: the Crimea is mine*. The headline is obviously bodacious, correlating with one of the words, which is to be acknowledged as the current key word *Crimeaours*. The edition does not brave with topical political accent and do not hide the desire to create communication for the devoted – “friendly” circle of readers: eloquent language play lies

within the subtext. The headline is created after the demanded model: the precedent name + quotation. It may be perceived as simple information about the event, but the readers' consciousness, understanding the acute political situation in the country, sees the appeal to the used current key word. This parallel helps to perceive the subtextual information, refining the text with complementary meanings, actualizing the historical event, which became the issue topic. Thus, the readers' attention (contact-building) is drawn by the address to the current key vocabulary.

The same example of drawing the attention of a potential reader may be noticed in the journal "Historian" headline, announcing the following issue: *Peter and Ivan: sovereign tandem*. In the contemporary Russian reader's consciousness the word *tandem* possesses a new ironic meaning – governing the country by two politicians, changing their political roles, and one of the politicians is much weaker than the other and always takes the position of the controlled one. As we see, the current key vocabulary is also used here. It possesses the potential of attention drawing, involvement of the audience in the dialogue, loading the text with overtones of meaning, including the historical event in the contemporary context. The created parallel characterizes not only and not to any degree the gone epoch, presented in the announcement, but the contemporary political situation in the country with a clear hint at the role positions of mentally ill Ivan Alexeevich and perspective Peter Alexeevich. Here we may also notice the shock for the public, invitation for intellectual competition, because in its essence nothing is said, the reader must perceive and evaluate the ironic headline on his own.

The very topic of the issue is developed with the address to the current key words and to the concepts which accumulate the value meanings within the Russian culture. In this case we face the language play, and its peculiarity is revealed through the reserve, which we noticed in the above mentioned announcing headlines. We shall consider the development of the issue headline by the example of the journal "Historian" issue (June, 2019) *More than a poet. What is Alexander Sergeevich Pushkin for Russia?*

Most of all this is the address to the precedent texts – without the habitual change of the components: *all ours* (A. Grigoryev) – one

of the most famous expressions about Pushkin, which appeared in the so-called Pushkin's (!) epoch; *more than a poet* (N. Nekrasov) – interpretation of a known poem "Poet and citizen", which stops being politically topical in the context, having many plans and many meanings: historian, politician, thinker and others; *free mind* (A. Pushkin) – a quotation from the Pushkin's manifest of the poem "From Pindemonte" as the postulate on eternal spiritual values, opposing the material ones; *the steamboat of modern times* (V. Mayakovsky) – rethinking of roles of poet and poetry, Pushkin as a national poet in the social life, we clearly may see the appeal to the present attitude to literature on the whole and Pushkin in particular; *Boirgeois gentilhomme* (J.-B. Moliere) – a capacious characteristic of the Pushkin's history, a metaphor with no necessary explanation, which reveals the never-ending associative line due to the first source etc. All these allusions are spread about the text, concentrated in the headline, seen in the photo comments and become unique marks helping the reader to travel through the text. All of them are meant to check and constantly support the contact with the audience. On the one hand, this is the entertaining element – riddle games, on the other hand, it is an aspect making communication complex and initiating the social intellectualization, refining the journalistic text with the system of meanings from the first source – the greatest revelation of phatic settings.

Then, this is the appeal to the eternal values of the Russian and the world culture: *poet* (opposing the novelist) – the history of the world literature develops in constant opposition of high poetry and low prose; *civil poetry* (opposing the clear poetry) – the antinomy, which defines the only Russian attitude to the literature, including the journal literature: the Russian poet can not be just a poet, he must serve people, *golden ratio* – the metaphor of pure beauty, genuine perfection is percept in any context as the highest praise etc.

CONCLUSION

On the whole we may say that key words in popular science journalism are divided into two types:

1) current key words, which are used to draw and hold attention of the public, actualization of a historical event in contemporary context; phatic meanings of such words create the effect of socialization, audience selection, creation of “friendly” circle;

2) key words, connected with the described epoch, creating the portrait of a historical person, continuously presenting the new images or characterizing the person from a new side, or connected with common human values, which allows including the described event or person into the world historical context.

The selection of key words in the text greatly defines the understanding of an event and presentation of a person and accesses the refinement of the presented material, helping to

compare it with the current situation and even to evaluate it (often ironically).

The phatic nature of the address to the key words in the texts, devoted to a historical person or past events, is characterized with the richness of associative lines, making the presentation of the past contemporary and acute. The key words in the historical context bear sub textual meanings and the richness of associative lines (which is the foundation of phatically oriented communication).

It is necessary to add as the continuation of the idea, that truly deep reading of such texts demands a special lexical graphic edition – a dictionary of current key words – which allowed perceiving the finest connotations of the meanings, implemented in the text with key words, in all their multiple variety.

Список литературы

1. *Malinowski B.* The problem of meaning in primitive languages // The meaning of meaning / eds. C.K. Ogden, I.A. Richards. N. Y.: Harcourt. Brace & World. N. Y., 1923. P. 296-336.
2. *Jakobson R.O.* Closing Statements: Linguistics and Poetics // Sebeok T.A. Style in Language. Cambridge Massachusetts, 1960. P. 350-377.
3. *Андреева С.В.* Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
4. *Чернышова Т.В.* Фатическое общение как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2004. № 4. С. 46-51.
5. *Федосюк М.Ю.* Публичная фатическая речь // Речеведение: научно-методические тетради. № 2. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. С. 19-28.
6. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / под ред. В.И. Конькова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. 272 с.
7. *Черник В.Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 25 с.
8. *Кузьмина В.М.* Языковая личность автора фатической статьи на сайте глянцевого журнала для женщин // Университетский научный журнал. 2016. № 23. С. 142-154.
9. *Минчук И.И.* Фатическое общение в Viber-сообществе информационного ресурса: этикетные, игровые, метатекстовые жанры // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. Вып. 3. С. 341-352.
10. *Чистова Е.В.* Фатические средства в видеоблогах (на материалах кинокритик на платформе Youtube) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2019. Т. 8. № 2. С. 54-58.
11. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 131-148.
12. *Косова К.И.* Коммуникативная культура и роль фатической функции в межличностном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 87-94.
13. *Клюев Е.В.* Фатическая функция языка и проблемы референции. URL: <http://www.kluev.com/?p=5> (дата обращения: 22.06.2017).
14. *Чигвинцева О.А.* Перформативность коммуникации: от фатики к прагматике // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 107-113.
15. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

16. Кульнина Е.А. Специфика маркеров фатической функции письменного монологического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53). С. 122-124.
17. Романовская Л.В. Фатические метакоммуникативы в дискурсе англоязычных интервью // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. № 44. С. 60-72.
18. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
19. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 188-195.
20. Дементьев В.В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. С. 255-274.
21. Корнилова Н.А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 28 с.
22. Kępa-Figura D. Gry językowe w polskich telewizyjnych serwisach informacyjnych jako przejaw fatyczności i sprawczości współczesnej komunikacji medialnej // Медиалингвистика. СПб., 2018. Т. 5. Вып. 4. С. 366-379.
23. Kępa-Figura D. Wspólne narracje, czyli komunikacja (ujęcie językoznawcze) // Wasilewski J. (red.). Narracje w życiu. O grupie i o jednostce. seria: Media początku XXI wieku. Т. 29. Warszawa: Instytut Dziennikarstwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. S. 217-242.
24. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. 440 с.
25. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти проф. Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 9-14.
26. Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1954. № 2. С. 68-82.
27. Щеглова Е.А. Функционирование ключевых слов в новостном медиадискурсе // Проблемы современной русистики. 2019. № 4 (8). С. 58-63.

References

1. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages. In: Ogden C.K., Richards I.A. (eds.). *The Meaning of Meaning*. New York, Harcourt, Brace & World Publ., 1923, p. 296-336.
2. Jakobson R.O. Closing Statements: Linguistics and Poetics. In: Sebeok T.A. (ed.) *Style in Language*. Cambridge, Massachusetts, Cambridge University Press, 1960, p. 350-377.
3. Andreeva S.V. *Rechevyye edinitsey ustnoy russkoy rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech Units of the Oral Russian Speech: System, Usage Zones, Functions]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 192 p. (In Russian).
4. Chernyshova T.V. Faticeskoye obshcheniye kak sotsial'nyy simvol kommunikatsii (na materiale tekstov pechatnykh SMI) [Phatic communication as a social symbol of communication (by the printed mass media texts)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya, filologiya, filosofiya i pedagogika – Izvestiya of Altai State University. Series History, Philology, Philosophy and Pedagogics*, 2004, no. 4, pp. 46-51. (In Russian).
5. Fedosyuk M.Y. Publichnaya faticheskaya rech' [The public phatic speech]. *Rechevedeniye: nauchno-metodicheskiye tetradi. № 2* [Speech Studies: Scientific Methodical Conspectus. No. 2]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2000, pp. 19-28. (In Russian).
6. Konkov V.I. (ed.). *Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii: stilisticheskiy aspekt* [The Russian Speech in Mass Media: Stylistic Aspect]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ. House, 2007, 272 p. (In Russian).
7. Chernik V.B. *Faticheskie rechevie zhanry v pedagogicheskom diskurse i tekste uroka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Phatic Speech Genres in Pedagogical Discourse and Study Text. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Ekaterinburg, 2002, 25 p. (In Russian).
8. Kuzmina V.M. Yazykovaya lichnost' avtora faticheskoy stat'i na sayte glyantsevoogo zhurnala dlya zhenshchin [Phatic article author's language individuality at glossy magazine for women site]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal – Humanities and Science University Journal*, 2016, no. 23, pp. 142-154. (In Russian).
9. Minchuk I.I. Faticeskoye obshcheniye v Viber-soobshchestve informatsionnogo resursa: etiketnyye, igrovyye, metatekstovyye zhanry [Phatic communication at Viber-community of informational resource: etiquette, game, metatext genres]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 341-352. (In Russian).

10. Chistova E.V. Fatcheskiye sredstva v videoblogakh (na materialakh kinoretsenziy na platforme Youtube) [Phatic means in video blogs (on the material of film reviews at Youtube platform)]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika – Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 54-58. (In Russian).
11. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. Imitatsionnost', informativnost' i fatika v zhanrakh gumanitarnogo nauchnogo diskursa [Imitation, information and phatic at humanitarian scientific discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 131-148. (In Russian).
12. Kosova K. I. Kommunikativnaya kul'tura i rol' fatcheskoy funktsii v mezhlchnostnom obshchenii [Communicative culture and role of phatic function in interpersonal communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2015, no. 2 (26), pp. 87-94. (In Russian).
13. Klyuyev E. V. *Fatcheskaya funktsiya yazyka i problemy referentsii* [The Phatic Function of the Language and the Problem of Reference]. (In Russian). Available at: <http://www.kluev.com/?p=5> (accessed 22.06.2017).
14. Chigvintseva O.A. Performativnost' kommunikatsii: ot fatiki k pragmatike [Communication performativity: from phatic to pragmatic]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 394, pp. 107-113. (In Russian).
15. Demytyev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006, 376 p. (In Russian).
16. Kulnina E.A. Spetsifika markerov fatcheskoy funktsii pis'mennogo monologicheskogo teksta [Phatic function markers specifics in written monological text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015, no. 11-3 (53), pp. 122-124. (In Russian).
17. Romanovskaya L.V. Fatcheskiye metakommunikativy v diskurse anglo-yazychnykh interv'yu [Phatic metacommunicatives in English interview discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 2018, no. 44, pp. 60-72. (In Russian).
18. Demytyev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znack Publ., 2010, 600 p. (In Russian).
19. Sedov K.F. Vnutrizhanrovyye strategii rechevogo povedeniya: «ssora», «kompliment», «kolkost'» [Inner genre strategies of speech behaviour: “argument”, “compliment”, “sarcasm”]. *Zhanry rechi – Speech Genres*. Issue 1. Saratov, College Publ., 1997, pp. 188-195. (In Russian).
20. Demytyev V.V. «Razgovor po dusham» v sisteme tsennostey russkoy rechevoy kommunikatsii [“Informal conversation” at value system of Russian verbal communication]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 255-274. (In Russian).
21. Kornilova N.A. *Fatcheskaya rech' v massmedia: kompozitsionno-stilisticheskiye formy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Phatic Speech in Mass Media: Compositional and Stylistic Forms. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2013, 28 p. (In Russian).
22. Kępa-Figura D. Gry językowe w polskich telewizyjnych serwisach informacyjnych jako przejaw fatyczności i sprawczości współczesnej komunikacji medialnej. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 366-379. (In Polish).
23. Kępa-Figura D. Wspólne narracje, czyli komunikacja (ujęcie językoznawcze). *Narracje w życiu. O grupie i o jednostce. seria: Media początku XXI wieku*. Warsaw, Institute of Journalism of University of Warsaw Publ., 2016, vol. 29, pp. 217-242. (In Polish).
24. Duskaeva L.R. (ed.). *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Notions: Reference Book]. Moscow, Flinta Publ., 2018, 440 p. (In Russian).
25. Murzin L.N. Polevaya struktura yazyka: fatcheskoye pole (tekst lektsii) [The field structure of the language: phatic field (lecture text)]. *Fatcheskoye pole yazyka (pamyati professora L.N. Murzina)* [The Phatic Field of the Language (in Remembrance of the Professor L.N. Murzin)]. Perm, Perm University Publishing House, 1998, pp. 9-14. (In Russian).
26. Sorokin Y.S. K voprosu ob osnovnykh ponyatiyakh stilistiki [On basic notions of stylistics]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija*. Moscow, Nauka Publ., 1954, no. 2, pp. 68-82. (In Russian).
27. Shcheglova E.A. Funktsionirovaniye klyuchevykh slov v novostnom mediadiskurse [Keywords functioning at information media discourse]. *Problemy sovremennoy rusistiki – Main Issues in Modern Russian Studies*, 2019, no. 4 (8), pp. 58-63. (In Russian).

Информация об авторе

Прокофьева Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: n.prokofeva@spbu.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ данных, написание и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>

Поступила в редакцию 26.04.2020 г.

Поступила после рецензирования 06.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Natalia A. Prokofeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor Media Linguistics Department at “High School of Journalism and Mass Communication” Institute. Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: n.prokofeva@spbu.ru

Contribution: study conception, data analysis, manuscript drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>

Received 26 April 2020

Reviewed 6 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607
УДК 82.091

«Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века

Елена Викторовна БОРОДА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>, e-mail: lenavladim@rambler.ru

“An honest escape” of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century

Elena V. BORODA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>, e-mail: lenavladim@rambler.ru

Аннотация. Проанализирована проблема эскапизма, кратко рассматривается её история и эволюция, отношение к проблеме в разные периоды истории. Анализ данной проблемы – основная цель данной работы. Предметом исследования являются тексты авторов, пишущих для детей и подростков, созданные за последнее десятилетие. На примере подростковой литературы последних лет наблюдается развитие эскапистского мотива, изменение отношения к нему и возможные причины подобной трансформации. Актуальность исследования состоит в том, что анализируются современные тексты, ещё не исследованные современным литературоведением, а проблема эскапизма рассматривается в соответствии с культурными и социальными тенденциями сегодняшнего времени. В процессе работы применялся комплексный метод исследования. Результатом изучения проблемы эскапизма можно назвать обзор современной подростковой литературы, в котором присутствует мотив бегства от реальности, а также некоторые наблюдения и выводы, которые могут быть полезны при изучении культурных и социальных проблем сегодняшнего времени. Сделан вывод о том, что эскапизм в современной подростковой литературе – это полноценный мотив и средство взаимодействия с реальностью. Область применения результатов исследования – изучение современных текстов литературы филологами, литературными критиками, преподавателями литературы, а также студентами и школьниками, заинтересованными в расширении и углублении литературных знаний.

Ключевые слова: эскапизм; современная литература; подростковая литература; мотив; преодоление; взаимодействие

Для цитирования: Борода Е.В. «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 599-607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607

Abstract. We analyze the problem of escapism, briefly discuss its history and evolution, its attitude to the problem in different periods of history. Analysis of this problem is the main goal of this work. The subject of this research is the texts of authors writing for children and teenagers, created over the past decade. On the example of young adult fiction in recent years, the development of an escapist motive, a change in attitude towards it and possible causes of such a transformation are observed. The relevance of the study is that modern texts that have not yet been studied by modern literary studies are analyzed, and the problem of escapism is considered in accordance with the cultural and social trends of today. In the process, we use an integrated research method. The result of studying the problem of escapism can be called a review of modern young adult fiction, in which there is a motive for fleeing reality, as well as some observations and conclusions that may

be useful in studying the cultural and social problems of today. We conclude that escapism in modern young adult fiction is a full-fledged motive and means of interacting with reality. The scope of the research results is the study of modern literary texts by philologists, literary critics, literature teachers, as well as students and schoolchildren who are interested in expanding and deepening literary knowledge.

Keywords: escapism; modern literature; young adult fiction; motive; overcoming; interaction

For citation: Boroda E.V. «Chestnoye begstvo» sovremennogo geroya: problema eskapizma v podrostko-voy literature XXI veka [“An honest escape” of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 599-607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Прежде чем детально рассматривать тему эскапизма в современной литературе для подростков, следует, во-первых, определиться с терминологией, во-вторых, обосновать актуальность данной темы.

Дословно «эскапизм» – это «бегство» (от английского “escape”). Термин трактуется с различной содержательной амплитудой. В общем смысле это любое расширение реальности с целью разнообразить жизнь (чтение книг, воображение, просмотр фильмов, путешествия, любого рода увлечения, даже религия). В узком смысле это сознательный уход от реальности.

На самом деле разность отношений, да и сам термин (термин, а не явление!) проявились только в 1930-е гг. Один из первых употребил его английский поэт и эссеист А.К. Бенсон, и сразу в негативном ключе. Уход от мира воспринимался как слабость, бегство от проблем.

Общеизвестна позиция Д.Р.Р. Толкина: «Почему следует презирать человека, который, попав в темницу, пытается во что бы то ни стало из неё выбраться, а если ему это не удастся, говорит и думает не о надзирателях и тюремных решётках, а о чём-то ином? Внешний мир не стал менее реальным оттого, что заключённый его не видит».

В какой-то мере этому подходу противостоит позиция Б.Н. Стругацкого, которая вкратце сводится к тому, что уход от реальности в конечном итоге должен служить подготовкой к существованию в этой самой реальности.

Применяя бритву Оккама и исключив широкую трактовку данного явления, мы будем рассматривать понятие эскапизма, во-первых, применительно к отдельной личности, а не как культурное и социальное явление; и, во-вторых, в конкретном понимании –

как мотивированное бегство от реальности, когда человек не желает или не может решать проблемы и адаптироваться к существующим условиям.

Если говорить об актуальности, то для меня разговор об эскапизме находится в той же плоскости, что и нынешнее отношение к «проблемной» литературе со стороны тревожных родителей, да и ряда культурных персон.

В начале XX века известный писатель Е. Замятин высказывал опасения по поводу негласной цензуры, предписывающей художнику быть благоразумным и правоверным, не смущать «еретическим словом демос российский», оберегать его невинность, не заострять внимания на неудобных моментах, не критиковать и не судить строго. Ещё тогда, в 1921 г., Е. Замятин говорил: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: её прошлое» [1, с. 38]. Пожалуй, сейчас мы наблюдаем очередной виток этого самого «католицизма». Стремление оградить ребёнка, подростка от «неудобных» тем – тоже сродни эскапизму, потому что в основе, как правило, лежит нежелание или неумение их обсуждать.

Следует отметить также, что в целом изменилась позиция Автора в детской литературе. Это проявляется на разных уровнях текста: присутствии Автора, его интонации, функции и роли. Коротко говоря, если в XX веке Автор выполнял роль наставника, педагога, «мудрого взрослого», то сейчас более востребованной видится его роль как психолога. На первом месте – сопереживание. В

идеальном варианте сопереживание, понимание, приятие дополняют уже имеющиеся и работающие авторские функции – вести по жизни, умело направляя, делаясь знаниями и прививая навыки. Но по большому счёту можно обойтись и без наработанного. В приоритете – умение понять и залечить раны.

Поэтому уход от мира воспринимается в современной подростковой литературе как полноценный метод работы с травмой. Никакая это не трусость и никакое не малодушие. Если нет других способов решить проблему, то построение альтернативной реальности и предпочтение её реальности настоящей – это выход.

Пожалуй, наиболее остро о безвыходности ситуации и последующем бегстве в параллельный мир говорит Эдуард Веркин. Косвенно эта мысль звучит в некоторых реалистических его текстах. Если нужны примеры, то это «ЧЯП» [2], «Друг-Апрель» [3], в которых герои никуда не убегают, но как бы живут в своём мире, объективные события трактуют по-своему, зачастую совершенно немислимо, так что появляется совсем другая история, сродни мифу. В «Мертвце» тоже появляется альтернативная реальность и местная мифология, потому что настоящая жизнь скучна и однообразна, в ней нет пространства для роста [4].

Откровеннее всего тема бегства звучит в цикле Веркина «Хроника Страны Мечты» (2006–2013). В первой книге цикла «Место снов» рассказывается о том, как появилась Страна Мечты, как в неё попадают и кто здесь приживается [5]. Получается, что это место, построенное по законам субъективных и многочисленных фантазий. Здесь возможно всё, но конкуренция демиургов приводит к тому, что этот мир эклектичен, лишён гармонии и вообще-то опасен. Ничуть не менее, а может, и более, чем настоящий мир.

Автор, с одной стороны, целенаправленно эксплуатирует многочисленные штампы и стереотипы, популярные в мире подростков. Здесь и киберпсы, и роботы, и секретное оружие, и тайная исследовательская база. Всё это благополучно соседствует с реалиями мира фэнтези: гномами, троллями, драконами, рыцарями. С другой стороны, автор разрушает другой штамп: представление о

мире мечты как о гармоничном и завершённом. Главный герой «Места Снов» Зимин обескуражен не меньше читателей, обнаружив по ту сторону реальности унылый пейзаж и не слишком приветливых аборигенов. И счастливый финал здесь совсем не предусмотрен, игрока могут ранить, захватить в плен, продать в рабство и натурально убить!

Для Веркина важнее не облик Страны, а причина, обуславливающая её существование. Ведь в Стране оказываются те, кто не нашёл своего места в мире реальном. Плохо то, что отверженные забирают с собой самое худшее: агрессию, злобу, желание побеждать любой ценой. Сквозной персонаж «Хроники...» Пашка-Перец говорит о том, что зато здесь всё по-честному, все на равных. Он сам здесь оказался в результате бесчеловечных экспериментов, обнаружив сверхспособности и преодолев физические законы реального мира, когда его оставили один на один с анакондами в лабиринте, из которого НЕТ ВЫХОДА! И он просто пробил материальную оболочку и проник на необжитое пространство иного мира.

Когда дети оказываются заложниками взрослого цинизма или лицемерия, им зачастую не остаётся ничего другого, как отчаянным усилием разорвать реальность и, нарушая все законы мироздания, прорваться в заповедь. Это бегство не от слабости, а от безысходности.

Вот почему это «честное» бегство. И вот почему истоки его лежат в конфликте поколений. Вечную проблему «отцов и детей» Веркин решает радикально и больно. Взрослые у него не заслуживают доверия. Они сами – незрелые личности. Для сравнения можно вспомнить родителей Игоря и Аглаи из повести «Герда» [6]. Или родителей Никиты из повести «Мертвец». Или сына и внука деда Дмитрия («Облачный полк»), которые вечно грызутся друг с другом [7]. С какой готовностью они отказываются от собственной ответственности, перекаладывая сверхзадачу на ребёнка, который в свои 13–14–15 лет просто не созрел для некоторых решений.

Не так радикально, но в целом похоже, в рамках данной проблемы отношения детей и родителей, высказываются другие авторы. Например, Юлия Симбирская. В книге «Мольер, Моцарт и Пикассо из лисьей норы»

[8] появляется героиня, девятилетняя Марго, которая чувствует себя очень одинокой. Мама занята диссертацией, папа много работает, они живут уединённо, поэтому у неё нет друзей. И она находит друзей в лесу. Это лисья семья, у неё свои традиции, свои представления о мире, своя культура, уклад жизни, быт и система отношений. Жанр сказочной повести делает историю достоверной. Мы тоже живём жизнью лисиц и собаки (собака – это уже во второй части книги), сочувствуем им. Но это не отрицает мотивов ребёнка, который ищет полноту жизни там, где слабеют законы взрослой, регламентированной жизни.

В другой книге, «Заяц на взлётной полосе» [9], Юлия Симбирская заговаривает о такой важной и болезненной проблеме, как абьюз. Проблема вроде бы совсем взрослая. И книга, скорее всего, полнее и острее будет восприниматься взрослыми, более того – имеющими подобный опыт читательницами. Но маленькая героиня повести Мия становится невольной свидетельницей нездоровых отношений между родителями. Она любит папу и любит маму. Её сознание, в силу возраста лишённое объективности и критического зерна, не может объяснить поведения папы. И она придумывает злую сущность, вселившуюся в тело отца, называет его Граком и пытается помочь папе избавиться от этого внутреннего врага. Отчасти ребёнок прав: поведение абьюзера базируется на детских травмах. Они формируют злобный фантом, который живёт внутри нормального, казалось бы, человека и при малейшей провокации выходит на свободу. Девочка персонафицирует переживания насильника и даёт им своё объяснение, соответствующее возрасту и представлению о мире.

Не менее болезненна тема смерти, потери близкого человека. Эту тему разрабатывает Дарья Доцук в книге «Домик над обрывом» [10]. В мире её героини живёт Великанша, сказочный Мальчик, растёт Мёртвое дерево. А сама она должна выполнять сверхзадачи, как в настоящих сказках. Автор убедительно и тонко рисует мир, созданный детским воображением, так что за ним проступают тени реального мира, смутные и тревожные. И когда в финале маленькая героиня называет по имени одну из таких те-

ней, произносит вслух слова о смерти отца, происходит удивительная вещь. Мы понимаем, что создание сказочной реальности – это, конечно, защита. Но в то же время это попытка проговорить проблему, пусть и индифферентно, объяснить реальность, а не бежать от неё, как иные взрослые. Ребёнок возвращает здравый взгляд на вещи: можно бояться великанов и ведьм, которые являются собой воплощённое зло, но не стоит закрываться от мира, прятаться от очевидного. В этом смысле девочка оказывается куда более отважной и взрослой, чем мама.

Следующий пример – повесть Евгении Овчинниковой «Иди и возвращайся» [11]. Героиня повести Нина потеряла маму. Мама в один прекрасный день просто исчезла из семьи, и никто не знает, где она и что с ней. Нина наделена воображением художника. Она видит мир не так, как другие. Люди перед её мысленным взором превращаются в фантастических тварей со щупальцами и хоботами. И это не случайный всплеск воображения, не врождённая болезненная фантазия. Героиня пытается таким образом выразить протест против сложившейся ситуации. Ей трудно переживания высказать словами, и образы чудовищ и химер, которыми наполнен её личный мир, помогают сделать это.

Ведь с виду всё в жизни Нины благополучно. Она учится в школе, увлечённо занимается живописью, общается с друзьями, смотрит фильмы, она не лишена наблюдательности и юмора. Но исчезновение матери порождает тоскливую пустоту внутри. Ощущение потери заставляет девочку-подростка чувствовать себя в вечном поиске. Она вглядывается в лица прохожих, проходит места, связанные с мамой, вспоминает моменты из прошлого. И прячет в глубине души самый главный вопрос. ПОЧЕМУ? Она боится не только ответа на него, но и самого вопроса. Самое страшное для неё – узнать, что мама их бросила. Что с ней всё благополучно, но она просто разлюбила их – папу и Нину. Потому ей легче представить, что враждебный мир и тёмные силы разлучили их.

В перечисленных сюжетах мы имеем дело с процессом возникновения мифа: когда человек пытается объяснить непонятные явления в соответствии с жизненным опытом и накопленными переживаниями. Отчасти так

проявляется потребность в защите, когда человек не может принять реальность, потому что она оказывается слишком беспощадной.

Совсем беспощадной жизнь представляется в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» [12]. Самопогружение героини – школьницы Кати тоже является защитой от мира, в котором она не находит ни помощи, ни теплоты, ни поддержки. В школе над ней смеются и считают бесперспективной, родители выступают в роли судей, да они и друг с другом постоянно ссорятся.

И вот в жизни Кати появляется странное существо, которое помогает девочке решить все её проблемы. И не только её, кстати. Особенность данного сюжета в том, что вымышленная реальность – не сознательно вымышленная, она переплетается, смешивается с настоящим миром до такой степени, что может влиять на события. Да это, в общем, и не вымышленный мир, это мифологическое сознание прорисовывается сквозь радио. Когда разум и логика не работают, эффективным становится другое оружие, другой способ взаимодействия с реальностью.

Однако создание вымышленного мира возможно и от полноты сознания, от богатства воображения, свойственного мироощущению ребёнка. Но и в таком случае переход границы от реального к воображаемому обусловлен неудовлетворённостью пребывания в настоящем мире, оттого, что настоящее кажется скучным, заурядным, обыкновенным.

Подобные ситуации характерны некоторым образом для героев Нины Дашевской. В повести «Вилли», например, мы имеем дело с реальностью, расцвеченной воображением главного героя Севы. Он обладает способностью из всего многообразия мира выбирать необычные детали и из них, как из мозаики, по-своему комбинируя фрагменты, выстраивать свою причудливую реальность. У него внутри свой собственный камертон. «– Знаешь, Севка, а давай поедem с тобой к морю, – сказала мама. То есть на самом деле она сказала: – Ешь аккуратно, не кроши.

Но мне неинтересно слушать такие скучные вещи. Поэтому я часто слышу совсем не то, что мне говорят» [13, с. 3].

Таков же Лёва, одарённый математик из повести «День числа Пи» [14]. Если просто необычный мальчик, то у Лёвы расстройство

аутического спектра. Он пребывает на своей волне. Столкновение с миром на обычных частотах бывает для него достаточно болезненным. Думается, у Нины Дашевской тема эскапизма возникает там, где звучит вопрос о норме и необычности. Пребывание героя в собственной системе измерений развивает мысль о праве на существование индивидуальности в социуме, мысль о терпимости и понимании.

Продолжая тему «особенных» детей, надо сказать, что в современной литературе существует целый ряд текстов, посвящённых детям с ограниченными возможностями. Это не только дети с необычным психологическим складом, отходом от нормы, но и герои, которые вынуждены бороться с болезнью. К таким текстам относятся «Выдуманный Жучок» Юлии Кузнецовой, «По Зашкафью кувыркoм» Анны Никольской, «Мама, это шноркели» Светланы Решениной [15–17].

Герои (точнее, героини) этих книг не хотят – и это естественно! – жить в мире, который наполнен процедурами, осмотрами, мониторингом состояния и разговорами о болезни. Поэтому они открывают для себя мир, наполненный фантастическими существами. У мира своя история, свои страсти и конфликты, которые, разумеется, являются отражением подлинных конфликтов и насущных проблем. Для девочек Таши, Лиды и Мани, героинь перечисленных книг, создание сказочного мира становится компенсацией вынужденного бездействия, закономерных, но оттого не менее мучительных ограничений. В этом случае эскапизм выполняет компенсаторную и терапевтическую функцию.

Похожая ситуация представлена в повести Николая Назаркина «Мандариновые острова» [18]. Герой Назаркина вынужден длительное время лечиться, он ограничен в движении. Его мир сконцентрирован вокруг больничного быта. И он расширяет его как может: рисует, играет, читает и перечитывает любимые книги. И придумывает острова, воображая себя первооткрывателем. Отличие ситуации от вышеперечисленных, сходных по теме книг заключается в том, что у мальчика его фантазии выглядят как реальные проекты. Они не оторваны от жизни. Они всего лишь ограничены временем и ситуацией, но, в принципе, могут быть реали-

зованы на практике. Мандариновых островов, конечно, не существует, но какая разница, где строить корабли, добывать полезные ископаемые и открывать новые земли?

Возможно, это гендерная обусловленность. Потому что есть ещё книги Евгения Рудашевского «Куда уходит кумуткан?», Дмитрия Ищенко «В поисках мальчишеского бога» и Артёма Ляховича «Черти лысые», и в них тоже уход от мира не тождествен уходу от реальности [19–21]. Хотя, заметим, мотивы бегства, в принципе, те же: неудовлетворённость жизнью, её узким пространством, отсутствие понимания или реальный конфликт. Мужчин привлекает экспансивный вариант «честного бегства»: открытие нового пространства, проба сил, инициация.

В повести Галы Узротовой «Страна Саша» [22] погружение в собственный мир становится препятствием для героев, чтобы найти путь друг к другу. На мой взгляд, автор отражает современную проблему неумения строить отношения по причине того, что это требует не только принятия, но и определённых усилий, нравственной закалки. Когда герои повести Саша и Женя начинают взаимодействовать, они сталкиваются с закономерными трудностями. Внутренний мир каждого из них в данном случае является территорией безопасности, куда можно спрятаться, сбежать от проблем.

Душа другого человека – терра инкогнита, непознанная земля. Когда двое решаются на союз, суверенность нарушается. Целостность границ сохранить не получится, потому что жизнь в союзе – это в любом случае жертва, компромисс, деление территории.

Герои осознают свои слабости. И слабость беглеца в том числе. Как только надвигаются серьёзные проблемы, или просто требуется принять решение, Саша окукливается, закрывается «в домике», откуда он в лучшем случае смотрит из окна, а Женя замыкается в молчании. Ритуализация их жизни, привязанность к предметам, игрушкам, одежде, упорство в заблуждениях, верность привычкам – из той же проблемной зоны, от нежелания расстаться с комфортным миром, нежелания взрослеть.

Но это бегство под одеяло, и оно всё больше приобретает рефлексивный характер, а то и характер ритуальной игры. Оба героя

осознают свою слабость, но не понимают, в чём она. У них вообще проблема с самоидентификацией, это наблюдается даже на уровне имён: оба имени гендерно универсальны. И убегают они не от проблем, а от самой необходимости их решения, необходимости взрослеть, которая повергает в настоящий стресс.

Отношение к бегству из реальности изменилось в XXI веке. Эскапизм уже некорректно рассматривать в отрицательном аспекте в том числе и потому, что жизнь в выдуманном мире технически достижима. То, что ранее рассматривалось как фантастика, стало реальностью. И если полвека назад целесообразно звучал вопрос: зачем бежать, если всё равно придётся возвращаться, то сейчас есть ответ – можно и не возвращаться. Мир «Матрицы» становится всё более близким и вероятным.

Виртуальная реальность давно рассматривается как альтернатива настоящему миру в фантастике, антиутопии, «взрослой» литературе. И она вплотную связана с проблемой эскапизма, так как в управляемом мире есть присутствие псевдомогущества. Погружение в соцсети – вариант бегства, доступный каждому. Он зачастую и не рассматривается как бегство, а считается полноценным вариантом социализации. Правда, со своими законами и правом приватности. Именно в таком ключе проблема разработана в повести Ларисы Романовской «Удалить эту запись?» [23], которая представляет собой имитацию блога. Для героини повести Веры блог – это полноценная часть жизни. Она даже не осознаёт виртуальность как территорию внутренней эмиграции. В Интернете живут все. Виртуальное пространство даёт ощущение собственной территории, обеспечивает уход из-под контроля – этим оно и ценно. Разумеется, от реальных проблем здесь защиты нет. Зато есть возможность отработать проблемы «на черновике».

В повести «Сиблинги» [24] того же автора на примере смоделированного мира выражена мысль об альтернативном развитии событий частной жизни. И, конечно, о переплетении судеб и единстве мира. Идея этой книги растёт из вечной неудовлетворённости свершившимся, тоски по несбывшемуся, сожаления об ущербном прошлом. Альтерна-

тивный сценарий каждого из героев, оказавшихся «в эксперименте», представляет то самое несбывшееся, в реализации которого человеку даётся вторая попытка. Здесь «честное» бегство разворачивается освоением параллельной территории. Как в игре, когда у тебя не одна, а несколько жизней.

Вот это «игровое» ощущение всё прочнее укореняется в сознании современного человека. Возможно, это проблема. Возможно, из-за этого исчезает ощущение экстремума в момент выбора, человек живёт в убеждении, что он может в любой момент всё переиграть, между тем как в реальности это не так.

Человечеству некуда расти, личности незачем эволюционировать: мироощущение кризисной полосы, в которой, однако, никто, за исключением единиц, не задумывается о кризисе, воплощается в новом романе Екатерине Мурашовой «Дом за радугой» [25]. Автор отображает нашу реальность, развившуюся в соответствии с темпами галопирующего прогресса: безболезненное существование, культивирование удовольствия, игровые зоны обучения, психологи-кураторы, дифференциация людей по психотипам с целью слаженной работы единого организма-социума. Мир здесь смоделирован и структурирован с учётом виртуального существования, которое имеет полноправный статус. Если это и бегство, то коллективное бегство всего человечества, массовая миграция. И в этом бегстве нет выбора, только движение – наверное, всё-таки вниз, потому что в нём нет преодоления и усилия.

Что сказать в заключение? Эскапизм в XXI веке приобретает характер симптома. Возможно, это как-то связано с очередным установлением границ. Сомнения и боязнь «сложных» тем, к примеру, провоцируют поиск пределов сложности в детской и подростковой литературе, и по этому поводу то и дело разгораются споры. Новая реальность порождает новый язык, а это, в свою очередь, влечёт разработку новых критериев. А художественный текст – это зона творчества, во многом сформированная интуитивно. Поэтому уход и тема ухода является своеобразной реакцией на систематизацию и попытки структурировать художественное творчество.

Потом, эскапизм перестал считаться признаком малодушия и слабости. Если бегство даже не от *неумения*, а от *нежелания* решать проблемы – эскапизм всё равно полноценный выход. Потому что для любого решения надо созреть. И пребывание в выдуманной реальности помогает это сделать. Это как тренажёр. Человек прокачивает навыки социализации в оптимальных условиях, а потом может опробовать их в реальности.

Кроме того, параллельный мир помогает отрефлексировать переживания. Он даёт на это время – то, чего часто не хватает в настоящем мире с его нарастающими темпами жизни. Чем стремительнее жизнь, тем сильнее потребность взять паузу. Всё это позволяет говорить об эскапизме как о полноценном, обусловленном и рабочем методе взаимодействия с реальностью.

Список литературы

1. *Замятин Е.И.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А.Ю. Галушкина; подгот. текста А.Ю. Галушкиной, М.Ю. Любимовой; вступ. статья В.А. Келдыша. М.: Наследие, 1999.
2. *Веркин Э.Н.* ЧЯП. М.: Эксмо, 2016.
3. *Веркин Э.Н.* Друг-Апрель. М.: Игра слов, 2011.
4. *Веркин Э.Н.* Мертвец. М.: Изд. дом Мещерякова, 2013.
5. *Веркин Э.Н.* Место снов. М.: Эксмо, 2018.
6. *Веркин Э.Н.* Герда. М.: Эксмо, 2018.
7. *Веркин Э.Н.* Облачный полк. М.: КомпасГид, 2012.
8. *Симбирская Ю.С.* Мольер, Моцарт и Пикассо из лисьей норы. СПб.: БХВ-Петербург, 2017.
9. *Симбирская Ю.С.* Заяц на взлётной полосе. М.: Абрикобукс, 2019.
10. *Доцук Д.С.* Домик над обрывом. М.: КомпасГид, 2017.
11. *Овчинникова Е.* Иди и возвращайся. М.: КомпасГид, 2018.
12. *Некрасова Е.И.* Калечина-Малечина. М.: АСТ, 2018.
13. *Дашевская Н.С.* Вилли. М.: КомпасГид, 2020.
14. *Дашевская Н.С.* День числа Пи. М.: Самокат, 2019.

15. Кузнецова Ю.Н. Выдуманный Жучок. М.: Нарния, 2010.
16. Никольская А.О. По Зашкафью кувырком. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012.
17. Решенина С. Мама, это шноркели. М.: Качели, 2018.
18. Назаркин Н.Н. Мандариновые острова. М.: КомпасГид, 2013.
19. Рудашевский Е.В. Куда уходит кумуткан. М.: КомпасГид, 2016.
20. Ищенко Д.В. В поисках мальчишеского бога. М.: КомпасГид, 2017.
21. Ляхович А.В. Черти лысые. М.: Самокат, 2019.
22. Узрютова Г. Страна Саша. М.: КомпасГид, 2018.
23. Романовская Л.А. Удалить эту запись? М.: Самокат, 2018.
24. Романовская Л.А. Сиблинги. М.: Самокат, 2019.
25. Мурашова Е. Дом за радугой. М.: Самокат, 2020.

References

1. Zamyatin E.I. *Ya boyus': Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya* [I'm Afraid. Literary Criticism. Publicism. Memories]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. (In Russian).
2. Verkin E.N. *CHYAP* [NJP]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. (In Russian).
3. Verkin E.N. *Drug-Aprel'* [Friend-April]. Moscow, Igra slov Publ., 2011. (In Russian).
4. Verkin E.N. *Mertvets* [Dead Man]. Moscow, Meshcheryakova Publishing House, 2013. (In Russian).
5. Verkin E.N. *Mesto snov* [Place of Dreams]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. (In Russian).
6. Verkin E.N. *Gerda* [Gerda]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. (In Russian).
7. Verkin E.N. *Oblachnyy polk* [Cloud Regiment]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2012. (In Russian).
8. Simbirskaya Y.S. *Mol'yer, Motsart i Pikasso iz lis'yey nory* [Moliere, Mozart and Picasso from a Fox Hole]. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2017. (In Russian).
9. Simbirskaya Y.S. *Zayats na vzletnoy polose* [Hare on the Runway]. Moscow, Apricotbooks Publ., 2019. (In Russian).
10. Dotsuk D.S. *Domik nad obryvom* [House over a Cliff]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2017. (In Russian).
11. Ovchinnikova E. *Idi i vozvrashchaysya* [Go and Come Back]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2018. (In Russian).
12. Nekrasova E.I. *Kalechina-Malechina* [Kalechina-Malechina]. Moscow, AST Publ., 2018. (In Russian).
13. Dashevskaya N.S. *Villi* [Willie]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2020. (In Russian).
14. Dashevskaya N.S. *Den' chisla Pi* [Pi Day]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
15. Kuznetsova Y.N. *Vydumannyy Zhuchok* [Fictional Bug]. Moscow, Narnia Publ., 2010. (In Russian).
16. Nikolskaya A.O. *Po Zashkaf'yu kuyvrkom* [Behind the Closet Topsy-Turvy]. Barnaul, Altai Printing House, 2012. (In Russian).
17. Reshenina S. *Mama, eto shnorkeli* [Mom, This is Snorkel]. Moscow, Kachelly Publishing House, 2018. (In Russian).
18. Nazarkin N.N. *Mandarinovyye ostrova* [Tangerine Islands]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2013. (In Russian).
19. Rudashevskiy E.V. *Kuda ukhodit kumutkan* [Where the Kumutkan Goes]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2016. (In Russian).
20. Ishchenko D.V. *V poiskakh mal'chisheskogo boga* [In Search of a Boyish God]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2017. (In Russian).
21. Lyakhovich A.V. *Cherti lysyye* [Bald Devils]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
22. Uzryutova G. *Strana Sasha* [Country Sasha]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2018. (In Russian).
23. Romanovskaya L.A. *Udalit' etu zapis'?* [Delete this Entry?]. Moscow, Samokat Publ., 2018. (In Russian).
24. Romanovskaya L.A. *Siblingi* [Siblings]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
25. Murashova E. *Dom za radugoy* [House beyond the Rainbow]. Moscow, Samokat Publ., 2020. (In Russian).

Информация об авторе

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lenavladim@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Поступила в редакцию 04.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 23.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Elena V. Boroda, Doctor of Philology, Associate Professor of Pre-University Training Profile Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: lenavladim@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Received 4 May 2020

Reviewed 23 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-608-617
УДК 811.161.1+378.12 (574.25)

Парадигма жизни в науке: к 60-летию З.К. Темиргазиной

Людмила Ербулатовна ТОКАТОВА, Атиркуль Егембердиевна АГМАНОВА

РГПХВ «Павлодарский государственный педагогический университет»
140002, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>, e-mail: tokatoval@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>, e-mail: agmanova@mail.ru

The paradigm of life in science: to the 60th anniversary of Z.K. Temirgazina

Lyudmila E. TOKATOVA, Atirkul E. AGMANOVA

Pavlodar State Pedagogical University
60 Mir St., Pavlodar 140002, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>, e-mail: tokatoval@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>, e-mail: agmanova@mail.ru

Аннотация. Приурочено к юбилею профессора Зифы Какбаевны Темиргазиной. Проанализирована её научно-исследовательская деятельность, связанная с разработкой теоретических и прикладных вопросов языкознания и такими его направлениями, как лингвистическая аксиология, прагмалингвистика, лингвистическая гендерология, политическая лингвистика, показана роль учёного в создании собственной лингвоаксиологической научной школы, определена её роль в подготовке научно-педагогических кадров для казахстанской высшей школы. Обзор трудов учёного позволил продемонстрировать новый подход к категории оценки, разработанный в её исследованиях, суть которого заключалась в определении синтаксического способа как основного языкового способа выражения этой категории – в оценочных высказываниях. На основе анализа трудов учёного, посвящённых разноаспектным явлениям языка, показан междисциплинарный характер её научных изысканий: язык рассматривается в непосредственной взаимозависимости и взаимоопределённости с фактами культуры, истории, познания, психологии, коммуникации. Результаты исследований учёного стали основой становления лингвоаксиологии и развития прагмалингвистики как современных научных направлений казахстанского языкознания и получили дальнейшее развитие в работах учеников её научной школы.

Ключевые слова: Павлодарская лингвистическая школа; лингвистическая аксиология; прагмалингвистика; казахстанская русистика

Для цитирования: Токатова Л.Е., Агманова А.Е. Парадигма жизни в науке: к 60-летию З.К. Темиргазиной // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 608-617. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-608-617

Abstract. The work is dedicated to the anniversary of Professor Zifa Kakbaevna Temirgazina. Professor's research activity is analyzed, that is connected to developing theoretical and applied questions of linguistics and its directions such as linguistic axiology, pragmalinguistics, linguistic gender studies, political linguistics, we show the scientist's role in creating her own linguaxiological scientific school, we define her role in training scientific-pedagogical personnel for graduate school of Kazakhstan. Reviewing scientist's works allows to demonstrate a new way to a category of assessment, that is developed in her research, the idea of it is to define syntactic method as the primary linguistic method of expression in this category – in evaluative statements. Based on the analysis of the scientist's works that are dedicated to highly variegated language phenomena, we show multi-discipline characteristic of her scientific findings: language is viewed in immediate interdependence and correlation with cultural, historical, cognitional, psychological, communicational facts. The scientist's research results became the foundation for emergence of linguaxiology

and development of pragmalinguistics as modern scientific ways in linguistics of Kazakhstan and received further development in works of students of her scientific school.

Keywords: Pavlodar language school; linguistic axiology; pragmalinguistics; Kazakhstani Russian studies

For citation: Tokatova L.E., Agmanova A.E. Paradigma zhizni v nauke: k 60-letiyu Z.K. Temirgazinoi [The paradigm of life in science: to the 60th anniversary of Z.K. Temirgazina]. *Neophilologia – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 608-617. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-608-617 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В статье предложен обзор научных трудов и анализ вклада профессора З.К. Темиргазиной в развитие теории и практики языкознания, отдельных его направлений, в создание собственной лингвоаксиологической школы, которая отличается единством методологии, инновационными исследовательскими подходами, своеобразием трактовки языковых явлений.

Представить себе современную казахстанскую лингвистику без профессора З.К. Темиргазиной практически невозможно. На десятилетия заложив на родной кафедре традиции научной добросовестности и качества обучения, она культивирует принципы делового академического сотрудничества, а не соперничества, задаёт высочайшие стандарты преподавания. Зифу Какбаевну определяют черты классической профессуры, у которой каждое слово веско, а отточенная речь не имеет недостатков, всё это вкупе парадоксальным образом приобретает дисциплинирующий эффект. И это тоже дань традициям кафедры, с которой все начиналось. Она является выпускницей филологического факультета Павлодарского педагогического института. Учительскую деятельность начала в сельской школе Павлодарской области. В систему вузовского преподавания пришла в 1987 г., начинала с должности преподавателя кафедры русского языка. В 1993 г. З.К. Темиргазина защитила кандидатскую диссертацию «Конструктивные свойства предложно-падежной словоформы «с+твор.п.» как компонента предложения в современном русском языке» в Казахском национальном университете им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан), в 1999 г. – докторскую диссертацию на тему «Оценочные высказывания в современном русском языке». Научным консультантом докторской диссертации была известный синтаксист Татьяна Андреевна Колосова (Новосибирский государственный

университет, Россия), автор многочисленных трудов по теории семантического синтаксиса. Докторская диссертация З.К. Темиргазиной на тот момент была одной из первых работ, посвящённых функционально-коммуникативному описанию категории оценочности как смысловой основы субъективной модальности. Новым был и подход к категории оценки, предложенный в диссертации: аргументированно доказывалось, что основным языковым способом выражения этой категории в языке выступает синтаксический способ – в оценочных высказываниях, а не традиционно провозглашаемый лексический способ [1]. В дальнейшем, продолжая свои научные изыскания в русле ценностного подхода к изучению взаимосвязи языка и культуры, выпустил целый ряд монографических трудов, в том числе коллективных монографий с участием лингвистов из Казахстана, России, Белоруссии, Украины, Польши [2–4], учёный внесла значительный вклад в становление и развитие лингвистической аксиологии как самостоятельного научного направления.

Зифа Какбаевна обладает качествами, характерными для мудрого и успешного руководителя: она «видит» людей и может оценить их возможности и научный потенциал. В первом случае это стало хорошим подспорьем для успешного карьерного роста – Зифа Какбаевна прошла путь от заведующего кафедрой до проректора вуза, во втором случае – она является, если можно так выразиться, «кадрообразующим» профессором: под её научным руководством защищены 20 кандидатских диссертаций, причём 10 из них защищены в российских вузах и утверждены ВАК РФ, 1 докторская диссертация. Следует отметить, что подготовкой высококвалифицированных научных кадров для казахстанского высшего образования профессор Темиргазина начала заниматься с 2000-х гг.

Можно говорить о том, что именно с этого времени в казахстанском языкознании начала складываться и функционировать «темиргазинская» лингвистическая школа, известная в настоящее время в республике и странах ближнего и дальнего зарубежья. Кандидатская диссертация Г.Н. Кенжебалиной, защищенная в 2002 г., явилась первым вкладом в создание в казахстанском языкознании этой научной школы лингвистов, ориентированной на развитие лингвоаксиологии и прагмалингвистики.

Вклад профессора З.К. Темиргазиной в подготовку высококвалифицированных научных кадров – кандидатов и докторов наук – отмечен в 2013 г. дипломом Российской академии естествознания «Основатель научной школы».

Авторитет учёного и основателя научной школы заслуженно подтверждён государственными наградами и наградами международных организаций: медаль «Ерең еңбегі үшін – За трудовое отличие» (2010, Указ Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева), нагрудный знак Министерства образования и науки РК «За заслуги в развитии науки РК» (2004), медаль А. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» (2018) Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), диплом и медаль Европейской научно-промышленной палаты за выдающийся вклад в науку, образование и культуру (2016), две Почётные грамоты Министерства образования и науки РК (2000, 2018).

Профессор З.К. Темиргазина – с 2002 г. по настоящее время член различных диссертационных советов, член экспертного совета в Комитете по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (2006–2007), обладатель звания и гранта «Лучший преподаватель вуза» (2012), член международной редколлегии авторитетных российских ваковских журналов «Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика», «Жанры речи», «Неофилология», а также казахстанского журнала «Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология», включенного в перечень изданий, рекомендованных Министерством образования и науки РК.

Зифа Какбаевна всегда воспринимается как настоящий профессор: знающая, интеллигентная, принципиальная, требовательная к студентам, она способна превратить серьёзную теоретическую дисциплину в увлекательное повествование. Молодые филологи, студенты и магистранты, вовлекаются в процесс исследовательского поиска, проникаются духом научного творчества, который становится частью их профессиональной компетенции.

Изучение любой науки начинается с признанных классических образцов. Они дают точку отсчёта и задают критерии качества. Так и Зифа Какбаевна в начале своего профессионального пути учёного-русиста отдала предпочтение изучению высшего уровня языка – синтаксиса. В русле идей функционального синтаксиса написана её кандидатская диссертация, докторская – пронизана идеями семантического синтаксиса и прагматического подхода к предложению. Исследовательский интерес учёного к семантическому синтаксису современного русского языка отражён в целом ряде её работ 1990-х гг., которые по сути заложили основу её докторской диссертации: «Механизмы смыслового и поверхностного синтаксирования в процессе порождения оценочных высказываний» [5], «Текст: предложение и высказывание» [6], «Оценка в прагматическом аспекте» [7]. В первой из них, статье 1997 г., содержится описание синтаксического способа выражения оценочной семантики, что выделяло эту работу на фоне достаточно распространённого в то время подхода к изучению категории оценки на лексическом и словообразовательном уровнях. Во второй статье был обоснован прагматический характер оценочной семантики. Работа «Текст: предложение и высказывание», посвящённая относительно узкому вопросу, далеко выходит за рамки обозначенной темы исследования и подготовит серию других работ. Нужно отметить, что в этом проявится ещё одна важная черта научного стиля учёного: отталкиваясь от анализа частных вопросов, она переходит к теоретическим выводам общего свойства, которые излагаются в отдельных работах «Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике» [8], «Образ человека в русской ценностной картине мира» [9].

Широкий научный кругозор, интерес к разноаспектным явлениям языка определили междисциплинарность исследований профессора Темиргазинной: язык рассматривается в непосредственной взаимозависимости и взаимоопределенности с фактами культуры, истории, познания, психологии, коммуникации [10–12]. В 2014 г. опубликована монография «Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с казахской и английской)», в которой понятиям перцептивной природы – вкусам, запахам – придаётся статус концептов и осуществляется их лингвокогнитивное описание в русской картине мира [13].

Начиная с 2003 г., всё большее место в научном творчестве профессора Темиргазинной занимает проблема репрезентации и функционирования «лингвистики ценностей» в различных дискурсах: «Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе» [14], «Сны разума» в казахстанском политическом медиа-дискурсе» [15], «Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе» [16], «Манипулятивный потенциал метафорических моделей в казахстанском политическом дискурсе» [17] и др. В этих работах встаёт вопрос о применении динамических моделей языка как средства выражения системы мировоззрения и мировосприятия, идеологий, взглядов и мнений, существующих в тех или иных социокультурных контекстах.

Любимый предмет исследования и преподавания – синтаксис – получает в трудах не только сугубо теоретическое, но и дидактическое осмысление – в учебно-методических пособиях «Синтаксис осложненного предложения» [18], «Синтаксический анализ словосочетания и предложения» [19]. В целом ряде своих работ разных лет она изучает насущные вопросы вузовского и школьного преподавания русского языка и их роль в системе гуманитарных наук: «Формирование функциональной грамотности студентов педагогических вузов средствами языковедческих дисциплин» [20], «Профессионально-ориентированное обучение языкам на естественнонаучных специальностях» [21] и мн. др.

С 2010 г. предметом пристального внимания З.К. Темиргазинной стали вопросы лин-

гвистической гендерологии: этой проблеме посвящен ряд статей [22; 23]) и коллективная монография «Гендерная лингвистика», подготовленная и изданная под её научной редакцией [2]. Следует отметить уникальность данного издания, обусловленную международным составом авторского коллектива, представившего новые подходы к лингвистическому исследованию гендера на материале русского, казахского, украинского, польского и английского языков. Коллективная монография получила высокую оценку лингвистов в постсоветском пространстве, о чём свидетельствует одна из рецензий на данную работу: «Обладая безусловной актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью, монография представляет собой значительный вклад в развитие гендерной лингвистики на постсоветском пространстве» [24, с. 120]. Эти и другие работы содержат анализ современной языковой реальности, в основе которой выступают речевые оппозиции, определяемые традиционно женским или мужским началом, профессиональные, социокультурные аспекты гендерной проблематики.

Глубоким теоретическим осмыслением проблем аксиологической лингвистики, прагматики и психолингвистики стал двухтомник «Избранные работы по лингвистике» [25]. В нём она возвращается к прошлым работам и продолжает исследование пограничных вопросов лингвистики, психологии, культурологии и проч., то есть ставит проблему гуманитарного знания как целостного объекта исследования. Профессор Е.А. Красина в своей рецензии на собрание избранных работ писала: «...Перед нами – многоаспектное объективированное исследование, масштабность и фундаментальность которого вполне очевидны. Об этом свидетельствуют широкий спектр обсуждаемых теоретических вопросов, разработка и применение новых методологических подходов при изучении проблематики лингвоаксиологического, лингвоконцептологического и лингвопрагматического направлений, привлечение объёмного корпуса эмпирического материала (произведения художественной литературы на русском и казахском языках, толковые, фразеологические, паремиологические словари и справочники, этимологические слова-

ри, словари синонимов, публицистические материалы, фольклор, ответы респондентов и пр.) и научных источников» [26, с. 119]. Автор рецензии также подчёркивает достоинства стиля: «Одним из ярких достоинств представленного российскому читателю сборника являются блестящие язык и стиль изложения, точность и чёткость формулировок, строгая логика – все это свидетельствует о высокой научной квалификации его автора» [26, с. 119].

З.К. Темиргазина находится в постоянном исследовательском поиске, живо интересуется достижениями зарубежных коллег, включаясь в международный научный диалог по самым актуальным проблемам. Внимание к проблемам лингвистической экологии, языкового манипулирования сделало её постоянным участником научных конференций, которые проводятся в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина [27; 28], в Уральском государственном педагогическом университете (г. Екатеринбург) [29–31].

В 2015 г. издательство «Флинта» опубликовало и переиздало целый ряд книг Темиргазиной: «Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике» [8], «Лингвистическая аксиология: Оценочные высказывания в русском языке» [32], «Образ человека в русской ценностной картине мира» [33], «Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в казахской картине мира (в сопоставлении с русской и английской)» [34] (в соавторстве с М.К. Каировой), что способствовало дальнейшему распространению и популяризации идей учёного в постсоветском научном пространстве.

Будучи по своей сути лингвистом-теоретиком, профессор З.К. Темиргазина никогда не оставляет без внимания прикладные аспекты языкознания. Так, отвечая на реформы среднего образования в Казахстане, связанные с внедрением полиязычия, она с коллективом учителей-биологов участвовала в под-

готовке учебников на английском языке для русскоязычных и казахоязычных школ. Её ценнейшим вкладом в эту работу было разработка научно-методической концепции подобных учебников (см. раб.: “Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language” [35], “Didactic Features Of a Learner’s English-Russian Dictionary of Biology Development” [36]), проблем перевода биологических терминов на русский, казахский, английский языки, которые получила освещение в ряде зарубежных публикаций: «Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии» [37], “Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms” [38], “Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms” [39], “Metaphors in Anatomical Terminology” [40] и др.

З.К. Темиргазина является вдохновителем и организатором различных научных конференций, посвящённых насущным проблемам лингвистики. По её инициативе и непосредственном участии на протяжении почти 30 лет проводятся «Седельниковские чтения», посвящённые памяти коллеги – известного советского синтаксиста и историка языка профессора Е.А. Седельникова.

То, что делает Зифа Какбаевна для развития интеллектуального потенциала и формирования научно-исследовательской компетенции аспирантов, магистрантов и сотен студентов, равно как и тех, кто когда-либо оказывался с ней рядом, – бесценно и незабываемо.

Подводя итог, можно констатировать, что научная деятельность профессора З.К. Темиргазиной обогатила отечественную русистику в теоретическом и прикладном отношении, стала основой становления лингвоаксиологии и развития прагмалингвистики как современных научных направлений казахстанского языкознания, получивших разноаспектное исследование в работах учеников её научной школы.

Список литературы

1. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. Павлодар, 1999. 272 с.
2. Гендерная лингвистика / отв. ред. З.К. Темиргазина. Павлодар: Изд-во «ЭКО», 2010. 589 с.
3. Лингвистическая аксиология / отв. ред. З.К. Темиргазина. Павлодар: ИП Сытина, 2014. 458 с.
4. Прагмалингвистика / отв. ред. З.К. Темиргазина. Павлодар: ИП Сытина, 2014. 476 с.

5. *Темиргазина З.К.* Механизмы смыслового и поверхностного синтаксирования в процессе порождения оценочных высказываний // Вестник Казахского государственного университета. Серия филологическая. 1997. № 15. С. 101-105.
6. *Темиргазина З.К.* Текст: предложение и высказывание // Человек. Коммуникация. Текст. Барнаул, 1998. Вып. 2. С. 129-131.
7. *Темиргазина З.К.* Оценка в прагматическом аспекте // Поиск. Серия гуманитарных наук. 1998. № 1. С. 30-35.
8. *Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. М.: Флинта, 2015. 120 с.
9. *Темиргазина З.К.* Образ человека в русской ценностной картине мира: Спецкурс для магистрантов языковых специальностей. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. 92 с.
10. *Темиргазина З.К.* Вербальная агрессия в межличностной коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 4. С. 74-77.
11. *Темиргазина З.К.* Представления о вкусах как когнитивная область // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2013. № 2 (035). С. 115-121.
12. *Темиргазина З.К.* Намеренные недомолвки в устной речи: прагматический аспект // Филологические науки. М., 2013. № 1. С. 33-40.
13. *Темиргазина З.К.* Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с казахской и английской). Павлодар: ИП Сытина, 2014. 114 с.
14. *Темиргазина З.К., Бачурка М.С.* Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 97-105.
15. *Темиргазина З.К.* «Сны разума» в казахстанском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 68-74.
16. *Темиргазина З.К., Бачурка М.С.* Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51-57.
17. *Темиргазина З.К.* Манипулятивный потенциал метафорических моделей в казахстанском политическом дискурсе // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 254-257.
18. *Темиргазина З.К.* Синтаксис осложненного предложения. Павлодар: ПГПИ, 2012. 2-е изд. 48 с.
19. *Темиргазина З.К.* Синтаксический анализ словосочетания и предложения. Павлодар: ПГПУ, 2019. 120 с.
20. *Темиргазина З.К.* Формирование функциональной грамотности студентов педагогических вузов средствами языковедческих дисциплин // Білім – Образование. Астана, 2013. № 2. С. 200-204.
21. *Темиргазина З.К.* Профессионально-ориентированное обучение языкам на естественнонаучных специальностях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 10. Р. 822-825.
22. *Темиргазина З.К.* Способы выравнивания гендерной асимметрии в русском языке (при номинации лиц по профессии) // Языковая системология: сб. ст. Междунар. науч. конф. к 85-летию проф. Г.П. Мельникова. М., 2013. С. 240-245.
23. *Темиргазина З.К.* Гендерный аспект в номинациях лиц по профессии // Лингвистика после Ф. де Соссюра: Итоги и перспективы. Сборник материалов Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 184-190.
24. *Синячкин В.П., Хухуну Г.Т.* Гендерная лингвистика // Филологические науки. 2013. № 1. С. 118-120.
25. *Темиргазина З.К.* Избранные работы по лингвистике: в 2 т. Павлодар: ЭКО, 2010. Т. 1. 308 с.; Т. 2. 337 с.
26. *Красина Е.А.* Рецензия. З.К. Темиргазина. Избранные работы по лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 3. С. 115-119.
27. *Темиргазина З.К.* Лингвистическая аксиология: проблемы и перспективы // Экология языка и речи: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 22-26.
28. *Темиргазина З.К.* Коммуникативные условия осуществления речевого акта ободрения в педдискурсе как проявление экологии речи // Экология языка и речи: материалы 5 Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 77-80.
29. *Темиргазина З.К.* Некоторые приемы языкового манипулирования в современном казахстанском политическом дискурсе // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 325-331.

30. Темиргазина З.К. Новостной субдискурс как составная часть политического дискурса // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 243-246.
31. Темиргазина З.К., Акишева М.К. Когнитивно-языковое моделирование образа чужого в казахстанском медиадискурсе // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 2017. С. 178-180.
32. Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: Оценочные высказывания в русском языке: монография. М.: Флинта, 2015. 247 с.
33. Темиргазина З.К. Образ человека в русской ценностной картине мира: учебное пособие. М.: Флинта, 2015. 95 с.
34. Темиргазина З.К., Каурова М.К. Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в казахской картине мира (в сопоставлении с русской и английской): монография. М.: Флинта, 2015. 109 с.
35. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. № 1(9). С. 5-9.
36. Temirgazina Z., Kaparov S. et al. Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. Vol. 12 (3). P. 2747-2756.
37. Temirgazina Z., Khamitova G. et al. Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2016. 7 (2). P. 317-326.
38. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M. et al. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13. Issue 12. P. 1385-1393.
39. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M. et al. Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms // Information. 2017. Vol. 20. № 4(A). P. 2325-2336.
40. Temirgazina Z.K., Akosheva M.A. et al. Metaphors in Anatomical Terminology // Space and Culture, India. 2019. Vol. 7. № 1. P. 143-153.

References

1. Temirgazina Z.K. *Otsenochnyye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Evaluative Statements in the Russian Language]. Pavlodar, 1999, 272 p. (In Russian).
2. Temirgazina Z.K. (executive ed.). *Gendernaya lingvistika* [Gender Linguistics]. Pavlodar, ECO Publ., 2010, 589 p. (In Russian).
3. Temirgazina Z.K. (executive ed.). *Lingvisticheskaya aksiologiya* [Linguistic Axiology]. Pavlodar, Sytin Publ., 2014, 458 p. (In Russian).
4. Temirgazina Z.K. (executive ed.). *Pragmalingvistika* [Pragmalinguistics]. Pavlodar, Sytin Publ., 2014, 476 p. (In Russian).
5. Temirgazina Z.K. Mekhanizmy smyslovogo i poverkhnostnogo sintaksirovaniya v protsesse porozhdeniya otsenochnykh vyskazyvaniy [Mechanisms of semantic and cursory syntax in the process of developing evaluative statements]. *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskaya – Bulletin of Kazakh State University. Philological Series*, 1997, no. 15, pp. 101-105. (In Russian).
6. Temirgazina Z.K. Tekst: predlozheniye i vyskazyvaniye [Text: a sentence and a statement]. *Chelovek. Kommunikatsiya. Tekst* [Person. Communication. Text]. Barnaul, 1998, issue 2, pp. 129-131. (In Russian).
7. Temirgazina Z.K. Otsenka v pragmatischekom aspekte [Assessment in pragmatic aspect]. *Poisk. Seriya gumanitarnykh nauk – Search. Humanities Series*, 1998, no. 1, pp. 30-35. (In Russian).
8. Temirgazina Z.K. *Sovremennyye teorii v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike* [Modern Theories in National and Foreign Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 120 p. (In Russian).
9. Temirgazina Z.K. *Obraz cheloveka v russkoy tsennostnoy kartine mira: Spetskurs dlya magistrantov yazykovykh spetsial'nostey* [The Image of a Person in the Russian Value Picture of the World: Special Course for Undergraduates in Language Specialities]. Pavlodar, ECO Publ., 2002, 92 p. (In Russian).
10. Temirgazina Z.K. Verbal'naya agressiya v mezhlichnostnoy kommunikatsii [Verbal aggression in interpersonal communication]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*, 2007, no. 4, pp. 74-77. (In Russian).
11. Temirgazina Z.K. Predstavleniya o vkusakh kak kognitivnaya oblast' [Perception of the taste as a cognitive domain of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2013, no. 2 (035), pp. 115-121. (In Russian).

12. Temirgazina Z.K. Namerennyye nedomolvki v ustnoy rechi: pragmaticheskiy aspekt [Intentional Omissions in Oral Speech: Pragmatic Aspect]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2013, no. 1, pp. 33-40. (In Russian).
13. Temirgazina Z.K. *Lingvokul'turnaya spetsifika kontseptualizatsii obonyatel'nykh i vkusovykh oshchushcheniy v russkoy yazykovoy kartine mira (v sopostavlenii s kazakhskoy i angliyskoy)* [Linguistic and Cultural Specifics of the Conceptualization of Olfactory and Gustatory Sensations in Russian Lingual Picture of the World (in Comparison with Kazakh and English)]. Pavlodar, Sytin Publ., 2014, 114 p. (In Russian).
14. Temirgazina Z.K., Bachurka M.S. Rechevyye akty pokhvaly i odobreniya v pedagogicheskom diskurse [Speech acts of praise and approval in the pedagogical discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 97-105. (In Russian).
15. Temirgazina Z.K. «Sny razuma» v kazakhstanskom politicheskom media-diskurse [“Dreams of Reason” in Kazakhstan political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2016, no. 4 (58), pp. 68-74. (In Russian).
16. Temirgazina Z.K., Bachurka M.S. Rechevyye akty agressivnogo kharaktera v pedagogicheskom diskurse [Aggressive speech acts in pedagogical discourse]. *Zhanry rechi – Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 51-57. (In Russian).
17. Temirgazina Z.K. Manipulyativnyy potentsial metaforicheskikh modeley v kazakhstanskom politicheskom diskurse [Manipulative potential of metaphorical models in political discourse of Kazakhstan]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya»* [Proceedings of International research conference “Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication”]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2018, pp. 254-257. (In Russian).
18. Temirgazina Z.K. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Syntax of a Complex Sentence]. Pavlodar, Pavlodar State Pedagogical University Publ., 2012, 48 p. (In Russian).
19. Temirgazina Z.K. *Sintaksicheskii analiz slovosochetaniya i predlozheniya* [Syntactic Parsing of a Collocation and a Sentence]. Pavlodar, Pavlodar State Pedagogical University Publ., 2019, 120 p. (In Russian).
20. Temirgazina Z.K. Formirovaniye funktsional'noy gramotnosti studentov pedagogicheskikh vuzov sredstvami yazykovedcheskikh distsiplin [Formation of functional literacy in pedagogical universities' students using tools from linguistic disciplines]. *Bilim – Obrazovaniye – Education*, Astana, 2013, no. 2, pp. 200-204. (In Russian).
21. Temirgazina Z.K. Professional'no-oriyentirovannoye obucheniye yazykam na estestvennonauchnykh spetsial'nostyakh [Job-oriented language teaching in the natural sciences]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2013, no. 10, pp. 822-825. (In Russian).
22. Temirgazina Z.K. Sposoby vyravnivaniya gendernoy asimmetrii v russkom yazyke (pri nominatsii lits po professii) [Methods to equalize gender asymmetry in Russian language (for individuals categorized by professions)]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 85-letiyu prof. G.P. Mel'nikova «Yazykovaya sistemologiya»* [Digest of works of International research conference to the 85th Anniversary of Professor G.P. Melnikova “Linguistic Systemology”]. Moscow, 2013, pp. 240-245. (In Russian).
23. Temirgazina Z.K. Gendernyy aspekt v nominatsiyakh lits po professii [Gender aspect in categorization of individuals by profession]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Lingvistika posle F. de Sossyura: Itogi i perspektivy»* [Digest of materials of International research conference “Linguistics after F. de Saussure: Results and Prospects”]. Moscow, 2013, pp. 184-190. (In Russian).
24. Sinyachkin V.P., Khukhuni G.T. Gendernaya lingvistika [Gender linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2013, no. 1, pp. 118-120. (In Russian).
25. Temirgazina Z.K. *Izbrannyye raboty po lingvistike: v 2 t.* [Selected Works on Linguistics: in 2 Vols.]. Pavlodar, ECO Publ., 2010, vol. 1, 308 p.; vol. 2, 337 p. (In Russian).
26. Krasina E.A. Retsenziya. Z.K. Temirgazina. *Izbrannyye raboty po lingvistike* [A review. Temirgazina Z.K. Selected works on linguistics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2013, no. 3, pp. 115-119. (In Russian).
27. Temirgazina Z.K. Lingvisticheskaya aksiologiya: problemy i perspektivy [Linguistic axiology: problems and perspectives]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of International research conference “Linguistic and Speech Ecology”]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2013, pp. 22-26. (In Russian).

28. Temirgazina Z.K. Kommunikativnyye usloviya osushchestvleniya rechevogo akta obodreniya v peddiskurse kak proyavleniye ekologii rechi [Communicative conditions for implementation of an approval speech act in pedagogical discourse as manifestation of ecology in speech]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of 5th International research conference “Linguistic and Speech Ecology”]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2016, pp. 77-80. (In Russian).
29. Temirgazina Z.K. Nekotoryye priyemy yazykovogo manipulirovaniya v so-vremennom kazakhstanskom politicheskom diskurse [Several methods of language manipulation in modern Kazakhstani political discourse]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya kommunikatsiya»* [Proceedings of International research conference “Political Communication”]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2013, pp. 325-331. (In Russian).
30. Temirgazina Z.K. Novostnoy subdiskurs kak sostavnaya chast’ politicheskogo diskursa [News sub-discourse as a fundamental part of political discourse]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya kommunikatsiya»* [Proceedings of International research conference “Political Communication”]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2014, pp. 243-246. (In Russian).
31. Temirgazina Z.K., Akosheva M.K. Kognitivno-yazykovoye modelirovaniye obraza chuzhogo v kazakhstanskom mediadiskurse [Cognitive and language modeling of “An Alien” image in the Kazakhstan media discourse]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Odin poyas – odin put’*. Lingvistika vzaimodeystviya» [Proceedings of International research conference “One Belt – One Way. Linguistics of Interaction”]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2017, pp. 178-180. (In Russian).
32. Temirgazina Z.K. *Lingvisticheskaya aksiologiya: Otsenochnyye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Linguistic Axiology: Evaluative Statements in the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 247 p. (In Russian).
33. Temirgazina Z.K. *Obraz cheloveka v russkoy tsennostnoy kartine mira* [Image of a Man in Russian Value Picture of the World]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 95 p. (In Russian).
34. Temirgazina Z.K., Kairova M.K. *Lingvoesteticheskaya otsenka vneshnego oblika cheloveka v kazakhskoy kartine mira (v sopostavlenii s russkoy i angliyskoy)* [Linguistic and Aesthetical Evaluation of a Man’s Appearance in Kazakh’s Picture of the World (in Comparison with Russian and English)]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 109 p. (In Russian).
35. Temirgazina Z.K. Zoomorfnyaya model’ metafORIZatsii v russkoy i kazakhskoy zoologicheskoy terminologii [Zoomorphic model of metaphorization in Russian and Kazakh zoological terminology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul’turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 5-9. (In Russian).
36. Temirgazina Z., Kaparov S. et al. Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language. *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 2015, vol. 12 (3), pp. 2747-2756.
37. Temirgazina Z., Khamitova G. et al. Didactic Features of a Learner’s English-Russian Dictionary of Biology Development. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 2016, vol. 7 (2), pp. 317-326.
38. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M. et al. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms. *American Journal of Applied Sciences*, 2016, vol. 13, issue 12, pp. 1385-1393.
39. Temirgazina Z.K., Bahtikireyeva U.M. et al. Artifacts as a source of Russian and Kazakh Zoological terms. *Information*, 2017, vol. 20, no. 4 (A), pp. 2325-2336.
40. Temirgazina Z.K., Akosheva M.A. et al. Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 143-153.

Информация об авторах

Токатова Людмила Ербулатовна, кандидат филологических наук, доцент высшей школы гуманитарных наук. Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. E-mail: tokatoval@mail.ru

Вклад в статью: обзор и анализ литературы, написание части текста, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор высшей школы гуманитарных наук. Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. E-mail: agmanova@mail.ru

Вклад в статью: написание части текста, обобщение, редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Токатова Людмила Ербулатовна
E-mail: tokatoval@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the authors

Lyudmila E. Tokatova, Candidate of Philology, Associate Professor of Graduate School of Humanities. Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: tokatoval@mail.ru

Contribution: review and analysis of literature, part of manuscript text drafting, manuscript design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Atirkul E. Agmanova, Doctor of Philology, Professor of Graduate School of Humanities. Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: agmanova@mail.ru

Contribution: part of manuscript text drafting, synthesis, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Lyudmila E. Tokatova
E-mail: tokatoval@mail.ru

Received 19 May 2020

Reviewed 24 June 2020

Accepted for press 26 June 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-618-624
УДК 81'(092)

Чем привлекательны грани научного и литературного творчества Владимира Георгиевича Руделёва

Лариса Яковлевна КОСТЮЧУК

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, 2
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-8840>, e-mail: anh57@yandex.ru

What is attractive about the facets of scientific and literary creativity of Vladimir Georgiyevich Rudelev

Larisa Y. KOSTYUCHUK

Pskov State University
2 Lenina Sq., Pskov 180000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-8840>, e-mail: anh57@yandex.ru

Аннотация. Дан анализ научного наследия известного учёного, основателя Тамбовской лингвистической школы – Владимира Георгиевича Руделёва. В центре внимания работы учёного, которые прежде всего посвящены аспекту древнего пласта языка – русского и славянского письменного. Работы Владимира Георгиевича выгодно отличает использование разных методов, которые удачно под пером автора, взаимно помогая, дополняют друг друга: и этимологический, и сравнительно-сопоставительный, и использование методов смежных дисциплин, в частности этнографии. Славистический материал, связанный с графикой, позволял исследователю на широком фоне названий письменных знаков провести и этимологическое рассмотрение с попыткой установить указанные этапы системы письменных знаков с выявлением древнего, сакрального смысла при обращении к понятиям, традициям христианской веры. Для объяснения древних славянских традиций автор закономерно обращается к разным данным от древних языков до современных русских говоров; известно, что это один из источников познания языка в древности, как и топонимия. В первые десятилетия второй половины XX века Владимир Георгиевич стал известным и как современно-перспективный, и как очень интересный фонолог, для которого была важна строгая системность организации единиц первого уровня языка с вниманием к синхронии и диахронии. В.Г. Руделёв избрал для своих последующих разнообразных исследований, в частности и грамматических, перспективный оппозиционный метод. С его помощью велись наблюдения и делались открытия в области частей речи русского языка.

Ключевые слова: научное наследие В.Г. Руделёва; Тамбовская лингвистическая школа; метод оппозиций; роль и семантика слов

Для цитирования: Костючук Л.Я. Чем привлекательны грани научного и литературного творчества Владимира Георгиевича Руделёва // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 618-624. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-618-624

Abstract. The scientific heritage of Vladimir Georgiyevich Rudelev, a well-known scientist, the founder of Tambov linguistic school is analyzed. We focus on the works of the scientist, which are primarily devoted to the aspect of the language's ancient layer – Russian and Slavonic writing. Vladimir Georgiyevich's works are distinguished by the use of different methods which successfully complement each other: both etymological and comparative, and the use of methods of related disciplines, ethnography in particular. Slavic material related to graphics allowed the researcher to conduct an etymological examination on a wide background of the written signs' names with an attempt to establish these stages of the written signs' system with the identification of ancient, sacred meaning in addressing the concepts, traditions of the Christian faith. For an explanation of

ancient Slavic traditions, the author naturally addresses different data from ancient languages to modern Russian patois; it is known that this is one of the sources of language cognition in ancient times, as well as toponymy. In the first decades of the second half of the XX century, Vladimir Georgievich became known both as a modern and perspective and a very interesting phonologist, for whom the strict organization system of units of the first language level with attention to synchrony and diachrony is important. V.G. Rudelev chose a promising opposition method for his subsequent various studies, grammatical ones in particular. He used it to make observations and discoveries in the field of Russian language parts of speech.

Keywords: scientific heritage of V.G. Rudelev; Tambov linguistic school; method of opposition; role and semantics of words

For citation: Kostyuchuk L.Y. Chem privlekatel'ny grani nauchnogo i literaturnogo tvorchestva Vladimira Georgievicha Rudelyova [What is attractive about the facets of scientific and literary creativity of Vladimir Georgiyevich Rudelev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 618-624. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-618-624 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Всё, что делает настоящий Человек, остаётся людям... Осталось и непреходящее творчество Владимира Георгиевича Руделёва. Научное творчество блестящего учёного, глубокого, разностороннего в своих интересах и открытиях, опережающего время, щедро всегда доносившего свои мысли до современников и оставившего их и для новых поколений тех, кто будет так же любить и желать познавать язык, как это делал сам автор. И художественное творчество талантливого и искреннего прозаика и поэта, произведения которого позволяют не просто слышать и воспринимать удивительное Слово в тексте, а каким-то образом дают возможность почувствовать себя обогащённым и обновлённым от соприкосновения с чем-то по-человечески очень добрым.

Мне довелось узнать Владимира Георгиевича Руделёва давно – сначала по печатным научным статьям, которые вызвали интерес, и имя автора запомнилось; потом встреча на какой-то конференции и знакомство; затем последующие конференции, заседания диссертационных советов...

Письменные и устные выступления В.Г. Руделёва всегда останавливали твоё внимание и содержанием, и формой подачи информации.

Так в чём же секрет привлекательности научных и художественных творений этого автора? Наверное, можно ответить кратко: прежде всего в жизненной установке автора и доброй расположенности ко всему, к чему прикасался учёный и художник и что желал довести до адресатов. Сам автор всегда в движении, пополнении своего собственного духовного багажа, в творческих поисках ма-

териала, путей решения обнаруженных и решаемых загадок, неожиданных сближений.

В ситуации подготовки к встрече в Тамбове тех, кто знал В.Г. Руделёва и хочет узнать замечательного учёного и его оставленное наследие, чтобы понять, что профессор В.Г. Руделёв есть и остаётся с нами, естественным было ещё раз всмотреться и вслушаться в Слово учёного и писателя-поэта.

Меня всегда интересовал в разных аспектах древний пласт языка – русского и славянского письменного, поэтому и вспомню, прежде всего, об этом направлении работ Владимира Георгиевича, предполагающего внимание ко многим аспектам лингвистики.

В.Г. Руделёв сразу после окончания аспирантуры, получив хорошие вузовские знания, тем более и под руководством любимого учителя В.И. Лыткина в Рязанском пединституте; стал преподавать серьёзные дисциплины историко-лингвистического цикла и диалектологию в Оренбургском вузе, и потом его увлечение данным направлением не прекращалось.

Вспомним интересную статью о названиях животных как средстве героического образа в «Слове о полку Игореве» [1] с тонким анализом в связи с материалом при передаче поэтики древнего текста. В статье о ёлочке-красе, писаной торбе видишь умелое решение и этнографических диалектных проблем в единстве синхронии и диахронии [2].

История славистики неотъемлемо связана с возникновением письменности у славян. Искусство в подходе к этой теме у пытливого и, как всегда, неутомимого исследователя В.Г. Руделёва проявилось в желании постараться понять, найти пути к поиску материа-

ла и по возможности осветить и сохранить результаты своих изысканий не только как научные статьи, но и как специальные источники сведений – пособия – для школьников. И сделать это невозможно без исчерпывающего знакомства, во-первых, с тем местом в «*Слове о письменах*» Черноризца Храбра, где говорится о «**чрътахъ и рѣзахъ**» древних славян до широко известной деятельности братьев Константина-Кирилла и Мефодия; во-вторых, с теми древними сведениями о миссионерском пребывании Константина на побережье Чёрного моря ещё до пребывания в Великой Моравии.

Использование разных методов, которые удачно под пером автора, взаимно помогая, дополняют друг друга: и этимологический, и сравнительно-сопоставительный, и использование методов смежных дисциплин, в частности этнографии... Нам перечитать удалось статью 2000 года в «Вестнике Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» под названием «*Что мы знаем о древних славянских буквах?*» с неожиданным для места издания подзаголовком «(для учителей-словесников)» [3, также 4]. Это показывает широту адресации автором своих трудов для разных читателей. Причём без снижения уровня изложения и серьёзности научного произведения, и, наоборот, происходит возвышение и адресата, и показа значимости науки, уровня образования.

Разговор идёт только о восьми графических знаках славянского письма в древности, но затронул не только так называемую позднюю «*Кириллицу*», в варианте учеников Первоучителей после кончины Кирилла и Мефодия, но, что очень ценно, и так называемую «*кириллову*» (по В.Г. Руделёву) графикой («*глаголицей*»). И, самое главное, то, что приоткрыл в своих исследованиях В.Г. Руделёв, то есть **что было** у славян до «*кирилловой*» азбуки («*глаголицы*»): какие-то знаки «чръты» и «рѣзы» (по Черноризцу Храбру). Исполнено всё содержание увлекательно, с использованием сведений и из Житий Первоучителей: будучи с миссионерской целью на Чёрном море, Константин встретил какого-то человека, который имел какие-то книги, говорил «*по-роски*» (? – об этом слове существуют много догадок), а, способный к освоению и познанию языков, Константин

выучил и этот язык. Исследование В.Г. Руделёва важно для очень многих: и для вузовских преподавателей.

Славистический материал, связанный с графикой, позволил исследователю на широком фоне названий письменных знаков провести и этимологическое рассмотрение с попыткой установить указанные этапы системы письменных знаков с выявлением древнего, сакрального смысла при обращении к понятиям, традициям христианской веры. И прежде всего присутствие Троицы – с её составляющими. Для объяснения древних славянских традиций автору приходится обращаться к разным данным от древних языков до современных русских говоров; известно, что это один из источников познания языка в древности, как и топонимия.

В.Г. Руделёв знал и рязанские, и оренбургские говоры. Первые дали ему материал для не потерявшей актуальности и сейчас кандидатской диссертации по названиям жилищ и жилищно-хозяйственных построек в коренных рязанских говорах в аспекте этнографического подхода к материалу (это был новаторский в 50-е годы XX века совет учителя В.И. Лыткина) [5]. В Оренбурге Владимир Георгиевич сразу включился в диалектологическую работу по изучению оренбургских и самарских говоров. Всё это и дало возможность в дальнейшем использовать народные примеры как аргументы для поддержки соответствующих догадок в разных исследованиях (по современному и древнему языку).

Не случайно вначале 60-х гг. XX века С.С. Аверинцев сформулировал понятие современной филологии – «*содружество гуманитарных дисциплин*» при неизбежном главенстве языка [6].

Повторим: привлекает в постоянной научной работе Владимира Георгиевича непрекращающийся творческий поиск – целенаправленный по избранной теме и как будто случайный, на всякий случай: ведь «*кто ищет, тот всегда найдёт*». И сохранит на будущее, когда это вдруг востребуется. И сохраняющееся в памяти учёного не раз пригождалось: своеобразие семантики, запомнившееся звучание... Это сочеталось с прочным и всеобъемлюще приобретённым багажом знаний в течение всей жизни. Зоркий

глаз и опытное ухо никогда не подводили, как и в интересных и уникальных исследованиях по исторической тематике, когда вспоминались и народные выражения с необычными значениями, сохранившимися, оказывается, следы сведений о прежних реалиях в как будто хорошо известных общерусских лексемах типа *раз, ату, аты*, даже *масленца* [3]. Выводы, к которым пришёл В.Г. Руделёв, показали, что только такому учёному подвластными оказались лингвистические тайны.

В первые десятилетия второй половины XX века Владимир Георгиевич стал известным и как современно-перспективный, и как очень интересный фонолог, для которого важна строгая системность организации единиц первого уровня языка с вниманием к синхронии и диахронии (докторская диссертация «*Типология и история русских вокалических систем*» успешно была защищена в ЛГУ [7]). Дружеские отношения долгие годы связывали Владимира Георгиевича и Владимира Викторовича Колесова, тоже занимавшегося исторической фонологией (ЛГУ).

В.Г. Руделёв избрал для своих последующих разнообразных исследований, в частности и грамматических, перспективный *оппозиционный метод*, естественно присутствующий в фонологических наблюдениях. С его помощью велись наблюдения и делались открытия в области частей речи русского языка. Это было значимо и потому, что даже с работой В.В. Виноградова «Русский язык» (в нескольких изданиях), с выходом академических грамматик русского языка (1950-х гг., под редакцией самого В.В. Виноградова; 1970, 1980 гг., под редакцией Н.Ю. Шведовой) нет стабильного представления, *что такое* части речи (вспомним «*классы слов*» у В.В. Виноградова), нет чёткого определения, насколько прочно определён объём отдельных частей речи (в соответствии с грамматиками 1970 и 1980 годов). И с членами предложения не всё теоретически ясно. Ведь даже слово с его значениями, касающимися специфики разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического), не даёт постоянства и достаточно затруднительно для определения и понимания. Учёт же оппозиции «*язык – речь*» привносит много вопросов.

С прибытием в Тамбов В.Г. Руделёв создал интересную научную школу. Творческий, неутомимый руководитель возглавил, объединил очень многих заинтересованных учеников и коллег.

Исходные позиции, универсальный метод оппозиций (*оппозиционный*), не исключаяющий использования и других в зависимости от материала, от желания авторов, – всё это объединяет участников школы, обогащает, расширяет кругозор исследователей. Это прекрасно представлено в публикациях самого руководителя, участников школы в зависимости от их интересов; видно по разнообразным диссертационным исследованиям тамбовчан... Показателен, например, и такой труд в рамках школы, как «*Семантика слов в аспекте динамической теории частей речи*» [8] в стремлении не сузить, а расширить аспект рассмотрения языковых явлений. Не случайно В.Г. Руделёва связывали дружеские отношения и с замечательным руководителем Казанской лингвистической школы – В.М. Марковым, у которого была обоснована перспективная и необходимая лингвистическая теория словообразования русского языка с выделением так называемого семантического способа.

В.Г. Руделёва интересовала проблема определения, вычленения частей речи, что не очень просто в живом, современном русском языке, даже при разработке автором обоснованного подхода к материалу – словам, распределяемым по группам в соответствии с обоснованной теорией [9].

В.Г. Руделёв был очень внимателен и к роли семантики у слова. От смысла слова могут зависеть и его грамматические свойства: не только морфологические (значение статуса соответствующей части речи), но и синтаксические (значение в соответствии с функцией в предложении).

Читать работы по этой глобальной проблеме полезно и важно: видишь исследовательскую лабораторию большого учёного с оригинальным, своим подходом к русскому Слову, русскому Языку. Знакомясь с трудами Тамбовской лингвистической школы, видишь, что фонология со строгим подходом к организации единиц оказывается под пристальным взглядом исследователя, становясь значимой в области интерпретации не только

структуры слова [10], но и при обосновании вычленения–признания частей речи [11].

В интернетовском варианте однажды привлекла внимание публикация В.Г. Руделёва в соавторстве с О.А. Руделёвой с показательным названием «*Фонология как основа и метод современного лингвистического исследования*» с привлекательными ключевыми словами: *вокалический нуль, частеречный нуль, оппозиция, нейтрализация* [12].

С удовольствием познакомилась с содержанием.

Идея значимости принципа «*оппозиция*» отдельных звуковых единиц типа <*д – т*> и групповых типа <*вокативность – сонорность*> при учёте и *нуля* хорошо поясняется на примере применения *её* и в помощь морфологии при выстраивании лексем в определённой системе частей речи: «Центром лексической системы русского языка является недостаточно пока ещё осмысленная иерархия частей речи». В.В. Виноградову удалось «освободить корпус русских частей речи от явных *неслов*». Но это не спасло положения: «Системный (фонологический) анализ, однако, блестящему академику был чужд, и его идея двух частеречных центров (существительного и глагола) несостоятельна».

Такое положение с материалом частей речи привело авторов к собственным изысканиям с использованием некоторых примеров из фетовских поэтических строк типа *шёпот, дыханье, трели, колыханье*. Они представляют такое явление, как «*частеречный нуль*» для существительного, поскольку у него *нет глобального дифференциального грамматического признака* (названный В.В. Виноградовым признак «*предметность*»). Признак же «*предметность*» авторы раскритиковали на примерах ряда слов, в частности *человек, Бог*, в отличие от *стол* и под. Глагол же, по мнению авторов, имеет глобальный признак – *спрягаемость*, что проявляется в лексемах типа *шёпот* и др. Фактически такое рассуждение показывает, что в *грамматике* (в данном случае морфологии) важно учитывать *грамматическое значение*, а не лексико-семантическое.

Развивая интересное, логичное рассуждение, авторы от перечисления указанных фетовских слов «*уводит*», например, слово *ночь* по такому заключению: «Вслед за

предметным проклятием, висящим над субстантивом, возникла абсурдная идея *субстантивация* глаголов, адъективов, наречий и даже числительных. Примером субстантивации может случить фетовская фраза в так называемой русской «*скоростной, точечной* речи»: «*Серебро (и колыханье сонного) ручья*». Здесь слово *серебро* означает не 'argentum', а «субстантив *серебро* – внутренняя форма прилагательного *серебряный*».

Читая работы самого В.Г. Руделёва, в соавторстве, начинающих исследователей под руководством учёного, действительно, попадаешь в лабиринт поисков, распутывание направлений выхода из трудных загадок, которые преподносит естественная знаковая система русского языка: «*Язык преисполнен парадоксов*», – сказал Владимир Георгиевич.

Но они не остановили соавторов даже перед следующим в пределах действия «*динамической теории частей речи*»: «*С наречиями и их субстантивными формами дело обстоит намного сложнее, но вполне обозримо*». И «*обозримое*» показано следом в указанной статье на примерах сопоставления наречий типа *ночью* с субстантивной параллелью *ночь* (темпоральная семантика), с одной стороны, и, с другой – пространственно-го наречия *бездна* и субстантивной единицы *бездна* со значением 'точка в пространстве'. Использован показательный контекст М.В. Ломоносова: «*Открылась бездна – звёзд полна. Звёздам числа нет, а бездне – дна*».

Программа замечательной конференции в Тамбовском университете в ноябре 2019 года (секций, «круглого стола») показала, насколько действенно наследие учёного Владимира Георгиевича Руделёва: напому название одного доклада, который продолжает разговор о наречиях в системе частей речи: «*К вопросу о парадигме склонения пространственно-временных наречий в контексте динамической теории частей речи В.Г. Руделёва*» (подчеркнуто мною. – Л. К.). Воистину «*всё остаётся людям*», если сделанное, исследованное делалось с добрыми намерениями. И желанием, чтобы продолжались поиски ответов на как будто бы уже решённое, но всегда возможны уточнения и дополнения с появлением нового материала не только в современном состоянии языка (ли-

тературном и диалектном), но и древнем (вспомним даже расшифрованный А.А. Зализняком, В.Л. Яниным (с технической помощью других специалистов) так называемый «Новгородский кодекс» на... старославянском языке (!), более раннем на несколько десятилетий, чем «Остромирово евангелие»,

признаваемое до сих пор последним старославянским памятником...

О литературном же творчестве Владимира Георгиевича Руделёва необходимо помнить и говорить в другое, тоже «свое», время...

Список литературы

1. Руделёв В.Г., Сафонова О.В. Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010. 75 с.
2. Руделёв В.Г. О ёлочке-красе, писаной торбе и других символах древнего русского христианства // Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XXI века: сб. материалов Междунар. науч. конф. Мичуринск; Москва, 2008. Т. 1. С. 64-65.
3. Руделёв В.Г. Что мы знаем о древних славянских буквах? (для учителей-словесников) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2000. Вып. 2. С. 74-82.
4. Руделёв В.Г. Ещё раз о древних буквах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 58-67.
5. Руделёв В.Г. Лексика жилища, жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских и рязанских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 1958.
6. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 544-545.
7. Руделёв В.Г. Типология и история русских вокалических систем: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1971.
8. Руделёв В.Г. Семантика слов в аспекте динамической теории частей речи (на материале русского языка) // Державинские чтения XI. Институт филологии. Материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2006. С. 81-83.
9. Руделёв В.Г. Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
10. Руделёв В.Г. Фонологическая интерпретация структуры слова // Учёные записки Тартуского университета. Проблемы моделирования языка. Тарту, 1969. С. 131-140.
11. Руделёв В.Г. К фонологической интерпретации русского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 30-38.
12. Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Фонология как основа и метод современного лингвистического исследования. URL: https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_1/Baudouin_2015_1_290_293.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

References

1. Rudelev V.G., Safonova O.V. *Nazvaniya zhivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (k rekonstruktsii i germenevticheskoy obrabotke «Slova o polku Igoreve»)* [Names of Animals as Means of Creation of Heroic Image (to the Reconstruction and Hermeneutic Processing “The Tale of Igor’s Campaign”)]. Tambov, 2010, 75 p. (In Russian).
2. Rudelev V.G. O elochke-krase, pisanoy torbe i drugikh simbolakh drevnego russkogo khristianstva [About the beautiful conifer tree, the decorated nosebag and other symbols of ancient Russian Christianity]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aspekty issledovaniya yazykovykh edinit i kategoriy v rusistike XXI veka»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Aspects of the Study of Linguistic Units and Categories in Russian Studies of the 21st Century”]. Michurinsk, Moscow, 2008, vol. 1, pp. 64-65. (In Russian).
3. Rudelev V.G. Chto my znayem o drevnikh slavyanskikh bukvakh? (dlya uchiteley-slovesnikov) [What do we know about ancient Slavic letters? (for language teachers)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2000, no. 2, pp. 74-82. (In Russian).
4. Rudelev V.G. Eshche raz o drevnikh bukvakh [Once again on the ancient Slavic letters]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 58-67. (In Russian).

5. Rudelev V.G. *Leksika zhilishcha, zhilishchno-khozyaystvennogo stroitel'stva v yuzhnorusskikh i ryazanskikh govorakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Vocabulary of Housing, Housing Construction in South Russian and Ryazan Dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Orenburg, 1958. (In Russian).
6. Averintsev S.S. Filologiya [Philology]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 544-545. (In Russian).
7. Rudelev V.G. *Tipologiya i istoriya russkikh vokalicheskikh sistem: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Typology and History of Russian Vocal Systems. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Leningrad, 1971. (In Russian).
8. Rudelev V.G. Semantika slov v aspekte dinamicheskoy teorii chastey rechi (na materiale russkogo yazyka) [Semantics of words in the aspect of the dynamic theory of parts of speech (based on the material of the Russian language)]. *Materialy nauchnoy konferentsii prepodavateley i aspirantov «Derzhavinskiye chteniya 11. Institut filologii»* [Proceedings of the Scientific Conference “11th Derzhavin Readings. Philology Institute”]. Tambov, 2006, pp. 81-83. (In Russian).
9. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi [Dynamic theory of parts of speech]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russian).
10. Rudelev V.G. Fonologicheskaya interpretatsiya struktury slova [Phonological interpretation of the word structure]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo universiteta. Problemy modelirovaniya yazyka* [Scientific Notes of Tartu University. Language Modeling Issues]. Tartu, 1969, pp. 131-140. (In Russian).
11. Rudelev V.G. K fonologicheskoy interpretatsii russkogo yazyka [To the phonological interpretation of the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija*, 1963, no. 2, pp. 30-38. (In Russian).
12. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. *Fonologiya kak osnova i metod sovremennogo lingvisticheskogo issledovaniya* [Phonology as the Basis and Method of Modern Linguistic Research]. (In Russian). Available at: https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_1/Baudouin_2015_1_290_293.pdf (accessed 14.10.2019).

Информация об авторе

Костючук Лариса Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация. E-mail: anh57@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ и обработка полученных результатов, написание, редактирование и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-8840>

Поступила в редакцию 21.11.2019 г.

Поступила после рецензирования 14.01.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Larisa Y. Kostyuchuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Pskov State University, Pskov, Russian Federation. E-mail: anh57@yandex.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, scientific literature search and analysis, obtained results analysis and processing, manuscript drafting, editing and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-8840>

Received 21 November 2019

Reviewed 14 January 2020

Accepted for press 20 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631
УДК 82-1/29

Концептуальные метафорические модели в лирике В.Г. Руделёва

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Conceptual metaphorical models in V.G. Rudelev's lyric poetry

Natalia L. POTANINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Дан анализ поэтического наследия В.Г. Руделёва, известного отечественного лингвиста, доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Убедительно доказано, что в поэзии В.Г. Руделёва особую актуальность имеют метафорические модели, связанные с осмыслением прецедентных феноменов мировой культуры. При этом культурные феномены обретают у поэта самые неожиданные сопряжения с лирическими сюжетами, что сообщает поэтической образности глубокую смысловую перспективу. В результате этого стирается грань между бытовым и бытийственным, между разными историческими эпохами и разными культурными опытами. Анализ выполнен на примере стихотворений «Одуванчик» и «Полёт Золотой Стрекозы в саду Поэта», в которых концептуальное ядро представлено набором метафор, по-разному кодирующих понятие «жизнь»: жизнь – борьба; жизнь – игра; жизнь – служение идее; жизнь – творчество; жизнь – полёт (риск). В поэтическом дискурсе эти метафоры вступают в резонанс с длительным культурным опытом читателя, что многократно умножает их имплицитную энергетическую ёмкость и сообщает художественной образности особую смысловую перспективу. Сделан вывод об определяющей роли метафорических моделей в репрезентации авторской картины мира и формировании оригинального идиостиля художника.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорическая модель; идиостиль; поэтическая картина мира; В.Г. Руделёв

Для цитирования: Потанина Н.Л. Концептуальные метафорические модели в лирике В.Г. Руделёва // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 625-631. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631

Abstract. The poetic heritage of V.G. Rudelev, a famous Russian linguist, doctor of philological sciences, professor of Derzhavin Tambov State University, is analyzed. It is proved that in V.G. Rudelev's poetry metaphorical models connected with comprehension of the world's precedent phenomena of culture are of special importance. At the same time, cultural phenomena acquire the poet's most unexpected conjugations with lyrical plots, which gives poetic imagery a deep semantic perspective. The result is a blurring of the line between household and ontological, between different historical epochs and different cultural experiences. The analysis is made on the example of the poems "Dandelion" and "Flight of the Golden Dragonfly in the Poet's Garden", in which the conceptual core is presented by a set of metaphors that encode the notion of "life" in different ways: life – struggle; life – game; life – serving an idea; life – creativity; life – flight (risk). In poetic discourse, these metaphors resonate with the reader's long and rich cultural experience, which many times multiplies their implicit energy capacity and gives the artistic imaginary a spe-

cial semantic perspective. We come to the conclusion about the decisive role of metaphorical models in the representation of the author's world picture and the formation of the artist's original idiostyle.

Keywords: conceptual metaphor; metaphorical model; idiostyle; poetic picture of the world; V.G. Rudelev

For citation: Potanina N.L. Kontseptual'nyye metaforicheskiye modeli v lirike V.G. Rudeleva [Conceptual metaphorical models in V.G. Rudelev's lyric poetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 625-631. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В современной филологии наблюдается значительный интерес к вопросам когнитивной поэтики, одним из которых является вопрос о роли концептуальных метафорических моделей в поэтическом тексте.

Оригинальностью этих моделей, как и их неповторимых сочетаний, в первую очередь, определяется своеобразие авторской картины мира. Именно в них автор кодирует свои экзистенциальные представления. Справедливо мнение, что концептуальные метафорические модели, будучи связанными между собой в поэтическом мире, образуют своего рода «концептуальный каркас» (Н. Кузьмина), сетку, через которую в процессе концептуализации и категоризации «процеживается» мир в сознании человека [1, с. 228]. Под метафорической моделью здесь понимается набор концептуальных метафор, представляющих одно и то же экзистенциальное понятие в разных кодах: пространственном, временном, игровом, растительном и др. [2, с. 4].

Рассмотрим некоторые случаи текстового развертывания метафорических моделей в лирической поэзии В.Г. Руделёва.

Методология анализа базируется на представлениях Дж. Лакоффа и М. Джонсона о концептуальных метафорах, организующих наше существование в мире [3], на идее Л. Талми о разделении концептуальной системы, кодируемой в языке, на две подсистемы – структурирующую (conceptual structuring system) и концептуально-содержательную (conceptual content system) [4, р. 165], на наблюдениях Н.А. Кузьминой над концептуальными метафорами в поэтической картине мира [1, с. 236-250], а также на восходящей к указанной идее Л. Талми методике лингво-когнитивного анализа поэтического текста, предложенной Ж.Н. Масловой [5].

В поэзии В.Г. Руделёва особую актуальность имеют метафорические модели, свя-

занные с осмыслением прецедентных феноменов мировой культуры. Это может быть античная мифология или Библия, «Слово о полку Игореве» или роман Сервантеса «Дон Кихот», лирика Г. Аполлинера или древнерусская иконопись, история авиации или теория многомерности пространства/времени. При этом культурные феномены обретают у В.Г. Руделёва самые неожиданные сопряжения с лирическими сюжетами, что сообщает поэтической образности глубокую смысловую перспективу. В результате этого стирается грань между бытовым и бытийственным, между разными историческими эпохами и разными культурными опытами.

В стихотворении «Одуванчик» [6, с. 130] концептуальное ядро может быть представлено набором метафор, которые по-разному кодируют понятие «жизнь»: жизнь – борьба; жизнь – игра; жизнь – служение идее; жизнь – творчество; жизнь – полёт (риск). В поэтическом дискурсе эти метафоры вступают в резонанс с длительным и богатым культурным опытом читателя, что многократно умножает их имплицитную энергетическую ёмкость и сообщает всему стихотворению особую смысловую перспективу.

Неожиданно соотносятся темы *одуванчика* и *Дон Кихота*. Простенький цветок, будучи соотнесённым с образом бесстрашного и благородного борца за идею, становится концентрированным выражением целого комплекса смыслов: о высокой ценности бескомпромиссной нравственной позиции, о многочисленных рисках обладателя такой бескомпромиссности, о жесткости противостояния нравственного императива и морального релятивизма.

Поэтический текст, состоящий всего из 12 стихов, образует обширный и насыщенный коннотативный ореол. С образом Дон Кихота сопрягается образ князя Игоря, бес-

страшного воина за единство Русской земли, который, по версии автора, был вероломно предан и пленён половецким ханом Кончаком. Доверчивость князя Игоря, непозволительная для военачальника и государственного деятеля, едва не стоила ему жизни, а его пленение легло тяжким бременем на моральное состояние русского войска и поставило предел достижению его главной цели. Но и эта ассоциация не единична. Образ незадачливого князя Игоря несёт в себе аллюзию на игру («Опасны исторические игры...») как неотъемлемую составляющую человеческих и, в частности, политических, взаимоотношений.

Ещё одна ассоциация: одуванчик – Икар («...свиданья с солнцем жаждущий Икар» [6, с. 130]). Здесь кодируются такие свойства юной жизни, как стремление ввысь, способность к риску и творческому полёту, бесстрашие, граничащее с безрассудством (с одной стороны), и губительное неразумие (с другой).

Обозначенные в конце стихотворения время и место его создания («13 ноября 2010 года. У дверей нового здания Университета имени Г.Р. Державина» [6, с. 130]) рождают новые смыслы, дополняющие уже обозначившийся художественный образ. А именно – романтическое бесстрашие этого типа героя одновременно и губительно, и жизнеутверждающе. Оно влечёт за собой неотвратимую гибель, ведь ноябрь – месяц поздней осени («Уж в двух шагах карающий Декабрь» [6, с. 130]). Но таков исход одной, отдельной жизни. Тогда как в масштабах «большого времени» (М.М. Бахтин) за ноябрьским предзимьем непременно придёт весеннее возрождение. Природа совершит свой извечный круговорот, борьба Жизни и Смерти вновь разрешится приходом весны, и новая весенняя зелень вновь оживит творческую мысль «...на мысленном зелёном берегу, / в восторге от берёзовых овалей...».

Думается, что здесь не случайна и «мерцающая» (Ю.М. Лотман) ассоциация с университетом, которая подключает рассматриваемый поэтический образ к ещё одному культурному контексту – университетской поэзии, в частности – к знаменитому средневековому студенческому гимну “*Gaudeamus*”. В нём, как известно, сплетены воедино мотивы

борения старости и юности: смерти, которая непременно поглотит каждого в назначенный ему срок, и юного упоения жизнью, её полнотой и цветущей яркостью. Эти мотивы восходят все к той же концептуальной метафоре *жизни как вечного борения*. Аллюзия на тему юности намечена уже во втором четверостишии, где одуванчик, как уже было сказано, сравнивается с Икаром, названным «пророком великим в юношеских шортах» [6, с. 130]. Такое сочетание архаичных («пророк великий» – образ, крепко связанный с идеей духовного служения как содержания жизни) и современных смыслов (студенческий, молодёжный стиль одежды) обозначает смысловой диапазон темы университета как средоточия идей *состязательности и взаимодействия* умудрённой зрелости (временами взыскующей покоя) и безрассудной юности, всегда устремлённой в иные пределы.

В заключительном четверостишии («О сколько радужных ассоциаций!.. / И – взглядом оторваться не могу / на мысленном зелёном берегу, / в восторге от берёзовых овалей...» [6, с. 130]) акцентируется полиассоциативность метафорической модели. При этом очевидно, что неожиданность сопряжения разнообразных культурных претекстов влечёт за собой создание оригинального и многосмысленного поэтического образа, каким и является мир стихотворения. Стихотворение «Одуванчик» сразу и надолго запечатлевается в памяти, приглашая к размышлению о жизни, трактуемой как вечное преодоление человеком себя, обстоятельств и даже смерти.

Рассмотрим в этом аспекте еще одно стихотворение В.Г. Руделёва «Полёт Золотой Стрекозы в саду Поэта». В его основе тоже лежит метафорическая модель *жизни*, элементы которой восходят, как и в первом случае, к прецедентным феноменам художественной культуры. Но здесь имеет место несколько иной набор элементов. Во-первых, это метафора жизни как свободного полёта творческого духа («Полёт Золотой Стрекозы...»); во-вторых, метафора жизни как искусства («Сад»), в-третьих, метафора жизни как несвободы («ад»/«тюрьма»), в-четвёртых, метафора жизни как очистительного и вдох-

новляющего уединения («спасительная Пустыня»).

Художественное пространство стихотворения структурируется здесь по аналогии с реальным миром: верх – низ, внутри – снаружи. Использование в первых двух строфах предлога «в» акцентирует идею «нахождения внутри», «помещенности в некое замкнутое пространство», а также «включённости в некую целостность/общность»:

Как мысль n-мерная Бартини
в потемках гнёта и свобод,
Её блистательный полет
в моей спасительной Пустыне...
Преобразованное в нить
Живое огненное сердце [6, с. 151].

Два последних стиха в только что процитированном фрагменте («Преобразованное в нить / Живое огненное сердце...») кодируют опасную возможность преобразования свободной беспредельности творческого духа – в нечто насильственно суженное, сведённое к одной линии – «к нити».

Закономерно, что в последних двух стихах второй строфы этот предлог «в» уже не используется: лирическая ситуация изменилась, перетекла в свободный полёт мысли и духа:

Глаза слепящая финифть.
Души стремительное скерцо.
Ультрамгновенность острых слов.
Зарницы ирреальных чисел.
И отблеск светлых юных снов.
И миражи любовных писем...

– мысль поэта здесь парит в пространстве творческой свободы, недоступном земным измерениям. И эта гармония воссоздаётся свободно льющимися короткими фразами, связываемыми повторяющимся союзом «и» – как знаком её (гармонии) неизменности, надмирности и вневременности.

Далее предлог «в» вновь «возвращается» в поэтический текст. Теперь это связано с тем, что уже заявленный ранее концепт *несвободы* конкретизируется здесь лексемой «шарашка», указывающей на печально знаменитое место заключения талантливых учёных и конструкторов в сталинскую эпоху. Нарисованный в предыдущих стихах многомерный мир творческой свободы вдруг сжи-

мается до линейности (до «нити»), оказывается всего лишь графическим изображением (чертежом). Идея неизменности вновь артикулируется повторяющимся союзом «и», но теперь это – неизменность земной обречённости:

Всё это было – в чертежах
Благого узника «Шарашки».
И – ни спасенья, ни поправки.
И до «бессмертья» – сущий шаг...

Предлог «до» перед лексемой «бессмертья» определяет положение участника ситуации – выдающегося инженера Роберто Бартини, которому посвящено стихотворение. Он находится в шаге от смерти, *перед лицом* смерти. Знаменательно графическое решение последнего стиха вышепротитированной строфы: слово «бессмертье» заключено в кавычки, как бы очертившие границы обозначаемого им. Но границы (*пределы!*) «бессмертья» – это оксюморон. И этот оксюморон выражает трагическую сущность времени/пространства, в котором выпало жить Бартини.

Словообразовательные и синтаксические элементы подчёркивают невозможность свободного полёта мысли в этом пространстве несвободы: от метафоры «Золотой Стрекозы» далее в тексте остаётся только аллюзия – притяжательное прилагательное «стрекозий», входящее как эпитет в странно звучащее словосочетание «самолёт стрекозий»: «...подари Стране и – мне (!) заветный самолёт стрекозий!» [6, с. 152].

Не менее существенным объектом поэтической рефлексии является здесь идея многомерности пространства/времени. Посвящение, которое, как и название стихотворения, является сильной позицией текста, звучит так: «Памяти Роберто Бартини (1897–1974), выдающегося инженера-самолётостроителя, гениального философа – создателя теории многомерного Пространства и Времени» [4, с. 151]. Тем самым авторское «Я» выражает себя через структуру «Я» – «Многомерность Пространства/Времени». С идеей многомерности ассоциируется многослойность внутреннего устройства поэтического текста. Стихотворение отчётливо членится на три эпизода. Субъектом первого и третьего является лирический герой (Поэт),

субъектная организация второго – сложнее. Он выстроен как драматический диалог между Бартини и Берией, стремящимся подчинить потребностям «момента» неисчерпаемый («п-мерный») гений учёного. Во втором эпизоде Бартини и Берия сначала трактуются как персонажи изображаемого автором мира (объекты). Но вместе с тем Бартини и Берия лирически выражают свое отношение к происходящему – как обычно и бывает в драматической ситуации. Ведь именно из их перспективы во втором эпизоде осуществляется концептуализация пространства-времени. Диалог Бартини и Берии базируется на интерпретирующей оппозиции «низ» – «верх». Координату субъектов оценки мира представляют даваемые ими оценочные характеристики, где «низ» – это «ад» («тюрьма»), но и «верх» («рай») тоже оказывается «тюрьмой», только несколько более комфортабельной. Вследствие этого рождается генерализующий образ несвободы как характеристики изображённого здесь мира – ключевой для второго эпизода стихотворения.

За что ж тогда мне наказание
и этот чуть смягчённый ад?» –

Позиция авторского «Я» является одним из самых значимых структурных элементов стихотворения [5, с. 222]. В стихотворении В.Г. Руделёва позиция авторского «Я», обозначающего также лексемой «Поэт», выявляется в соотношении с позициями других участников ситуации: Бартини и Берии.

Кроме того, уже в самом начале стихотворения, в сильной позиции текста, какой являются заглавие («Полёт Золотой Стрекозы в саду Поэта»), обозначается местоположение Поэта («сад») и обобщённо задаются пространственные координаты «сада», уже издревле осознанного как метафора искусства (творчества). У этого пространства («Сад») есть «верх» («мир горный»), на которой совершается «Полёт Золотой Стрекозы», но есть и низ («мир дольный»), на котором, тем не менее, прекрасные «розы» поют Поэту «гимны сладкие».

Лирический голос Поэта заявляет о себе личными и притяжательными местоимениями и указанием на собственное центральное положение относительно других изображаемых объектов:

«...в моей спасительной Пустыне...» [6, с. 151], «Я вновь в своём саду, где розы / мне гимны сладкие поют...» [6, с. 153].

Лирический герой не без основания именует себя Поэтом, а значит, творцом, демиургом – *деятелем*. Ведь это он созидает из отдельных впечатлений от некогда услышанных или увиденных «слов, чисел и снов» тот многомерный мир, который и является художественным миром стихотворения. При этом Полёт Золотой Стрекозы здесь есть метафора полета творческого духа, без которого невозможно никакое созидание.

Вместе с тем лирический герой здесь – и *созерцатель*, ибо он склонен уединяться, как пустынный, в своем саду и то наслаждаться певучей красотой роз, то расслабленно следить глазами за снующими «там и сям» стрекозами [6, с. 153].

Тем самым авторское «Я» выражает себя двойко – и как *деятель*, и *созерцатель* – и реализуется через структуры «Я» – «Поэт», «Я» – «Мир», «Я» – «Природа», «Я» – «Сад», «Я» – «Бартини» и др.

В связи с этим отметим особо силовое воздействие лирического героя-деятеля на трактовку его собственного пространства. Если в первом эпизоде стихотворения (1–3 строфы) оно наименовано в высоком стиле – словосочетанием «спасительная Пустыня», где лексема «Пустыня» написана с большой буквы [6, с. 151], то в третьем эпизоде это пространство обозначено просто лексемой «сад» (с маленькой буквы), без каких-либо эпитетов. Слово «стрекозы» уже написано не с прописной (как в заглавии), а со строчной буквы, и отношение лирического героя к называемому так образу явно изменилось: стрекозы теперь – лишь милая деталь летнего пейзажа, а не метафора высокого полёта творческого духа.

Во второй своей ипостаси лирический герой является *созерцателем*. Как таковой он бессилен перед «Миром Тьмы и Тины» [6, с. 153] – не случайно лексемы, обозначающие эти концепты, в третьем эпизоде пишутся с большой буквы, что подчеркивает их влияние. Векторы силового воздействия этого мира, хоть и минуют Поэта, скрывшегося в «спасительной Пустыне», но направлены на таких, как Бартини:

А Мир, как прежде, в Тьме и Тине,
гоняет простеньких коняг,
п-мерные мозги Бартини
и не поняв и не приняв...

Итак, избранный автором объект художественного осмысления определяет особую конфигурацию изображаемого пространства/времени, главной характеристикой которого становится замкнутость/закрытость. Лексическое заполнение пространственно-временного «каркаса» определяется потребностью в обозначении таких свойств изображаемого мира, которые сконцентрированы в концептуальных метафорах, выражающих представления о судьбах творческой личности в «мире дольнем» и «мире горнем», для чего используются лексемы: «ад» и «рай», «тюрьма» и «свобода», «тьма» и «свет», «сад» и «Пустыня», «стрекоза» и «самолёт»

и т. п. Позиция авторского «Я» в изображённом мире определяется его функциональной двойственностью – *деятеля и созерцателя* одновременно. Отсюда – двойственность точки зрения, с которой он рисует жизнь. Это и «спасительная Пустыня», чьи границы очерчены лишь «полётом Золотой Стрекозы», и адский застеночек, как и прежде, погрязший во «Тьме и Тине».

Проведённый анализ показывает, что поэтическая картина мира В.Г. Руделёва несёт в себе черты, характерные для общечеловеческих экзистенциальных представлений. Вместе с тем эти представления, будучи художественно претворёнными в концептуальных метафорических моделях, делают умопостижимым для читателя оригинальный образ мира, сотворённого сознанием поэта, и сообщают уникальность его идиостилю.

Список литературы

1. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2009.
2. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1988.
4. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics // Concept Structuring System. Cambridge; Massachusetts; London, 2000. Vol. 1.
5. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и её репрезентация в языке. Тамбов, 2010.
6. Руделёв В.Г. Полёт Золотой Стрекозы в саду Поэта. Тамбов, 2015.

References

1. Kuzmina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its Role in the Evolution of Poetic Language]. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Shelestyuk E.V. O lingvisticheskom issledovanii simvola (obzor literatury) [On the linguistic study of the symbol (literature review)]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija*, 1997, no. 4. (In Russian).
3. Lakoff D., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling of the Social Interaction]. Moscow, 1988. (In Russian).
4. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. In: *Concept Structuring System*. Cambridge, Massachusetts, London, 2000, vol. 1.
5. Maslova Z.N. *Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentatsiya v yazyke* [Poetic Picture of the World and its Representation in the Language]. Tambov, 2010. (In Russian).
6. Rudelev V.G. *Polet Zolotoy Strekozy v sadu Poeta* [Flight of the Golden Dragonfly in the Poet's Garden]. Tambov, 2015. (In Russian).

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, обобщение опыта исследователей, анализ художественного текста, анализ и обработка полученных результатов, написание, редактирование и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>

Поступила в редакцию 14.01.2020 г.

Поступила после рецензирования 16.03.2020 г.

Принята к публикации 20.03.2020 г.

Information about the author

Natalia L. Potanina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, scientific literature search and analysis, synthesis of researches experience, literary text analysis, obtained results analysis and processing, manuscript drafting, editing and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>

Received 14 January 2020

Reviewed 16 March 2020

Accepted for press 20 March 2020

В.Г. Руделёв и проблемы изучения традиционной народной культуры

Татьяна Владимировна МАХРАЧЁВА¹, Дина Николаевна ЛОСКУТОВА²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2291-6960>, e-mail: mahrachova@mail.ru

²ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва»

392525, Российская Федерация, Тамбовская обл., Тамбовский р-н, пос. Строитель, мкр. Центральный, 23

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-9226>, e-mail: losdina@yandex.ru

V.G. Rudelev and issues of the traditional folk culture study

Tatyana V. MAKHRACHEVA¹, Dina N. LOSKUTOVA²

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2291-6960>, e-mail: mahrachova@mail.ru

²Multidisciplinary College named after I.T. Karasev

23 Tsentralnyy microdistr., Stroitel settlement 392525, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-9226>, e-mail: losdina@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована научная концепция профессора В.Г. Руделёва, которая оказала влияние на формирование проблематики, связанной с изучением языка традиционной народной культуры в Тамбовском регионе, и получила дальнейшее развитие в исследованиях его учеников, составив значительную часть научного наследия Тамбовской лингвистической школы. В центре внимания авторов статьи находится развитие идей кандидатской диссертации В.Г. Руделёва, посвященной изучению и описанию этнографической лексики народного жилища на Рязанской земле (была опубликована в Рязани в 1995 г.). Доказано, что предложенный В.Г. Руделёвым комплексный подход к описанию лексического материала позволяет рассматривать материал не как разрозненные лексические факты, а как сложную систему, в которой все слова, относящиеся к лексическому составу каждого говора, оказываются одновременно и противопоставлены друг другу и взаимосвязаны друг с другом. Установлено, что диссертационное сочинение В.Г. Руделёва носило новаторский характер, не утратило своего методологического значения для современной науки и оказывается концептуально важным для изучения тамбовских говоров. Идеи В.Г. Руделёва представляют, по сути, новый этап в развитии региональной филологии, являются методологической базой для сбора, описания и интерпретации локальной традиции, что способствует успешной работе представителей Тамбовской научной школы в совместных программах на всероссийском уровне.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв; Тамбовская лингвистическая школа; традиционная народная культура; Тамбовский регион

Для цитирования: Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н. В.Г. Руделёв и проблемы изучения традиционной народной культуры // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 632-640. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-632-640

Abstract. The scientific concept of Professor V.G. Rudelev, which has influenced the formation of problematics connected with the study of traditional folk culture language in the region, and was further developed in the researches of his students, making up a significant part of the scientific heritage of the Tambov School of Linguistics, is analyzed. The main focus of the researchers is on the development of the ideas of V.G. Rudelev's Candidate's dissertation, devoted to the study

and description of the ethnographic vocabulary of the people's dwelling on the Ryazan land (published in Ryazan in 1995). V.G. Rudelev proposed a complex approach to the description of lexical material, which allows to consider the material not as isolated lexical facts, but as a complex system, in which all words related to the lexical composition of each patois are simultaneously opposed to each other and interconnected with each other. We establish that V.G. Rudelev's dissertation had an innovative character and has not lost its methodological significance for modern science and is conceptually important for the study of Tambov dialects. In fact, representing a new stage in the development of philology, the work of V.G. Rudelev became a methodological basis for the collection, description and interpretation of the local tradition and contributed to the successful work of the Tambov scientific school representatives in collaborative programs at the all-Russian level.

Keywords: V.G. Rudelev; Tambov Linguistic School; Traditional Folk Culture; Tambov region

For citation: Makhacheva T.V., Loskutova D.N. V.G. Rudelev i problemy izucheniya traditsionnoy narodnoy kul'tury [V.G. Rudelev and issues of the traditional folk culture study]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 632-640. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-632-640 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Язык в своих кладовых сохраняет бесценные сокровища, свидетельства минувших веков и даже тысячелетий. Конечно, воспользоваться этими богатствами нелегко: ключи от сокровищниц растеряны по разным сундукам-наукам: здесь и археология, и этнография, и устное народное творчество; но главное сосредоточие удивительных сведений об истории народа – язык, его литературная форма и диалекты, его словесные памятники разных жанров и эпох...

В.Г. Руделёв

На рубеже XX–XXI веков из общего числа исследований в отечественной филологии значительное количество приходится на те, которые в той или иной мере связаны с изучением и описанием традиционной народной культуры. Столь пристальное внимание к данному предмету обусловлено рядом причин, среди них выдвижение антропоцентрического метода как основополагающего для гуманитарных областей знания; местом, которое занимает эта проблема в современной научной парадигме, поскольку она позволяет изучить и осмыслить одну из архаичных форм (моделей) культуры, лучше понять сознание её носителя; не менее важным в этой связи оказывается и факт сохранения «уходящей культуры» в силу её аутентичного характера и уникальности языкового наследия (речь идёт о диалектной подсистеме национального языка) и др.

Но столь ярко проявившийся в исследованиях на рубеже веков научный интерес был сформирован и подготовлен ещё в 60-е гг. XX столетия. В России это направление прочно связано с именами Н.И. и С.М. Толстых, которые в середины прошлого века

приступили к разработке и обоснованию методологической основы для реконструкции всех граней (звеньев) этого культурного феномена. Но как это нередко бывает в науке, в то же время первые попытки предпринимаются и в провинции. Так, под руководством профессора В.И. Лыткина (литературный псевдоним – Илля Вась) в Рязанском пединституте начинает работать аспирант В.Г. Руделёв над темой с необычным названием «Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских рязанских говорах».

Диссертация В.Г. Руделёва [1] имела новаторский характер и не утратила своего методологического значения для современной науки. В работе были обозначены положения, которые сегодня являются научными постулатами для исследователей традиционной народной культуры и активно развиваются в трудах его учеников и учёных Тамбовской лингвистической школы.

В диссертационном сочинении В.Г. Руделёва проанализирован тип жилища, характерный для Рязанской области, подробно рассмотрена архитектура и планировка крестьянского дома, в географической проекции относительно исследованных населённых пунктов выявляется средневеликорусский и южнорусский типы жилища как на синхронном срезе, так и в исторической ретроспективе. Пристальное внимание к традиционной материальной культуре, к внеязыковому аспекту позволили В.Г. Руделёву проанализировать изменения в семантической структуре слов и осуществить коррект-

ный этимологический анализ лексики тематической группы «Жилища».

В традиционной культуре дом – не просто жилое строение. Жилище, тесно связанное с самим человеком и «окультуренным» им пространством, символически организовано; локус дома и прилегающих надворных построек, относящихся к освоенному пространству, вовлечён в различные обрядовые действия и наделён магическими функциями (см. подробнее [2, с. 3–4]). Приведём лишь некоторые иллюстрации из этнолингвистических материалов, собранных на территории Тамбовской области.

Согласно одному из распространённых поверий тамбовских крестьян, для облегчения предсмертной участи колдуна следовало поднимать несущую потолочную балку: *«Вот гварить: када эти колдуны умирають, пото... это, потолок открывають дажа, палку, чтоб поднять, и чтоб она умярла. Иначе она не умрёт, будить томиться, орат* (с. Воронцовка, Знаменский р-н, запись Д.Н. Лоскутовой, 2005 г.); *Ну это када, говорят, умирають, они никак дажа не умрут, и потолочину, говорят, выламивають, потолок.* [Что такое потолочина?] *Ну, какой, вот у избе потолок, например.* [Надо разломать весь потолок?] *Да не весь, а доску, наверно, выламивають. Эт я от старых людей так слышала.* [Если не выломать эту доску?] *Ну, трудно она, наверно... Иль, можа, там своей дочари перядасть, или комуи-то своим перядасть.* [Что она передаст?] *Ну, чё у ней есть: колдунство' своё. Да»* (с. Б. Дорога, Староюрьевский р-н, запись Н.Г. Раковской, Д.Н. Лоскутовой, 2006 г.).

Стоячий боковой брус дверного проёма, получивший в говорах номинацию *прито́лока* [1, с. 142], – локус магических обрядовых действий, направленных на избавление от грыжи: в прито́локу ввинчивали деревянные колышки, забивали гвозди из лошадиной подковы; как только ребёнок «перерастал» отметины, болезнь исчезала: *«Гляди чё, это я буравчиком кручу, такие палочки всё, как снавлю' это я так просто, дочк [В прито́локе тоже делаете?]. И прито́локе, да, да, да и во всех. Сколько это тут, какие далёкие приносят [детей лечить грыжу], а какие вот близкие, эти вот все,*

все, почти Ламки...» (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, запись Д.Н. Лоскутовой, 2003 г.); *А маленьких лячил, вот прям вот там родиться – месяц, а кричить, зеленью оправляйтся, а он поста'вя на порог и гвоздь из конского копыта' забье'ть, да <...>. Чем лошадей ку'ють, такими гвоздями, не то вот, что гвоздь какой. Там какой-т он из копыта', и всё – и грыжи не буд'я»* <...>. [Знахарь забивал гвоздь в соответствии с ростом ребёнка?] *А он вот стоит, например, вот рябёночик стоит, во, он яво прислонил, во, вот прям во, гвоздик и забье'ть. А как он перрасте'ть чудочика – и всё. А гвоздь тама, у прито́локе у няво забит гвоздь»* (с. Кужное, Мордовский р-н, запись Д.Н. Лоскутовой, 2005 г.).

Знаковые функции жилого пространства человека в календарных обрядах и обходах продуцирующего и апотропейного характера на тамбовском материале рассмотрены в работе Т.В. Махрачёвой [3]; способы защиты дома и надворных построек от природной стихии в тамбовской традиции описаны А.А. Чемерчевой [4, с. 13].

Концептуальным является подход, в соответствии с которым устанавливались связи при реконструкции истории слова с историей вещи, им обозначаемой, и шире – предполагалось изучение значительной группы слов, обслуживающих сферу жилища, в неразрывной связи с этнографическими данными конкретного типа постройки, а также с учётом исторических сведений, отражающих историю заселения Тамбовского края. Такой подход переводил исследование на качественно иной уровень и давал возможность проследить историю языка в единстве с историей народа, его носителя.

Другим важнейшим методологическим принципом, заложенным в кандидатской диссертации В.Г. Руделёва, следует признать комплексный подход к описанию лексического материала, который рассматривается не как разрозненные лексические факты, а как сложная система, в которой все слова, относящиеся к лексическому составу говора, оказываются одновременно и противопоставлены друг другу, и взаимосвязаны друг с другом. При этом за основу берётся тематический способ организации лексики, дающий возможность рассмотреть её во взаимодейст-

вии и взаимообусловленности, представить лексическую систему говора. В.Г. Руделёв не просто обратился к лексике и фразеологии, он воссоздал фрагмент действительности, связанный с жилищем и жилищно-хозяйственным строительством.

Особо следует отметить лексикографическую репрезентацию собранного материала. Для современных исследователей традиционной народной культуры словарь выступает одним из продуктивных жанров научных изысканий в этой области. Значительное место ему отведено и в трудах учеников и последователей В.Г. Руделёва, которые с учетом специфики своих тем не только активно применяли его, но и продолжали развивать концепцию учёного в этом [5–8].

Таким образом, кандидатская диссертация В.Г. Руделёва выходила далеко за пределы исключительно лингвистического взгляда на говоры, она представляла собой новый этап в развитии филологической науки и в разработке теоретических проблем описания русской языковой картины мира. В дальнейшем разработка актуальных вопросов диалектологии станет приоритетным в научной деятельности В.Г. Руделёва. На материале говоров будут сделаны фонологические открытия учёного, получившие развитие в кандидатской диссертации С.В. Пискуновой¹. Описанию грамматических особенностей говоров Тамбовской области с позиции динамической теории частей речи будут посвящены диссертационные исследования его учеников М.И. Ивановой, Л.Н. Клоковой, Л.С. Моисеевой и др.

Впоследствии научные интересы учеников, разрабатывающих проблематику традиционной духовной и материальной культуры, станут заметно шире, закономерно глубже. Важно и то, что все последующие исследования в этом направлении оказались выводимы из этой работы при всём их тематическом разнообразии (ср.: структура и терминология свадебного обряда, бытовая лексика

на примере тематической группы «Одежда», троицко-купальская обрядность, масленичный комплекс, народная метеорология, народная медицина), поскольку объединяющим для них оставался общий принцип анализа языковых данных. Закономерным поэтому можно считать выбор языкового материала – региональный (тамбовские говоры), с опорой на который выполнено большинство работ представителей Тамбовской лингвистической школы.

Постепенно формировалась и методика сбора диалектного материала, способы хранения значительных текстовых массивов, его описание. Будучи ученицей В.Г. Руделёва, долгие годы в этом направлении вела работу С.В. Пискунова, заложившая идеи своего учителя в научные изыскания своих учеников. Ключевой принцип научной работы был определён как фронтальный сбор диалектного материала (с разными типами бесед в естественной среде носителя языка), при котором последовательно, планомерно и кропотливо опрашивалась часть жителей, проживающих в одном селе, затем в сёлах, принадлежащих одному сельсовету, и в итоге – району. В 90-е гг. XX столетия при опросе уже фиксировались не отдельные слова или словосочетания, а записывались небольшие текстовые фрагменты. Поэтому в наши дни, хотя и с большой долей условности, можно говорить о том, что работа в этом русле невольно оказалась созвучна быстро развивающемуся направлению корпусной лингвистики.

В связи с этим нельзя не упомянуть об особом – ценностном – отношении В.Г. Руделёва к народной культуре, фольклору и личности носителя традиции, которое он всегда стремился передать своим ученикам. В его научных статьях, литературных и публицистических очерках нередко встречаются живые портретные зарисовки сельских жителей и фрагменты бесед с ними – воспоминания, которые очень дороги автору: «О, эти добрые, мудрые, терпеливые информаторы-бабушки!.. Они мужественно склоняли и спрягали, вспоминали редкие слова, пели, наряжались в понёвы и сарафаны. Были такие, которые помнили прошлый век, а говорили так необычно, что мы радость сдержатъ

¹ Полный список и выходные данные диссертационных работ, выполненных под руководством В.Г. Руделёва, а также проблематику исследований см. подробно: Вестник Тамбовского университета. Кафедра русского языка. 1994–2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. 181 с.; Светлой памяти В.Г. Руделёва // Неофилология. 2019. Т. 5. № 18. С. 113–117. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-113-117

не могли. Каждая такая «диалектная бабушка» достойна памятника в своём селе» [9, с. 3].

Но самое большое достояние учителя – это его ученики. Под руководством В.Г. Руделёва были подготовлены и прошли успешную защиту больше десятка диссертационных работ, посвящённых анализу лексики и реконструкции различных сегментов традиционной народной культуры Тамбовской области, а именно: терминология и структура крестьянского свадебного обряда Тамбовской области; способы представления этнокультурной информации; лексика одежды в соотношении лингвистического, фольклорно-поэтического и обрядового контекстов; обряд колядования как текст – структура, семантика, лексика, классификация колядок и овсеней; народная метеорологическая лексика и комплекс поверий, отражающих представления тамбовских крестьян о метеорологических явлениях; системная организация лексики народной медицины в говорах Тамбовской области и др. Методологической базой для этих исследований стали уже общетеоретические постулаты Тамбовской лингвистической школы об универсальности оппозитивного метода при анализе и описании языковых и культурных явлений, сущности герменевтического метода для интерпретации фактов традиционной духовной культуры, положение о слове как первоэлементе языка.

Методологические принципы изучения славянской традиционной культуры получают у В.Г. Руделёва логическое продолжение и развитие в цикле научных статей, посвящённых этимологическому анализу обрядовой лексики в контексте народного христианства и православной культуры славян: лексика народного календаря в её взаимосвязи с иконографией и бытовыми реалиями, традиционные головные уборы, обширный пласт лексики, связанный с представлениями о времени; вопросы, связанные с этимологической и семантической реконструкцией лексики на примере общерусской лексемы горько; система цветообозначений в языке и культуре и мн. др. Так, рассматривается отрицательная коннотация слова жёлтый, которая сохраняется и в современной русской языковой традиции [10]. Например, в лексике народной медицины, где жёлтый выступа-

ет в качестве мотивационного признака номинаций болезней с выраженной цветовой симптоматикой, например, желтухи различной этиологии: «**Жалтуха, прям выщана я тела, прям бываить от ней.** [Что значит «вощенная»?] Ну *жёлтая-жёлтая, как вот патсолнух цвятётъ, такая тела фся жёлтая бываить*» (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, Тамбовская обл., запись Д.Н. Лоскутовой, 2006 г.).

В соответствии с принципом этимологической магии при лечении используется предметный ряд с тождественной заболеваемости цветовой характеристикой: «*Жалтуха – эт адявались ва фсе жёлтая и ляжали, да. <...> Мг, ды адявались – платье жёлтая и платок жёлтай – и ляжали дня два-три. И она как-будта прыхадила*» (с. Мезинец, Староурьевский р-н, Тамбовская обл., запись Т.В. Махрачевой, Д.Н. Лоскутовой, 2006 г.); «*Жалтуха на них [на детей] напала <...> – пажалтели глаза, потом пойдётъ, тела будить жалтетъ. <...>. Она [знахарка] сварила мне малошнюю кашу пиённую. И гварить: “Прям придёшь и давай эта, им обеим кашу”. Я их, пришла, покормила <...> “А ищѣ”, – гварть, – “ты купи мядку”. <...>. И как они кашу этую паядятъ, я им по ложичку чуть мятку’ давала. Гляжу, стали бело’чки [белки глаз] белеть*» (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, Тамбовская обл., запись Д.Н. Лоскутовой, 2006 г.). Описание цветовой гаммы в народной медицине Тамбовской области нашло отражение в работах Д.Н. Лоскутовой [11, с. 132-140], преобладание синего и чёрного цветов в народных метеорологических представлениях тамбовских крестьян отмечено в работах А.А. Чемерчевой [4, с. 134-135].

Научное наследие В.Г. Руделёва органично вписывается в общую канву одной из дискуссионных и в современной науке проблем «язычество – христианство» [12; 13, с. 204; 14]. Предложенный В.Г. Руделёвым метод анализа языковых явлений, основанный на описании лингвистических механизмов в философско-гносеологической и культурно-исторической перспективе и нацеленный на реконструкцию первоначального замысла слова, текста и обряда, получил название этимолого-герменевтического/герменевтического. Герменевтическая реконст-

рукция как лингвистический метод была с успехом апробирована в рамках школы не только на материале обрядовой культуры, но и поэтических текстов. Так, в работе И.В. Подольской осуществлен герменевтический анализ творчества Е. Харланова, нацеленный на достаточное понимание, рефлексию и катарсис художественного пространства тамбовского поэта.

Герменевтический метод позволил В.Г. Руделёву выявить глубинную смысловую роль лексем с растительной семантикой и народных фитонимических представлений в создании символа Отечества в творчестве поэта А. Жигулина, а также лежит в основе новаторского прочтения величайшего памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» [15, с. 228-236]. При этом герменевтика понимается как «ономасиологическая этимология», предполагающая реконструкцию первичного смысла – в терминологии В.Г. Руделёва, «субстратного значения» [10], которое со временем утрачивается, стирается из памяти поколений.

Культурное и языковое переосмысление «затемнённого» значения древних символов, возникновение «вторичного» смысла получило в трактовке тамбовского учёного название «междометизация». По замыслу автора герменевтическая реконструкция была призвана восстановить первоначальное значение слова, текста, обряда славян на основе ассоциативно-паронимических связей слов и семантических оппозиций, текстовых противопоставлений, предполагающих системное описание фактов традиционной культуры и выявление их «информационной значимости» [16].

Удачную реализацию эта идея, на наш взгляд, получает в диссертационной работе А.А. Чемерчевой. Обратившись к народной метеорологии тамбовских крестьян, она выделила и проанализировала оппозиции *сухой – мокрый*, *тепло – холод*, *динамика – статичность*, *ясная погода – ненастье*, которые можно считать структурообразующими в метеорологических представлениях жителей Тамбовской области. При рассмотрении оппозиций приоритет был отдан таким, в которых оппози́ты были представлены богатыми

словообразовательными гнёздами. Оппози́тивный метод позволил выявить доминирующее противопоставление *сухой – мокрый*, представленное словообразовательными гнёздами с корнями: *сух/суш-* – *дожд-* (*ль-/лив-*). В соответствии с теоретико-информационной сущностью выбранной методики исследования оппозиция *тепло – холод* заняла второе место в общей иерархии. Данная оппозиция включает две троичные (для летнего и зимнего периодов) и представлена четырьмя словообразовательными гнёздами: *жара – тепло – холод – мороз*. Оппозиция «динамика–статичность» с дифференциальным признаком ‘движение’ представлена лексикой, относящейся к ветру и грозе (словообразовательные гнёзда с корнями: *тих-* и *ветер-, гроз-*). Оппозиция *ясно – пасмурно* строится на противопоставлении корней *ведр-* и *пасмурн-, ненаст-, туч-, облак-, син-, темн-* и др. [4, с. 120-135].

Методика герменевтической реконструкции была успешно апробирована В.Г. Руделёвым не только на материале обрядовой лексики, но и на обширном пласте фразеологических единиц, бытующих в том числе и в народной среде. Так, им предложена оригинальная трактовка фразеологизмов: *найти подкову* – к счастью; *ни два – ни полтора*; ни дна, ни покрышки; *чёртос два*; *раз на раз не приходится*; *делу – время, а потехе – час*; *ни чёрта не знает*; *очертя голову*; *ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*; *не так страшен Чёрт, как его малюют* [16, с. 13-14; 17].

В.Г. Руделёв с детства проявлял интерес к живой народной речи, культуре и традициям своей Родины, истории предков, национальному характеру. Все эти наблюдения и воспоминания легли в основу его литературных произведений и на долгие годы стали предметом его глубокого научного интереса. Сам же он относился к особому типу русской интеллигенции, верящему в уникальность культурного и цивилизационного пути русского народа, его самобытность, духовное возрождение и обретение нравственных ориентиров, которые невозможны без возрождения русского языка и ценностного восприятия русской культуры: «Всё проходит, а святыни народные остаются...» [16, с. 226].

Список литературы

1. Руделёв В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских рязанских говорах. Рязань: Ряз. обл. науч.-метод. центр нар. творчества, 1995. 221 с.
2. Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
3. Махрачёва Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. 230 с.
4. Чемерчева А.А. Народная метеорология: поверья, обряды и терминология: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 206 с.
5. Пискунова С.В., Махрачёва Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 281 с.
6. Махрачёва Т.В. Материалы к словарю хронимов Тамбовской области // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 113-139.
7. Махрачёва Т.В. К вопросу о создании словаря, посвящённого народному (сельскохозяйственному) календарю (на материале южнорусской диалектной зоны) // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Вып. 9 / науч. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 407-418.
8. Моисеева Л.С. Словарь диалектных глаголов Тамбовской области. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. 59 с.
9. Руделёв В.Г. Языка драгоценные россыпи // Комсомольское знамя. 1987. 4 дек.
10. Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Системные представления названий цвета в русском языке. От «чёрного» и «белого» до «зелёного» и «красного» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2012. № 2 (2). С. 66-68.
11. Лоскутова Д.Н. Функциональный аспект цвета в народной медицине Тамбовской области // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Дынин. Воронеж, 2009. Вып. 8. С. 132-140.
12. Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 306-316.
13. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. А.Л. Топоркова, З.Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004. 214 с.
14. Толстой Н.И. Язычество древних славян // Толстые Н.И. и С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 51-66.
15. Руделёв В.Г. «Песнь о полку Игореве» (1185 г.) – ярчайший памятник русского православного христианства в его древнейшем троическом обряде // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 7 (123). С. 228-236.
16. Руделёв В.Г. Рязанский окоём: избранные произведения. Рязань: Изд. Ситников, 2009. 247 с.
17. Руделёв В.Г. Найти подкову – к счастью // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. Вып. 1 (29). С. 104-108.

References

1. Rudelev V.G. *Leksika zhilishcha i zhilishchno-khozyaystvennogo stroitel'stva v yuzhnorusskikh ryazanskikh govorakh* [Vocabulary of Dwelling and Housing Construction in Some South Russian Ryazan Dialects]. Ryazan, Ryazanskiy oblastnoy nauchno-metodicheskiy tsentr narodnogo tvorchestva Publ., 1995, 221 p. (In Russian).
2. Bayburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [The Dwelling in the Rites and Representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 188 p. (In Russian).
3. Makhracheva T.V. *Narodnyy kalendar' Tambovskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt)* [Folk Calendar of the Tambov Region (Ethnolinguistic Aspect)]. Tambov, R.V. Pershin Publ., 2008, 230 p. (In Russian).
4. Chemercheva A.A. *Narodnaya meteorologiya: pover'ya, obryady i terminologiya: etnolingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Folk Meteorology: Beliefs, Rituals and Terminology: Ethnolinguistic Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2006, 206 p. (In Russian).
5. Piskunova S.V., Makhracheva T.V., Gubareva V.V. *Slovar' tambovskikh govorov (dukhovnaya i material'naya kul'tura)* [Dictionary of Tambov Dialects (Spiritual and Material Culture)]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2002, 281 p. (In Russian).

6. Makhracheva T.V. Materialy k slovaryu khrononimov Tambovskoy oblasti [Materials to the Dictionary of Chrononyms of the Tambov Region]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2008, no. 5, pp. 113-139. (In Russian).
7. Makhracheva T.V. K voprosu o sozdaniy slovarya, posvyashchennogo narodnomu (sel'skokhozyaystvennomu) kalendaryu (na materiale yuzhnorusskoy dialektnoy zony) [On the issue of creating a dictionary dedicated to the national (agricultural) calendar (based on the material of the South Russian dialect zone)]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i slovesnost'»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Slavic World: Spiritual Traditions and Literature”]. Tambov, Print-Servis Publ., 2019, issue 9, pp. 407-418. (In Russian).
8. Moiseyeva L.S. *Slovar' dialektnykh glagolov Tambovskoy oblasti* [Dictionary of Dialect Verbs of the Tambov Region]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 1998, 59 p. (In Russian).
9. Rudelev V.G. Yazyka dragotsennyye rossypi [Language's precious placers]. *Komsomol'skoye znamya – Komsomol Banner*, 1987, 4 December. (In Russian).
10. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. Sistemnyye predstavleniya nazvaniy tsveta v russkom yazyke. Ot «chernogo» i «belogo» do «zelenogo» i «krasnogo» [System representation of colors' names in the Russian language. From “black” and “white” to “green” and “red”]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskiye nauki» – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Series “Philological Sciences”*, 2012, no. 2 (2), pp. 66-68. (In Russian).
11. Loskutova D.N. Funktsional'nyy aspekt tsveta v narodnoy meditsine Tambovskoy oblasti [Functional aspect of color in folk medicine of the Tambov region]. *Etnografiya Tsentral'nogo Chernozem'ya Rossii* [Ethnography of the Central Black Earth Region of Russia]. Voronezh, 2009, vol. 8, pp. 132-140. (In Russian).
12. Zhivov V.M. Dvoeveriye i osoby kharakter russkoy kul'turnoy istorii [Double faith and the special character of Russian cultural history]. In: Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Researches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, pp. 306-316. (In Russian).
13. Levin I. *Dvoeveriye i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Double Faith and Folk Religion in Russia]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 214 p. (In Russian).
14. Tolstoy N.I. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. In: Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Questions of Theory]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 51-66. (In Russian).
15. Rudelev V.G. «Pesn' o polku Igoreve» (1185 g.) – yarchayshiy pamyatnik russkogo pravoslavnogo khris'tianstva v ego drevneyshem troicheskoy obryade [“Tale About Igor's Army” (1185) – brightest monument of Russian orthodox Christianity in its ancient trinity ceremony]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 7 (123), pp. 228-236. (In Russian).
16. Rudelev V.G. *Ryazanskiy okoyem: izbrannyye proizvedeniya* [Ryazan Okoem: Selected Works]. Ryazan, Sitnikov Publ., 2009, 247 p. (In Russian).
17. Rudelev V.G. Nayti podkovu – k schast'yu [Finding a horseshoe brings luck]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2003, no. 1 (29), pp. 104-108. (In Russian).

Информация об авторах

Махрacheва Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mahrachova@mail.ru

Вклад в статью: идея и общая концепция статьи, поиск и анализ научной литературы, написание части текста, редактирование и оформление статьи, обобщение опыта исследователей.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2291-6960>

Information about the authors

Tatyana V. Makhracheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mahrachova@mail.ru

Contribution: idea and main study conception, scientific literature search and analysis, part of text drafting, manuscript editing and design, synthesis of researchers experience.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2291-6960>

Лоскутова Дина Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделением. Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва, п. Строитель, Тамбовский район, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: losdina@yandex.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, работа с литературными источниками, обобщение опыта исследователя, написание части текста, редактирование.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-9226>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Махрачёва Татьяна Владимировна
E-mail: mahrachova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.01.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.03.2020 г.
Принята к публикации 20.03.2020 г.

Dina N. Loskutova, Candidate of Philology, Department Head. Multidisciplinary College named after I.T. Karasev, Stroitel settlement, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: losdina@yandex.ru

Contribution: literature search and analysis, work with literature references, synthesis of researcher experience, part of text drafting, editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-9226>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Tatyana V. Makhacheva
E-mail: mahrachova@mail.ru

Received 14 January 2020
Reviewed 16 March 2020
Accepted for press 20 March 2020

